

ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА. VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Том 21 № 4. 2024. Валовый номер: 98.

16+

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по филологическим наукам

Целью научного журнала является освещение результатов научных исследований преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и соискателей ученых степеней доктора и кандидата наук, российских и зарубежных ученых в области биологических, физических и филологических наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 5, кабинет 1

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Северо-Восточный федеральный университет

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс Округ» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

© Северо-Восточный федеральный университет, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. Н. Николаев*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Заместитель главного редактора: *Т. Н. Пермякова*, к. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Ответственный секретарь: *М. В. Куличкина*, СВФУ, Якутск, Россия.

Члены редакционной коллегии:

Филологические науки:

А. Е. Агманова, д. филол. н., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан;
А. Н. Варламов, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Л. С. Дампилова*, д. филол. н.,
ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, Россия; *Е. Н. Дмитриева*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия;
Н. И. Иванова, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Е. А. Иваньшина*, д. филол. н.,
Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия; *В. В. Красных*,
д. филол. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. В. Малышева*, к. филол. н., СВФУ, Якутск,
Россия; *В. Ю. Михальченко*, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., ИЯЛИ Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия;
Мнош Кизитус Н., PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. А. Петров*, д. филол. н., РГПУ
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., Бурятский государственный
университет, Улан-Удэ, Россия; *Л. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., НИИ Кулаковского СВФУ,
Якутск, Россия; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Е. Э. Хабунова*, д. филол. н.,
ИКФВ КалмГУ, Элиста, Россия; *Л. М. Хусаинова*, д. филол. н., Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия.

Физические науки:

С. В. Алексеенко, д. ф.-м. н., Институт теплофизики СО РАН, Новосибирск, Россия; *С. В. Дмитриев*,
д. ф.-м. н., Уфимский ФИЦ РАН, Уфа, Россия; *Д. Г. Квашинин*, д. ф.-м. н., Институт биохимической
физики им. Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия; *Кол Гай Р.*, PhD, Университет Бэртуга, Республика
Камерун; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *Л. Т. Ксенофонтов*, д. ф.-м. н.,
ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *А. А. Лагутин*, д. ф.-м. н., Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия;
С. Н. Мамаева, к. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. В. Мишин*, д. ф.-м. н., ИСЗФ СО РАН, Иркутск,
Россия; *Н. Г. Мусакаев*, д. ф.-м. н., Тюменский филиал ИТПМ СО РАН, Тюмень, Россия;
Б. Я. Наркевич, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Д. В. Николаев*, к. ф.-м. н.,
СВФУ, Якутск, Россия; *Д. А. Розаткин*, д. т. н., ГБУЗ МО МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, Москва,
Россия; *И. И. Рожин*, д. т. н., ИПНГ СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В.
Ломоносова, Москва, Россия; *Н. А. Саввинова*, д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *А. С. Самардак*,
д. ф.-м. н., Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия; *А. С. Семенов*,
д. ф.-м. н., СВФУ, Мирный, Россия; *А. Е. Степанов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия;
Д. А. Таюрский, д. ф.-м. н., Казанский федеральный университет, Казань, Россия; *Ай. М. Тимофеев*,
д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Ан. М. Тимофеев*, д. т. н., ИФТПС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Якутск,
Россия; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия.

Биологические науки:

А. И. Ануфриев, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. В. Артемьев*, д. б. н., Карельский научный
центр РАН, Петрозаводск, Россия; *Л. Г. Варпанетов*, д. б. н., ИСиЭЖ СО РАН, Новосибирск,
Россия; *В. В. Величенко*, д. б. н., НИИПЭС СВФУ, Якутск, Россия; *Ву Сок Хванг*, PhD, Фонд
биотехнологических исследований Soaam, Южная Корея; *Н. И. Гермогенов*, д. б. н., ИБПК СО РАН,
Якутск, Россия; *Н. С. Данилова*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Т. В. Денисова*,
д. б. н., Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; *Э. Н. Елаев*, д. б. н., Бурятский
государственный университет, Улан-Удэ, Россия; *А. Н. Журавская*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск,
Россия; *Ал. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН,
Якутск, Россия; *М. М. Ишмуратова*, д. б. н., Башкирский государственный университет, Уфа, Россия;
В. Е. Колодезников, к. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им.
Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Г. В. Максимов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Миссон Алан Д., PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *И. И. Мордосов*,
д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва,
Россия; *Е. Г. Николин*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В.
Ломоносова, Москва, Россия; *Санг-Ву Ким*, PhD, Пусанский национальный университет, Южная
Корея; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия;
Тозе Флавиян А., PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им.
М.В. Ломоносова, Россия; *М. М. Черосов*, д. б. н., ЯНИИСХ ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия.

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Vol. 21 No. 4. 2024. Gross number: 98.

Academic periodical

Published since 2004

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M.K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on Philological Studies

The aim of the scientific journal is to highlight the results of scientific research of university professors, employees, doctoral students, post-graduate students, undergraduates and applicants for doctoral and Ph.D. degrees, as well as Russian and foreign scientists in the fields of biological, physical, philological sciences.

The periodical is included into the system of Russian Index of Science Citation (RISC)

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 1 office, 5 Petrovskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677027

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Subscription index in the “Ural-Press Okrug” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

© North-Eastern Federal University, 2024

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Dr. Sci. (Biology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Deputy Chief Editor: *T. N. Permyakova*, Cand. Sci. (Philology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Executive Editor: *M. V. Kulichkina*, NEFU, Yakutsk, Russia.

Philological sciences:

A. E. Agmanova, Dr. S. in Philol., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *A. N. Varlamov*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. S. Dampilova*, Dr. S. in Philol., IMBTS SB RAS, Ulan-Ude, Russia; *E. N. Dmitrieva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *N. I. Ivanova*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *E. A. Ivanshina*, Dr. S. in Philol., Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia; *V. V. Krasnykh*, Dr. S. in Philol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. V. Malysheva*, Cand. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. Yu. Mikhailchenko*, Dr. S. in Philol., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia; *L. Kh. Mukhametzyanova*, Dr. S. in Philol., ILLA of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; *K. N. Mpoche*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. A. Petrov*, Dr. S. in Philol., Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia; *L. D. Radnaeva*, Dr. S. in Philol., Buryat State University, Ulan-Ude, Russia; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. S. in Philol., Institute of A. E. Kulakovskiy NEFU, Yakutsk, Russia; *G. G. Philippov*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *E. E. Khabunova*, Dr. S. in Philol., Institute of Kalmyk Philology and Eastern Studies B.B. Gorodovikov KSU, Elista, Russia; *L. M. Khusainova*, Dr. S. in Philol., M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia.

Physical sciences:

S.V. Alekseenko, Dr. S. in Phys. & Math., IT SB RAS, Novosibirsk, Russia; *S.V. Dmitriev*, Dr. S. in Phys. & Math., UFRS RAS, Ufa, Russia; *D.G. Kvashnin*, Dr. S. in Phys. & Math., N.M. Emanuel IBCP RAS, Moscow, Russia; *G. R. Kol*, PhD, University of Bertoua, Bertoua, Cameroon; *G. F. Krymskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. T. Ksenofontov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. A. Lagutin*, Dr. S. in Phys. & Math., Altai State University, Barnaul, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *S. N. Mamaeva*, Cand. Sc. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. V. Mishin*, Dr. S. in Phys. & Math., ISTP SB RAS, Irkutsk, Russia; *N. G. Musakaev*, Dr. S. in Phys. & Math., TumD of ITAM SB RAS, Tumen, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *D. V. Nikolaev*, Cand. S. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *D. A. Rogatkin*, Dr. S. in Tech., M.F. Vladimirovskiy MRRCI, Moscow, Russia; *I. I. Rozhin*, Dr. S. in Tech., IOGP SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. A. Savvinova*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *A. S. Samardak*, Dr. S. in Phys. & Math., Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia; *A. S. Semenov*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Mirny, Russia; *A. E. Stepanov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *D. A. Taiurskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., Kazan Federal University, Kazan, Russia; *Ai. M. Timofeev*, Dr. S. in Phys. & Math., IPT NEFU, Yakutsk, Russia; *An. M. Timofeev*, Dr. S. in Tech., IPTPN SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia.

Biological sciences:

A. I. Anufriev, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. V. Artemyev*, Dr. S. in Biol., KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia; *L. G. Vartapetov*, Dr. S. in Biol., ISEA SB RAS, Novosibirsk, Russia; *V. V. Velichenko*, Dr. S. in Biol., IAEN NEFU, Yakutsk, Russia; *Woo-Suk Hwang*, PhD, SOOAM Biotech Research Foundation, Seoul, Republic of Korea; *N. I. Germogenov*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *N. S. Danilova*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *T. V. Denisova*, Dr. S. in Biol., SFU, Rostov-on-Don, Russia; *E. N. Elaev*, Dr. S. in Biol., Buryat State University, Ulan-Ude, Russia; *A. N. Zhuravskaya*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Al. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Ark. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *M. M. Ishmuratova*, Dr. S. in Biol., Bashkir State University, Ufa, Russia; *V. E. Kolodeznikov*, Cand. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *G. V. Maksimov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *A. D. Missoup*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *I. I. Mordosov*, Dr. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *E. G. Nikolin*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *Sang-Woo Kim*, PhD, Busan National University, Busan, Republic of Korea; *A. N. Tikhonov*, Cand. S. in Biol., Zoological Institute of the RAS, Saint-Petersburg, Russia; *F. A. Toze*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *M. M. Cherosov*, Dr. S. in Biol., YSRIA YSC SB RAS, Yakutsk, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мамаева С. Н., Фронтасьева М. В., Петрова К. А., Колодезников В. Е., Игнатьева Г. А.,
Захаров Е. С., Кононов В. Н. Оценка ареала выпадения тяжелых металлов и радионуклидов на
окружающую среду полигона бытовых отходов на 9-м км Вилуйского тракта в г. Якутске..... 7
Монахов В. Г., Горохов А. Н., Величенко В. В., Данилов В. А. Анализ биоразнообразия
млекопитающих долины верхнего течения реки Индигирки..... 22
Новгородов Г. П., Тихонов А. Н. Новые данные по местонахождениям мамонтовой фауны в среднем
течении р. Яна (Северо-Восток Якутии)..... 34

ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ

Z. Ambassa, R. Medjo Eko, Safonova M. N., Fedotov A. A., Ammosova N. E. Numerical analysis
of flexible airfield pavements behaviour submitted by large aircraft: influence of the position and
configuration of the landing gear..... 45
Реев В. Г. Анализ внедрения тепловой насосной установки в схему Якутской ТЭЦ..... 56
Тимофеев В. Б., Тимофеева Т. Е. Униполярная индукция и относительное вращение..... 65
Шарапова Ю. Р., Казаков А. М., Семёнова М. Н., Рахматуллина Ж. Г. Тимербаев Д. Р., Корзникова Е. А.
Динамика 2-краудиона и перенос энергии в вольфраме: атомистическое моделирование..... 73

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Банкова Л. Л. О структуре концепта «число» (на материале китайского языка)..... 81
Борисова Н. М., Надькин В. Б. Гемеронимы якутской периодической печати как ономастические
реалии (1930-е, 1960-е, 1990-е гг.)..... 91
Gasparyan L. A. Cultural Transfer Through Mediated Translation (with special reference
to Children’s Literature)..... 106
Гладкая И. С., Пелипась Н. И. Инскрипты на украинском языке в личной библиотеке
профессора А. И. Губаря..... 116
Дедина М. С. Мифологизация пространства и времени в современной алтайской литературе..... 128
Ефремова Е. М. К вопросам изучения архивных фондов якутских писателей: проблемы
реконструкции и комментирования (на материале архивного фонда И. Д. Винокурова–Чабылзана)..... 139
Машкова Е. Е., Меджитова Э. С. Оборона Севастополя в художественном осмыслении
Л. Н. Толстого и его современников..... 148
Никаева Т. М., Печетова Н. Ю. Антропоонимы Республики Саха (Якутия)..... 159
Окорокова В. Б. Аспекты изучения художественного наследия Т. Сметанина..... 171
Папшева Г. О., Голубцова Н. В., Матвеева О. Н. «Сожженный луной тополек»: дендронимы
с негативными коннотациями в лирике А. А. Ахматовой..... 179
Руфова Е. С., Матаннанова А. А. Презентационная специфика глуттонической коммуникации в
японских кулинарных аниме..... 191
Султанова Э. А. Языковые средства выражения иронии как эстетической категории комического
в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина..... 201

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

Сидоров О. Г. К 90-летию Олега Дмитриевича Якимова..... 211
Окорокова В. Б. Протодьяконов Василий Никитич (к 90-летию со дня рождения)..... 218

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

<i>Mamaeva S. N., Frontasyeva M. V., Petrova K. A., Kolodeznikov V. E., Ignatyeva G. A., Zakharov E. S., Kononov V. N.</i> Estimation of heavy metals and radionuclides deposition area on the environment of the domestic waste landfill on the 9th km of Vilyuisky tract in Yakutsk.....	7
<i>Monakhov V. G., Gorokhov A. N., Velichenko V. V., Danilov V. A.</i> Biodiversity analysis of mammals in the upper Indigirka River valley.....	22
<i>Novgorodov G. P., Tikhonov A. N.</i> New data on the locations of mammoth fauna in the middle reaches of the Yana River (northeast Yakutia).....	34

PHYSICAL SCIENCES

<i>З. Амбасса, Р. Меджо Эко, Сафонова М. Н., Федотов А. А., Аммосова Н. Е.</i> Численный анализ поведения гибких аэродромных покрытий при воздействии крупногабаритных воздушных судов: влияние положения и конфигурации шасси.....	45
<i>Reev V. G.</i> Analysis of the implementation of a heat pump unit into the Yakutsk combined heat and power plant (CHP) scheme.....	56
<i>Timofeev V. B., Timofeeva T. E.</i> Unipolar induction and relative rotation.....	65
<i>Sharapova Yu. R., Kazakov A. M., Semyonova M. N., Rahmatullina Zh. G., Timerbaev D. R., Korznikova E. A.</i> Dynamics of 2-crowdion and energy transfer in tungsten: atomistic modeling.....	73

PHILOLOGICAL STUDIES

<i>Bankova L. L.</i> On the Structure of “Numeral” Concept (as Exemplified by Chinese Language).....	81
<i>Borisova N. M., Nadkin V. B.</i> Hemeronyms of the Yakut periodical press as onomastic realities (1930s, 1960s, 1990s).....	91
<i>Гаспарян Л. А.</i> Культурный трансфер через парадигму текста посредника (на материале детской литературы).....	106
<i>Gladkaya I. S., Pelipas N. I.</i> The inscriptions in the Ukrainian language in the private library of Professor A. I. Gubar.....	116
<i>Dedina M. S.</i> Mythologization of space and time in modern Altai literature.....	128
<i>Efremova E. M.</i> On the question of studying the archival funds of Yakut writers: problems of reconstruction and commenting (based on the archival fund of I. D. Vinokurov-Chagylgan).....	139
<i>Mashkova E. E., Medzhitova E. S.</i> Defense of Sevastopol in the literary interpretation of L. N. Tolstoy and his contemporaries.....	148
<i>Nikaeva T. M., Pechetova N. Yu.</i> Anthroponyms of the Republic of Sakha (Yakutia).....	159
<i>Okorokova V. B.</i> Aspects of studying T. Smetanin’s creative heritage.....	171
<i>Papsheva G. O., Golubtsova N. V., Matveeva O. N.</i> “Little poplar burned by the moon”: dendronyms with negative connotations in the lyrics of Anna Akhmatova.....	179
<i>Rufova E. S., Matannanova A. A.</i> Presentation specificity of gluttonic communication in Japanese culinary anime.....	191
<i>Sultanova E. A.</i> Linguistic means of expressing irony as an aesthetic category of the comic in the idiostyle of M.E. Saltykov-Shchedrin.....	201

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

<i>Sidorov O. G.</i> To the 90 th anniversary of Oleg Dmitrievich Yakimov.....	211
<i>Okorokova V. B.</i> Vasily Nikitich Protodyakonov (to 90 th anniversary of the birth).....	218

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 57.04

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-7-21

Оценка ареала выпадения тяжелых металлов и радионуклидов на окружающую среду полигона бытовых отходов на 9-м км Вилюйского тракта в г. Якутске

С. Н. Мамаева¹ ✉, М. В. Фронтасьева², К. А. Петрова¹, В. Е. Колодезников¹,
Г. А. Игнатьева¹, Е. С. Захаров¹, В. Н. Кононов¹

¹Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

²Объединенный институт ядерных исследований, г. Дубна, Россия

✉ sargylana_mamaeva@mail.ru

Аннотация. Впервые метод мхов-биоиндикаторов был использован для оценки ареала выпадений тяжелых металлов и других следовых элементов (Al, Ba, Cd, Co, Cr, Cu, Fe, Mn, Ni, P, Pb, S, Sr, Sb, V, Zn и Hg) на территории, окружающей полигон бытовых (коммунальных) отходов на 9-м км Вилюйского тракта в г. Якутска в радиусе 150 км, с использованием метода оптической эмиссионной спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой. Одновременно с этим был проведен анализ мхов, лишайника и почвы на содержание радионуклидов (^{40}K , ^{137}Cs , ^{212}Pb , ^{214}Pb , ^{212}Bi , ^{214}Bi , ^{208}Tl , ^7Be , ^{228}Ac) в ряде отобранных проб методом полупроводниковой гамма-спектрометрии. Результаты исследования образцов мха методом оптической эмиссионной спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой свидетельствуют о наличии на свалке большого количества токсичного бумажного (Ba) и металлического мусора (Al, Co, Cr, Fe, S, Pb). Кроме того, показано, что в исследуемых образцах обнаружены такие элементы, как: Cd, Co, Cr, Cu, Mn, Ni, Pb, Sr, V, Zn, Hg. Методом гамма-спектрометрии было выявлено, что в исследуемых образцах присутствуют радиоактивные элементы, такие как цезий ^{137}Cs , дочерние продукты урана ^{238}U и тория ^{232}Th . Обнаружение одинаковых тяжелых металлов и радионуклидов в атмосферной среде и почве города (данные из научно-технического отчета «Происхождение и состав пыли на территории МО г. Якутск»), а также в растительности, почве вблизи полигона (данные, представленные в настоящей работе) может указывать на то, что одним из источников загрязнения среды могут выступать продукты горения содержимого свалки на 9-м км Вилюйского тракта.

Ключевые слова: полигон бытовых отходов, мхи-биоиндикаторы, тяжелые металлы, радионуклиды, оптическая эмиссионная спектрометрия, гамма спектрометрия, дискриптивная статистика, экология, г. Якутск, Республика Саха (Якутия).

Для цитирования: Мамаева С. Н., Фронтасьева М. В., Петрова К. А., Колодезников В. Е., Игнатьева Г. А., Захаров Е. С., Кононов В. Н. Оценка ареала выпадения тяжелых металлов и радионуклидов на окружающую среду полигона бытовых отходов на 9-м км Вилюйского тракта в г. Якутске. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 7–21. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-7-21

Estimation of heavy metals and radionuclides deposition area on the environment of the domestic waste landfill on the 9th km of Vilyuisky tract in Yakutsk

S. N. Mamaeva¹ ✉, M. V. Frontasyeva², K. A. Petrova¹, V. E. Kolodeznikov¹,
G. A. Ignatyeva¹, E. S. Zakharov¹, V. N. Kononov¹

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

²Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Russia

✉ sargylana_mamaeva@mail.ru

Abstract. The moss-biomonitor method was used for the first time to estimate the areal of precipitation extent of heavy metals and other trace elements (Al, Ba, Cd, Co, Cr, Cu, Fe, Mn, Ni, P, Pb, S, Sr, Sb, V, Zn and Hg) in the territory surrounding the landfill of domestic (communal) waste on the 9th km of the Vilyuisky tract in Yakutsk within a radius of 150 km, using the method of optical emission spectrometry with inductively coupled plasma. At the same time, mosses, lichens and soil were analysed for the content of radionuclides (⁴⁰K, ¹³⁷Cs, ²¹²Pb, ²¹⁴Pb, ²¹²Bi, ²¹⁴Bi, ²⁰⁸Tl, ⁷Be, ²²⁸Ac) in a number of samples taken by semiconductor gamma spectrometry. The results of the study of moss samples by optical emission spectrometry with inductively coupled plasma indicate the presence of a large amount of toxic paper (Ba) and metal debris (Al, Co, Cr, Fe, S, Pb) in the landfill. In addition, it was shown that the following elements were found in the studied samples: Cd, Co, Cr, Cu, Mn, Ni, Pb, Sr, V, Zn, Hg. Gamma-ray spectrometry revealed that radioactive elements such as caesium ¹³⁷Cs, daughter products of uranium ²³⁸U and thorium ²³²Th are present in the studied samples. Detection of the same heavy metals and radionuclides in the atmospheric environment and town soil (data from the scientific and technical report “Origin and composition of dust on the territory of the Municipal Entity of Yakutsk”), as well as in vegetation and soil near the landfill (data presented in this paper) may indicate that one of the sources of environmental contamination may be the products of combustion resulting of the landfill contents at the 9th km of the Vilyuisky tract.

Keywords: domestic wastes landfill, biomonitor moss, heavy metals, radionuclides, optical emission spectrometry, gamma spectrometry, descriptive statistics, ecology, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia).

For citation: Mamaeva S. N., Frontasyeva M. V., Petrova K. A., Kolodeznikov V. E., Ignatyeva G. A., Zakharov E. S., Kononov V. N. Estimation of heavy metals and radionuclides deposition area on the environment of the domestic waste landfill on the 9th km of Vilyuisky tract in Yakutsk. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 7–21. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-7-21

Введение

Одним из важнейших аспектов в решении задач охраны окружающей среды и здоровья человека является контроль качества атмосферного воздуха. К наиболее опасным загрязнителям окружающей среды относятся тяжелые металлы (ТМ) и радионуклиды. В большинстве европейских стран потребность в изучении последствий их воздействия на окружающую среду и здоровье человека привела к созданию национальных и международных программ по биомониторингу атмосферных выпадений тяжелых металлов. Данные об атмосферных выпадениях ТМ и других токсичных элементов, а также радионуклидов собираются на основе анализа мхов-биомониторов, служащих аналогом аэрозольных фильтров [1].

Впервые метод биомониторинга со мхами был применен для оценки ареала воздействия полигона твердых бытовых (коммунальных) отходов (ТКО) на примере ТКО на 9-м км Вилуйского тракта в столице Республики Саха (Якутия) г. Якутске (рис. 1). Острой проблемой для города и его жителей является неудовлетворительное экологическое состояние, так как на его территории расположены жилищно-коммунальные, топливно-энергетические предприятия [2]. По данным [3], уровень загрязнения

атмосферного воздуха в г. Якутске оценивается как повышенный более чем в два раза. Приоритетными загрязняющими веществами атмосферного воздуха являются взвешенные вещества, оксид углерода, диоксид азота, бенз(а)прирен, диоксид серы [4].

В целом территория республики характеризуется существенными ограничениями для возможного размещения природоохранных объектов в сфере обращения с ТКО, такими как: вечная мерзлота, особо охраняемые природные территории (ООПТ), а также отсутствие расширенной сети автомобильных дорог. В рамках федеральной программы «Чистая страна» действующий полигон на 9-м км подлежит рекультивации после ввода в эксплуатацию нового полигона ТКО. По итогам проведенной проверки в декабре 2022 г. было установлено, что эта свалка переполнена, продолжает незаконно действовать, на ней размещаются запрещенные отходы, которые горят даже зимой, выделяя отравляющие вещества [5].

С законодательной точки зрения ТКО – это отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления, а также товары, которые утратили свои потребительские свойства в процессе их использования. К твердым коммунальным отходам также относятся отходы, образующиеся в процессе деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, аналогичные по составу образующимся в жилых помещениях. Региональными операторами от населения вывозятся пищевые отходы и упаковки продуктов (стеклянная, деревянная, полимерная и т. п.), пакеты и смет из жилища, домашние растения и крупногабаритные отходы. К последним относятся пришедшие в негодность мебель, мелкая и крупная бытовая техника, электрические приборы за исключением ртутьсодержащих ламп [5].

В перечень видов принимаемых отходов на полигоне ТБК на 9-м км Вилюйского тракта, кроме бытовых, также входят лом различных металлов, отработанных ртутьсодержащих приборов (лампы, термометры, реле), картон и бумага, шины, покрышки, стеклянная тара, упаковка и пленка из полистирола, полиэтилена, полипропилена [6].

В ходе проверки было выявлено переполнение полигона отходами, которые продолжают накапливаться, что существенно превышает проектную вместимость полигона [6]. Немаловажной проблемой является и то, что в Якутске отсутствует отдельный сбор твердых бытовых отходов. Это приводит к особо негативным последствиям, так как при смешивании, например, бумаги, целлюлозы, тканей с пищевыми отходами, просроченными лекарствами, ртутьсодержащими изделиями, ядохимикатами и так далее образуются химические реакции с выделением различных опасных веществ, в том числе метана, аммиака, цианидов, соединений хлора и солей высокотоксичных тяжелых металлов (Cu, Pb, Sn, Zn, Co, Cd, Mo, Ni, Hg, Bi и Sb).

Опробованная методика биомониторинга со мхами позволила определить уровень атмосферных выпадений тяжелых металлов и других токсичных элементов, а также радионуклидов в зоне радиусом ~150 км и оценить их вклад в воздействие полигона на окружающую среду изучаемого региона.

Объекты и методы исследования

В качестве объектов исследования были выбраны два вида мха: *Hylocomium splendens*, *Pleurozium Schreberi* и *Brachythecium salebrosum*, а также лишайники и почва.

Площадки пробоотбора были выбраны на 10-м, 27-м, 30-м, 51-м км по Вилюйскому тракту от г. Якутска. Следует отметить, что площадка на 27-м км – это площадь размещения нового полигона. На рис. 1 приведен общий вид свалки, которая находится на 9-м км. На рис. 2 представлена карта мест пробоотбора мхов-биомониторов, лишайников и почвы вдоль Вилюйского тракта.

Пробоотбор мхов-биомониторов (*Hylocomium splendens*, *Pleurozium Schreberi* и *Brachythecium salebrosum*) проводили в соответствии с методикой UNECE ICP Vegetation [7]. Для определения элементного состава атмосферных выпадений отбирали зеленые и зелено-коричневые сегменты мхов, соответствующие трехлетнему приросту.



Рис. 1. Общий вид свалки, на котором отмечена начальная точка пробоотбора (10)
Fig. 1. General view of the landfill, where the initial sampling point is marked (10)

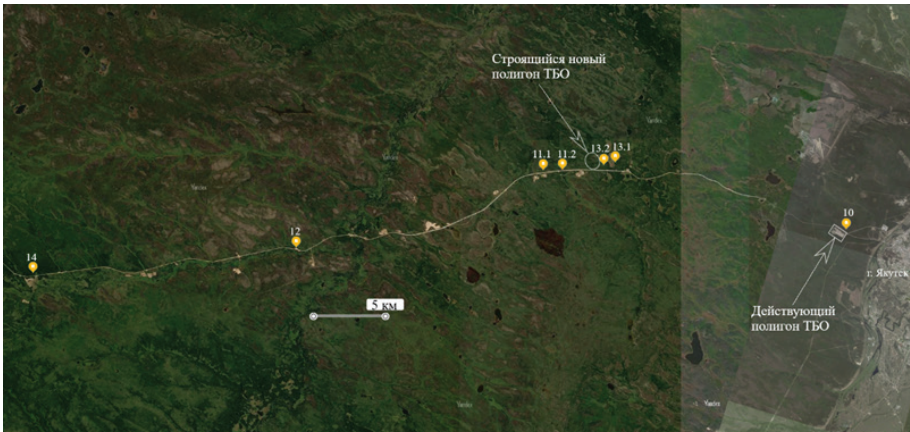


Рис. 2. Карта пробоотбора мхов-биомониторов и почв вдоль Вилуйского тракта
Fig. 2. Sampling map of moss biomonitors and soils along the Vilyuysky Tract



Hylocomium splendens



Pleurozium shreberi



Brachythecium salebrosum

Рис. 3. Виды мхов-биомониторов, произрастающих в районе пробоотбора
Fig. 3. Species of moss biomonitors growing in the sampling area



Рис. 4. Четыре годовых сегмента (прироста), которые используются в элементном анализе
Fig. 4. The four annual segments (increases) that are used in the elemental analysis

Мох тщательно очищали от постороннего мусора и остатков почвы. Очищенные образцы измельчали с помощью шаровой мельницы с агатовыми стаканами (планетарной мономельницы PULVERISETTE 6 classic line фирмы Fritsch), затем полученный материал сушился при температуре 40 °С до постоянной массы.

Определение элементного состава

Определение элементного состава образцов мхов проводили в лаборатории нейтронной физики им. И.М. Франка Объединенного института ядерных исследований в г. Дубна методом оптической эмиссионной спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой (ИСП-ОЭС) PlasmaQuant PQ 9000 Elite (Analytik Jena, Германия) и прямом анализаторе ртути DMA-80 evo Milestone. На аналитических весах взвешивали 0,5 г мха и помещали в тefлоновый сосуд с 5 мл HNO₃ и 2 мл H₂O₂. Образцы минерализовали в микроволновой системе MARS6 (CEM, США). После минерализации растворы фильтровали через фильтровальную бумагу, переносили в калиброванные колбы емкостью 50 мл и

Таблица 1

Результаты анализа стандарта Virginia Tobacco Leaves [8]

Table 1

Results of analyzing the Virginia Tobacco Leaves standard [8]

Элемент	Концентрация	SD	Паспортные данные	Элемент	Концентрация	SD	Паспортные данные
Al	213,6	1,634	252	Ni	1,227	0,0167	1,49
Ba	41,66	0,2112	41,6	P	2898	21,46	2420
Cd	2,41	0,0169	2,23	Pb	0,7433	0,0366	0,972
Co	0,1502	0,0147	0,154	S	3886	87,79	3780
Cr	0,5721	0,0072	0,911	Sr	132	1,244	133
Cu	5,234	0,0464	5,12	V	0,3383	0,0115	0,405
Fe	267,9	5,904	258	Zn	47,47	0,4012	43,6
Mn	144,4	1,755	136				

доводили объем до метки деонизованной водой. Затем определяли содержание элементов с помощью ИСП-АЭС. Было определено 15 элементов: Al, Ba, Cd, Co, Cr, Cu, Fe, Mn, Ni, P, Pb, S, Sr, V и Zn. Для определения ртути на аналитических весах взвешивали 50 мкг образца и помещали в никелевую кювету для последующего анализа на прямом анализаторе ртути.

Контроль качества анализа

Для контроля качества анализа использовали стандарт INCT-PVTL-6 (Табачные листья) [8].

Определение радионуклидов

Определение радиоактивных элементов в пробах мха, лишайника и почвы проводили в лаборатории «Радиационные технологии» Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (СВФУ) в г. Якутске.

Измерения концентрации радионуклидов методом гамма-спектрометрии проводились без учета фоновых значений, но необходимо отметить, что в обсуждениях результатов данного исследования будут проводиться сравнения значений показателей концентрации радионуклидов в выбранных точках прооботбора с данными, полученными в исследованиях наличия радионуклидов в отдаленных от г. Якутска улусах. Для этого пробы мха, лишайника и почвы измеряли на полупроводниковом гамма-спектрометре «ORTEC» с детектором из особо чистого германия типа GEM-40 (ППД). Для достаточной степени достоверности измерений аппарат калибровали с помощью стандартных эталонов ^{241}Am и ^{152}Eu . Перед измерением образцы просушивали на воздухе при комнатной температуре в течении двух месяцев до постоянного веса. После просушки образцы мха и лишайника были озолены в муфельной печи при температуре 250 °C в течении 2–3 часов, затем измельчены до состояния однородного порошка. После измерения массы зола помещается в специальный сосуд «Denta». Радионуклидный состав подготовленных таким образом проб измеряется с помощью ППД в течении 8–16 часов.

Образцы почвы были высушены в течение двух месяцев на воздухе при комнатной температуре, затем очищены и измельчены до однородной массы. Содержание радиоактивных элементов в почве определяли с применением вышеуказанной методики на полупроводниковом спектрометре.

Анализ гамма-спектров проводили с использованием программного обеспечения Maestro32.

Результаты и их обсуждение

Дискриптивная статистика элементного состава

В табл. 2 представлены результаты дискриптивной статистики (среднее, стандартное отклонение, медиана, минимум, максимум и разброс данных для пяти измерений) значений концентрации элементов в образцах мха. В данной табл. приводятся статистические данные (среднее, стандартное отклонение, медиана, минимум, максимум и разброс данных), полученные в настоящем исследовании, и данные, полученные при исследовании мхов-биомониторов в Норвегии методом ИСП-ОЭС. Для анализа концентрации тяжелых металлов в мхах-биомониторах на территории вблизи г. Якутска были выбраны данные концентрации тяжелых металлов в мхах на территории Норвегии, т. к. для исследования элементного состава был использован один и тот же метод – метод ИСП-ОЭС. Кроме того, было решено использовать показатели по тяжелым металлам этой страны, т. к. данная европейская страна считается одним из экологически чистых регионов Европы.

Было проведено сравнение медиан значений концентрации элементов, которое показало, что имеется значительное превышение концентраций элементов в образцах мхов, собранных на территории вблизи полигона отходов г. Якутска, по сравнению со значениями медиан концентрации элементов в образцах мхов, собранных на территории Норвегии. Сравнение результатов дискриптивной статистики показывает, что

Таблица 2

Дискриптивная статистика концентрации тяжелых металлов в образцах мха (мг/кг)

Table 2

Descriptive statistics of the concentration of heavy metals in moss samples (mg/kg)

Элемент	Среднее	St. Dev.	Медиана	Разброс (Min-Max)	Норвегия [9] Медиана (разброс)
Al	686	392	567	366—1345	460 (100—3050)
Ba	55.2	16.9	58.0	28—71.5	25 (53—130)-
Cd	0.052	0.026	0.042	0.037—0.098	0.08 (0.02—1.33)
Co	0.32	0.11	0.32	0.19—0.47	0.2 (0.06—23)
Cr	1.35	0.90	1.05	0.72—2.93	0.7 (0.2—17)
Cu	3.42	1.89	2.77	2.04—6.7	4.2 (1.8—370)
Fe	527	367	413	280—1165	310 (78—8125)
Mn	337	213	287	86—668	400 (40—1660)
Ni	1.14	0.49	0.97	0.77—1.98	1.1 (0.4—550)
P	1842	268	1845	1538—2249	—
Pb	2.18	2.00	1.22	1.02—5.72	0.05 (0.001—0.4)
S	979	134	949	853.6—1128.5	820 (470—1860)
Sr	41	18	46	16.36—60.19	136 (3.8—60)
V	1.2	0.6	1.0	0.72—2.28	1.2 (0.3—14)
Zn	28	17	24	14.3—56.04	31 (8—409)
Hg	0.0282	0.0038	0.0264	0.0251—0.0339	0.05 (0.005—0.53)

наблюдается существенное различие в медианах концентрации для следующих элементов: алюминия Al (1,2 раза), бария Ba (в 2,3 раза), кобальта Co (1,6 раза), хрома Cr (1,5 раза), железа Fe (1,3 раза), серы S (в 1,2 раза) и свинца Pb (24 раза), что вполне соответствует тому, что на свалке находится большое количество бумажного (Ba) и металлического мусора (Al, Co, Cr, Fe, Pb).

Большой разброс норвежских данных объясняется географической протяженностью региона, максимальные значения соответствуют южной части, находящейся под воздействием дальнего атмосферного переноса загрязнителей из Западной Европы.

Из полученных результатов на территории свалки наблюдается следующая тенденция накопления исследованных элементов: $P > S > Al > Fe > Mn > Ba > Sr > Zn > Cu > Pb > Cr > V > Ni > Co > Cd > Hg$.

Как видно из табл. 2, сравнение медиан полученных значений содержания Ba, Cr, Fe и Pb превышает аналогичные значения для условно «чистой» территории Норвегии (при том, что на ее территории находится ферро-хромовый комбинат, которому соответствуют максимальные значения в разбросе данных работы [9]).

В качестве примеров на рис. 5 и 6 показано убывание концентрации свинца и железа в зависимости от расстояния между свалкой и точкой пробоотбора.

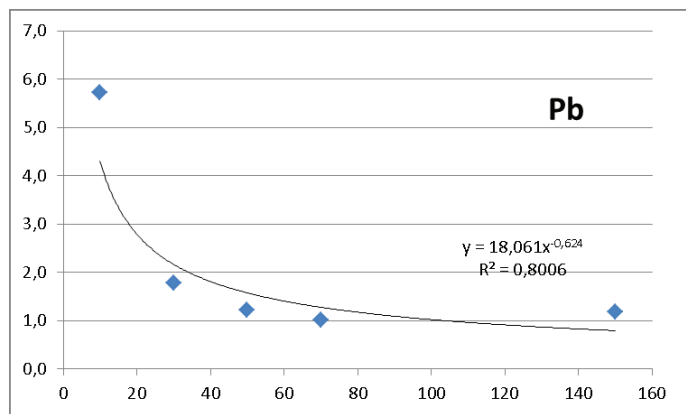


Рис. 5. Убывание концентрации свинца в образцах мха с расстоянием (км) от свалки
Fig. 5. Decreasing concentration of lead in moss with distance (km) from the landfill

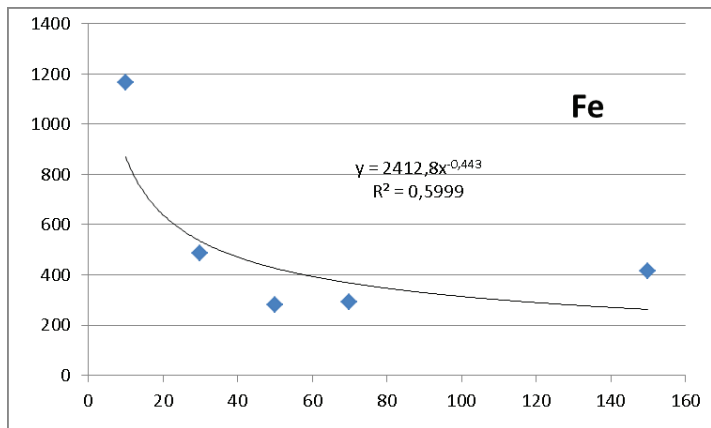


Рис. 6. Убывание концентрации железа в образцах мха с расстоянием (км) от свалки
Fig. 6. Decreasing concentration of iron in moss with distance (km) from the landfill

В табл. 3 представлены результаты корреляционного анализа исследуемых элементов. Наблюдаются парные корреляции практически для всех определенных металлов.

Таблица 3

Корреляционный анализ элементов, полученных для исследуемой территории

Table 3

Correlation analysis of elements obtained for the study area

	Al	Ba	Cd	Co	Cr	Cu	Fe	Mn	Ni	P	Pb	S	Sr	V	Zn	Hg
Al	1,00															
Ba	0,37	1,00														
Cd	0,74	-0,08	1,00													
Co	0,70	0,42	0,55	1,00												
Cr	0,94	0,16	0,92	0,69	1,00											
Cu	0,50	-0,17	0,93	0,48	0,74	1,00										

Fe	0,95	0,19	0,90	0,71	0,99	0,71	1,00										
Mn	0,44	0,78	0,10	0,47	0,34	-0,08	0,33	1,00									
Ni	0,89	0,27	0,84	0,83	0,95	0,73	0,92	0,41	1,00								
P	-0,26	-0,25	0,11	-0,47	-0,16	0,32	-0,16	-0,63	-0,24	1,00							
Pb	0,77	-0,02	0,99	0,63	0,93	0,91	0,92	0,16	0,86	0,04	1,00						
S	0,41	0,02	0,55	0,13	0,44	0,54	0,46	-0,23	0,35	0,64	0,53	1,00					
Sr	-0,36	0,48	-0,38	-0,11	-0,45	-0,20	-0,41	0,02	-0,35	0,46	-0,35	0,32	1,00				
V	1,00	0,37	0,77	0,71	0,95	0,54	0,97	0,45	0,90	-0,25	0,81	0,39	-0,37	1,00			
Zn	0,60	-0,28	0,95	0,40	0,83	0,89	0,79	0,04	0,74	0,04	0,92	0,34	-0,57	0,64	1,00		
Hg	0,60	0,19	0,59	0,10	0,57	0,46	0,61	0,01	0,39	0,49	0,58	0,88	0,16	0,59	0,41	1,00	

Особо четкая корреляция с высоким коэффициентом корреляции прослеживается для таких металлов, как Fe-Cr, V-Ni, Hg-S, Pb-Cd, Fe-Pb, Cd-Cu.

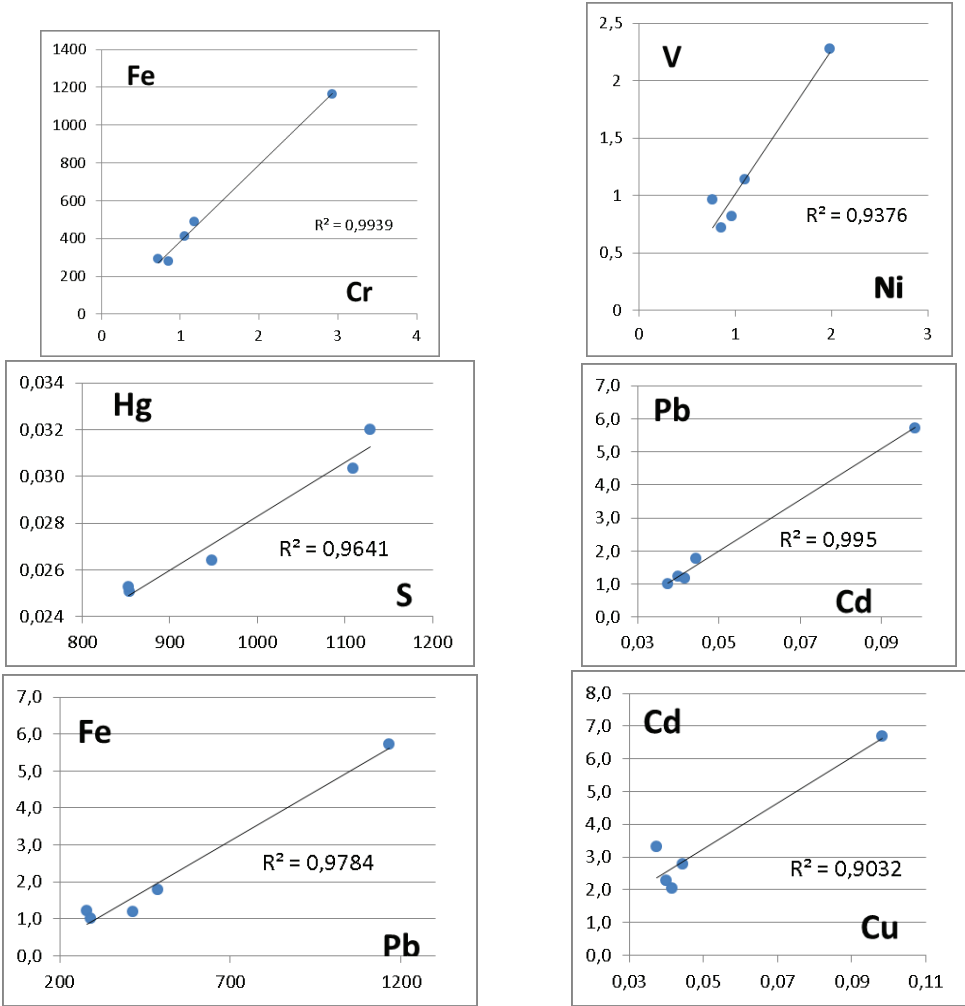


Рис. 7. Парные корреляции концентрации ряда определенных элементов
Fig. 7. Paired correlations of concentrations of a number of specific elements

Таблица 4

Удельная активность радионуклидов (Бк/кг) в образцах мха, лишайника и почвы, собранных на Вилуйском тракте

Table 4

Specific activity of radionuclides (Bq/kg) in moss, lichen and soil samples collected on the Vilyuisky tract

№	Образец	Вилуйский тракт	Удельная активность радионуклида, Бк/кг								
			⁴⁰ K	¹³⁷ Cs	²¹² Pb	²¹⁴ Pb	²¹⁴ Bi	²⁰⁸ Tl	²¹² Bi	⁷ Be	²²⁸ Ac
1	Мох <i>Brachythecium salebrosum</i>	10 км	704,88±37,33	17,82±2,10	49,52±3,66	20,7±3,89	30,26±3,87	20,6±2,06	66,34±24,54	45,49±13,10	17,58±6,70
2	Мох <i>brachythecium salebrosum</i>	27 км	243,45±14,60	3,09±1,03	13,81±1,64	6,48±1,88	5,55±1,81	3,63±1,21			
3	Мох <i>brachythecium salebrosum</i>	30 км	424,95±29,75	55,92±3,35	37,63±3,50	19,09±4,01	25,48±3,77	11,89±2,30			
4	Мох <i>Hylaconitium splendens</i>	51 км	342,56±18,84	63,06±2,27	17,89±1,91	10,76±2,27	10,65±2,15	6,20±1,20		37,80±9,26	
5	Лишайник <i>Cladonia rangiferina</i>	30 км	421,04±18,95	70,55±2,11	15,81±1,60	14,67±2,18	12,76±2,13	4,21±0,98		27,65±7,96	13,43±3,36
6	Почва	27 км	446,18±14,23	98,47±2,30	16,85±1,23	7,81±1,17	4,91±1,02	7,19±0,84			12,77±2,53
7	Почва	30 км	719,95±12,24	33,77±0,88	2,44±0,56	8,88±0,94	8,07±0,66	5,67±0,51	17,43±5,04		15,40±2,14
8	Почва	51 км	594,414±13,07	18,75±0,88	16,16±0,77	5,54±0,82	4,22±0,63	6,18±0,56	20,04±4,45		7,95±1,67

По результатам гамма-спектрометрического анализа (табл. 4) был обнаружен радионуклид ^{137}Cs во всех отобранных пробах. Наибольшее значение концентрации цезия показал образец почвы с 27-го км Вилюйского тракта, наименьшее значение получено в образце мха *Hyloconium splendens* с 10-го км Вилюйского тракта. Содержание радиоцезия в исследуемых образцах соответствует уровню глобальных выпадений и намного меньше допустимого уровня вмешательств (1000 Бк/кг). Также в пробах растительности обнаружен космогенный радионуклид ^7Be , наличие которого можно объяснить длительными осадками в период проведения отбора проб. В исследуемых образцах присутствуют радиоизотопы свинца ^{212}Pb , таллия ^{208}Tl , висмута ^{212}Bi и актиния ^{228}Ac – дочерние продукты радионуклида тория ^{223}Th . Кроме того, обнаружены изотопы свинца ^{214}Pb и висмута ^{214}Bi , являющиеся дочерними продуктами урана ^{238}U .

В исследованиях образцов почвенно-растительного покрова в местностях Лено-Амгинского междуречья и таежно-луговых ландшафтов бассейна р. Вилюй, проведенных в [10], было выявлено наличие ^{137}Cs в образцах мхов и лишайника. Диапазон значений концентрации данного радионуклида составлял от $1,3 \pm 0,3$ до $35,9 \pm 2,0$ Бк/кг в местах Лено-Амгинского междуречья и $21,2 \pm 1,2$ до $36,3 \pm 2,5$ Бк/кг на территории бассейна р. Вилюй.

Сравнение данных показателей с результатами нашего исследования свидетельствует о том, что в пробах образцов, собранных вдоль Вилюйского тракта, содержание (концентрация) радиоактивного цезия, диапазон значения которого варьирует от $3,09 \pm 1,03$ до $70,55 \pm 2,11$, значительно превышает диапазон данных исследования [10]. Такие показатели требуют дальнейшего исследования и проведения анализа данных для выявления источников загрязнения. Одним из источников загрязнения тяжелыми металлами и радионуклидами может выступить полигон по утилизации твердых бытовых отходов.

Полигон по утилизации твердых бытовых отходов на 9-м км Вилюйского тракта эксплуатируется с 1967 г. и является самой крупной среди свалок ТБО на территории ГО «Якутск» площадью 31,8242 га.

До начала XXI в. основными загрязнителями окружающей среды считались пыль, угарный и углекислый газы, оксиды серы и азота, углеводороды, соединения фосфора, ядохимикаты, радиоактивные изотопы, в то время как на содержание тяжелых металлов и их соединений не обращали должного внимания [11]. В настоящее время внимание исследователей в большей степени направлено на определение концентрации тяжелых металлов, например, в атмосферном воздухе. Загрязнение атмосферы повышенным количеством химических элементов, образующихся, например, при сгорании топлива и горения свалки происходит путем распространения их в виде взвешенных веществ (ВВ) (дым и пыль). Известно, что существует зависимость смертности от уровня ВВ в атмосферном воздухе [12]. По результатам элементных анализов проб пыли и растворимой фазы снежного покрова, проведенных Институтом мерзлотоведения им. П.И. Мельникова Сибирского отделения РАН, атомно-эмиссионным и масс-спектральным методами было выявлено, что на территории г. Якутска загрязнение атмосферного воздуха ВВ больше в среднем в 2 раза по сравнению с санитарными нормами, а в снежном покрове обнаружены радионуклиды, такие как U и Th. Находящиеся в приземной атмосфере ВВ являются твердыми частицами разного размера. Средне-мелкодисперсные PM₁₀ (PM – “particulate matter”, цифра показывает содержание всех частиц диаметром 10 мкм) распределены наиболее равномерно, их количество в среднем составляет около 10% ВВ. На их поверхности адсорбируются токсичные вещества, PM₁₀ могут находиться во взвешенном состоянии несколько суток и переноситься на десятки-сотни километров. Эти частицы представляют наибольшую опасность, т. к. около 10% вдыхаемых пылинок могут проникать в глубокие отделы легких (альвеолы) и задерживаться там, а 15% заглатываются со слюной [6]. По результатам исследования атмосферная пыль г. Якутска содержит большое количество серы, оксидов кальция,

натрия и железа, и незначительное количество оксидов фосфора, титана, марганца, калия и алюминия [6]. Отмечено, что в пыли также присутствуют элементы третьего (Ba, V, W, Mn, Sr), второго (B, Co, Ni, Mo, Cu, Sb, Cr) и первого (As, Cd, Hg, Pb, Zn) классов токсичности. В отчете этой работы, проведенной в 2020 г., в приземной атмосфере Якутска в крупных частицах PM₁₀₋₁₀₀ обнаружены накопления элементов Zn, Mn, Co, Ti, Ni, Ga, Sr, Zr, Sn, La. Было выявлено, что концентрация Zn, Mn превышает предельно допустимые значения в почве. Частицы PM_{<10} содержат Cu, Cd, Pb, Be, Y, Sc, Cr, где содержание металлов Cu, Cd, Pb также превышает допустимые значения в почве. Кроме того, было обнаружено, что в атмосферной пыли города распространены радионуклиды.

Выявленные в данной работе тяжелые металлы и радионуклиды в образцах мхов, лишайника и почвы подтверждают результаты исследования атмосферного воздуха г. Якутска [6]. Показано, что концентрация некоторых тяжелых металлов в образцах мха превышает предельно допустимые значения концентрации (ПДК) в почве, что свидетельствует о том, что в почве местностей, с которых был собран мох, концентрация тяжелых металлов еще выше [13].

По данным настоящего исследования также обнаружены тяжелые металлы: хром Cr (концентрация выше, чем ПДК), никель Ni и цинк Zn (концентрация выше, чем ПДК), которые встречаются на промышленных площадках горно-обогатительных компаний (ГОК). Из недавних работ известно, что в результате деятельности горнодобывающих предприятий в близлежащих местностях наблюдается увеличение содержания тяжелых металлов в почве и растительности. Кустарники, произрастающие на территории промышленной площадки Удачинского ГОКа (Якутия, Россия), накапливают высокие уровни тяжелых металлов, а именно Cr, Ni и Zn [14], т. е. на территории, в котором отсутствуют промышленные предприятия, также могут быть обнаружены высокого уровня концентрации видов тяжелых металлов, встречающиеся при эксплуатации ГОКа.

Кроме того, результаты настоящего исследования могут быть подтверждены данными Роскомнадзора 2020 г. На данной свалке всего было размещено 460 000 тонн отходов, при установленной проектной вместимости 450 000 тонн, то есть полигон ТКО был переполнен уже 2020 г., а по состоянию на конец 2021 г. переполнение отходов составило уже 135 178,3 тонны, и они продолжают накапливаться [5]. В результате тления (горения) отходов в отобранных пробах атмосферного воздуха установлено превышение содержания диоксида серы SO₂ для городских и сельских поселений почти в 10 раз. Наряду с этим установлены факты незаконного приема и захоронения на свалке запрещенных отходов, таких как оргтехника, бытовые приборы (мониторы, телевизоры, компьютеры, картриджи, холодильники, микроволновки и т. д.), покрышки, черный и цветной металл и т. д., также отходы, подлежащие утилизации (бумага, картон, полимерные материалы, металлы и т. д.), в состав которых входят тяжелые металлы и другие токсичные вещества.

Заключение

В результате исследования образцов мха методом оптической эмиссионной спектроскопии с индуктивно-связанной плазмой на свалке находится большое количество бумажного (Ba) и металлического мусора (Cr, Fe, Pb). Сравнение медиан значений содержания Ba, Cr, Fe и Pb показывает, что они превышают аналогичные значения для условно «чистой» территории Норвегии. Таким образом, результаты данной работы, свидетельствующие о присутствии бария (Ba – элемент третьего класса токсичности), свинца (Pb – элемент первого класса токсичности), хрома (Cr (VI) – токсичная форма хрома), подтверждают результаты ранее проведенного исследования атмосферы и почвы г. Якутска [6]. Кроме того, высокие значения концентрации таких тяжелых металлов в образцах мха на близлежащих от города территориях (вблизи свалки) сопоставимы со значениями концентрации тяжелых металлов в образцах растительности с мест, находящихся вблизи, например, промышленных площадок горно-обогатительных комбинатов [14].

Сравнение результатов определения наличия тяжелых металлов в мхах, собранных на Вилюйском тракте, методом ИСП-ОЭС и с применением прямого анализатора ртути, а также атмосферного воздуха г. Якутска показало, что в объектах исследования обнаружены такие элементы, как Cd, Co, Cr, Cu, Mn, Ni, Pb, Sr, V, Zn, Hg [6]. А при сравнении данных радионуклидного анализа мхов, лишайника, почвы, полученных методом гамма-спектрометрии в данной работе, и снежного покрова г. Якутска [6] было выявлено, что в исследуемых образцах присутствуют одни и те же радиоактивные элементы: дочерние радиоизотопы урана и тория. Обнаружение одинаковых тяжелых металлов и радионуклидов в атмосферной среде, почве города и в растительности, почве вблизи полигона может указывать, что одним из источников загрязнения среды могут выступать продукты горения содержимого свалки на 9-м км по Вилюйскому тракту.

В ближайшие годы планируется начало эксплуатации нового мусорного полигона г. Якутска на участке площадью 46 гектаров на 27-м км Вилюйского тракта. Полигон начнет принимать мусор, как только заработает мусороперегрузочная станция на 8-м километре Вилюйского тракта [15]. В данной работе одной из точек пробоотбора является 27-й км по Вилюйскому тракту. Результаты, полученные из образцов, собранных в этой местности, могут быть полезными при подготовке и эксплуатации нового полигона ТБО: могут служить фоновыми данными для проведения аналогичных исследований для будущего мониторинга воздействия полигона на окружающую среду вблизи этой местности.

Л и т е р а т у р а

1. ICP Vegetation. – URL: <https://icpvegetation.ceh.ac.uk/> (дата обращения: 29.06.2023).
2. Экологические проблемы Якутска. – URL: <http://mirznanii.com/a/329319-1/ekologicheskie-problemy-yakutska> (дата обращения: 29.06.2023).
3. Пахомов, А. А. Экологические нагрузки на г. Якутск и меры противодействия / А. А. Пахомов, Е. Я. Федорова // Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика. – 2021. – С. 211–215.
4. Чemezov, Е. Н. Состояние атмосферы республики Саха (Якутия) / Е. Н. Чemezov, С. А. Сосина // Символ науки. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-atmosfery-respubliki-saha-yakutiya> (дата обращения: 03.11.2023).
5. Жители Якутска смогут сдавать мусор на городской полигон отходов // SakhaNews. – URL: <https://1sn.ru/ziteli-yakutska-smogut-sdavay-musor-na-gorodskoi-poligon-otxodov> (дата обращения: 03.11.2023).
6. Научно-технический отчет «Происхождение и состав пыли на территории МО г. Якутск». – URL: https://sinetspark.org/dust_in_yakutsk/tpost/itp1oh7n91-zaversheno-nauchnoe-issledovanie-prichin (дата обращения: 04.07.2023).
7. Moss Manual-2020 // ICP Vegetation. – URL: <https://icpvegetation.ceh.ac.uk/get-involved/manuals/moss-survey> (дата обращения: 05.07.2023).
8. Labmix24 Polish Virginia Tobacco Leaves. – URL: <https://labmix24.com/en/products/IC-INCT-PVTL-6> (дата обращения: 20.01.2024).
9. Steinnes E, Uggerud HT, Pfaffhuber KA, Berg T. Atmospheric deposition of heavy metals in Norway. In: National moss survey 2015. Kjeller: NILU, 2016:53.
10. Яковлева, В. Д. Радиоэкологические проблемы мирных подземных ядерных взрывов в Якутии / В. Д. Яковлева, В. Е. Степанов. – Москва : Спутник+, 2013. – 128 с.
11. Патология человека на Севере / А. П. Авцын, А. А. Жаворонков, А. Г. Марачев, А. П. Милованов. – Москва : Медицина, 1985. – 415 с.
12. Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье населения (обзор литературы) / Р. А. Голиков, Д. В. Суржиков, В. В. Кислицына, В. А. Штайгер // Научное обозрение. Медицинские науки. – 2017. – № 5. – С. 20–31.
13. Предельно допустимые концентрации (ПДК) химических веществ в почве : Гигиенические нормативы. – Москва : Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2006. – 15 с.

14. Gololobova A, Legostaeva Ya. Potentially toxic elements uptake and distribution in *Betula middendorffii* T. and *Duschekia fruticosa* R. Growing on diamond mining area (Yakutia, Russia). *Plants*, 2024;13(17):2440.
15. Новый мусорный полигон Якутска начнет принимать отходы в 2024 году. – URL: <https://yakutia-daily.ru/novyj-musornyj-poligon-yakutska-nachnet-prinimat-othody-v-2024-godu/> (дата обращения: 24.04.2024).

References

1. ICP Vegetation. Available at: <https://icpvegetation.ceh.ac.uk/> [Accessed 29 June 2023] (in English).
2. Environmental problems of Yakutsk. Available at: <http://mirznanii.com/a/329319-1/ekologicheskie-problemy-yakutska> [Accessed 29 June 2023] (in Russian).
3. Pakhomov AA, Fedorova EYa. Environmental pressures on the Yakutsk and countermeasures. In: Sustainable North: society, economy, ecology, politics. 2021:211-215 (in Russian).
4. Chemezov EN, Sosina SA. State of the atmosphere of the Republic of Sakha (Yakutia). *Symbol of science*, 2017;1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-atmosfery-respubliki-saha-yakutiya> [Accessed 3 November 2023] (in Russian).
5. SakhaNews. The residents of Yakutsk will be permitted to dispose of their waste at the municipal landfill. Available at: <https://1sn.ru/ziteli-yakutska-smogut-sdavati-musor-na-gorodskoi-poligon-otxodov> [Accessed 03 November 2023] (in Russian).
6. Scientific and technical report “Origin and composition of dust on the territory of the MD Yakutsk”. Available at: https://sinetspark.org/dust_in_yakutsk/tpost/itp1oh7n91-zavershen-nauchnoe-issledovanie-prichin [Accessed 4 July 2023] (in Russian).
7. Moss Manual-2020. ICP Vegetation. Available at: <https://icpvegetation.ceh.ac.uk/get-involved/manuals/moss-survey> [Accessed 5 July 2023] (in English).
8. Labmix24 Polish Virginia Tobacco Leaves. Available at: <https://labmix24.com/en/products/IC-INCT-PVTL-6> [Accessed 20 January 2024] (in English).
9. Steinnes E, Uggerud HT, Pfaffhuber KA, Berg T. Atmospheric deposition of heavy metals in Norway. In: National moss survey 2015. Kjeller: NILU, 2016:53 (in English).
10. Yakovleva VD, Stepanov VE. The radioecological problems of peaceful underground nuclear explosions in Yakutia. Moscow: Sputnik+, 2013:128 (in Russian).
11. Avtsyn AP, Zhavoronkov AA, Marachev AG, Milovanov AP. Human Pathology in the North. Moscow: Medicine, 1985:415 (in Russian).
12. Golikov RA, Surzhikov DV, Kislitsyna VV, et al. The impact of environmental pollution on public health (literature review). *Scientific Review. Medical Sciences*, 2017;5:20-1 (in Russian).
13. Maximum permissible concentrations (MPC) of chemical substances in soil: Hygienic standards. Moscow: Federal Center of Hygiene and Epidemiology, 2006:15 (in Russian).
14. Gololobova A, Legostaeva Ya. Potentially toxic elements uptake and distribution in *Betula middendorffii* T. and *Duschekia fruticosa* R. Growing on diamond mining area (Yakutia, Russia). *Plants*, 2024;13(17):2440 (in English).
15. The new landfill in Yakutsk will start taking waste in 2024. Available at: <https://yakutia-daily.ru/novyj-musornyj-poligon-yakutska-nachnet-prinimat-othody-v-2024-godu/> [Accessed 24 April 2024] (in Russian).

МАМАЕВА Саргылана Николаевна – к. ф.-м. н, доцент, зав. каф. общей и экспериментальной физики ФТИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: sargylana_mamaeva@mail.ru

Sargylana N. МАМАЕВА – Cand. Sci (Phys. and Math.), Assoc. Prof., Head of the Department of General and Experimental Physics, Institute of Physics and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ФРОНТАСЬЕВА Марина Владимировна – к. ф.-м. н., доцент, советник при Дирекции Лаборатории нейтронной физики им. И.М. Франка, ММНИО «Объединенный институт ядерных исследований», г. Дубна.

E-mail: marina@nf.jinr.ru

Marina V. FRONTASYEVA – Cand. Sci (Phys. and Math.), Assoc. Prof., Advisor to the Directorate of the Frank Laboratory of Neutron Physics, Joint Institute for Nuclear Research, Dubna.

КОЛОДЕЗНИКОВ Василий Егорович – к. б. н., директор ИЕН, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: ve.kolodeznikov@s-vfu.ru

Vasily E. KOLODEZNIKOV – Cand. Sci. (Biology), Director of the Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЗАХАРОВ Евгений Сергеевич – к. б. н., доцент эколого-географического отделения ИЕН, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: es.zakharov@s-vfu.ru

Evgeny S. ZAKHAROV – Cand. Sci. (Biology), Assoc. Prof., Ecological and Geographical Department of the Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ИГНАТЬЕВА Галина Андреевна – зав. лаб. радиоэкологии общей и экспериментальной физики ФТИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: galich_88@mail.ru

Galina A. IGNATYEVA – Head of the Radioecology Laboratory of the General and Experimental Physics, Institute of Physics and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ПЕТРОВА Кристина Алексеевна – зав. лаб. хроматографических методов испытаний общей и экспериментальной физики ФТИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: kristinan_1604@rambler.ru

Kristina A. PETROVA – Head of the Laboratory of Chromatographic Test Methods of the General and Experimental Physics, Institute of Physics and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

КОНОНОВ Владлен Николаевич – м. н. с. лаб. радиационных технологий ФТИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: vladlenkononov@mail.ru

Vladlen N. KONONOV – Junior Researcher, Laboratory of Radiation Technologies, Institute of Physics and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 59.009.574.47(571.56)

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-22-33

Анализ биоразнообразия млекопитающих долины верхнего течения реки Индигирки

В. Г. Монахов¹, А. Н. Горохов², В. В. Величенко³, В. А. Данилов³

¹Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия

²Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, Якутск, Россия

³Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

✉ vasiliiy_danilov01@mail.ru

Аннотация. Анализу сообществ мелких млекопитающих Северо-Востока Якутии посвящено ограниченное число научных публикаций, что не позволяет оценить прежнюю численность и распределение млекопитающих по биотопам в верхнем течении Индигирки. Выполнение исследований по данной тематике в 2023 г. позволило получить новые уникальные данные о численности охотничьих видов зверей и мелких млекопитающих Оймяконского района Республики Саха (Якутия) в долинных биотопах. Цель проведенных работ заключалась в определении плотности населения и биоразнообразия млекопитающих в пойменных угодьях верховий р. Индигирки. Исследования в Оймяконском улусе (районе) Республики Саха (Якутия) проводились в марте–июле 2023 г. в угодьях, примыкающих к одному из отработанных месторождений золота на реке Большой Тарын, являющейся правым притоком реки Индигирка. В районе исследования, по литературным источникам, обитает 17 охотничьих видов млекопитающих. В 2023 г. было отработано три маршрута общей протяженностью 19,4 км, на которых были зарегистрированы следы восьми видов. В процессе анализа следовой активности диких животных, зарегистрированных в период проведения зимних маршрутных учетов, было установлено, что следы мелких зверей (белка, горностай, заяц-беляк, лисица) встречались в непосредственной близости от инфраструктурных объектов отработанных месторождений. Следы крупных более антропоморфных зверей (лося, дикого северного оленя) и соболя регистрировались на некотором удалении от промышленных объектов. Показано, что современная плотность населения охотничьих видов зверей, обитающих в пойме р. Большой Тарын, находится в пределах значений официальных данных Департамента охоты и сохранения охотничьих ресурсов Минэкологии Республики Саха (Якутия) по Оймяконскому району. Это говорит об отсутствии значительного воздействия промышленных объектов на охотничьи виды. Для оценки биоразнообразия мелких млекопитающих с использованием стандартных методик было отловлено 40 экземпляров. При этом за время отлова было отработано 600 ловушко-суток и 72 конусо-суток. Индекс разнообразия Шеннона для сообщества мелких млекопитающих составил 1,262. Это показывает невысокое биологическое разнообразие видов мелких млекопитающих из отрядов Насекомоядные и Грызуны, что объясняется особенностями природных условий местности. Второй причиной небольшого числа отловленных видов, по сравнению с отловленными ранее в среднем течении р. Индигирки, является тот факт, что отлов мелких млекопитающих проводился практически только в долине р. Большой Тарын.

Ключевые слова: биоразнообразие, видовое богатство, индекс Шеннона, мелкие млекопитающие зимние учеты, охотничьи виды, плотность населения, следы зверей, численность, р. Индигирка, Республика Саха (Якутия).

Для цитирования: [Монахов В. Г.], Горохов А. Н., Величенко В. В., Данилов В. А. Анализ биоразнообразия млекопитающих долины верхнего течения реки Индигирки. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 22–33. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-22-33

Biodiversity analysis of mammals in the upper Indigirka River valley

V. G. Monakhov¹, A. N. Gorokhov², V. V. Velichenko³, V. A. Danilov³

¹Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS, Ekaterinburg, Russia

²Institute for Biological Problems Cryolithozone SB RAS, Yakutsk, Russia

³M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ vasilii_danilov01@mail.ru

Abstract. A limited number of scientific publications are devoted to the analysis of small mammal communities in North-East Yakutia, which does not allow us to estimate their previous abundance and distribution across biotopes in the upper reaches of the Indigirka River. Research on this topic in 2023 made it possible to obtain new, unique data on the state and abundance of game species and small mammals in the Oymyakon ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia) in valley biotopes. The purpose of the work was to determine the biodiversity of mammals in the floodplain lands of the upper reaches of the Indigirka River. Research in the Oymyakon ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia) was carried out in March-July 2023 in lands adjacent to one of the depleted gold deposits on the Bolshoy Taryn River, which is a right tributary of the Indigirka River. According to literary sources, 17 game species of mammals live in the study area. In 2023, three routes with a total length of 19.4 km were completed, on which traces of eight species were recorded. In the process of analyzing the trace activity of wild animals registered during the winter route surveys, it was found that traces of small animals (squirrel, ermine, Arctic hare, fox) were found in the immediate vicinity of the infrastructure facilities of the developed deposits. Traces of large, more anthropomorphic animals (elk, wild reindeer) and sable were recorded at some distance from industrial facilities. It was shown that the current population density of game species living in the floodplain of the Bolshoy Taryn River is within the limits of the official data of the Hunting Department of the Ministry of Ecology of the Republic of Sakha (Yakutia) for the Oymyakon ulus (district). This indicates the absence of a significant impact of industrial facilities on game species. To assess the biodiversity of small mammals using standard methods, 40 specimens were captured. During the capture period, 600 trap-days and 72 cone-days were processed. The Shannon diversity index for the small mammal community was 1.262. This shows the low biodiversity of small mammal species from the Insectivora and Rodents orders, which is explained by the peculiarities of the natural conditions of the area. The second reason for the small number of captured species, compared with those caught earlier in the middle reaches of the Indigirka River, is the fact that the capture of small mammals was carried out almost only in the valley of the Bolshoy Taryn River.

Keywords: biodiversity, abundance of species, Shannon index, small mammals winter records, hunting species, population density, foiling, numbers, Indigirka River, Republic of Sakha (Yakutia).

For citation: Monakhov V. G., Gorokhov A. N., Velichenko V. V., Danilov V. A. Biodiversity analysis of mammals in the upper Indigirka River valley. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 22–33. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-22-33

Введение

Все авторы, изучавшие историю освоения, географию, природу и население Восточной Сибири, в той или иной мере касались вопроса состава фауны и промысловой охоты. Это и понятно, поскольку во все времена охота для местных жителей, а в последствии и для переселенцев являлась одним из основных занятий, обеспечивающих само их существование.

Начало специального научного изучения млекопитающих Якутии связано с деятельностью экспедиции Российской Академии наук 1842–1846 гг., возглавляемой академиком А. Ф. Миддендорфом. Через 10 лет после Миддендорфа, в 1854 г., разносторонними исследованиями, в том числе зоологическими, занимался Р. К. Маак. В обработанном автором виде материалы вошли в известную его книгу «Виллюйский округ Якутской области» [1].

Значительный вклад в исследование пушной торговли и промысла в северо-восточной Сибири внес Л. П. Сабанеев (1875), который, являясь крупным русским зоологом и биологом, специализировался на изучении охотничьей фауны России.

Неоценим вклад в исследование промысла Сибири А. А. Силантьева. Пожалуй, впервые им сформулирован постулат о том, что расширение хозяйственной деятельности человека сокращает ареал естественного обитания пушных зверей.

В низовьях Индигирки в 1912 г. В. М. Зензинов собрал небольшие материалы по млекопитающим и пушному промыслу, вошедшие в его книгу «Старинные люди у холодного океана» [2].

Опираясь на имеющиеся сведения, А. Я. Тугаринов в 1927 г. дал первую зоогеографическую характеристику территории Якутии, ценную не столько своей фактической частью, сколько необходимостью дальнейших исследований. Аналогичное обобщение сведений об охотничьем промысле, его сырьевой базе и экономике сделал Г. Г. Доппельмайр в обстоятельной работе «Пушной и охотничий промысел Якутии» [3].

Учитывая состояние промыслово-охотничьего хозяйства, его доходность и значение для экономики молодой автономной республики, известный политический деятель Якутии М. К. Аммосов поставил перед АН СССР наравне с другими вопросами задачу изучения и разработки перспективных направлений развития пушного промысла ЯАССР. В составе экспедиции АН СССР в 1925–1927 гг. работал специальный промыслово-охотничий отряд в составе А. А. Романова и Г. И. Оросина, а также зоологический отряд [4].

Качественно новый период изучения млекопитающих Якутии начался с организации лаборатории зоологии в составе Якутского филиала АН СССР (конец 1940-х–начало 1950-х гг.). Значительный вклад в изучение биологии и численности охотничьих животных внесли ученые Института биологии СО АН СССР во второй половине XX в. Под руководством директора института В. А. Тавровского вышло девять крупных работ, из них самой известной и капитальной является коллективная монография «Млекопитающие Якутии» [5].

История изучения мелких млекопитающих приводится по монографии «Мелкие млекопитающие Северо-Востока Якутии» [6]. Авторы отмечают, что с 1960 г. объем опубликованных работ, посвященных мелким млекопитающим Якутии, резко возрос. Внимание исследователей привлекали уже не только вопросы фауны, но и экологические аспекты. Среди специальных работ авторы выделяют исследования в бассейнах рек Яны, Индигирки и Колымы [7, 8, 9].

Лично Я. Л. Вольпертом и Л. Г. Шадринной [6] в долине р. Индигирки в период 1987–1990 гг. отработано четыре точки. Основной материал собирался авторами в нижнем течении реки в точке «Шаманово», расположенной в 100 км выше по течению от п. Чокурдах. Кроме того, отработано три точки в среднем течении реки. Позже были проведены работы в точке «Белая Гора», находящейся в 20 км ниже одноименного поселка, а в 1990 г. отработаны еще две точки в месте пересечения Индигиркой Момского хребта (точка «Мома»).

Согласно литературным данным и материалам Департамента охоты и сохранения охотничьих ресурсов Минэкологии Республики Саха (Якутия), список охотничьих зверей Оймяконского района включает 17 видов. Большинство из перечисленных видов имеет широкое распространение по всей таежной зоне и достаточно многочисленно. Приведем перечень видов охотничьих ресурсов (зверей) МР «Оймяконский район (улус)» Республики Саха (Якутия):

Отряд Зайцеобразные – *Lagomorpha*:

1. Заяц-беляк – *Lepus timidus* L., 1758.
2. Северная пищуха – *Ochotona hyerborea* Pallas, 1811.

Отряд Грызуны – *Rodentia*:

3. Летяга – *Pteromys volans*, L., 1758.
4. Обыкновенная белка – *Sciurus vulgaris* L., 1776.
5. Азиатский бурундук – *Eutamias sibiricus* Laxmann., 1769.

Отряд Хищные – *Carnivora*:

6. Волк – *Canis lupus* L., 1758.
7. Обыкновенная лисица – *Vulpes vulpes* L., 1758.
8. Бурый медведь – *Ursus arctos* L., 1758.
9. Соболь – *Martes zibellina* L., 1758.
10. Росомаха – *Gulo gulo* L., 1758.
11. Горностай – *Mustela ermine* L. 1758.
12. Ласка – *Mustela nivalis* L., 1766.
13. Рысь – *Felis lynx* L., 1758.

Отряд Парнопалые – *Artiodactyla*:

14. Лось – *Alcesalces* L., 1758.
15. Дикий северный олень – *Rangifer tarandus* L., 1758.
16. Сибирская кабарга – *Moschus moschiferus* L., 1758.
17. Снежный баран – *Ovis nivicola* L., 1758.

Материал и методы

Оймяконский район расположен на северо-востоке Республики Саха (Якутия) (рис. 1). Площадь района – 92,3 тыс. км². На юго-западе граничит с Усть-Майским улусом, на западе – с Томпонским улусом, на севере – с Момским улусом, на востоке – с Магаданской областью и на юге – с Хабаровским краем.

Рис. 2 иллюстрирует расположение особо охраняемых территорий (ООПТ), границы единственного охотпользователя и место проведения исследований биоразнообразия в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия).

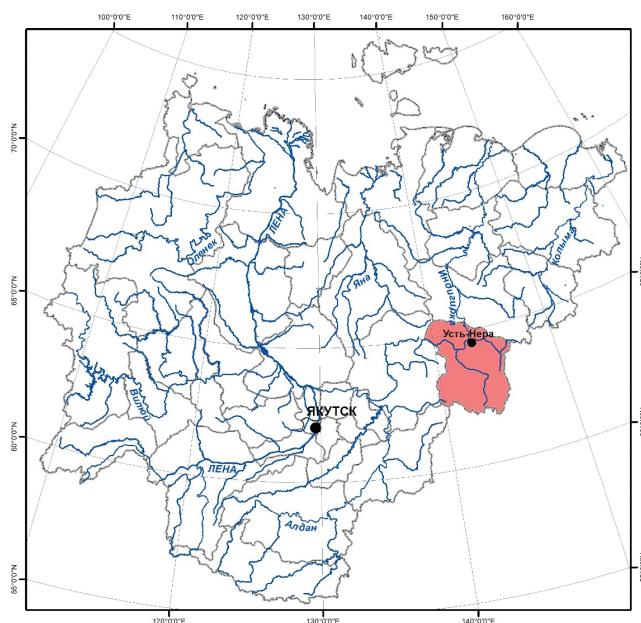


Рис. 1. Оймяконский район на карте Якутии
Fig. 1. Oymyakonsky ulus (district) on the map of Yakutia

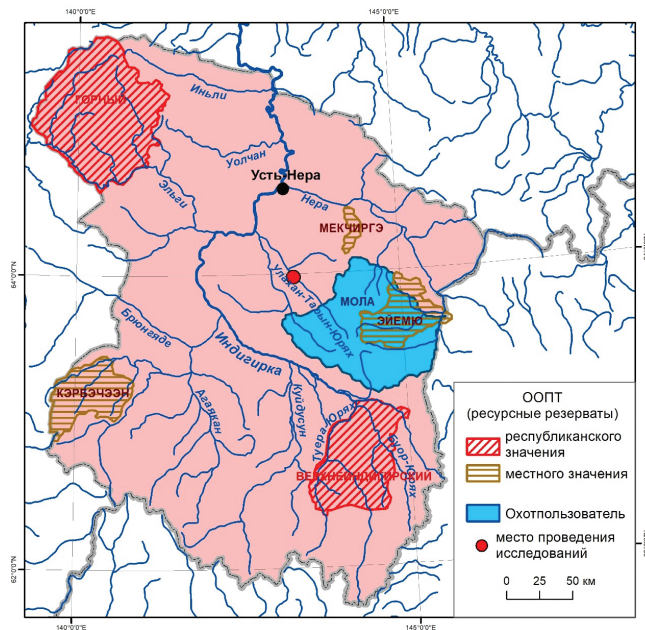


Рис. 2. Район проведения исследований

Fig. 2. The research area

Рельеф района преимущественно горный. На территории района расположены Нерское и Эльгинское плоскогорья, Оймяконское нагорье, хребты Тас-Кыстабыт, Сунтар-Хаята горной системы Черского. На плато Сордоннох на высоте 1020 м над уровнем моря находится известное озеро Лабынкыр [10].

На территории района разведаны и эксплуатируются запасы золота, сурьмы, серебра, цинка, свинца, олова, строительных материалов (роговик, гранит) и других полезных ископаемых. Всего на территории района под разведку, изучение и добычу полезных ископаемых выделено 306 лицензионных участков [11].

Данные о численности охотничьих животных и мелких млекопитающих были собраны в весенне-летний период 2023 г., что позволило, помимо непосредственно учетных работ, провести зоологические наблюдения за распространением некоторых зверей по следам их жизнедеятельности.

Численность охотничьих млекопитающих в долине р. Большой определялась методом зимнего маршрутного учета (ЗМУ) в соответствии с Приложением к приказу ФГБУ «ФЦРОХ» от 24.11.2021 г. № 86 «Методика учета численности охотничьих ресурсов методом зимнего маршрутного учета» [12]. Учеты проводились в два дня с предварительной затиркой старых следов. Всего было отработано три учетных маршрута общей протяженностью 19,4 км (рис. 2). Нередко на маршрутах встречались следы стаек белой куропатки и мышевидных грызунов, что свидетельствовало о хороших кормовых условиях для хищных млекопитающих в текущем году.

Отлов мелких млекопитающих в июле 2023 г. в долине р. Большой Тарын проводился согласно методическим рекомендациям, изложенным в классическом труде Г. А. Новикова [13]. Для отлова мелких млекопитающих применялись плашки Геро и ловчие канавки. Плашки устанавливались линиями по 25 шт. Одновременно отлов мелких млекопитающих проводился ловчими канавками, в которые вкапывалось по два конуса с водой [14, 15]. Для отлова были использованы ловчие канавки ($n=4$) и линии плашек Геро ($n=4$). Всего за время полевого этапа было отработано 72 конусо-суток и 600 давилко-суток. В общей сложности было отловлено 40 мелких млекопитающих.

Таблица 1

Результаты зимних маршрутных учетов в долине р. Большой Тарын

Table 1

Results of winter route surveys in the Bolshoi Taryn River valley

Показатель	Длина маршрута (км)	Виды зверей					
		Соболь	Горностай	Заяц-беляк	Лисица	Белка	Лось
Маршрут №1							
Зарегистрировано следов	5,0	0	1	1	1	1	1
Число следов на 10 км		0	2	2	2	2	2
Плотность (особей/10 км ²)		0	2,4	2,3	0,6	9,0	0,8
Маршрут №2							
Зарегистрировано следов	6,4	6	1	5	5	4	-
Число следов на 10 км		9,4	1,6	7,8	7,8	6,3	-
Плотность (особей/10 км ²)		4,5	1,9	9,0	2,3	28,3	0
Маршрут №3							
Зарегистрировано следов	8,0	1	2	10	1	4	0
Число следов на 10 км		1,25	2,5	12,5	1,25	5	0
Плотность (особей/10 км ²)		0,6	3,0	14,5	0,4	22,5	0

Результаты

Зимние маршрутные учеты в долине р. Большой Тарын Оймяконского района были проведены нами во второй половине марта 2023 года. В табл. 1 представлены их результаты.

Протяженность первого маршрута — 5 км (рис. 3). Основная часть была проложена по лиственничнику, далее маршрут пересекал пойменную часть реки и саму реку Большой Тарын. По берегам реки отмечены участки древостоев с преобладанием чозении. Частично маршрут проходил по открытым угодьям, представленным кочкарниковым болотом. На маршруте были зарегистрированы следы лося, белки, горностая, лисицы и зайца-беляка.

Протяженность второго маршрута составила 6,4 км. Маршрут проходил через пойму реки перпендикулярно руслу р. Большой Тарын. На правом берегу реки растительность была представлена молодой гарью со слабым естественным лесовозобновлением. На маршруте были зарегистрированы следы горностая, белки, зайца-беляка, лисицы красной и соболя. На данном маршруте было зарегистрировано наибольшее количество следов соболя (n=6).

Протяженность третьего маршрута составила 8 км. Маршрут проходил по открытым биотопам до р. Пэктэрэун, частично захватывая старые зарастающие отвалы прежних разработок. На маршруте были зарегистрированы следы белки, горностая, соболя и лисицы красной. Наиболее часто регистрировались следы зайца беляка (n=10).

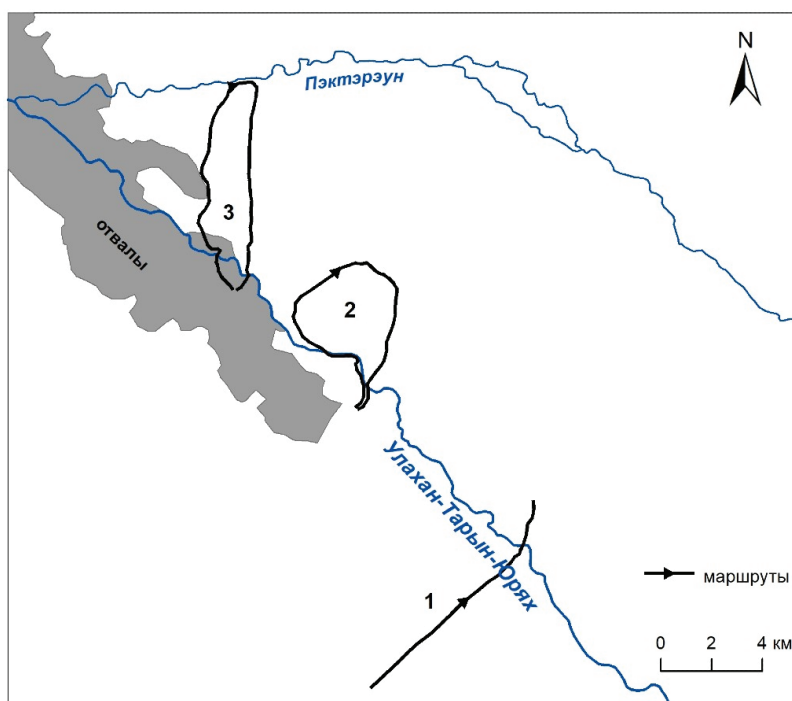


Рис. 3. Схема расположения учетных маршрутов в долине р. Большой Тарын
Fig. 3. Survey route scheme in the Bolshoi Taryn River valley

Наши исследования также позволили получить сведения о распределении следов охотничьих животных на учетных маршрутах по биотопам.

На маршруте № 1 следы белки преимущественно встречались в лиственных редколесьях кустарничково-моховых, горностая – в лиственных редколесьях кустарничково-моховых, Зайца-беляка – в лиственных редколесьях кустарничково-моховых. Лисица – в ивковых мохово-тундровых сообществах, лось – в лиственных редколесьях кустарничково-моховых.

На маршруте № 2 следы белки чаще встречались на зарастающей гари, в кустарниках в сочетании с пойменными лугами, горностая – в кустарниках в сочетании с пойменными лугами и на гари, Зайца-беляка – в кустарниках в сочетании с пойменными лугами и на гари, лисицы – на гари и в кустарниках в сочетании с пойменными лугами. Следы соболя встречались преимущественно на гари.

На маршруте № 3 следы белки чаще встречались на гари, в кустарниках в сочетании с пойменными лугами, горностая – в кустарниках в сочетании с пойменными лугами, зайца-беляка – в кустарниках в сочетании с пойменными лугами и на участках растительности техногенно-поверхностных образований, лисицы – на гари и на вырубках с нарушенной растительностью. Следы соболя чаще встречались на гари.

На маршруте № 1 расстояние от начала маршрута, которое находилось в 0,5 км от инфраструктурных объектов до первых следов охотничьих зверей, составило следующие значения: лось – 4,5 км, соболь – 1,5 км, лисица – 1,2 км, белка, горностай, заяц-беляк – 0,2 км. На маршруте № 2 среднее расстояние соболиных следов от начала маршрута составило 1,2 км. Это подтверждает особую антропофобность данных видов зверей.

В процессе зоологических наблюдений, проведенных в июле того же года, следы дикого северного оленя были отмечены в биотопе «кустарники в сочетании с пойменными лугами» на границе с ивово-моховыми сообществами. Следы жизнедеятельности

бурого медведя отмечены в биотопе «кустарники в сочетании с пойменными лугами» недалеко от русла р. Большой Тарын. Направление движения медведя – вдоль русла реки. В аналогичном типе растительности были отмечены следы лося.

В табл. 2 приведены данные об отловленных мелких млекопитающих с привязкой к выделенным биотопам.

Таблица 2

Распределение отловленных мелких млекопитающих по биотопам

Table 2

Distribution of captured small mammals by biotopes

Ловушки	Биотоп	Вид мелких млекопитающих	Количество отловленных	На 100 конусо-суток / ловушко-суток
Ловчая канавка № 1 – 24 к/с	Лиственничные редколесья кустарничково- моховые	Красная полевка (<i>Clethrionomys rutilus</i>)	4	16,66
		Средняя бурозубка (<i>Sorex</i>)	2	4,8
		Лесной лемминг (<i>Myopus schisticolor</i>)	1	8,33
Ловчая канавка № 3 – 24 к/с	Кустарники в сочетании с разнотравно-злаковыми и пойменными лугами	Лесной лемминг	1	4,16
Ловчая канавка № 4 – 24 к/с	Кустарники в сочетании с разнотравно-злаковыми и пойменными лугами	Красная полевка	1	4,16
Линия давилок № 1 – 150 л/с	Лиственничные редколесья кустарничково- моховые	Красная полевка	7	4,66
		Красно-серая полевка (<i>Clethrionomys rufocanus</i>)	5	3,33
		Полевка эконома (<i>Microtus oeconomus</i>)	1	0,66
Линия давилок № 2 – 150 л/с	Растительность техногенно-поверхностных образований	Азиатский бурундук (<i>Eutamias sibiricus</i>)	1	0,66
Линия давилок № 3 – 150 л/с	Кустарники в сочетании с разнотравно-злаковыми и пойменными лугами	Красная полевка	3	2,0
		Красно-серая полевка	6	
		Азиатский бурундук	1	0,66
Линия давилок № 4 – 150 л/с	Вырубки, нарушенная растительность	Красно-серая полевка	3	2,0
		Красная полевка	4	2,66

Преобладание в пробах красной и красно-серой полевков объясняется естественной высокой численностью видов, что подтверждено многими исследователями [5].

Специалистам известно, что при оценке альфа-разнообразия принимаются во внимание два фактора: видовое богатство и выравненность обилия видов. Видовое богатство – это число видов, для сравнения отнесенное к определенной площади. Выравненность – равномерность распределения видов по их обилию в сообществе. Показатели разнообразия и выравненности сообществ мелких млекопитающих являются объективными биоиндикационными характеристиками экосистем и могут эффективно использоваться для оценки их состояния и прогноза динамики [16].

Индекс разнообразия Шеннона для данного сообщества мелких млекопитающих составил 1,262. Данный индекс показывает невысокое биологическое разнообразие видов мелких млекопитающих, что объясняется особенностями природных условий местности. Второй причиной небольшого числа отловленных видов по сравнению со средним течением р. Индигирки является тот факт, что отлов мелких млекопитающих проводился практически только в долине р. Большой Тарын.

Для расчета индекса выравненности мы использовали следующую формулу Шеннона:

$$E H = H / \ln (S),$$

где: H – индекс разнообразия Шеннона;

S – общее количество уникальных видов.

В нашем случае $S = 6$ видов, поэтому этот индекс рассчитан следующим образом:
 $E H = 1,2622 / \ln (6) = 1,2622 / 1,7918 = 0,70$

Таким образом, индекс выравненности равен 0,70, что говорит о преобладании в выборке таких видов, как красная полевка и красно-серая полевка. Данное соотношение характерно не только для Северо-Востока республики, но и для большинства регионов Якутии.

Обсуждение

Оймяконский район находится в границах ареала черношапочного сурка – *Marmota camtschatica Pallas, 1811*. В Оймяконском районе обитает сурок Бунге – *M. s. bungei Kastsch.*, ареал которого охватывает всю северо-восточную часть Якутии, включая большинство хребтов Верхоянской горной цепи, систему хребта Черского, высокогорья Момского хребта и его окружения, хребет Сунтар-Хаята, Колымское нагорье. Вид занесен в Красную книгу Республики Саха (Якутия).

Перепромысел соболя в XVII в. особенно подорвал поголовье соболей на Лено-Вилюйском междуречье и в восточной части республики. В частности, в бассейнах Яны, Индигирки и Колымы соболь был практически истреблен. К началу 1960-х г. в республике было осуществлено 56 выпусков, главным образом, витимских соболей, общим количеством свыше 5 тыс. особей. В результате в бассейне Яны, Индигирки и Колымы образовались рассредоточенные поселения соболей [17, 18, 19].

Департамент охоты и сохранения охотничьих ресурсов Минэкологии РС (Я) предоставил данные о численности охотничьих ресурсов на территории Оймяконского района, что позволило сравнить официальные данные ЗМУ с данными по результатам наших исследований. Сравнение показывает, что плотность населения основных видов охотничьих зверей находится на примерно одинаковом уровне. Так плотность соболя, по данным Депохоты Минэкологии РС (Я), составляет от 0,07 до 0,57 особей на 1000 га, а по нашим данным минимальный показатель равен 0,6 особей на 1000 га угодий. Плотность населения лося, по данным Депохоты Минэкологии РС (Я), составляет от 0,21 до 1,29 особей на 1000 га, а по нашим данным этот показатель равен 0,8 особей на 1000 га угодий.

В процессе анализа следовой активности диких животных, зарегистрированных в период проведения зимних маршрутных учетов, было установлено, что следы мелких зверей (белка, горностаи, заяц-беляк, лисица) встречались в непосредственной близости от инфраструктурных объектов оработанных месторождений. Следы крупных, более

антропоморфных зверей (лося, дикого северного оленя) и соболя регистрировались на некотором удалении от промышленных объектов.

На маршрутах нами были зарегистрированы следы только шести видов охотничьих зверей, что меньше общего числа видов, свойственных Оймяконскому району (табл. 2). В частности, отсутствовали следы бурундука, северной пищухи и бурого медведя, как видов, впадающих в спячку, или видов, практически не выходящих на поверхность в зимний период. Отсутствовали следы рыси, сибирской кабарги и снежного барана, что можно объяснить ограниченностью территории учетов долиной реки, не затронувшей предгорных и горных биотопов, наиболее свойственных вышеперечисленным видам.

В монографии Я. Л. Вольперта и Е. Г. Шадринной [6] на основе оригинальных данных, собранных в долинах среднего и нижнего течения рек Индигирки и Колымы, рассмотрены показатели 17 видов мелких млекопитающих. Нами было отловлено только шесть видов (табл. 2). Одной из причин небольшого числа отловленных нами видов является тот факт, что отлов мелких млекопитающих проводился в ограниченном числе биотопов, в основном в долине р. Большой Тарын. Нами не были отловлены мелкие млекопитающие на склонах хребта Тас-Кыстабыт, что существенно повлияло на видовое разнообразие отловленных млекопитающих. Еще одной серьезной причиной небольшого числа отловленных нами видов мелких млекопитающих можно считать местами значительную трансформацию растительности при добыче полезных ископаемых, т. е. близость разработанных месторождений.

Заключение

Плотность населения охотничьих видов зверей, обитающих в пойме р. Большой Тарын, находится в пределах значений официальных данных Депохоты Минэкологии Республики Саха (Якутия) по Оймяконскому району. Это говорит об отсутствии значительного воздействия промышленных объектов на охотничьи виды, чему способствует режим работы приисков, запрещающий работникам свободный выход за пределы лицензионных участков.

С учетом биогеографической специфики исследованных территорий Оймяконского района, а также ограниченности обловленных растительных сообществ поймой реки Большой Тарын, видовое разнообразие отловленных мелких млекопитающих меньше, чем в целом по району. В наших пробах преобладают красная и красно-серая полевки, что подтверждает выводы ранее проведенных исследований о значительной доле этих видов в наземных экосистемах.

Близость трансформированных территорий к исследованным участкам долины реки Большой Тарын оказывает воздействие в основном на видовое разнообразие мелких млекопитающих как более стеноотпных видов.

В Оймяконском районе, относительно малонаселенном и исключительно разнообразном по природным условиям районе Республики Саха (Якутия), уже происходят значительные экологические изменения, связанные с добычей полезных ископаемых, что неизбежно скажется на видовом разнообразии и в первую очередь на разнообразии мелких млекопитающих.

Л и т е р а т у р а

1. Маак, Р. К. Вилуйский округ Якутской области / Р. Маак. – Санкт-Петербург : Типография и хромофотография А. Траншеля, 1883. – 318 с.
2. Зензинов, В. М. Старинные люди у холодного океана. Русское устье Якутской области Верхоянского округа / В. М. Зензинов. – Москва, 1914. – 135 с.
3. Доппельмаир, Г. Г. Пушной и охотничий промысел Якутии / Г. Г. Доппельмаир. – Ленинград : Издательство Академии наук, 1927. – 47 с.

4. Мордосов, И. И. Состояние и перспективы развития охотничье-промыслового хозяйства Якутской АССР в работах якутской экспедиции АН СССР (1925–1930 гг.) / И. И. Мордосов // Вестник ЯГУ. – 2005. – № 30. – С. 30–36.
5. Млекопитающие Якутии / В. А. Тавровский, О. В. Егоров, В. Г. Кривошеев [и др.]. – Москва : Наука, 1971. – 659 с.
6. Вольперт, Я. Л. Мелкие млекопитающие Северо-Востока Сибири / Я. Л. Вольперт, Е. Г. Шадрина. – Новосибирск : Наука, 2002. – 246 с.
7. Кривошеев, В. Г. Современные ландшафты и распространение мелких млекопитающих в Северо-Восточной Азии / В. Г. Кривошеев // Биол. проблемы Севера. – Магадан. – Вып. 2. – 1973. – С. 24–35.
8. Лабутин, Б. В. Биофаунистические материалы по млекопитающим Табалахской впадины / Б. В. Лабутин // Экология мелких млекопитающих Якутии. – Якутск, 1975. – С. 34–56.
9. Биология охотничье-промысловых зверей Якутии / [М. В. Попов, Н. Г. Соломонов, И. И. Мордосов, Ю. В. Лабутин]; Отв. ред. В. Н. Винокуров; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т биологии. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1980. – 157, [3] с.: ил.
10. Оймяконский улус [Электронный ресурс]: Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Оймяконский_улус (дата обращения: 05.05.2024).
11. Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды Республики Саха (Якутия) в 2022 году. – Якутск, 2023. – 891 с.
12. Приложение №1 к приказу ФГБУ «ФЦРОХ» от 24.11.2021 г. № 86 «Методика учета численности охотничьих ресурсов методом зимнего маршрутного учета».
13. Новиков, Г. А. Полевые исследования экологии наземных позвоночных животных / Г. А. Новиков. – Москва : Советская наука, 1949. – 340 с.
14. Кучерук, В. В. Количественный учет важнейших видов грызунов и землероек / В. В. Кучерук // Методы учета численности и географического распределения наземных позвоночных. – Москва, 1952. – С. 9–46.
15. Ермаков, Е. Н. Учет численности мелких млекопитающих канавками / Е. Н. Ермаков, С. И. Шаповалов // Экология. – 1972. – № 4. – С. 105.
16. Виноградов, В. В. Пространственно-временная организация сообществ мелких млекопитающих приенисейской части Алтае-Саянской горной страны : автореферат дисс. ... д. биол. н. – Новосибирск, 2011. – 46 с.
17. Павлов, М. П. Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР / М. П. Павлов, И. Б. Корсаков, В. В. Тимофеев, В. Г. Сафонов ; под ред. И. Д. Кириса. – Киров : Волго-Вятское изд-во, 1973. – 535 с.
18. Тавровский, В. А. Первые итоги реакклиматизации соболя в южных и восточных районах Якутии / В. А. Тавровский, Д. У. Иванов, Н. А. Корнилов // Восстановление промысловых запасов соболя в Якутии: Тр. ин-та биол. Якут. ф-ла СО АН СССР. Вып. 4. – Москва, 1958. – С. 3–49.
19. Монахов, Г. И. Соболя. Охрана и промысел / Г. И. Монахов // Охота и охотничье хозяйство. – 1983. – № 9. – С. 14–16.

References

1. Maack RK. Vilyuisky district of Yakutsk region. St. Petersburg: Typography and chromolithography by A. Trenchel, 1883:318 (in Russian).
2. Zenzinov VM. Ancient people near the cold ocean. Russian Mouth of the Yakutsk region of the Verkhoyansk district. Moscow, 1914:135 (in Russian).
3. Doppelmaier GG. Fur and hunting trade in Yakutia. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences, 1927:47 (in Russian).
4. Mordosov II. The condition and perspectives of the development of the hunting-business economy of Yakutsk ASSR in the works of the expedition of the Academy of Sciences in USSR (1925-1930). Vestnik of NEFU, 2005;30:30-36 (in Russian).
5. Tavrovskiy VA, Egorov OV, Krivosheev VG, et al. Mammals of Yakutia. Moscow: Nauka, 1971:659 (in Russian).

6. Volpert YaL, Shadrina EG. Small mammals of the North-East Siberia. Novosibirsk: Nauka, 2002:246 (in Russian).
7. Krivosheev VG. Current landscapes and distribution of small mammals in Northeast Asia. Magadan: Biological problems of the North, 1973:24-35 (in Russian).
8. Labutin YuV. Biofaunistic materials on mammals of the Tabalakh cavity. In: Ecology of small mammals of Yakutia. Yakutsk: 1975:34-56 (in Russian).
9. Popov MV, Solomonov NG, Mordosov II, Labutin YuV. Biology of hunting and fur-bearing animals of Yakutia. In: Vinokurov VN (ed). Novosibirsk: Nauka, 1980:157 (in Russian).
10. Оумякон улус (district) [online]: the free encyclopaedia. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Оймяконский_улус [Accessed 5 May 2024] (in Russian).
11. State report on the state and protection of the environment of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2022. Yakutsk, 2023:891 (in Russian).
12. Appendix No. 1 to the Order of the FSBI Federal Centre of Hunting Resources dated 24.11.2021, No. 86: "Methodology for Counting Hunting Resources by Winter Route Survey" (in Russian).
13. Novikov GA. Field studies of terrestrial vertebrate ecology. Moscow: Soviet Science, 1949:340 (in Russian).
14. Kucheruk VV. Quantitative accounting of the most important species of rodents and shrews. In: Methods of Accounting for the Abundance and Geographical Distribution of Terrestrial Vertebrates. Moscow, 1952:9-46 (in Russian).
15. Ermakov EN, Shapovalov SI. Estimating the abundance of small mammals by grooves. Ecology, 1972;4:105 (in Russian).
16. Vinogradov VV. Spatial and temporal organisation of small mammal communities in the Prienisei part of the Altai-Sayan mountainous country. Summary of Doctor's dissertation (Biology). Novosibirsk, 2011:46 (in Russian).
17. Pavlov MP, Korsakov IB, Timofeev VV, Safonov VG. Acclimatization of game animals and birds in the USSR. In: Kiris ID (ed). Kirov: Volga-Vyatka book publishing house, 1973:535 (in Russian).
18. Tavrovskiy VA, Ivanov DU, Kornilov NA. The first results of sable reacclimatisation in the southern and eastern regions of Yakutia. Restoration of commercial sable reserves in Yakutia. In: Proceedings of the Institute of Biol. of the Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Moscow, 1958;4:3-49 (in Russian).
19. Monakhov GI. Sable. Protection and hunting. Hunting and hunting economy, 1983;9:14-16 (in Russian).

МОНАХОВ Владимир Генрихович – д. б. н., с. н. с., Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Vladimir G. Monakhov – Dr. Sci. (Biology), Senior Researcher, Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS, Ekaterinburg, Russia.

ГОРОХОВ Алексей Николаевич – к. б. н., с. н. с., Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, Якутск, Россия.

E-mail: algor64@mail.ru

Alexey N. Gorokhov – Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher, Institute of Biological Problems of the Cryolithozones, SB RAS, Yakutsk, Russia.

ВЕЛИЧЕНКО Валерий Владимирович – д. б. н., г. н. с. НИИПЭС, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Якутск, Россия.

E-mail: ipes-08@mail.ru

Valery V. Velichenko – Dr. Sci. (Biology), Principal Researcher, IAEN, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

ДАНИЛОВ Василий Алексеевич – м. н. с. НИИПЭС, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Якутск, Россия.

E-mail: vasiliy_danilov01@mail.ru

Vasily A. Danilov – Junior Researcher, IAEN, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

УДК 599.61;569(571.56)

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-34-44

Новые данные по местонахождениям мамонтовой фауны в среднем течении р. Яна (Северо-Восток Якутии)

Г. П. Новгородов¹ ✉, А. Н. Тихонов²¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия²Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

✉ novgorodovgavril@mail.ru

Аннотация. Бассейн р. Яна, располагающийся на территории Яно-Индибирской низменности, является одним из наиболее богатых районов Якутии по палеонтологическим находкам животных мамонтовой фауны с мягкими тканями. Около 140 лет назад была собрана первая большая коллекция палеонтологического материала царской экспедицией под руководством А. А. Бунге и Э. В. Толля (1885–1886 гг.), которая хранится в запасниках Зоологического института Российской академии наук г. Санкт-Петербурга. На среднем течении р. Яна ранее были найдены такие известные уникальные находки, как фрагмент туши ленской лошади (2009 г.), молодая особь бизона (2009 г.), копытный лемминг (2012 г.), Верхоянский жеребенок (2018 г.), обнаруженные на местонахождении Батагайка. Сотрудниками лаборатории «Музей мамонта им. П.А. Лазарева» в 2023 г. во время полевых работ на основных местонахождениях бассейна р. Яна был собран палеонтологический и палинологический материалы. Представлены новые данные по количественному и процентному соотношению видов мамонтовой фауны на местонахождении Хаастаах, а также некоторые морфометрические показатели по фрагментированной туше ископаемого бизона. Для всестороннего изучения местонахождений применялись различные методы палеогеографических реконструкций, включая палеонтологический, палинологический и радиоуглеродный анализы. Эти методы были направлены на выявление временных закономерностей изменчивости природных условий на рубеже плейстоцена и голоцена. Результаты по последним находкам дополняют информацию о распространении представителей мамонтовой фауны на территории Якутии в позднем плейстоцене и голоцене.

Ключевые слова: плейстоцен, голоцен, палеонтология, морфология, мамонтовая фауна, бассейн р. Яна, местонахождение, многолетняя мерзлота, радиоуглеродный возраст, ископаемые остатки.

Для цитирования: Новгородов Г. П., Тихонов А. Н. Новые данные по местонахождениям мамонтовой фауны в среднем течении р. Яна (Северо-Восток Якутии). *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 34–44. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-34-44

Полевые работы 2023 г. и последующая лабораторная обработка материала проведены в рамках гранта РНФ 23-27-00242 «Реконструкция экосистем Янского плоскогорья в плейстоцене–голоцене на основе криолитологических, палеопочвенных и палеонтологических данных термоденудационной котловины “Батагай”».

New data on the locations of mammoth fauna in the middle reaches of the Yana River (northeast Yakutia)

G. P. Novgorodov¹ ✉, A. N. Tikhonov²¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia²Zoological Institute of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

✉ novgorodovgavril@mail.ru

Abstract. The Yana River basin in the Yana-Indigirka Lowland is one of the richest regions of Yakutia in paleontological finds of animals representing the mammoth fauna with soft tissues. More than 130 years ago, a large collection of paleontological material was collected by the royal

expedition led by A.A. Bunge and E.V. Toll (1885-1886), which is stored in the storerooms of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg. Previously known unique finds on the middle reaches of the Yana River included the Lena horse body fragment (2009), juvenile bison (2009), collared lemming (2012), and Verkhoyansk foal (2018) discovered at the Batagaika location. In 2023, during field work, paleontological and palynological material was collected at the main locations of the Yana River basin. New data on the quantitative and percentage ratio of mammoth fauna species at the Khaastaakh locality are presented, as well as some morphometric indicators for a fragmented fossil bison body. For a comprehensive study of the localities, various methods of paleogeographic reconstructions were used, including paleontological, palynological and radiocarbon analyses. These methods were aimed at identifying temporal patterns of variability of natural conditions at the Pleistocene-Holocene boundary. The results of the latest findings supplement the information on the distribution of representatives of the mammoth fauna in the territory of Yakutia in the late Pleistocene and Holocene.

Keywords: Pleistocene, Holocene, paleontology, morphology, mammoth fauna, Yana River basin, location, permafrost, radiocarbon age, fossil remains.

For citation: Novgorodov G. P., Tikhonov A. N. New data on the locations of mammoth fauna in the middle reaches of the Yana River (northeast Yakutia). *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 34–44. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-34-44

The fieldwork in 2023 and subsequent laboratory processing of the material were conducted within the framework of RSF grant 23-27-00242, "Reconstruction of ecosystems of the Yana Plateau in the Pleistocene-Holocene based on cryolithological, paleosol and paleontological data of the Batagai thermodenudation crater".

Введение

Одной из перспективных территорий по палеонтологическим находкам костных, трупных фрагментов и даже остатков с замороженными трупами животных—представителей мамонтовой фауны на Северо-Востоке Якутии является бассейн р. Яна и близлежащие территории. Первая большая коллекция палеонтологического материала из бассейна р. Яна была собрана «Новосибирской» экспедицией А. А. Бунге и Э. В. Толля в 1885–1886 гг., которую детально описал в своей монографии И. Д. Черский [1].

За последние 15 лет на среднем течении р. Яны были обнаружены такие уникальные объекты, как Верхоянская лошадь (2009 г., абсолютный возраст – 4450 лет (GrA – 48709)), теленок бизона (2009 г., – 8215 лет (GrA – 50838)), копытный лемминг (2012 г., >50 тыс. лет (>50299, OxA-29747)) и Верхоянский жеребенок (2018 г., – 38590 ± 1120 лет (JYU-506)) из местонахождения Батагайка, а также Адычинский бизон (2022 г., 27325 ± 226 л. н. (GV-4616)) из местонахождения Хаастаах.

Результаты

Сотрудниками лаборатории «Музей мамонта» полевые работы на среднем течении бассейна р. Яна проводились с 2009 по 2016 гг. на пяти местонахождениях (рис. 1). В июле 2023 г. удалось исследовать 4 из 5 местонахождений, местонахождение Юнюген из-за дальнего его расположения не был включен в нашу логистику.

Одним из наиболее перспективных местонахождений по уникальным палеонтологическим объектам мамонтовой фауны является Батагайка, на Северо-Востоке Якутии – крупнейший термоденудационный овраг в мире [2]: его размеры составляют приблизительно 1х2 км, протяженность основной стенки обнажения более 1,6 км, он вскрывает стратиграфическую последовательность мерзлых отложений мощностью более 80 м и охватывает, по оценкам различных методов исследований, интервал от 250 до 600–700 тыс. лет [3] (рис. 2).

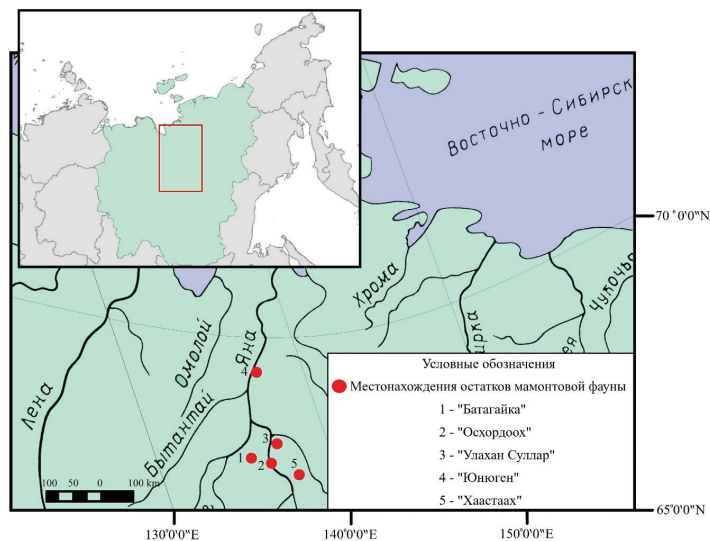


Рис. 1. Перспективные местонахождения среднего течения бассейна р. Яна
Fig. 1. Prospective locations in the middle reaches of the Yana River basin



Рис. 2. Местонахождение Батагайка
Fig. 2. The Batagaika crater location

На данном местонахождении у основания земляного останца (байджерахах), в 2009 г. обнаружена ленская лошадь голоценового возраста 4400 ± 35 (GrA-48709) тыс. л. н., у которой отсутствует голова и дистальные части передних конечностей. По первичным половым признакам установлено, что туша лошади принадлежит самцу. Масть жеребца установить не смогли из-за отсутствия шерстного покрова, который полностью выпал в процессе частичного разложения и мумификации (рис. 3).

Голоценовый возраст находки воодушевил некоторых палеонтологов, которые считали, что, возможно, ленская лошадь не вымерла в позднем плейстоцене, а смогла сохраниться в голоцене [4]. Позже в проекте сравнения древних и современных лошадей у Верхоянской лошади и у более чем 10 образцов лошадей был отсекален митохондриальный геном. У образцов Batagai (Верхоянская лошадь) и CGG101397 (с захоронения XIX в.), данные



Рис. 3. Верхоянская лошадь

Fig. 3. Verkhoyansk horse



Рис. 4. Батагайский бизоненок

Fig. 4. Batagai bison cub

геномов секвенирования оказались совместимы, однако результаты посчитали ошибочными [5]. В результате данных генетических исследований древняя лошадь оказалась более дальней генетической ветвью современной якутской лошади, что свидетельствует о том, что ленская лошадь все-таки вымерла и в процессе изменения климата, хотя существовала до 2200 лет назад на о. Большой Ляховский, по последним датировкам [6].

Автором вышеописанной находки является местный житель Э. В. Стручков, он же обнаружил следующий объект (рис. 4) – теленка бизона возрастом 8215 ± 45 –40 лет назад (GrA – 50838), обнаруженного осенью 2009 г. [7]. Находка представляет собой мумифицированную тушу бизона молодой особи, биологический возраст около 2–3 месяцев. Труп бизона зафиксирован в позе спящего животного, передние конечности полусогнуты и направлены назад, а задние конечности как бы вытянуты вперед. Кожа тонкая, которая лопнула вдоль тела, начиная с плеча до хвоста. На голове и спине наблюдаются минеральные темно-синие выцветы керченита – частично окисленного вивианита. Носогубное зеркало отсутствует. Шерстный покров выпал, сохранился только на брюшке темно-бурого цвета и на дистальной части конечностей светло-коричневого цвета.



Рис. 5. Тушка копытного лемминга
Fig. 5. Body of the collared lemming



Рис. 6. Батагайский жеребенок
Fig. 6. Batagai foal

На конечностях сохранились копыта, отсутствует копыто лишь на правой фаланге передней правой ноги. Также сохранился хвост, который прижат к телу, длина составила 30 см. Данная находка бизона является самой поздней находкой в голоценовом периоде [6].

В 2012 г. сотрудниками лаборатории «Музей мамонта им. П. А. Лазарева» на северной стороне Батагайского оврага у подножья байджераха был обнаружен копытный лемминг, радиоуглеродный возраст которого оказался запредельный <50 тыс. л. н. (>50299, ОхА-29747) (рис. 5).

Данная находка в ходе генетических исследований оказалась самой древней из более чем 300 исследованных образцов со всего Северного полушария [8]. Современным ареалом этих грызунов считается зона тундры, а в Европейской части копытные лемминги вымерли вместе с основной мамонтовой фауной.

Уникальной находкой по сохранности мягких тканей является четвертая находка с местонахождения Батагайка – жеребенок ленской лошади, обнаруженный местными жителями в июле 2018 г. с геологическим возрастом 39850 ± 280 л. н. (рис. 6) [9].



Рис. 7. Внутренние органы жеребенка

Fig. 7. Internal organs of the foal

Находка обнаружена почти полностью вытянувшейся из обнажения, удерживавшейся только задними и передней левой конечностями в мерзлой стенке на уровне 30 метров от поверхности земли. Жеребенок был доставлен в г. Якутск в августе 2018 г. сотрудниками лаборатории «Музей мамонта им. П.А. Лазарева».

По результатам морфологических и краниометрических промеров установили, что жеребенок был еще на грудном вскармливании возрастом до 20 дней после отела. Пол установлен по первичным половым признакам, это был самец древней лошади. Благодаря сохранившемуся шерстяному покрову коричневого цвета определили, что жеребенок был гнедой масти, также это подтверждается черным окрасом гривы и хвоста (рис. 6).

Находка отличается удивительной сохранностью без механических повреждений покровных тканей и сохранившимися внутренними органами, не затронутыми разложением (рис. 7). Были изъяты для дальнейших палинологических и гистологических исследований весь кишечный тракт, содержимое сердца (кровь) и мочевого пузыря (урина).

Дальнейшие генетические исследования должны показать видовую принадлежность данного жеребенка.

Местонахождения в бассейне р. Яны отличаются более древним возрастом отложений и, соответственно, составом ископаемой фауны млекопитающих, обитавших в различные эпохи плейстоцена. В 2023 г., помимо местонахождения Батагайка, были исследованы еще 3 местонахождения: Улахан Суллар, Охордоох и Хаастаах.

Улахан Суллар – это опорное местонахождение, исследуемое с 60-х годов прошлого столетия, располагающееся на правом берегу р. Адыча в 18 км ниже по течению от с. Бетенкес. Высота обнажения многолетнемерзлых пород от 65 до 80 метров (рис. 8).

Здесь были обнаружены практически все виды представителей мамонтовой фауны позднего неоплейстоцена (хищные: *Canis lupus*, *Ursus arctos* L., *Panthera spelaea* Goldfuss; хоботные: *Mammuthus primigenius* Blum. позднего типа; непарнокопытные: *Equus lenensis* Russ., *Coelodonta antiquitatis* Blum.; парнокопытные: *Cervus elaphus* L., *Alces* sp., *Rangifer tarandus* L., *Bison priscus* Boj., *Ovibos pallantis* H. Smith). Одной из редких находок является левая ветвь нижней челюсти малого пещерного медведя *Ursus rossicus*, обнаруженная отрядом лаборатории «Музей мамонта» [10, 11] (рис. 9).

Данная находка – лишь третья на территории Северо-Востока Якутии. Первой находкой на Северо-Востоке Азии является таранная кость с местонахождения Охордоох, которая по молекулярно-генетическим исследованиям оказалась ближе к кударскому пещерному медведю *U. deningeri kudarensis* (Baryshnikov, 1985) из северного Кавказа и была обозначена как *Ursus* cf. *deningeri*. Вторая находка была сделана в 2007 г. в бассейне р. Колыма, где впервые была найдена нижняя челюсть малого пещерного медведя [12].



Рис. 8. Местонахождение Улахан Суллар

Fig. 8. The Ulakhan Sullar location

Рис. 9. Левая ветвь нижней челюсти малого пещерного медведя (*Ursus rossicus*)Fig. 9. The left mandibular bone of the small cave bear (*Ursus rossicus*)

Выше по течению от обнажения Улахан Суллар в 40 км имеется небольшая речная коса (участок «Осхордоох») протяженностью около 500 м. Ранее на поверхности этой косы были обнаружены кости среднеплейстоценовых животных, таких как трогонтериевый мамонт, длиннорогий бизон, лошадь Веры, правецбык, фрагменты черепа широколобого лося и зоргелии. На данный момент практически вся поверхность косы заросла травой и ивовым тальником. В последнее время для поиска бивней шерстистого мамонта используют подводный метод поиска, и параллельно с бивневым материалом со дна извлекаются редкие находки среднеплейстоценовых животных мамонтовой фауны (рис. 10). Представляется перспективным использование данного метода для поиска остатков представителей более ранней фауны.

Участок Хаастаах был исследован в 2023 г. Данное местонахождение находится выше по течению в 40 км от пос. Бетенкес, на р. Хаастаах (правый приток р. Адыча), приблизительно в 50 км от устья. Интерес к этому участку был вызван находкой неполной туши плейстоценового молодого Адычинского бизона с очень хорошей сохранностью



Рис. 10. Подводный метод поиска: а – вырубка лунки во льду зимой;
б – палеонтологический материал, поднятый со дна реки Адыча

Fig. 10. The underwater search method: a – digging a hole in the ice in winter;
b – paleontological material recovered from the bottom of the Adycha River



Рис. 11. Адычинский бизон

Fig. 11. Adycha bison

мягких тканей (сохранились голова и две передние конечности), с абсолютным возрастом 27325 ± 226 л. н. (GV-4616) (рис. 11). Был обнаружен искателями бивня мамонта в июле 2022 г. в многолетнемерзлых породах.

Туша сохранилась не полностью, только передняя часть туловища (голова и передние конечности), хорошо сохранился летний шерстный покров. Длина шерсти на голове 1–1,5 см, борода на подбородке 5–6 см, грива на холке до 10–11 см, на шее и под грудью длина волос до 34–35 см. Рога прямые и направлены в стороны, длина от основания 13 см, максимальное расстояние кончиков роговых чехлов друг от друга 43,5 см. Длина головы от носа до затылка 43,5 см, копыта черного цвета, длина составила 117,5 мм, наибольшая ширина двух копыт 100,7 мм.

Предварительно установлено, что это молодая особь самца, возрастом 1,5–2 года. Труп бизона был обнаружен в толщах многолетнемерзлых пород высокого яра (30–40 м.) на левом берегу р. Хаастаах. Полная информация будет представлена после завершения морфологических, генетических и микробиологических исследований.

На новом местонахождении были исследованы три искусственных штольни протяженностью 300–400 метров и высотой от 50 см до 3–4 метров. Здесь было

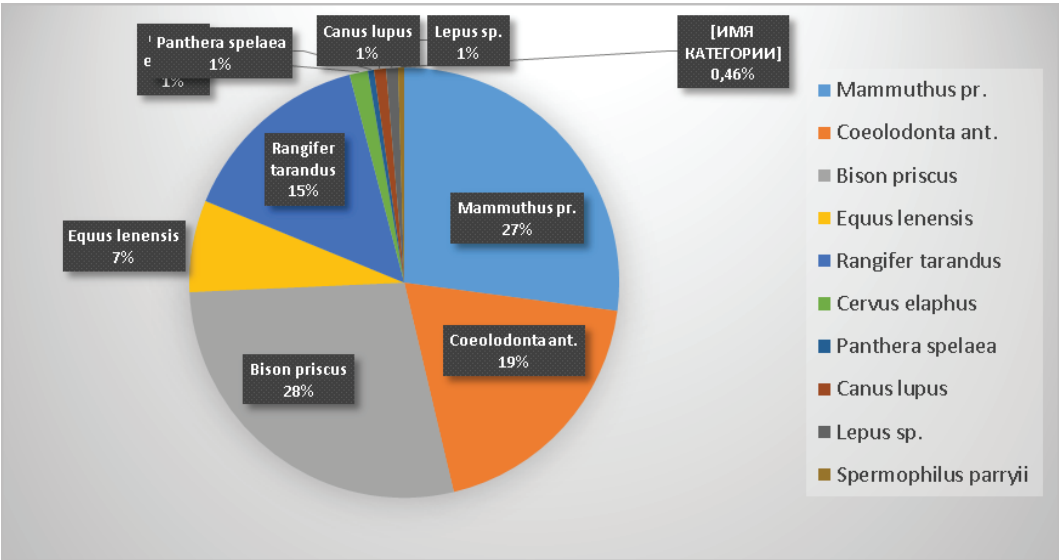


Рис. 12. Количественное и процентное соотношение видов на местонахождении Хаастаах
Fig. 12. Quantitative and percentage ratio of species at the Khaastaakh locality

идентифицировано большое количество палеонтологического материала – 218 костных остатков ископаемых млекопитающих 10 видов (*Mammuthus primigenius*, *Coeolodonta antiquitatis*, *Bison priscus*, *Equus lenensis*, *Cervus elaphus*, *Rangifer tarandus*, *Lepus sp.*, *Spermophilus sp.*, *Panthera spelaea* Goldfuss, *Canis lupus*). На рис. 12 показано количественное и процентное соотношение видов.

Выявлено, что среди крупных растительноядных животных практически равные процентные соотношения находок костного материала, что характерно для структуры фауны позднего плейстоцена, кроме остатков лошадей. По сравнению с другими местонахождениями здесь очень мало остатков лошадей, однако наблюдается значительная доля костных остатков шерстистого носорога (19%), по П.А. Лазареву [13], по Якутии доля этого вида составляет 4,9%. Для полного понимания геологического возраста в целом по данному местонахождению будет сделан ряд радиоуглеродных датировок.

Заключение

Таким образом, бассейн реки Яна и прилегающие территории до сих пор являются одним из перспективных в плане новых находок ископаемых остатков представителей мамонтовой фауны с мягкими тканями. На каждом из исследуемых местонахождений обнаружены следы обитания индикаторных видов представителей мамонтовой фауны позднего неоплейстоцена и голоцена, что говорит о сохранении более благоприятных условий на территории Северо-Востока Сибири.

Л и т е р а т у р а

1. Черский, И. Д. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных Новосибирской экспедицией 1885–1886 гг.: Зап. АН, 1891. – Т. 65, прилож. № 1. – 706 с.

2. Палеоэкологические индикаторы условий формирования многолетнемерзлых отложений Батагайской термоденудационной котловины / А. В. Лупачев, Я. В. Тихонравова, П. П. Данилов, О. Г. Занина // Криосфера Земли. – 2024. – Т. XXVIII. – № 1. – С. 36–49. DOI: 10.15372/KZ20240104

3. Murton JB, Opel Th, Toms Ph, et al. A multimethod dating study of ancient permafrost, Batagay megaslump, east Siberia. Quaternary Research, 2022;105:1–22.

4. Лазарев, П. А. Антропогенные лошади Якутии / П. А. Лазарев. – Москва : Наука, 1980. – 190 с.
5. Librado P, Der Sarkissian C, Ermini L, et al. Tracking the origins of Yakutian horses and the genetic basis for their fast adaptation to subarctic environments. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2015;112(50):E6889-E6897. DOI: 10.1073/pnas.1513696112
6. Боесков, Г. Г. Существование индикаторных видов мамонтовой фауны в голоцене Якутии // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Северо-Востока России. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х томах. – 2019. – С. 15–19.
7. Находки уникальных останков туш лошади и бизона в Верхоянском районе Якутии / П. А. Лазарев, С. Е. Григорьев, В. В. Плотников, Г. Н. Саввинов // Проблемы региональной экологии. – 2011. – № 4. – С. 13–18.
8. Palkopoulou E, Baca M, Abramson NI, et al. Synchronous genetic turnovers across Western Eurasia in Late Pleistocene collared lemmings. *Global Change Biology*, 2016;22(5):1710-1721. DOI: 10.1111/gcb.13214
9. Предварительные исследования жеребенка древней лошади / М. Ю. Чепрасов, С. Е. Григорьев, Г. П. Новгородов [и др.] // Четвертичная палеонтология и палеоэкология Якутии : Материалы Междунар. науч. семинара, посвящ. 85-летию со дня рождения П.А. Лазарева (1936–2011). – Якутск : Изд. дом СВФУ, 2021. – С. 55–58.
10. Палеонтологические и археозоологические исследования в бассейне р. Яна / Григорьев С. Е., Чепрасов М. Ю., Саввинов Г. Н. [и др.]. // Вестник СВФУ. – № 1 (57). – 2017. – С. 20–35.
11. Боесков, Г. Г. Новое доказательство существования пещерных медведей в плейстоцене Сибирской Арктики / Г. Г. Боесков, С. Е. Григорьев, Г. Ф. Барышников // Доклады Академии наук. – 2012. – Т. 445. – № 2. – С. 226–230.
12. Sher AV, Weinstock J, Baryshnikov GF, et al. The first record of “spelaeoid” bears in Arctic Siberia. *Quaternary Science Reviews*, 2011;30(17-18):2238-2249. DOI: 10.1016/j.quascirev.2010.10.016
13. Лазарев, П. А. Крупные млекопитающие антропогена Якутии / П. А. Лазарев. – Новосибирск : Наука, 2008. – 160 с.

References

1. Chersky ID. Description of collections of Post-Tertiary Mammalian Animals Collected by the Novosibirsk Expedition of 1885–1886. *Notes of Russian Academy of Science*, 1891;65(1):706 (in Russian).
2. Lupachev AV, Tikhonravova YaV, Danilov PP, et al. Paleoecological indicators of the conditions of permafrost development in the area of Batagay retrogressive thaw slump. *Earth’s Cryosphere*, 2024;28(1):36–49. DOI: 10.15372/KZ20240104 (in Russian).
3. Murton JB, Opel Th, Toms Ph, et al. A multimethod dating study of ancient permafrost, Batagay megaslump, east Siberia. *Quaternary Research*, 2022;105:1–22 (in English).
4. Lazarev PA. Anthropogenic horses of Yakutia. Moscow: Nauka, 1980:190 (in Russian).
5. Librado P, Der Sarkissian C, Ermini L, et al. Tracking the origins of Yakutian horses and the genetic basis for their fast adaptation to subarctic environments. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2015;112(50):E6889-E6897. DOI: 10.1073/pnas.1513696112 (in English).
6. Boeskorov GG. Existence of Mammoth fauna Indicator Species in the Holocene of Yakutia, Geology and Mineral Resources in the North-East of Russia. In: *Proceedings of the 9th All-Russia Scientific and Practical Conference*. Yakutsk: 2019:15-19 (in Russian).
7. Lazarev PA, Grigoriev SE, Plotnikov VV. Findings of unique remains of horse and bison in the Verkhoyansk Region of Yakutia. *Regional Environmental Issues*, 2011;4:13-18 (in Russian).
8. Palkopoulou E, Baca M, Abramson NI, et al. Synchronous genetic turnovers across Western Eurasia in Late Pleistocene collared lemmings. *Global Change Biology*, 2016;22(5):1710-1721. DOI: 10.1111/gcb.13214 (in English).
9. Cheprasov MYu, Grigoriev SE, Novgorodov GP. Preliminary studies of the foal of an ancient horse. Quaternary paleontology and paleoecology of Yakutia. In: *Proceedings of the International Scientific Seminar to the 85th Anniversary of P.A. Lazarev (1936-2011)*. Yakutsk: Publishing house of NEFU, 2021:55-58 (in Russian).

10. Grigoriev SE, Cheprasov MYu, Savvinov GN, et al. Paleontological and archaeozoological researches in the Yana River basin. Vestnik NEFU, 2017;1(57):20-35 (in Russian).
 11. Boeskorov GG, Grigoriev SE, Baryshnikov GF. New evidence for the existence of Pleistocene cave bears in Arctic Siberia. Doklady Biological Sciences, 2012;445(2):226-230 (in English).
 12. Sher AV, Weinstock J, Baryshnikov GF, et al. The first record of “spelaeoid” bears in Arctic Siberia. Quaternary Science Reviews, 2011;30(17-18):2238-2249. DOI: 10.1016/j.quascirev.2010.10.016 (in English).
 13. Lazarev PA. Large Mammals of the Anthropogene of Yakutia. Novosibirsk: Nauka, 2008:160 (in Russian).
-

НОВГОРОДОВ Гаврил Петрович – н. с. лаборатории «Музей мамонта им. П.А. Лазарева» НИИПЭС, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: novgorodovgavril@mail.ru

Gavril P. NOVGORODOV – Researcher at the P.A. Lazarev Mammoth Museum Laboratory, IAEN, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ТИХОНОВ Алексей Николаевич – к. б. н., в. н. с. Зоологического музея, ФГБУН «Зоологический институт Российской академии наук».

E-mail: atikh@mail.ru

Alexey N. TIKHONOV – Cand. Sci. (Biology), Lead. Researcher at the Museum of Zoology, Zoological Institute of Russian Academy of Sciences.

УДК 537.9

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-45-55

Numerical analysis of flexible airfield pavements behaviour submitted by large aircraft: influence of the position and configuration of the landing gear

Z. Ambassa¹ ✉, R. Medjo Eko², M. N. Safonova³, A. A. Fedotov³, N. E. Ammosova³

¹National Higher Polytechnic School of Douala, University of Douala, Cameroon

²International Higher School of Bridges and Pavements of Abidjan, Ivory Coast,
University of Douala, Cameroon

³M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ zoambassadaniel@gmail.com

Abstract. Finite Element numerical program applied to the airfield pavement behavior to determine the damage mechanisms of pavement structures under high intensity loads and to determine the critical response has been investigated. This investigation on airfield pavements confirms that six-wheels bogies for aircraft or tridem axles of heavy weights on road pavement mainly create longitudinal cracking due to the maximum transverse strains, while four-wheels bogie for aircraft or tandem axles mainly create transverse cracking due to the maximum longitudinal strains such as in road pavements. The modelling was based on quasi-static comparisons of landing gear configurations. These analyses provided data on the effects of interference when changing the distance between wheels or supports, comparisons between different landing gear configurations of the A340, B777 and their main competitors. A multi-layer linear model is proposed considering the design of flexible pavement, which will be more rational than the current CBR method.

Keywords: finite element, airfield pavement, damage mechanism, six-wheels bogies, four-wheels bogies, tricycle axles, longitudinal deformations, critical response, deformation, tandem axis.

For citation: Z. Ambassa, R. Medjo Eko, Safonova M. N., Fedotov A. A., Ammosova N. E. Numerical analysis of flexible airfield pavements behaviour submitted by large aircraft: influence of the position and configuration of the landing gear. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 45–55. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-45-55

Численный анализ поведения гибких аэродромных покрытий при воздействии крупногабаритных воздушных судов: влияние положения и конфигурации шасси

З. Амбасса¹ ✉, Р. Меджо Эко², М. Н. Сафонова³, А. А. Федотов³, Н. Е. Аммосова³

¹Национальный политехнический институт Дуалы, Университет Дуалы, Камерун

²Международный институт дорожного хозяйства Абиджана, Кот-д'Ивуар,
Университет Дуалы, Камерун

³Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ zoambassadaniel@gmail.com

Аннотация. Исследована численная программа методом конечных элементов, применяемая к поведению аэродромных покрытий для определения механизмов повреждения конструкций
© Z. Ambassa, R. Medjo Eko, Safonova M. N., Fedotov A. A., Ammosova N. E., 2024

дорожных покрытий при нагрузках высокой интенсивности и определения критического реагирования. Данное исследование на аэродромных покрытиях подтверждает, что шестиколесные тележки для самолетов или трехколесные оси тяжелых грузов на дорожном покрытии в основном создают продольные трещины из-за максимальных поперечных деформаций, а четырехколесные тележки для самолетов или тандемные оси в основном создают поперечные трещины из-за максимальных продольных деформаций, например, в дорожных покрытиях. Моделирование проводилось на основе квазистатических сравнений конфигураций шасси. Эти анализы предоставили данные о влиянии помех при изменении расстояния между колесами или опорами, сравнения между различными конфигурациями шасси A340, B777 и с их основными конкурентами. Предложена многослойная линейная модель, рассматривающая конструкцию гибкого покрытия, которая будет более рациональной, чем текущий метод CBR.

Ключевые слова: конечный элемент, аэродромное покрытие, механизм разрушения, шестиколесные тележки, четырехколесные тележки, трехколесные оси, продольные деформации, критическое реагирование, деформация, тандемная ось.

Для цитирования: З. Амбасса, Р. Меджо Эко, Сафонова М. Н., Федотов А. А., Аммосова Н. Е. Численный анализ поведения гибких аэродромных покрытий при воздействии крупногабаритных воздушных судов: влияние положения и конфигурации шасси. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 45–55. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-45-55

Introduction

For decades, the flexible airfield pavements design analyses performed in practice still use ICAO empirical CBR based on Equivalent Single Wheel Load (ICAO, 2005). The issue of pavement compatibility was considered to be fundamental to the programme, especially as the current ACN/PCN method, was shown to have reached its limit of reability with the unpredicted cracks of pavements subject to 6 wheel bogie loads. These airfield pavements will deteriorate rapidly if subjected to aircraft loads that exceed the structural strength of the pavement (Ambassa and Ossendé, 2024). To prevent them from being overloaded and sustaining structural damage, their strength should be assessed and reported of which the aircraft mass should not exceed the strength of the pavement (Priyanka and Tutumluer, 2018; Wei and Guo, 2022). Allowing operations with overloads risks causing accelerated damage of the structure and reduction of the service life of the pavement. Pavements are designed to support a defined load for a predictable number of applications during their lifetime (DGAC-STBA, 1988). The evolution of airport traffic and aircraft architecture create new stress conditions, such as multi-peak loading with large strains (Kerzrého et al., 2012; Broutin, 2010). New generation aircraft, large carriers, relatively restrictive for flexible pavements require a detailed analysis of the behaviour of materials under this type of stress and to better quantify the effect of the large amplitudes of stress caused by these aircraft which exceed those applied by an axle of heavy weight on road pavement (Kabo, 2002; Kerzrého et al., 2012; Broutin, 2010, Ménagé et al., 2020). The Finite Element Method represents a powerful alternative approach for pavement response mechanistic analysis submitted by various loads configurations. In this paper, we combine the practicality of empirical methods with the technical soundness of mechanistic solutions and uses mechanistic analysis, to determine the pavement response to imposed load, then applies “empirical” formulations (i.e. “transfer functions”) to determine the development of distress due to the load-induced pavement response. The pavement modelling is representative of the internationally recognised subgrade categories A for flexible structures. The modelling performed on quasi-static comparisons of Landing Gear configurations. These analyses provided data on effects of interference when wheels or legs spacing changed, comparisons between various A340, B777 Landing Gear configurations and with their main competitors. A multi-layered linear model addressing flexible pavement design has be proposed, which will be more rational than the current CBR method. The initial aim was to provide a design method for flexible pavement structures based on quasi static and fatigue (cumulative damage) factors.

Table

Characteristics of the structure analysed

Таблица

Характеристики проанализированной структуры

Type	Designation	Materials	Thickness	E (MPa): Young modulus	Poison's ratio
Structure 1					
Type A	Surface layer	BB (bottom of bituminous)	80 mm	5400	0.35
	Base layer	GB2 (gabbro-basalt)	220 mm	9300	
	Subbase layer	UGM (unbound granular materials)	120 mm	300	
	Subgrade	CBR=15 (gabbro-basalt)	3000 mm	120	

Pavement structure

The mechanical and geometrical characteristics of the pavement structures selected according to the subgrade obtained by the ACN/PCN method, are represented in table 1. For this structure, we opted for a subbase layer in unbound granular materials of 12 cm in order to reduce the number of finite elements and to reduce the calculation time on Cast3M (Cast3M, 2022).

The surface course is 8 cm thick of aeronautic asphalt concrete (BB), which is a standardised material (standard NF P 98 131). The mean value of the in situ compaction had to be between 94% and 97%. The specifications required a 0/14 continuous grading with the characteristics recommended by the GAN (2012). The base course is divided in two layers of 11 cm thick each of bituminous gravel (GB3). GB3 is a standardised material (standard NF P 98 138). The specifications required a 0/20 continuous grading with the characteristics recommended by the GAN (2012).

A number of successive layers of the subbase, depending of the final thickness constitute the course. The material used is unbound granular materials (UGM). The specifications required a 0/20 graded UGM with the following characteristics (GTR, 2000 ; GAN, 2012).

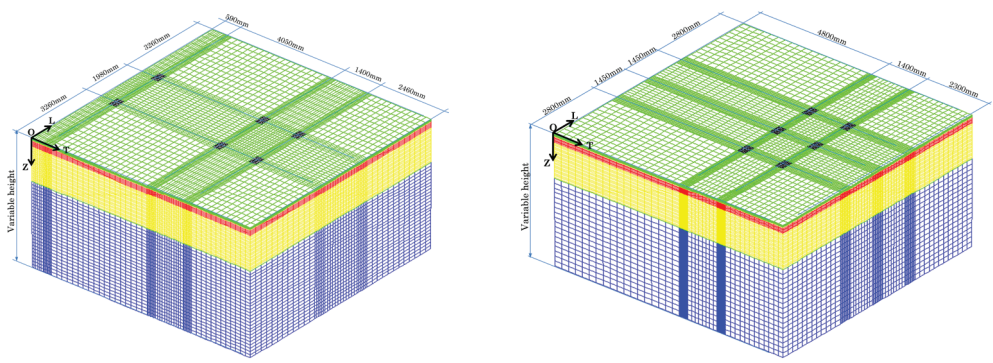
Subgrades are classified according to the supporting soil from the recommendations of the ICAO (2005) and the GTR (French subgrade classification for transportation geotechnic) (2000).

Finite elements modelling of pavements on Cast3M

A few finite elements modeling have been made, based on previus parameters, with Cast3M code to control the strain amplitude for the structure loaded in accordance with all landing gear configuration of aircraft analysis. The analyse has been therefore covered by a Cast3M finite elements code for those static parameters. Nevertheless, it has been necessary to compare the A340 with competitors, as the B777, on flexible pavement, for a concrete positioning.

Numerical calculation results

We found high level of tensile strain at the bottom of base layer and very high vertical compressive strain ot the top of unbound granular materials and subgrade, compared to “road” values. At the base of GB2, the signal of transverse and longitudinal strains is very clearly different (Figures 2 to 3 and 6 to 7). In the transverse direction, the bottom of GB2 is always in extension. The signal presents three or two peaks corresponding to the successive positions of the three or two axles composing the 6 or 4 wheels bogie. For three peaks in transverse direction, the inequality between the peak values is well marked. In this direction, the strain corresponding to the position of the second wheel is in almost cases appreciably higher than those corresponding to the position of the first and third wheel. A perfectly elastic behaviour of



а) б)
Fig. 1. 3D View of Cast3M FE of pavement structure:
а) under landing gear of a A340 ; б) under landing gear of a B777
Рис. 1. 3D-вид Cast3M FE структуры дорожного покрытия:
а) под шасси самолета А340; б) под шасси самолета В777

materials would lead involve indeed, a symmetry of the signal about the axis of the load (equality of the strains relative to the first and the third load). In the longitudinal direction, the base of GB2 presents on the contrary successive shape of extension and compression: extension at the position of the wheels and compression between two wheels. The strain corresponding to the position of the second wheel is lower than the other 2 peaks. The tensile strains in the longitudinal direction corresponding to the position of the 6 wheels bogie is lower than the strains in transverse direction in general. It is the opposite effect which is observed for the tensile strains generated for 4 wheels bogie. At the top of the unbound granular materials (UGM), the signal presents compression strains comprising per direction two (4 wheels) or three separated peaks (6 wheels) (Figures 4 and 8). In the case of the 6 wheels bogie, the central peak, has the greatest amplitude in general. At the top of the unbound granular materials and the top of the subgrade, the signals of the vertical strains have similar forms. They show a general compression with the position of the load, with peaks under the wheels all the less marked as much than the layer of unbound granular materials is thick. Figures 2 to 9, illustrate 3D view and shading of the strains at the base of the GB2 layer, at the top of the unbound granular materials and subgrade layers. The number of peaks in each 3D map indicate the position, the types and number of wheels bogie analysed on the pavements. These 3D shading provide all the necessary informations at the base or at the top of each layer according to the design criteria considered.

The flexible pavements response under landing gear of a A340-600
Strains at the base of the GB3 layer (fatigue criterion)

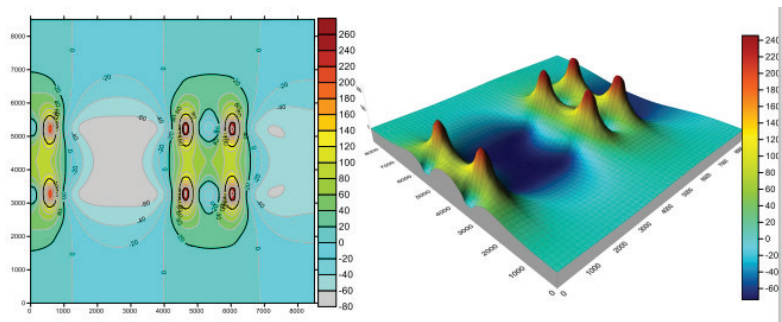


Fig. 2. Transverses tensile strains ($\times 10^6$) at the bottom of bituminous (GB) layer on the pavement
Рис. 2. Поперечные деформации растяжения ($\times 10^6$) в нижней части битумного слоя (GB) дорожного покрытия

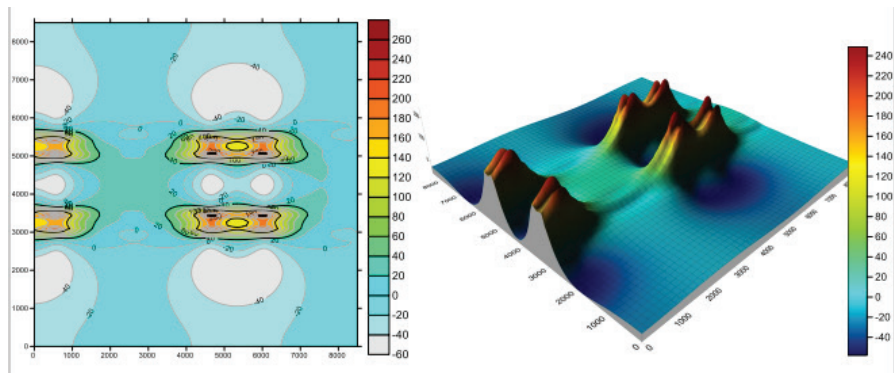


Fig. 3. Longitudinal tensile strains ($\times 10^6$) at the bottom of bituminous (GB) layer on the pavement

Рис. 3. Продольные деформации растяжения ($\times 10^6$)
в нижней части битумного слоя (GB) дорожного покрытия

Strains at the top of the unbound granular materials layer (rutting criterion)

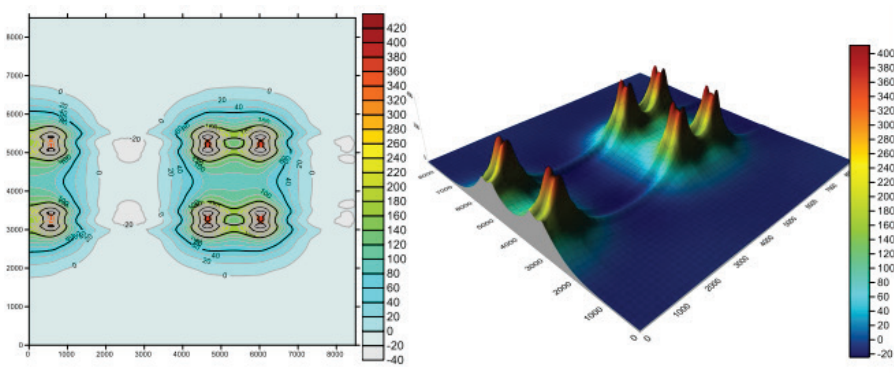


Fig. 4. Vertical compressive strains ($\times 10^6$) at the top of the unbound granular materials layer on the pavement

Рис. 4. Вертикальные деформации сжатия ($\times 10^6$) в верхней части слоя не связанных гранулированных материалов дорожного покрытия

Strains at the top of the subgrade layer (rutting criterion)

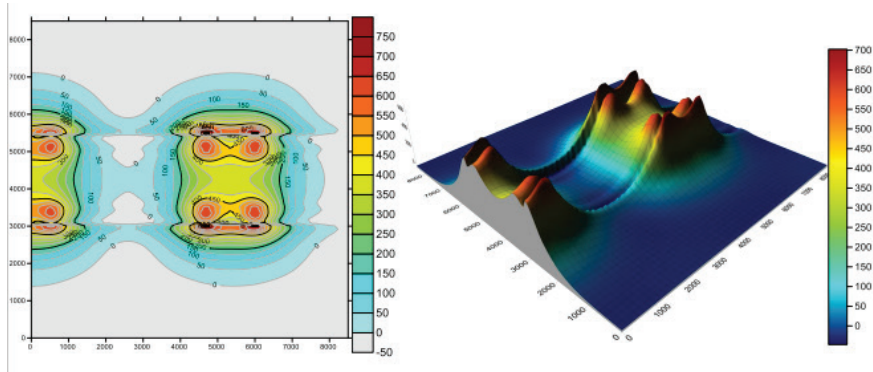


Fig. 5. Vertical compressive strains ($\times 10^6$) at the top of subgrade layer on the pavement

Рис. 5. Вертикальные деформации сжатия ($\times 10^6$) в верхней части слоя основания дорожного покрытия

The flexible pavements response under landing gear of a B777-300ER
Strains at the base of the GB layer (fatigue criterion)

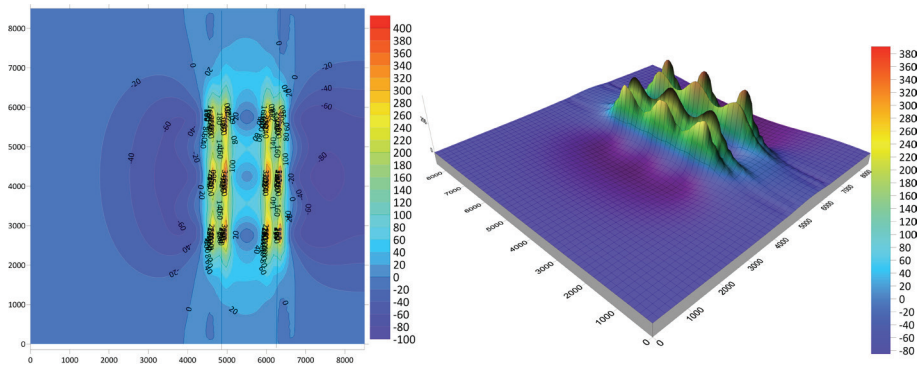


Fig. 6. Transverses tensile strains ($\times 10^6$) at the bottom of bituminous (GB) layer on the pavement
Рис. 6. Поперечные деформации растяжения ($\times 10^6$) в нижней части битумного слоя (GB) дорожного покрытия

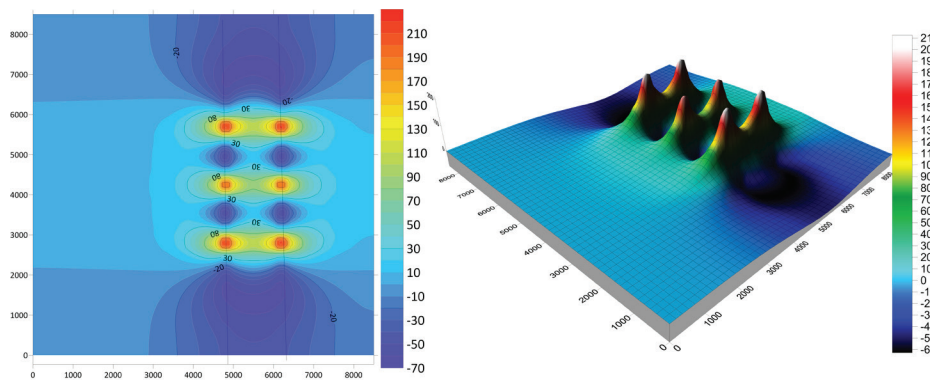


Fig. 7. Longitudinals tensile strains ($\times 10^6$) at the bottom of bituminous (GB) layer on the pavement
Рис. 7. Продольные деформации растяжения ($\times 10^6$) в нижней части битумного слоя (GB) дорожного покрытия

Strains at the top of the unbound granular materials layer (rutting criterion)

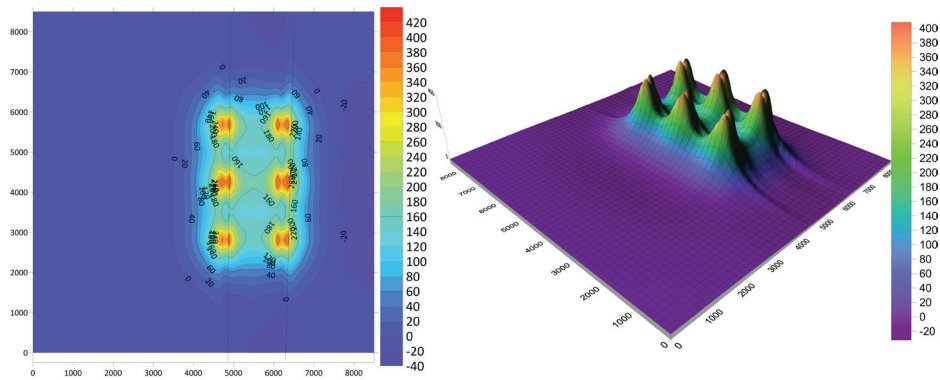


Fig. 8. Vertical compressives strains ($\times 10^6$) at the top of the unbound granular materials layer on the pavement
Рис. 8. Вертикальные деформации сжатия ($\times 10^6$) в верхней части слоя несвязанных зернистых материалов дорожного покрытия

Strains at the top of the subgrade layer (rutting criterion)

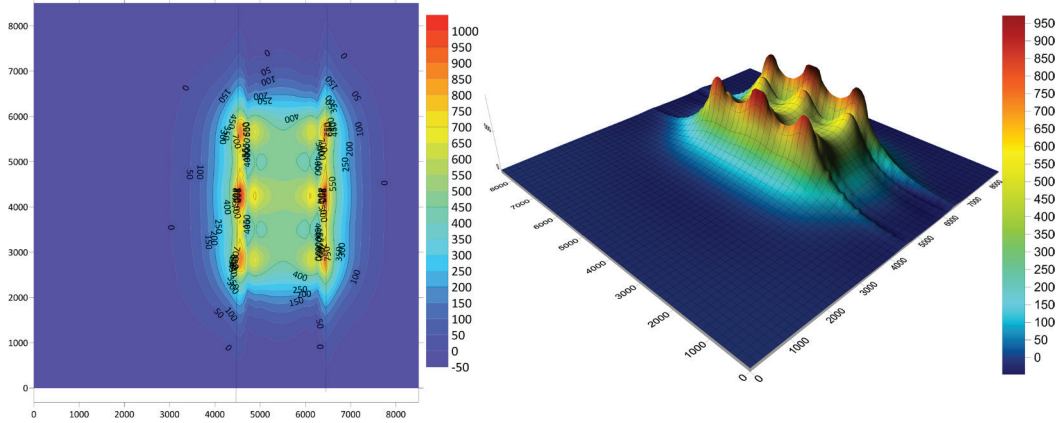


Fig. 9. Vertical compressive strains ($\times 10^6$) at the top of subgrade layer on the pavement

Рис. 9. Вертикальные деформации сжатия ($\times 10^6$) в верхней поверхности слоя основания дорожного покрытия

Pavements damage calculation

Top down and bottom up on airports flexible pavements cracking are evaluated in this section by new French Rational Design airports flexible pavements method (DGAC-STBA, 2014), based on the concept of Rational Equivalent Simple Wheel Load (RseR).

- For fatigue criteria on the bituminous layers:

$$\Delta D(x, z_k) = \frac{1}{K^\beta} \left[\varepsilon_{t_1}^\beta - \varepsilon_{u_{1-2}}^\beta + \varepsilon_{t_2}^\beta - \varepsilon_{u_{2-3}}^\beta + \dots + \varepsilon_{t_n}^\beta \right] \quad (1)$$

where: $\beta = -\frac{1}{b}$, $K = 10^{6/\beta} \cdot k_{\theta f} \cdot k_r \cdot k_s \cdot k_c \cdot \overline{\varepsilon_6}$, $\overline{\varepsilon_6} = 90 \mu\text{strains}$ for GB materials,

$$k_{\theta f} = \sqrt{\frac{E(10^\circ\text{C}, 10\text{Hz})}{E(\theta_{eq}, f)}}, \quad k_r = 10^{-ub\delta} \quad \delta = \sqrt{S_N^2 + \left(\frac{c \cdot S_h}{b}\right)^2} \quad \text{and } k_c = 2 \text{ for } RseR > 25t$$

$$k_s = \begin{cases} \frac{1}{1.2} \Rightarrow E_{\text{subgrade}} < 50\text{MPa} \\ \frac{1}{1.1} \Rightarrow 50\text{MPa} < E_{\text{subgrade}} < 80\text{MPa} \\ \frac{1}{1.065} \Rightarrow 80\text{MPa} < E_{\text{subgrade}} < 120\text{MPa} \\ 1 \Rightarrow E_{\text{subgrade}} \geq 120\text{MPa} \end{cases}$$

- For rutting criteria at the top of the unbound granular materials and subgrade layers:

$$\Delta D(x, z_k) = \frac{1}{K^\beta} \left[\varepsilon_{zz_1}^\beta - \varepsilon_{u_{1-2}}^\beta + \varepsilon_{zz_2}^\beta - \varepsilon_{u_{2-3}}^\beta + \dots + \varepsilon_{zz_n}^\beta \right] \quad (2)$$

$K = 16000$ and $\beta = 4.5$

Where: ε_θ - (10°C , 25Hz) tensile strain, at which fatigue failure of a sample of asphalt mix occurs upon 10^6 loading cycles (at 50% probability) under the following test conditions: bending of beam specimen at 10°C , at frequency of 25Hz ; ε_t - tensile strain, at which fatigue failure of a base the bituminous layer; ε_{zz} compressive strain, at which rutting failure of a top of the unbound granular materials and the subgrade layers; $b = -0.2$ - the slope of the fatigue line of asphalt mix; $E(10^\circ\text{C})$ - the modulus of the bituminous material at 10°C ; $E(\theta_{eq})$ - the modulus of the bituminous material at equivalent design temperature; k_r - factor to account for

variability of test results and calculation risk; S_N - The dispersion of the results of the fatigue tests on the asphalt concrete described by the standard deviation; S_h - the thickness of the layers made of bituminous binders is variable, with a dispersion that is expressed by the standard deviation; k_s - factor to account for errors in preparation of underneath asphalt layers; k_c - factor to account for the type of asphalt mix.

The analysis of the damage results of the different structures while determining the value of the Rational Equivalent Simple Wheel Load (RseR) is very revealing: (1) Regardless of the type of aircraft bogie considered in this paper, the main mode of damage is the fatigue of the bituminous layers. On these bituminous layers, the elementary damage caused by bogie stress on the runway is much greater than the damage obtained on the layers of unbound materials (UGM and the subgrade) which is linked to rutting (Ambassa, et al., 2012; 2013^a; 2013^b; Ambassa, and Amba, 2017). (2) This investigation demonstrates that the trend which aims to reduce the load of the 4 and 6-wheel bogies of an undercarriage to an Equivalent Single Wheel in order to determine the thickness of the pavement according to the rutting criterion of the material layers is not always suitable; especially for the stresses of large aircraft whose preponderant effect on bituminous pavements is rather the fatigue damage of the bituminous layers. (3) Analysis of the results of 3D numerical modelling and damage calculations through strains shows that the load transfer mechanism is very different from one pavement to another and is a function of the position and composition of the bogies.

Conclusion

This airfield pavement study confirms that six-wheeled aircraft trolleys or heavy-weight three-axle bridges on the road surface mainly create longitudinal cracks due to maximum transverse deformations, while four-wheeled aircraft trolleys or tandem axles mainly create transverse cracks due to maximum longitudinal deformations. For this purpose, a numerical program using the finite element method applied to the behaviour of airfield surfaces has been studied to determine the mechanisms of damage to airfield pavement surface structures under high-intensity loads and to determine critical response. The modelling was based on quasi-static comparisons of landing gear configurations. These analyses provided data on the effects of interference when changing the distance between wheels or supports, comparisons between different landing gear configurations of the A340, B777 and their main competitors. In the case of heterogeneous traffic in aircraft, Miner's (1935) additivity law is applied to have an equivalent damage. The representation of the strain shapes was done with 3D and 2D profiles to improve the quality of response and to clearly identify the critical areas when passing an aircraft bogie. From an aircraft consideration, the 4 and 6-wheel bogies of the B777 are more destructive to flexible pavements than the bogies of the other aircraft tested in this study. The calculation of damage according to the new French rational method for aeronautical flexible pavements revealed that the main damage to these pavements is due to the fatigue of the bituminous layers and not to the bearing or rutting of the platform and the unbound granular materials layers as recommended by the empirical ICAO design method of aeronautical flexible pavements with abacus.

References

1. Ambassa Z, Owona O. FEM for improvement the damage prediction of airfield flexible pavements on soft and stiff subgrade under various heavy loads configuration of landing gear of the new generation aircraft. *Journal of Curved and Layered Structures*, 2024 (in English).
2. Ambassa Z, Allou F, Petit Ch, Medjo Eko R. Top-Down and Bottom-Up Fatigue Cracking of Bituminous Pavements Subjected to Tangential Moving Loads. In: Scarpas A, Kringos N, Al-Qadi I, Loizos A, (eds.). *The 7th RILEM International Conference on Cracking in Pavements*. RILEM Bookseries, 2012;4:675-685 (in English).
3. Ambassa Z, Allou F, Petit Ch, Medjo Eko R. Fatigue life prediction of an asphalt pavement subjected to multiple axle loadings with viscoelastic FEM. *Construction and Building Materials*, 2013;43:443-452 (in English).

4. Ambassa Z, Allou F, Petit Ch, Medjo Eko R. Evaluation of traffic aggressiveness on bituminous pavements in roundabouts. *Bulletin des Laboratoires des Ponts et Chaussées*, 2013;280-28:171-188 (in French).
5. Ambassa Z, Amba JCh. Falling Weight Deflectometer contribution to dynamic and Assessment of structural flexible pavements. *Afrique Science*, 2017;13(1):52-62 (in French).
6. Broutin M. Assessment of flexible airfield pavements using Heavy Weight Deflectometers. Development of a FEM dynamical time-domain analysis for the backcalculation of structural properties. Doctor of Philosophy, ENPC, France, 2010:370 (in English).
7. Cast3M (Cast3M is a research FEM code environment; its development is sponsored by the French Atomic Energy Commission) 2022. Available at: <http://www/cast3m.cea.fr/> (in English).
8. DGAC-STBA. Méthode rationnelle de dimensionnement des chaussées aéronautiques souples. Guide technique, 2014:138 (in French).
9. DGAC-STBA. Dimensionnement des chaussées-Instruction sur le dimensionnement des chaussées d'aérodromes et la détermination des charges admissibles. STBA, France, 1988:84 (in French).
10. GAN. Guide d'application des normes-Enrobés hydrocarbonés et enduits superficiels pour chaussées aéronautiques. DGAC-STBA, France, 2012:78 (in French).
11. GTR. Guide des Terrassements Routiers, réalisation de remblais et des couches de forme, fascicules I et II, SETRA-LCPC, 2è édition, Juillet 2000:211 (in French).
12. ICAO. Design manual for runway. ICAO, 2005:164 (in English).
13. Kabo E. Material defects in rolling contact fatigue – influence of overloads and defect clusters. *International Journal of Fatigue*, 2002;24:887-894 (in English).
14. Kerzreho JP, et al. Evaluation of the aggressiveness of different multi-axle loads using APT tests. *Proceedings of the Conference: 4th International Conference on Accelerated Pavement Testing. IFSTTAR*, 2012;12:505-517 (in English).
15. Ménagé F, et al. La norme NF P98-086 appliquéeaux chaussées ferroviaires a-t-elle été supplantée par la norme NF EN 16432-2? Partie I – Comparaison des norms hors effet thermique, 2020:6. DOI: 10.5281/zenodo.3987782 (in French).
16. Miner MA. Cumulative Damage in Fatigue. *Journal of Applied Mechanics*, 1945;3:159-164 (in English).
17. Sarker P, Tutumluer E. Airfield Pavement Damage Evaluation Due to New-Generation Aircraft Wheel Loading and Wander Patterns. In: *Transportation Research Record. Journal of the Transportation Research Board*, 2018;2672(29):82-92 (in English).
18. Vinicius AF. Numerical analysis of nonlinear soil behavior and heterogeneity effects on railway track response. *Engineering Sciences (physics). Ecole Centrale Paris*, 2014:332 (in French).
19. Wei B, Guo C. Predicting the Remaining Service Life of Civil Airport Runway Considering Reliability and Damage Accumulation. *Advances in Materials Science and Engineering*, 2022:1-11. <https://doi.org/10.1155/2022/6494812> (in English).

Л и т е р а т у р а

1. Амбасса З, Овона О. Моделирование методом конечных элементов для повышения точности прогнозирования повреждений гибких покрытий аэродромов на слабых и жестких основаниях при различных конфигурациях высоких нагрузок от шасси самолетов нового поколения. *Журнал криволинейных и слоистых конструкций*. 2024. (на англ.)
2. Амбасса З, Эллоу Ф, Петит Ч, Меджо Эко Р. Механизмы усталостного растрескивания битумных покрытий при касательных движущихся нагрузках. В кн.: Скарпас А., Крингос Н., Аль-Кади И., Лойзос А. (ред.). 7-я Международная конференция RILEM по растрескиванию покрытий. RILEM Bookseries. 2012. 4 номер, стр. 675–685 (на англ.)
3. Амбасса З, Эллоу Ф, Петит Ч, Меджо Эко Р. Влияние многоосных нагрузок на усталостную долговечность асфальтобетонных покрытий: прогнозирование с помощью вязкоупругой МКЭ модели. *Строительство и строительные материалы*, 2013, 43 номер, 443–452 стр. (на англ.)
4. Амбасса З, Эллоу Ф, Петит Ч, Меджо Эко Р. Оценка агрессивности движения на битумных покрытиях в круговых перекрестках. *Вестник лаборатории дорожного хозяйства*, 2013, 280-28, стр. 171–188 (на франц.)

5. Амбасса З, Амба ДжЧ. Динамическое исследование гибких дорожных покрытий с помощью дефлектометра с падающим грузом. (Африканская наука), 2017;13(1):52-62 стр. (на франц.)
6. Брутин М. Оценка гибких аэродромных покрытий с помощью дефлектометров с тяжелым грузом. Разработка динамического анализа МКЭ во временной области для обратного расчета структурных свойств. Кандидат наук, ENPC, Франция. 2010, с. 370 (на англ.)
7. Cast3M (Cast3m — исследовательская среда конечно-элементного моделирования; разработка финансируется Французским комиссариатом по атомной энергии) 2022. URL: <http://www/cast3m cea.fr/> (на англ.)
8. DGAC-STBA. Методика расчета гибких аэродромных покрытий. Техническое руководство, 2014:138 с. (на франц.)
9. DGAC-STBA. Расчет дорожных покрытий — Инструкция по расчету аэродромных покрытий и определению допустимых нагрузок. STBA, Франция, 1988:84. (на франц.)
10. GAN. Применение норм к гидрокарбонатным асфальтобетонным смесям и поверхностным покрытиям аэродромных покрытий. DGAC-STBA, Франция, 2012. 78 стр. (на франц.)
11. GTR. Строительство автомобильных дорог: устройство земляного полотна (насыпи и слои основания), части I и II. SETRA-LCPC, 2-е издание, июль, 2000. 211 стр. (на франц.)
12. ICAO. Руководство по проектированию взлетно-посадочных полос. ICAO, 2005. 164 стр. (на англ.)
13. Кабо Э. Дефекты материала при контактной усталости качения: влияние перегрузок и скопления дефектов. Международный журнал усталости, 2002, 24 номер. 887–894 стр. (на англ.)
14. Керзрехо Ж.-П. и др. Оценка агрессивности различных многоосных нагрузок с использованием ускоренных испытаний. Материалы 4-й Международной конференции по ускоренным испытаниям дорожных покрытий. Французский институт науки и технологий в области транспорта, развития и сетей. 2012. 12 номер, 505–517 стр. (на англ.)
15. Менаже Ф. и др. Заменена ли норма NF P98-086 для железнодорожных покрытий нормой NF EN 16432-2? Часть I. Сравнение норм без учета теплового воздействия, 2020. 6 номер. DOI: 10.5281/zenodo.3987782. (на франц.)
16. Майнер М.А. Накопление повреждений при усталости материала. Журнал прикладной механики, 1945. 3, 159–164 стр. (на англ.)
17. Саркер П., Тутумлюер Э. Оценка повреждений аэродромных покрытий под воздействием нагрузок и траекторий движения колес самолетов нового поколения. Сборник научных трудов Транспортного исследовательского совета. Журнал Транспортного исследовательского совета, 2018. 2672(29), 82–92 стр. (на англ.)
18. Винисиус А.Ф. Численный анализ влияния нелинейного поведения грунта и неоднородности его свойств на реакцию железнодорожного пути. Инженерные науки (физика). Высшая школа Парижа. 2014. 332 стр. (на франц.)
19. Уэй Б., Го Ц. Прогнозирование остаточного ресурса взлетно-посадочной полосы аэропорта с учетом надежности и накопления повреждений. Достижения в материаловедении и инженерной науке, 2022. 1-11. <https://doi.org/10.1155/2022/6494812> (на англ.)

ZOA AMBASSA – PhD, Doctor of Engineering, Senior Lecturer, Laboratory of Mechanical and Materials, Department of Civil Engineering, National Higher Polytechnic School of Douala, University of Douala, Cameroon.

E-mail: zoaambassadaniel@gmail.com

АМБАССА Зоа – доктор технических наук, старший преподаватель лаборатории механики и материалов, Кафедра гражданского строительства, Национальный политехнический институт Дуалы, Университет Дуалы, Камерун.

ROBERT MEDJO EKO – PhD, Professor of Geotechnical Engineering, International Higher School of Bridges and Pavements of Abidjan, Ivory Coast; University of Douala, Cameroon.

E-mail: rmedjoeko@gmail.com

МЕДЖО ЭКО Роберт – доктор наук, профессор геотехнической инженерии, Международный институт дорожного хозяйства Абиджана, Кот-д’Ивуар. Университет Дуалы, Камерун.

Mariya N. SAFONOVA – Cand. Sci. (Technology), Assoc. Professor of the Department of Applied Mechanics and Building Materials Science, Institute of Engineering and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: marisafon_2006@mail.ru

САФОНОВА Мария Николаевна – к. т. н, доцент, доцент каф. прикладной механики и строительного материаловедения Инженерно-технического института, ФГАОУ ВО «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова», Российская Федерация.

Andrey A. FEDOTOV – Senior Lecturer of the Department of Applied Mechanics and Building Materials Science, Institute of Engineering and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: fedot_andrey@mail.ru

ФЕДОТОВ Андрей Андреевич – ст. преп. каф. прикладной механики и строительного материаловедения Инженерно-технического института, ФГАОУ ВО «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова», Российская Федерация.

Nyurguyana E. AMMOSOVA – Head of the Laboratory of the Department of Applied Mechanics and Building Materials Science, Institute of Engineering and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: nurguyanaammosova@mail.ru

АММОСОВА Нюргуйана Егоровна – зав. учеб. лаб. каф. прикладной механики и строительного материаловедения Инженерно-технического института, ФГАОУ ВО «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова».

УДК 536.7

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-56-64

Анализ внедрения тепловой насосной установки в схему Якутской ТЭЦ

*В. Г. Реев^{1,2,3}*¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия²Институт физико-технических проблем Севера им. В.П. Ларионова, г. Якутск, Россия³Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Россия

✉ rvg_1998@mail.ru

Аннотация. В работе рассмотрена проблема экономии топливно-энергетических ресурсов при процессе генерации тепловой энергии, а именно в ТЭЦ. В настоящее время одной из перспективных технологий по энергосбережению являются тепловые насосные установки (ТНУ). В качестве объекта исследования взята Якутская ТЭЦ с общей выработкой тепловой энергии, равной 450 Гкал/ч. На станции функционируют 5 водогрейных котлов: КВГМ-100 (2 ед.), ПТВМ-100 (2 ед.) и ПТВМ-50 (1 ед.). Исходя из технических параметров и паспорта оборудования в программе United Cycle (UC), была смоделирована тепловая схема Якутской ТЭЦ с внедрением ТНУ. В работе рассматривались 2 режима работы станции: 1 – с учетом работы ТНУ; 2 – без учета работы ТНУ. Был произведен расчет теплопроизводительности котлоагрегатов и ТНУ при двух режимах работы. Выявлено, что путем внедрения ТНУ в тепловую схему станции происходит разгрузка котлоагрегатов. Тепловая нагрузка ТНУ при нагреве обратной сетевой воды на 10 градусов по Цельсию равняется 55,6 Гкал/ч, что равняется 12,3% от всей выработки тепловой энергии. Было рассчитано, что за счет разгрузки котлоагрегатов при помощи ТНУ происходит снижение расхода топлива на 12,4 %. Данный факт свидетельствует об эффективности внедрения ТНУ в схему Якутской ТЭЦ.

Ключевые слова: котлоагрегат, тепловая насосная установка, тепловая нагрузка, теплопроизводительность, ТЭЦ, пруд-охладитель, КПЭ, КПД, расход топлива.

Для цитирования: Реев В. Г. Анализ внедрения тепловой насосной установки в схему Якутской ТЭЦ. Вестник СВФУ. 2024, Т. 21, № 4. С. 56–64. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-56-64

Analysis of the implementation of a heat pump unit into the Yakutsk combined heat and power plant (CHP) scheme

*V. G. Reev^{1,2,3}*¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia²V.P. Larionov Institute of the Physical-Technical Problems of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russia³Arctic research centre of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Russia

✉ rvg_1998@mail.ru

Abstract. The article considers the potential for fuel and energy savings through the integration of heat pump units (HPUs) into the existing thermal power generation scheme of the Yakutsk combined heat and power plant (CHP). Currently, one of the promising energies saving technologies is heat pump units (HPU). The Yakutsk CHP, with a total thermal output capacity of 450 Gcal/h, currently relies on five hot water boilers: two KVGM-100 units, two PTVM-100 units, and one PTVM-50 unit. According to the United Cycle (UC) program, a thermal scheme simulation was conducted to assess the impact of incorporating HPUs. The study examined two operational modes: (1) with HPU operation and (2) without HPU operation. Heat load calculations were performed for both modes, analyzing boiler operation and HPUs' performance. The results demonstrate that integrating HPUs into the thermal scheme leads to a reduction in boiler plant. When preheating return mains water at 10°C, the HPUs achieve

© Реев В. Г., 2024

a thermal load of 55.6 Gcal/h, representing 12.3% of the total heat generation capacity. The article determined that by employing HPUs for boiler unloading, fuel consumption can be reduced by 12.4%. These findings highlight the effectiveness of integrating HPUs into the Yakutsk CHP scheme, presenting a viable approach to improving fuel efficiency and reducing operational costs.

Keywords: boiler plant, heat pump unit, thermal load, heating efficiency, CHP, cooling pond, COP, boiler efficiency, fuel consumption.

For citation: Reev V. G. Analysis of the implementation of a heat pump unit into the Yakutsk combined heat and power plant (CHP) scheme. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 56–64. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-56-64

Введение

В настоящее время актуальной является проблема экономии топливно-энергетических ресурсов в процессе генерации на теплоэлектроцентралях (ТЭЦ). Согласно приказу Минэнерго Российской Федерации от 30.12.2008 № 323 «Об утверждении порядка определения нормативов удельного расхода топлива при производстве электрической и тепловой энергии» установлены нормативы по расходу топлива при генерации тепловой и электрической энергии на теплоэлектростанции (ТЭС) и котельных в целях недопущения перерасхода и экономической выгоды [1]. Одной из перспективных технологий по ресурсосбережению является использование тепловой насосной установки (ТНУ).

В мире идет тенденция на использование ТНУ в качестве источника тепловой энергии в системе теплоснабжения. Так, в Швеции в г. Стокгольме функционирует одна из самых крупных тепловых насосных станций (ТНС) с общим отпуском тепла 250 МВт (215 Гкал/ч). В качестве источника низкопотенциальной теплоты служит вода с Балтийского моря, которая в зимнее время имеет температуру +4 градуса по Цельсию, при этом коэффициент преобразования электроэнергии (КПЭ) в среднем в течение года равен 3,5, что говорит об эффективности данной технологии в качестве генерации тепловой энергии [2].

Якутская ТЭЦ функционирует с 1937 г. и обеспечивает тепловой и электрической энергией жилые и промышленные секторы Якутска. В данное время на станции эксплуатируются 5 водогрейных котлов-агрегатов: ПТВМ-50 – 1 ед.; ПТВМ-100 – 2 ед.; КВГМ-100 – 2 ед. и 2 паровые турбины: П-6-35/5 и Т-6-35. Суммарная тепловая мощность станции равна 450 Гкал/ч, а суммарная электрическая мощность – 12 МВт [3]. Вследствие работы паровых турбин на станции в конденсаторе имеется контур охлаждающей воды, который сбрасывается в пруд-охладитель (рис. 1). Температура сбрасываемой воды в пруд-охладитель в среднем равняется +25 градусам по Цельсию [4]. В зимнее время при температуре воздуха ниже -40 градусов по Цельсию пруд-охладитель остается незамерзающим в силу поступления потока теплой воды из градирни станции.

При внедрении ТНУ в Якутскую ТЭЦ предлагается использовать низкопотенциальную теплоту сбросной охлаждающей воды. Ранее автором статьи был проведен расчет КПЭ ТНУ, в котором источником низкопотенциального тепла служила вода из водоема с температурой, равной +2 градуса по Цельсию, при этом КПЭ был равен 1,7, что соответствует эффективной работе ТНУ [5].

В связи с этим актуальным является исследование режима работы ТНУ в составе Якутской ТЭЦ. Цель работы – анализ внедрения ТНУ в схему Якутской ТЭЦ.



Рис. 1. Вид на пруд-охладитель Якутской ТЭЦ [6]
Fig. 1. Cooling pond of the Yakutsk combined heat and power plant (CHP) [6]

Методика расчета

Для проведения анализа внедрения ТНУ в схему ТЭЦ используются методы имитационного моделирования. Моделирование тепловой схемы Якутской ТЭЦ производилось в программе «United Cycle» (UC). Данная программа использует заложенные в нее алгоритмы, законы теплофизики и энергетики в целях определения параметров рабочих тел в тепловой схеме.

В ней была смоделирована тепловая схема Якутской ТЭЦ, состоящей из 5 котлоагрегатов: КВГМ-100 (2 ед.), ПТВМ-100 (2 ед.) и ПТВМ-50 (1 ед.). При внесении параметров сетевой воды использовались техническая документация и паспорт оборудования (табл. 1). На рис. 2 представлена тепловая схема Якутской ТЭЦ.

Таблица 1

Технические характеристики котлоагрегатов

Table 1

Technical characteristics of boiler plants

Параметры	СИ	Котлоагрегат		
		КВГМ-100	ПТВМ-100	ПТВМ-50
Теплопроизводительность	Гкал/ч	100	100	50
	МВт	116,3	116,3	58,15
Расход сетевой воды	т/ч	1235	1235	618
Давление сетевой воды на выходе	Мпа	2,5	2,5	2,5
	кгс/см ²	25	25	25
Температура сетевой воды на подаче	°С	150	150	150
Температура сетевой воды на обратке	°С	70	70	70
КПД	%	92,8	88,6	92,8

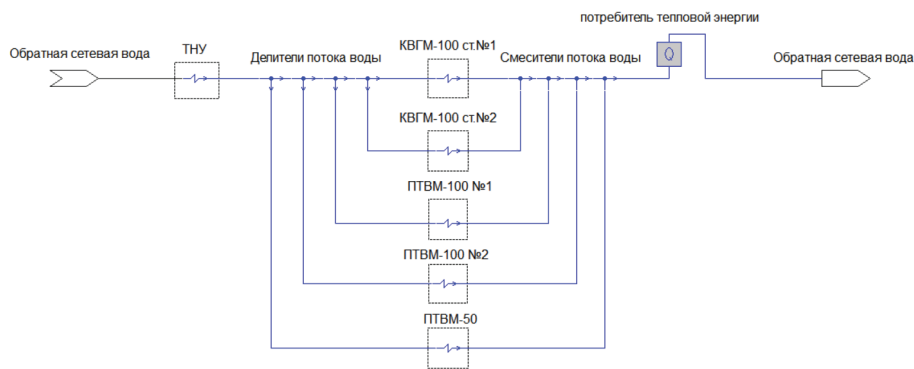


Рис. 2. Тепловая схема Якутской ТЭЦ
Fig. 2. Thermal scheme of the Yakutsk combined heat and power plant (CHP)

Вычисление теплопроизводительности котлов производилось по формуле [7]:

$$Q = G \cdot h_2 - G \cdot h_1, \tag{1}$$

где Q – теплопроизводительность котла, Гкал/ч; G – расход сетевой воды через котел, т/ч; h_1 – удельная энтальпия сетевой воды на входе в котел, ккал/кг; h_2 – удельная энтальпия сетевой воды на выходе из котла, ккал/кг.

При моделировании элемента «Смеситель сетевой воды» (рис. 3) в программе UC были приняты следующие параметры. Расход воды на выходе из элемента равен сумме расходов на входе. Давления потоков воды на входе равны давлению воды на выходе из элемента. Энтальпия воды на выходе из элемента определяется из уравнения теплового баланса:

$$h_{o0} = \frac{G_{i0} \cdot h_{i0} + G_{i1} \cdot h_{i1}}{G_{o0}}, \tag{2}$$

где G_{i0} – расход 1-го потока воды, входящей в элемент, т/ч; h_{i0} – удельная энтальпия 1-го потока воды, входящей в элемент, ккал/кг; G_{i1} – расход 2-го потока воды, входящей в элемент, т/ч; h_{i1} – удельная энтальпия 2-го потока воды, входящей в элемент, ккал/кг; G_{o0} – расход потока воды, выходящей из элемента, т/ч; h_{o0} – удельная энтальпия воды, выходящей из элемента, ккал/кг.

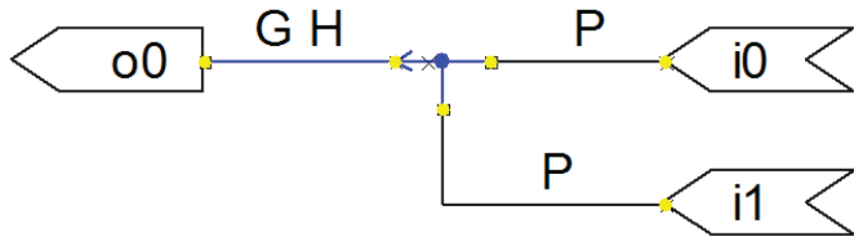


Рис. 3. Смеситель потока воды
Fig. 3. Water flow mixing chamber

Температура воды, выходящей из элемента смесителя, определяется через давление и энтальпию:

$$T_{o0} = t_{ph}(P_{o0}, h_{o0}). \tag{3}$$

Математическая модель элемента «Потребитель тепловой энергии» работает следующим образом. Параметры расхода, давления и температуры теплоносителя на выходе из элемента задаются на этапе параметризации. Давление воды перед элементом вычисляется по известной формуле:

$$P_{i0} = P_{o0} + dP, \tag{4}$$

где P_{o0} – давление сетевой воды на выходе из элемента, кгс/см²; dP – разность давлений на входе и выходе из элемента, кгс/см².

Основной характеристикой данного элемента «Потребитель тепловой энергии» является тепловая нагрузка, которая вычисляется с помощью формулы, описанной выше (1).

Для проведения расчетов расхода топлива котлоагрегатов использовалась формула, взятая из литературы [7]. Согласно которому:

$$B = \frac{Q \cdot 360000}{Q_n^p \cdot \eta}, \tag{5}$$

где B – расход топлива, кг/ч (м³/ч); Q – теплопроизводительность котла, МВт; Q_n^p – низшая теплота сгорания топлива, МДж/м³ (для природного газа равен 33,49 МДж/м³); η – КПД котла, %.

Результаты расчета

Для расчета тепловой нагрузки котлоагрегатов на программе UC были смоделированы две тепловые схемы: 1 – с учетом работы ТНУ; 2 – без учета работы ТНУ.

На рис. 4 представлены результаты моделирования тепловой схемы Якутской ТЭЦ без учета работы ТНУ.

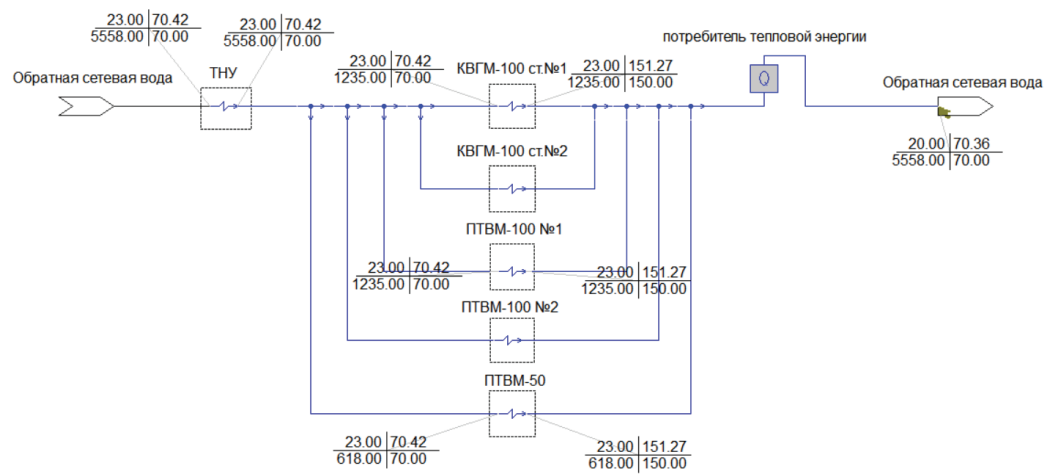


Рис. 4. Тепловая схема Якутской ТЭЦ без учета работы ТНУ: в выносной таблице отображены: в левом верхнем углу – давление (кгс/см²); в левом нижнем углу – расход (т/ч); в правом верхнем углу – энтальпия (ккал/кг); в нижнем правом углу – температура (°C).

Fig. 4. Schematic diagram of the Yakutsk combined heat and power plant (CHP) without heat pump unit operation: the inset table displays the following parameters: upper left corner – pressure (kgf/cm²); lower left corner – flow rate (t/h); upper right corner – enthalpy (kcal /kg); lower right corner – temperature (°C).

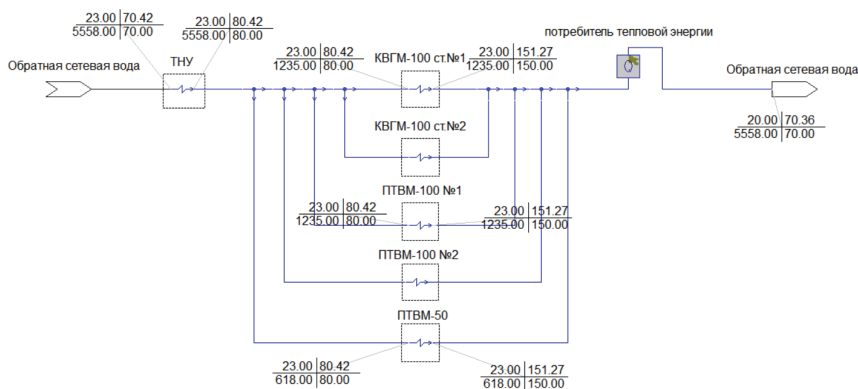


Рис. 5. Тепловая схема Якутской ТЭЦ с учетом работы ТНУ: в выносной таблице отображены: в левом верхнем углу – давление (кгс/см²); в левом нижнем углу – расход (т/ч); в правом верхнем углу – энтальпия (ккал/кг); в нижнем правом углу – температура (°С)

Fig. 5. Schematic diagram of the Yakutsk combined heat and power plant (CHP) thermal scheme with heat pump unit operation: the inset table displays the following parameters: upper left corner – pressure (kgf/cm²); lower left corner – flow rate (t/h); upper right corner – enthalpy (kcal /kg); lower right corner – temperature (°C)

Общий отпуск теплоты станции равен 450 Гкал/ч (523 МВт), температура сетевой воды в подающем трубопроводе – 150 °С, в обратном трубопроводе – 70 °С, суммарный расход воды равен 5558 т/ч. Как видно из результатов моделирования, ТНУ находится не в работе, то есть температура сетевой воды на входе и выходе не изменяется. Расходы сетевой воды распределяются по котлам согласно их номинальным значениям, расписанным в их технических данных.

На рис. 5 представлена тепловая схема с учетом работы ТНУ.

Общий отпуск тепла станции не меняется и остается равным 450 Гкал/час (523 МВт). Однако при этом ТНУ введена в работу и производит нагрев обратной сетевой воды на 10 градусов по Цельсию, тем самым разгружая водогрейные котлы (рис. 6).

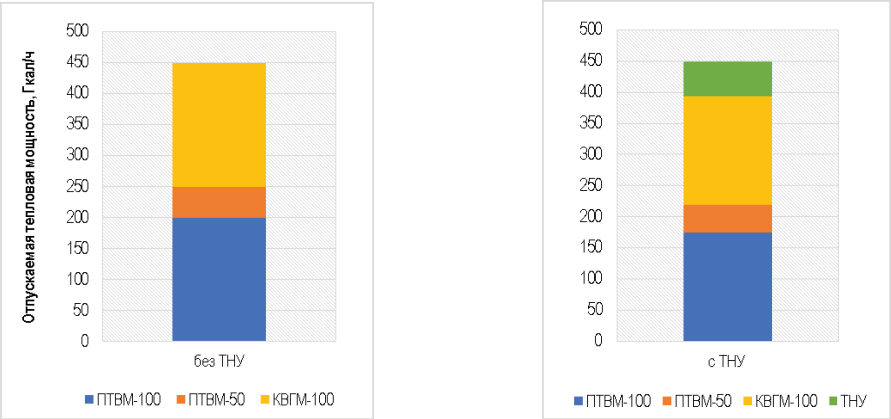


Рис. 6. Отпускаемая тепловая мощность Якутской ТЭЦ: слева без учета работы ТНУ; справа с учетом работы ТНУ

Fig. 6. Comparison of thermal power output of the Yakutsk combined heat and power plant (CHP): left – without heat pump unit (HPU) operation; right – with HPU operation

Согласно выражению (1), были рассчитаны значения теплопроизводительности котлов и ТНУ. В табл. 2 представлены результаты расчета.

Таблица 2

Теплопроизводительность котлов и ТНУ

Table 2

Heating efficiency of Boilers and Heat Pump Units (HPU)s

Источник тепловой энергии	Теплопроизводительность, Гкал/ч	
	Без учета работы ТНУ	С учетом работы ТНУ
ПТВМ-100 ст. №1, 2	200	175
ПТВМ-50	50	43,8
КВГМ-100 ст. № 1, 2	200	175
ТНУ	-	55,6
Σ	450	450

Из результатов расчета следует, что при повышении температуры обратной сетевой воды ТНУ на 10 градусов по Цельсию, снижается доля выработки тепловой энергии котлов на 12,3%. Для расчетов расхода топлива использовалась формула (2). На рис. 7 представлены результаты расчета.

Исходя из результатов расчета следует, что при внедрении ТНУ в состав Якутской ТЭЦ расход топлива на котлоагрегатах снижается на 12,4%.

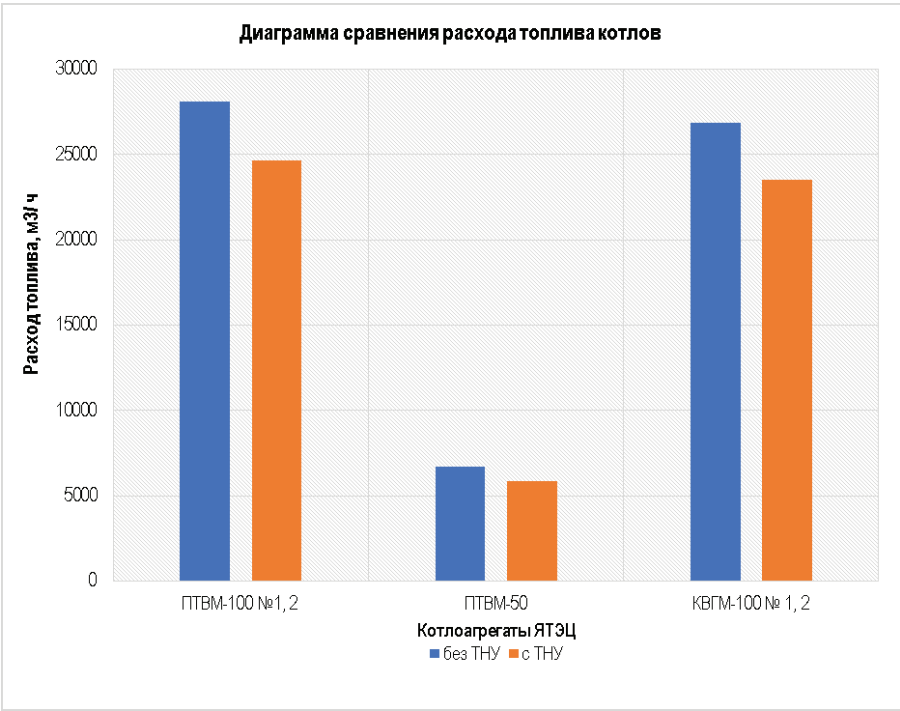


Рис. 7. Диаграмма сравнения расхода топлива котлов
Fig. 7. Comparison of boiler fuel consumption

Заключение

В рамках данной работы был проведен анализ внедрения ТНУ в схему Якутской ТЭЦ. В программе United Cycle были построены модели тепловой схемы станции с учетом работы ТНУ и без. Путем моделирования выявлены параметры сетевой воды при работе ТНУ и нагреве на 10 градусов по Цельсию. Рассчитаны теплопроизводительность котлоагрегатов: КВГМ-100 ст. № 1, 2; ПТВМ-50; ПТВМ-100 ст. № 1, 2; ТНУ при двух разных режимах работы (с учетом работы ТНУ и без учета работы ТНУ).

Рассчитано, что при работе ТНУ в схеме станции происходит разгрузка котлоагрегатов, и часть тепловой нагрузки берет ТНУ. Выработки тепловой энергии ТНУ составляют 55,6 Гкал/ч, что соответствует 12,3% от всей выработки станции.

Из полученных данных теплопроизводительности далее были рассчитаны расходы топлива котлоагрегатов при работе ТНУ и без учета ТНУ. Выявлено, что при работе ТНУ снижается расход топлива станции на 12,4%. Данный факт свидетельствует об энергетической эффективности работы ТНУ. В дальнейшем планируется проведение дополнительных расчетов по выявлению экономической эффективности внедрения ТНУ в схему ТЭЦ.

Литература

1. Приказ Минэнерго РФ от 30.12.2008 №323 «Об утверждении порядка определения нормативов удельного расхода топлива при производстве электрической и тепловой энергии». – URL: <https://base.garant.ru/195158/?ysclid=m101qz6fg6831236451> (дата обращения: 13.09.2024).
2. Аникина, И. Д. Использование тепловых насосов в технологических схемах ТЭЦ с учетом особенностей режимов производства и потребления теплоты : автореферат дисс. ... к. т. н. / Аникина Ирина Дмитриевна. – Санкт-Петербург, 2016. – 22 с.
3. Деятельность о Якутскэнерго. – URL: <https://yakutskenergo.ru/activity/generation/> (дата обращения: 13.09.2024).
4. Сокольский, А. И. Методика тепломассообменного расчета процесса охлаждения технической воды на ТЭЦ при работе пруда-охладителя с брызгальными устройствами / А. И. Сокольский, Е. В. Гусев, П. А. Шомов, В. Ю. Пронин // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2022. – № 2. – С. 21–28.
5. Реев, В. Г. Расчет цикла теплового насоса при различных источниках низкопотенциального тепла в условиях Арктики Республики Саха (Якутия) / В. Г. Реев, У. Д. С. Гунасакара // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2023. – Т. 20. – № 2. – С. 25–34.
6. РусГидро. Якутской ТЭЦ – 85 лет! – URL: <https://dzen.ru/a/Y2kYVujB3VKaH7Gt> (дата обращения: 13.09.2024).
7. Соколов, Б. А. Котельные установки и их эксплуатация : учебник для учащихся образовательных учреждений начального профессионального образования / Б. А. Соколов. – [4-е изд., стер.]. – Москва : Академия, 2009. – (Начальное профессиональное образование).

References

1. The order of the Ministry of Energy of the Russian Federation of 30.12.2008 №323 ‘About approval of the procedure of determining the ratios of specific fuel consumption in the production of electric and thermal energy’. Available at: <https://base.garant.ru/195158/?ysclid=m101qz6fg6831236451> [Accessed 13 September 2024] (in Russian).
2. Anikina ID. Heat pumps application in flow-sheet at thermal power plants considering the specifics of heat production and consumption modes. Summary of Candidate’s dissertation (Technical Sciences). In specialty: 05.14.14 ‘Thermal power plants, their power systems and units’. St. Petersburg, 2016;22 (in Russian).
3. Business of Yakutskenergo. Available at: <https://yakutskenergo.ru/activity/generation/> [Accessed 13 September 2024] (in Russian).
4. Sokolsky AI, Gusev EV, Shomov PA, Pronin VYu. Method of heat and mass transfer calculation of cooling technical water process at CHP plant when cooling pond with spray devices is operated. Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University, 2022;2:21-28 (in Russian).

5. Reev VG, Gunasekara UJS. Calculation of the heat pump cycle with various sources of low-grade heat in the conditions of the Arctic of the Republic of Sakha (Yakutia). Vestnik of North-Eastern Federal University, 2023;20(2):25-34 (in Russian).
6. RusHydro '85 years of the Yakutsk CHP!'. Available at: <https://dzen.ru/a/Y2kYVujB3VKaH7Gt> [Accessed 13 September 2024] (in Russian).
7. Sokolov BA. Boiler plants and related operations: a textbook for beginners in professional education. Moscow: Publishing House Academia, 2009 (in Russian).

PEEB Василий Георгиевич – аспирант, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова; ведущий инженер, Институт физико-технических проблем Севера СО РАН; главный эксперт, Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия).

E-mail: rvg_1998@mail.ru

Vasily G. REEV – Postgraduate Student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Lead. Engineer, Institute of the Physical-Technical Problems of the North SB RAS, Chief Expert, Arctic Research Centre of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Russia.

УДК 537.8

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-65-72

Униполярная индукция и относительное вращение

В. Б. Тимофеев, Т. Е. Тимофеева ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ te.timofeeva@s-vfu.ru

Аннотация. Неудачные попытки извлечь энергию вращения Земли методами униполярной индукции, проведенные в последнее время, свидетельствуют об актуальности дальнейшего исследования униполярной индукции. Из специальной теории относительности следует, что взаимодействие электрического заряда и магнита при неускоренном движении зависит только от их относительной скорости. Электродвижущая сила униполярной индукции в замкнутой электрической цепи зависит только от относительного вращения магнита и подключенного через скользящие контакты вольтметра. Для того чтобы выяснить, является ли электрическое поле, возникающее при вращении магнита в инерциальной системе отсчета или в системе отсчета, вращающейся в магнитном поле, результатом абсолютного или относительного вращения, нужно это поле измерить. Для этой цели в работе предложен эксперимент с относительным вращением кольцевого магнита и цилиндрического конденсатора. Конденсатор постоянно подключен через скользящие контакты к электрометру. При вращении магнита или конденсатора электрометр регистрирует разность потенциалов на конденсаторе. Измерения показали, что разность потенциалов на конденсаторе не зависит от того, вращается ли конденсатор при неподвижном магните или вращается магнит при неподвижном конденсаторе. Она близка к нулю, когда конденсатор вращается вместе с магнитом. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что взаимодействие электрического заряда и магнита в нерелятивистском случае зависит от их относительной скорости вращения. Это взаимодействие описывается формулой Лоренца.

Ключевые слова: униполярная индукция, относительное вращение, совместное вращение, кольцевой магнит, цилиндрический конденсатор, разность потенциалов, электрическое поле, электрометр, формула Лоренца, электродинамика вращающихся систем отсчета.

Для цитирования: Тимофеев В. Б., Тимофеева Т. Е. Униполярная индукция и относительное вращение. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 65–72. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-65-72

Unipolar induction and relative rotation

V. B. Timofeev, T. E. Timofeeva ✉

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ te.timofeeva@s-vfu.ru

Abstract. The recent failure of attempts to extract the rotational energy of the Earth by unipolar induction methods suggests a need for further research on unipolar induction. It is implied by the special relativity theory that the interaction of electric charge and magnet in unaccelerated motion depends only on the relative rate. The electromotive force of unipolar induction in a complete electrical circuit depends only on the relative rotation of the magnet and the connected through slide contacts voltmeter. To ascertain if the electric field resulting from the magnet's rotation in an inertial frame of reference or in a frame of reference rotating in a magnetic field is the result of absolute or relative rotation, it is necessary to measure the field. For this purpose, the paper introduces the experiment with the relative rotation of a ring-shaped magnet and a cylindrical capacitor. The capacitor is permanently connected through sliding contacts to the electrostatic meter. The electrostatic meter detects the potential difference on the capacitor while the magnet or capacitor is being rotated. The measurements showed that the potential difference on the capacitor

is depends not on the capacitor rotating in case of a stationary magnet or a magnet rotating while the capacitor is stationary. It is close to zero when the capacitor rotates with the magnet. According to the research results, the interaction of the electric charge and magnet in the nonrelativistic case depends on the relative rotation rate. This interaction is described by the Lorentz formula.

Keywords: unipolar induction, relative rotation, corotation, ring-shaped magnet, cylindrical capacitor, potential difference, electric field, electrometer, Lorentz formula, electrodynamics of rotating reference frame.

For citation: Timofeev V. B., Timofeeva T. E. Unipolar induction and relative rotation. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 65–72. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-65-72

Введение

В работе С. Ф. Чуба и К. Р. Нанд предложена идея извлечения энергии вращения Земли методами униполярной индукции [1]. Эксперимент по проверке этой идеи, выполненный с высокой точностью, дал нулевой результат [2]. Это свидетельствует об ошибочности теорий униполярной индукции, утверждающих, что на электрический заряд, вращающийся вместе с магнитом, действует сила Лоренца со стороны собственного магнитного поля, вызывающая электродвижущую силу [3, 4]. Взаимодействие электрического заряда и магнита в специальной теории относительности зависит только от их относительной скорости. Когда движется электрический заряд, а магнит неподвижен, на заряд действует сила Лоренца. Когда заряд неподвижен, а магнит движется с той же скоростью в противоположном направлении, возникает электрическое поле, которое действует на заряд также как сила Лоренца в первом случае [5]. При движении заряда и магнита с одинаковой постоянной скоростью, сила, действующая между ними, равна нулю (принцип относительности). Несмотря на то, что это справедливо только для инерциальных систем отсчета, явление униполярной индукции также демонстрирует зависимость электродвижущей силы (ЭДС) индукции только от относительного вращения. Если к цилиндрическому вращающемуся магниту подключить с помощью скользящих контактов вольтметр, он измерит разность потенциалов [4]. Разность потенциалов не изменится, когда магнит неподвижен, а вольтметр вращается вместе с проводниками вокруг магнита с той же угловой скоростью в противоположном направлении [6]. Относительность электродвижущей силы униполярной индукции в замкнутой электрической цепи противоречит опытам, выполненным в начале XX в. с разомкнутой электрической цепью [7].

В 1912 г. Барнетт обнаружил, что цилиндрический конденсатор, расположенный в магнитном поле соленоида или постоянных магнитов, не получает электрический заряд, когда соленоид или магниты приводятся во вращение [7]. Более того, в работе [8] показано, что цилиндрический конденсатор заряжается, когда вращается вместе с соленоидом и относительное вращение вообще отсутствует. В 1967 г. Бартлетт измерил электрический заряд вращающегося магнита и подтвердил результаты Барнетта с лучшей точностью [9].

В униполярной индукции сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, ЭДС индукции возникает только при относительном вращении ротора и статора униполярного генератора. С другой стороны, этому факту противоречат опыты с разомкнутой электрической цепью, содержащей конденсатор [7, 9]. Цель предлагаемой работы – повторение экспериментов с конденсатором. Необходимо выяснить влияние относительного вращения кольцевого магнита и цилиндрического конденсатора на величину разности потенциалов в конденсаторе. Это позволит ответить на вопрос о характере электромагнитного взаимодействия электрического заряда и магнита при их относительном вращении.

Экспериментальная установка

Экспериментальная установка состоит из следующих основных частей: цилиндрического алюминиевого, воздушного конденсатора, кольцевого неодимового магнита, асинхронного электродвигателя, расположенных на одной оси, а также электрометра и милливольтметра. Обкладки цилиндрического конденсатора постоянно подключены через латунные кольца, закрепленные на оси конденсатора и графитовые щетки, к электрометру (рис.).

Установка позволяет измерять изменение разности потенциалов на конденсаторе в трех экспериментах:

- 1) вращение цилиндрического конденсатора при неподвижном магните;
- 2) вращение кольцевого магнита при неподвижном конденсаторе;
- 3) вращение магнита вместе с конденсатором.

Для этого конденсатор и магнит поочередно устанавливались на ось электродвигателя. При вращении магнита вместе с конденсатором, конденсатор приклеивался к поверхности магнита через изолирующие стойки. Расстояние между поверхностью магнита и обкладками конденсатора составляло $7 \div 8$ мм во всех опытах.

Во всех трех опытах электрометр и подводящие провода оставались неподвижными. Это нарушало симметрию относительного вращения. Мы предполагаем, что неподвижность подводящих проводов незначительно скажется на результатах измерений. В этих проводах наводятся одинаковые электродвижущие силы, компенсирующие друг друга в измерительной цепи.

Цилиндрический конденсатор изготовлен из листового алюминия толщиной 0,3 мм. Диаметр внутренней обкладки конденсатора 45 мм, внешней – 72 мм. Высота обкладок 30 мм. Емкость конденсатора 6 ± 1 пФ.

Обкладки приклеены через стойки-изоляторы к стеклотекстолитовому диску, в центральное отверстие в котором вклеена трубка-изолятор. На трубке-изоляторе установлены два латунных кольца, которые соединены с обкладками конденсатора проводниками толщиной 0,1 мм (рис.). В трубку плотно вставляется ось электродвигателя при вращении конденсатора, или на ось электродвигателя устанавливается магнит при его вращении. Внешний диаметр латунных колец 10 мм, высота 2,5 мм.

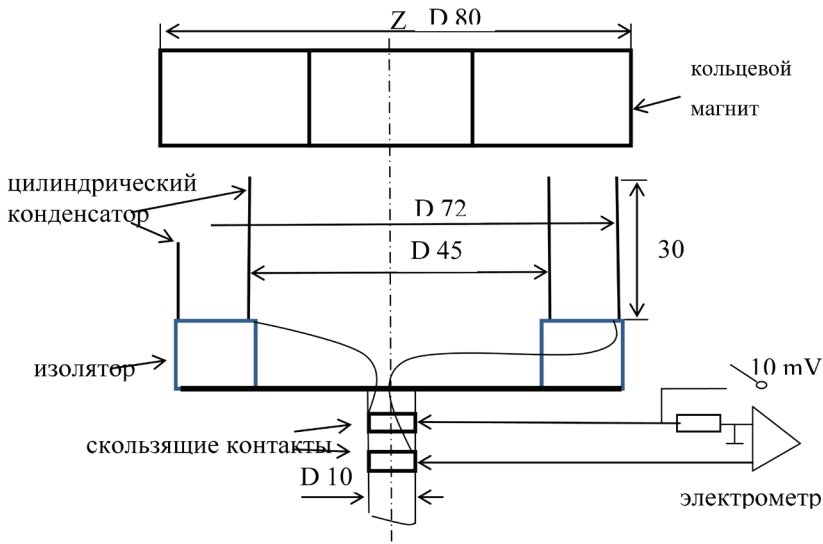


Рис. Схема экспериментальной установки
Fig. Diagram of the experimental setup

Щетки представляют собой графитовые стержни диаметром 1 мм, закрепленные на тонкой стеклотекстолитовой пластине и соединенные с электрометром проводниками толщиной 0,1 мм. Щетки упруго прижаты к латунным кольцам.

Неодимовый магнит составлен из двух кольцевых неодимовых магнитов размером $80 \times 25 \times 8$ мм и имеет магнитный момент $(65 \pm 2) \cdot 10^3$ Гс·см³. Магнит приклеен к стеклотекстолитовому диску, который крепится в центре винтами к алюминиевой втулке, устанавливаемой на ось электродвигателя. Магнит изолирован от алюминиевой втулки и оси электродвигателя. При необходимости магнит соединялся проводником с осью двигателя (заземлялся).

В работе использован асинхронный электродвигатель КД6-4, помещенный вместе с системой управления в дополнительный алюминиевый экран. На оси электродвигателя установлен оптический датчик частоты вращения, импульсы с которого подаются на электронно-счетный частотомер РЧЗ-07-0002. Частоте вращения 1500 об/мин соответствуют показания частотомера 150 Гц. Питание электродвигателя осуществляется через автотрансформатор, это позволяет изменять частоту вращения и уменьшает коммутационные помехи.

В качестве электрометра использовался прецизионный электрометрический усилитель ADA4530-1, с входным сопротивлением 10 ГОм. Сигнал с электрометра поступал на цифровой вольтметр GDM-8245, в режиме милливольтметра, максимальная чувствительность 10 мкВ. Вольтметр имеет функцию запоминания максимальных и минимальных значений измеряемого напряжения и базовую погрешность 0.03%. Одна из обкладок конденсатора соединяется с корпусом через резистор 10 Ом. На этот резистор может подаваться постоянное напряжение для градуировки измерительной цепи. В качестве электрометра применялся также дифференциальный усилитель на полевых транзисторах с каналом n-типа, допускающий симметричное включение обкладок цилиндрического конденсатора. Входная емкость ADA4530-1 составляла 70 пФ, электрометра на полевых транзисторах – 20 пФ. Погрешность измерения входной емкости ± 2 пФ.

Для измерения магнитной индукции в воздушном зазоре конденсатора применялся измеритель магнитного поля BST200H. Диапазон измерения – 0-200 мТ-2000 мТ, погрешность – 2%, 5% (выше 1000 мТ).

Измерения

Электрометр измеряет изменение разности потенциалов на конденсаторе при изменении угловой скорости вращения конденсатора, магнита или магнита с конденсатором.

Главная помеха электрометрических измерений – электризация вращающихся частей установки потоками воздуха. Это заставило некоторых современных исследователей отказаться от изучения униполярной индукции в разомкнутой электрической цепи [7], а в ранних исследованиях с разомкнутой цепью [4] заземлять внешнюю обкладку цилиндрического конденсатора.

Электризация потоками воздуха не зависит от направления вращения, поэтому применялся метод двойного отклонения [4]. Вычитая результаты измерения разности потенциалов при вращении в противоположных направлениях, можно исключить помехи, вызванные электризацией вращающихся частей установки. Однако, когда проводимость воздуха мала, разность потенциала электризации может превысить электромагнитную разность потенциалов, и измерения станут невозможными. Проводимость воздуха определяется легкими ионами и зависит от многих факторов: времени года, времени суток, солнечной активности. Для окончательной обработки выбирались те серии измерений, когда разность потенциалов при вращении в противоположных направлениях имела разный знак и примерно одинаковую величину.

Таблица 1

Результаты эксперимента с заземленным магнитом

Table 1

Experimental results using the grounded magnet

Разность потенциалов на конденсаторе (мВ) магнит заземлен		
Вращение конденсатора	Вращение магнита	Совместное вращение
1	8.2 ± 0.2	7.4 ± 0.3
2	0.5 ± 0.2	1.4 ± 0.4

Таблица 2

Результаты эксперимента с изолированным магнитом

Table 2

Experimental results with the isolated magnet

Разность потенциалов на конденсаторе (мВ) магнит изолирован		
Вращение конденсатора	Вращение магнита	Совместное вращение
1	5.7 ± 0.2	5.2 ± 0.3
2	1.0 ± 0.2	0.3 ± 0.1

На измерения влияют также помехи, связанные с параметрическим изменением емкости конденсатора из-за биения вращающихся частей установки. Изменяющаяся емкость, будучи заряженной потоками воздуха, создает значительные электрические колебания на входе электрометра. При высокой частоте вращения эти колебания обрезаются фильтром нижних частот милливольтметра, поэтому измерения проводились при изменении угловой скорости вращения от 500 до 1500 об/мин.

Электрические поля, вызываемые центробежной силой на два порядка меньше электромагнитных, и поэтому не учитывались.

Результаты и обсуждение

Результаты измерений представлены в таблицах 1, 2. Пункт 1 в таблицах соответствует заземлению внутренней обкладки цилиндрического конденсатора, пункт 2 – заземлению внешней обкладки. В таблицах указана только стандартная случайная погрешность измерений.

Главное, что следует отметить, разность потенциалов слабо зависит от того, вращается ли конденсатор при неподвижном магните или вращается магнит при неподвижном конденсаторе. При совместном вращении конденсатора и магнита разность потенциалов оказывается примерно на порядок меньше и не зависит от того, какая обкладка заземлена. В случае совместного вращения, на неподвижные провода, соединяющие электрометр с конденсатором, действует электрическое поле. Это поле действует противоположно в проводах, соединяющих конденсатор. Однако электроемкости обкладок конденсатора относительно земли различны. Поэтому обкладки получают разный заряд, и на входе электрометра возникает разность потенциалов. Эта разность потенциалов примерно соответствует расхождению результатов при отдельных вращениях конденсатора и магнита. Когда вращается конденсатор, электродвижущая сила наводится только во вращающихся проводниках. Когда вращается магнит, ЭДС действует во всей электрической цепи, соединяющей конденсатор с электрометром.

При заземлении внешней обкладки конденсатора разность потенциалов значительно уменьшается. Это позволяет предположить, что источник электрического поля находится на боковой стороне вращающегося магнита, где текут молекулярные токи. Заземленная внешняя обкладка конденсатора экранирует источник электрического поля. В опыте Барнетта внешняя обкладка конденсатора была постоянно заземлена, и измеренная разность потенциалов на конденсаторе была равна нулю в пределах погрешности измерений [5].

Как видно из таблиц 1 и 2, заземление магнита также увеличивает разность потенциалов на конденсаторе. Это явление можно объяснить тем, что ЭДС действует в электрической цепи, содержащей три последовательно включенных электроемкости: входную емкость электрометра; емкость внешней обкладки конденсатора-магнита; емкость магнит-земля. При заземлении магнита емкость магнит-земля исключается, и разность потенциалов на входе электрометра увеличивается.

Вычисление разности потенциалов на вращающемся конденсаторе с использованием формулы Лоренца в нашем опыте представляет достаточно сложную задачу. Дело в том, что неоднородный магнитный поток пронизывает не только пространство между обкладками конденсатора, но и пространство между внешней обкладкой конденсатора и магнитом. Поэтому известная формула для расчета разности потенциалов в цилиндрическом конденсаторе, вращающемся в магнитном поле или в неподвижном конденсаторе в поле вращающегося магнита [4]:

$$U = \frac{1}{c} n \Phi \quad (1)$$

где Φ – магнитный поток, пронизывающий конденсатор параллельно его пластинам, n – число оборотов в секунду, c – скорость света, может дать только приближенное значение измеренной разности потенциалов. Среднее значение z – компоненты магнитной индукции в конденсаторе составляло (850 ± 50) Гс, $n = 16.7 \text{ с}^{-1}$. Вычисленная разность потенциалов по формуле (1) на конденсаторе (3.4 ± 0.2) мВ для расстояния между магнитом и конденсатором 8 мм. Как видно из таблиц 1 и 2, это значение меньше измеренного. Увеличивая расстояние между магнитом и конденсатором, можно уменьшить электроемкость «магнит-внешняя обкладка» и влияние радиальной компоненты магнитного потока на разность потенциалов в конденсаторе. Например, в опыте с вращающимся конденсатором, внешним диаметром 65 мм, внутренним 45 мм и расстоянием до магнита 20 мм, измеренное и теоретическое значение разности потенциалов, вычисленное по формуле (1), составили (1.6 ± 0.2) мВ и (1.4 ± 0.2) мВ соответственно. Среднее значение z – компоненты магнитной индукции в этом конденсаторе было (500 ± 50) Гс.

Справедливость формулы Лоренца для силы, действующей на электрический заряд, движущийся в магнитном поле, – экспериментальный факт. Зависимость разности потенциалов на конденсаторе только от относительного вращения конденсатора и магнита позволяет сделать вывод, что электрическое поле вращающегося магнита такое же, как и электрическое поле во вращающейся системе отсчета при неподвижном магните. Другими словами, взаимодействие электрического заряда и магнита в нерелятивистском случае зависит только от их относительной скорости вращения. Это взаимодействие описывается формулой Лоренца.

Заключение

Незначительные отличия разности потенциалов при отдельных вращениях конденсатора и магнита, выходящие за пределы случайных погрешностей, вызваны неподвижностью электрометра и подводящих проводов во всех опытах. Они не могут отменить главный результат – разность потенциалов на конденсаторе зависит только от относительного вращения конденсатора и магнита. Следовательно, взаимодействие электрического заряда и магнита зависит только от их относительной скорости вращения.

Попытки извлечь энергию вращения Земли электрической цепью [1, 2], обречены на неудачу, так как сила Лоренца, действующая на электрические заряды в цепи, неподвижной относительно магнита (Земли), равна нулю. Нулевой результат опыта Барнетта [7] можно объяснить экранирующим действием внешней заземленной обкладки цилиндрического конденсатора.

Уравнения Максвелла во вращающихся системах отсчета, получаемые применением общей теории относительности, содержат фиктивные источники электромагнитного поля [11–13]. Шифф [11] объяснял это вращением относительно звезд, современные авторы [12, 13] приписывают эти источники эффектам общей теории относительности во вращающихся системах отсчета. Полученные результаты позволяют предположить, что причина возникновения фиктивных источников —относительное вращение измерительного прибора и магнита.

Л и т е р а т у р а

1. Chyba CF, Hand KP. Electric Power Generation from Earth's Rotation through its Own Magnetic Field. *Physical Review Applied*, 2016;6(1):014017.
2. Bastiaan V, Rinke JW. Attempting to Extract Power from Earth's Rotation: An Experimental Test. *Physical Review Applied*, 2018;10(5):054023.
3. Альвен, Г. Космическая электродинамика / Г. Альвен, К.-Г. Фельтхаммар. – [2-е изд.]. – Москва : Мир, 1967. – 260 с.
4. Тамм, И. Е. Основы теории электричества : учеб. для вузов / И. Е. Тамм. – Москва : Наука, 1976. – 616 с.
5. Пановский, В. Классическая электродинамика / В. Пановский, М. Филиппс ; Пер. с англ. В. П. Быкова ; под редакцией С. П. Капицы. – Москва : Физматгиз, 1963. – 432 с.
6. Ландау, Л. Д. Электродинамика сплошных сред / Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшиц. – [2 изд.]. – Москва : Наука, 1982. – 620 с.
7. Barnett SJ. On Electromagnetic Induction and Relative Motion. *Physical Review*, 1912;35(5):323-336.
8. Pegram GB. Unipolar Induction and Electron Theory. *Physical Review*, 1917;10(6):591-600.
9. Bartlett DF, Monroy J, Reeves J. Spinning magnets and Jehle's model of the electron. *Physical Review*, 1977;16(12):3459-3463.
10. Muller FJ. Unipolar Induction Revisited: New Experiments and the "Edge Effect" Theory. *IEEE Transactions on Magnetics*, 2014;50(1):7000111.
11. Schiff LI. A question in general relativity. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 1939;25(7):391-395.
12. Irvine WM. Electrodynamics in Rotating System of Reference. *Physica*. 1964;30(6):1160-1170.
13. Speake CC, Ortolan A. Measuring Electromagnetic Fields in Rotating Frames of Reference. *Universe*, 2020;6(2):31.

R e f e r e n c e s

1. Chyba CF, Hand KP. Electric Power Generation from Earth's Rotation through its Own Magnetic Field. *Physical Review Applied*, 2016;6(1):014017 (in English).
2. Bastiaan V, Rinke JW. Attempting to Extract Power from Earth's Rotation: An Experimental Test. *Physical Review Applied*, 2018;10(5):054023 (in English).
3. Alfven G, Felthammar KG. *Cosmic Electrodynamics*. [2nd ed.] Moscow: Publishing House "Mir", 1967:260 (in Russian).
4. Tamm IE. *Fundamentals of the Theory of Electricity*. Moscow: Nauka, 1976:616 (in Russian).
5. Panovskiy V, Philips M. *Classical Electrodynamics*. In: Kapitsa SP (ed.). Transl. into Russian by Bykov VP. Moscow: Publishing House "Fizmatgiz", 1963:432 (in Russian).
6. Landau LD, Lifshitz EM. *Electrodynamics of Continuous Media*. [2nd ed.] Moscow: Nauka, 1982:620 (in Russian).

7. Barnett SJ. On Electromagnetic Induction and Relative Motion. *Physical Review*, 1912;35(5):323-336 (in English).
8. Pegram GB. Unipolar Induction and Electron Theory. *Physical Review*, 1917;10(6):591-600 (in English).
9. Bartlett DF, Monroy J, Reeves J. Spinning magnets and Jehle's model of the electron. *Physical Review*, 1977;16(12):3459-3463 (in English).
10. Muller FJ. Unipolar Induction Revisited: New Experiments and the "Edge Effect" Theory. *IEEE Transactions on Magnetics*, 2014;50(1):7000111 (in English).
11. Schiff LI. A question in general relativity. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 1939;25(7):391-395 (in English).
12. Irvine WM. Electrodynamics in Rotating System of Reference. *Physica*, 1964;30(6):1160-1170 (in English).
13. Speake CC, Ortolan A. Measuring Electromagnetic Fields in Rotating Frames of Reference. *Universe*, 2020;6(2):31 (in English).

ТИМОФЕЕВ Владимир Борисович – независимый исследователь.

E-mail: nertiv@rambler.ru

Vladimir B. TIMOFEEV – Independent Researcher.

ТИМОФЕЕВА Тамара Егоровна – к. ф.-м. н., доцент каф. радиофизики и электронных систем ФТИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: te.timofeeva@s-vfu.ru

Tamara E. TIMOFEEVA – Cand. Sci. (Phys. and Math.), Assoc. Prof. of the Department of Radio Physics and Electronic Systems, Institute of Physics and Technologies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 537.9

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-73-80

Динамика 2-краудиона и перенос энергии в вольфраме: атомистическое моделирование

Ю. Р. Шарапова¹, А. М. Казаков¹, М. Н. Семёнова²✉, Ж. Г. Рахматуллина^{1,3},
Д. Р. Тимербаев¹, Е. А. Корзникова^{1,2,3}

¹Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

²Политехнический институт (филиал) СВФУ, г. Мирный, Россия

³Институт проблем сверхпластичности металлов РАН, г. Уфа, Россия

✉ mariya_semyonova86@mail.ru

Аннотация. Миграция точечных дефектов в металлах способствует переносу массы и энергии при пластической деформации, термообработке, облучении и т. д. В связи с этим изучение таких физических процессов нелинейной динамики кристаллической решетки металлов является актуальной задачей. В данной работе исследуется динамика 2-краудиона и процессы переноса энергии в вольфраме, направленные на понимание механизмов формирования дефектов и диссипации энергии в условиях экстремальных температур и давления. Известно, что кристаллические решетки под внешним воздействием накапливают большое количество дефектов, таких как вакансии, дислокации, границы зерен. Все эти дефекты создают поля внутренних напряжений, которые будут влиять на динамику краудионов. С использованием метода молекулярно-динамического моделирования и модели погруженного атома было изучено распространение 2-краудионов в трехмерной структуре. Основные результаты показывают, что формирование 2-краудионов происходит при критических значениях энергии возбуждения и зависит от начальной конфигурации системы, где 2-краудионы инициируют цепные процессы переноса энергии по атомной решетке. Выявлено, что глубина прохождения 2-краудиона линейно зависит от величины начальной энергии. Полученные пространственно-временные характеристики распределения энергии демонстрируют роль 2-краудионов в локальной концентрации энергии и последующей ее передаче через атомные связи, что приводит к образованию точечных дефектов. Эти результаты важны для проектирования новых радиационно-стойких материалов, поскольку помогают предсказать устойчивость материала к высокоэнергетическим воздействиям. Работа вносит вклад в понимание физических основ диссипации энергии и поведения дефектов в тугоплавких материалах, применимых в условиях термоядерного синтеза и других высокотемпературных процессов.

Ключевые слова: вольфрам, дефекты кристаллической решетки, вакансии, дислокация, краудионы, перенос энергии, нелинейная динамика, потенциал взаимодействия, метод молекулярной динамики, моделирование.

Для цитирования: Шарапова Ю. Р., Казаков А. М., Семёнова М. Н., Рахматуллина Ж. Г. Тимербаев Д. Р., Корзникова Е. А. Динамика 2-краудиона и перенос энергии в вольфраме: атомистическое моделирование. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 73–80. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-73-80

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания ФГБОУ ВО «УУНТ» (соглашение №075-03-2023-119/1) молодежной научно-исследовательской лаборатории НОЦ «Металлы и сплавы при экстремальных воздействиях» для Ю. Р. Шараповой (проведение расчетов) и М. М. Казакова (анализ и обсуждение полученных результатов). М. Н. Семёнова (постановка задачи и моделирование) благодарит за поддержку исследования Российский научный фонд, грант 24-22-00092.

Dynamics of 2-crowdion and energy transfer in tungsten: atomistic modeling

Yu. R. Sharapova¹, A. M. Kazakov¹, M. N. Semyonova²✉, Zh. G. Rahmatullina^{1,3},
D. R. Timerbaev¹, E. A. Korznikova^{1,2,3}

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

²Polytechnic Institute (branch) of M.K. Ammosov NEFU, Mirny, Russia

³Institute for Metals Superplasticity Problems of RAS, Ufa, Russia

✉ mariya_semyonova86@mail.ru

Abstract. The migration of point defects in metals contributes to the transfer of mass and energy during plastic deformation, heat treatment, irradiation, etc. In this regard, the study of such physical processes of nonlinear dynamics of the crystal lattice of metals is an urgent task. In this paper, the dynamics of 2-crowdion and the processes of energy transfer in tungsten are studied, aimed at understanding the mechanisms of defect formation and energy dissipation under extreme temperatures and pressures. It is known that crystal lattices accumulate a large number of defects under external influence, such as vacancies, dislocations, and grain boundaries. All these defects create internal stress fields that will affect the dynamics of crowdions. Using the methods of molecular dynamic modeling and embedded atom model, the propagation of 2-crowdions in a three-dimensional structure was studied. The main results show that the formation of 2-crowdions occurs at critical values of the excitation energy and depends on the initial configuration of the system, where 2-crowdions initiate chain processes of energy transfer through the atomic lattice. It is revealed that the depth of passage of the 2-crowdion linearly depends on the magnitude of the initial energy. The obtained spatiotemporal characteristics of the energy distribution demonstrate the role of 2-crowdions in the local concentration of energy and its subsequent transfer through atomic bonds, which leads to the formation of point defects. These results are important for the design of new radiation-resistant materials, as they help predict the material's resistance to high-energy influences. The work contributes to the understanding of the physical foundations of energy dissipation and the behavior of defects in refractory materials used in thermonuclear fusion and other high-temperature processes.

Keywords: tungsten, crystal lattice defects, vacancy, dislocation, crowdions, energy transfer, nonlinear dynamics, interaction potential, molecular dynamics method, modeling.

For citation: Sharapova Yu. R., Kazakov A. M., Semyonova M. N., Rahmatullina Zh. G., Timerbaev D. R., Korznikova E. A. Dynamics of 2-crowdion and energy transfer in tungsten: atomistic modeling. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 73–80. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-73-80

The research was conducted with the financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment of Ufa University of Science and Technology (Agreement No. 075-03-2023-119/1) of the Youth Scientific Research Laboratory of the Research and Educational Center “Metals and Alloys under Extreme Impacts” to Yu. R. Sharapova (performing calculations) and M. M. Kazakov (analysing and discussing the results obtained). M. N. Semyonova (problem formulation and modeling) acknowledges support from the Russian Science Foundation (grant 24-22-00092).

Введение

Экстремальные воздействия, такие как лазерная обработка [1], интенсивная пластическая деформация [2], сверхбыстрая нагрузка [3, 4] облучение [5], плазменная обработка [6] вызывают необратимые изменения в кристаллической структуре и приводят к переходу решетки в неравновесное состояние. В этих процессах атомы сильно отклоняются от своих равновесных положений, и нелинейная природа

межатомных связей начинает играть значительную роль. Такие воздействия вызывают появление аномально высокой концентрации точечных дефектов, известных как пары Френкеля (вакансия и междоузельный атом) [7].

Междоузельный атом может существовать в различных конфигурациях, включая конфигурацию краудиона, когда он располагается в плотноупакованном атомном ряду [8]. Краудион – это разновидность точечного дефекта, который достаточно часто возникает в процессе экстремальных воздействий в металлах с плотноупакованными гранецентрированными кубическими (ГЦК) и объемноцентрированными кубическими (ОЦК) решетками. Краудионы обладают высокой подвижностью, что позволяет им перемещаться вдоль плотноупакованного ряда с дозвуковой и даже сверхзвуковой скоростью, перенося массу и энергию. Краудионы имеют значительно более высокую миграционную способность по сравнению с вакансиями [2, 9] что делает их эффективными для массопереноса в материалах. Высокая миграционная способность краудионов приводит к их быстрой аннигиляции, это затрудняет экспериментальный анализ их структуры и движения. Поэтому широко используются методы компьютерного моделирования, такие как молекулярная динамика [10, 11], метод Монте-Карло [12], методы первых принципов [13] и многомасштабное моделирование [14]. Для данного исследования был выбран метод молекулярной динамики, поскольку он обеспечивает значительный выигрыш во времени по сравнению с более вычислительно затратными методами, такими как методы первых принципов. Кроме того, результаты молекулярно-динамического моделирования демонстрируют хорошее совпадение с данными, полученными другими методами моделирования, что подтверждает надежность и точность этого метода для описания динамики краудионов.

Важность краудионов также связана с их ролью в процессах, происходящих в условиях, далеких от равновесия, например, в условиях интенсивной пластической деформации металлов и сплавов [15]. Было показано, что кластеры междоузельных атомов, формирующиеся при облучении, обладают высокой подвижностью [16]. Эти междоузельные дефекты могут существовать в виде неподвижных или подвижных краудионов, которые могут двигаться с дозвуковыми или сверхзвуковыми скоростями [17].

В металлах с ОЦК-решеткой, таких как вольфрам, краудионы могут играть значительную роль в процессах массопереноса под воздействием внешних факторов, включая облучение и термоядерные условия [18]. Вольфрам является ключевым материалом для термоядерного реактора ITER [19], что подчеркивает важность исследований его дефектной структуры [20], особенно в контексте сверхзвуковых краудионов [21]. Несмотря на известную роль краудионов в процессах массопереноса в металлах с ОЦК-решеткой, динамика 2-краудионов и их вклад в перенос энергии остаются недостаточно изученными. Актуальность исследования обусловлена потребностью в проектировании радиационно-стойких материалов, применимых в условиях термоядерного синтеза, где влияние высокоэнергетических воздействий на дефектную структуру материала играет ключевую роль.

Цель данной работы – изучение процессов переноса энергии в вольфраме с использованием молекулярной динамики для анализа поведения сверхзвуковых 2-краудионов.

Методы исследования

Атомистическое моделирование проводилось с использованием свободного пакета для классической молекулярной динамики Large scale Atomic/Molecular Massively Parallel Simulator (LAMMPS) [22] и модели погруженного атома (Embedded Atom Model – EAM) для вольфрама [23]. Программа Open Visualization Tools (OVITO) была использована для визуализации результатов моделирования [24].

Расчетная ячейка представляет собой модель ОЦК монокристалла вольфрама, координатные оси x , y , z которого ориентированы вдоль кристаллографических

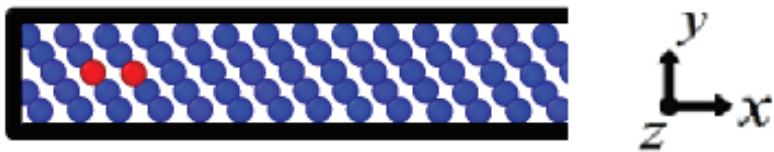


Рис. 1. Визуализация расчетной ячейки
Fig. 1. Visualisation of the simulation cell

направлений $[111]$, $[1-10]$ и $[11-2]$, соответственно. Параметр решетки вольфрама a равен $3,14 \text{ \AA}$. В расчетной ячейке содержится 35000 атомов, что соответствует размерам $390,7 \times 5,6 \times 6,8 \text{ \AA}$. Периодические граничные условия были приложены по всем трем ортогональным направлениям. На рис. 1 показан край расчетной ячейки, из которого 2-краудион начинает движение вдоль оси x . Для запуска 2-краудиона двум соседним атомам задается импульс с начальной энергией $E=84 \text{ эВ}$. Начальные перемещения и скорости всех остальных атомов в ячейке равны нулю. Моделирование проводилось до 10 пс, в течение которого отслеживались перемещения атомов, а также фиксировались значения их полной энергии.

Результаты и обсуждение

Поскольку распространение 2-краудиона рассматривается в наиболее плотно-упакованном ряду кристаллической решетки, происходит интенсивное столкновение между атомами, что приводит к рассеиванию энергии по всем направлениям. На рис. 2 показаны относительные смещения атомов вдоль оси x .

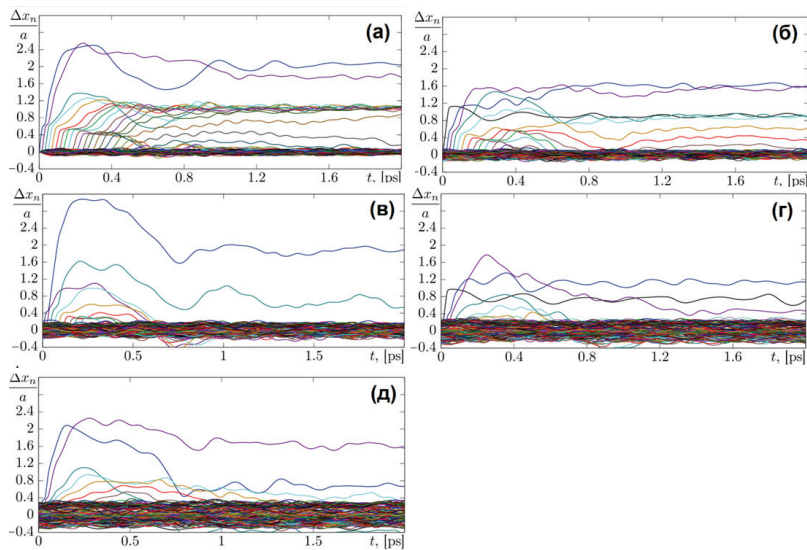


Рис. 2. Относительные смещения атомов вдоль оси x в процессе моделирования:
(а) – с начала моделирования; (б) – спустя 1 пс после начала моделирования;
(в) – спустя 2 пс после начала моделирования; (г) – спустя 3 пс после начала моделирования; (д) – спустя 4 пс после начала моделирования

Fig. 2. Relative displacements of atoms along the x -axis during the simulation: (a) – from the start of the simulation; (b) – 1 ps after the start of the simulation; (c) – 2 ps after the start of the simulation; (d) – 3 ps after the start of the simulation; (e) – 4 ps after the start of the simulation

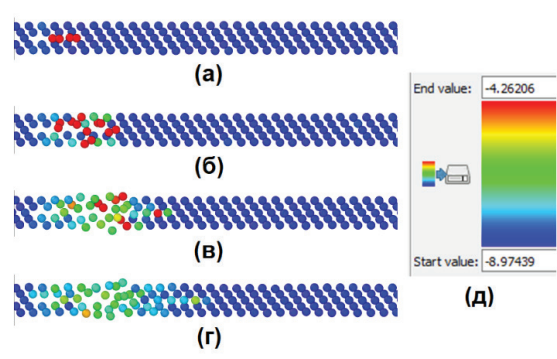


Рис. 3. Распространение 2-краудиона в вольфраме: (а) – первое взаимодействие; (б), (в), (г) – атомная структура спустя 1,5, 3 и 4,5 пс после начала моделирования; (д) – цветовая шкала распределения энергий

Fig. 3. Propagation of 2-crowdion in tungsten: (a) – first interaction; (b), (c), (d) – atomic structure of 1.5, 3 and 4.5 ps after the start of the simulation; (e) – colour scale of energy distribution

Из анализа рис. 2 следует, что по мере увеличения времени моделирования возмущения распространяются на большее количество атомов, при этом число атомов с высокоамплитудными смещениями снижается. Этот эффект свидетельствует о том, что 2-краудион передает значительную часть своей энергии при столкновениях с соседними атомами, что приводит к постепенному снижению его энергии и распространению ее в глубь расчетной области. В результате трансфер энергии зависит не только от приложенной энергии, но и от плотности атомов вблизи траектории движения 2-краудиона. Анализ смещений атомов вдоль других осей показывает аналогичную динамику, но амплитуды этих смещений в среднем ниже в $1,5\div 2$ раза. На рис. 3 представлена структура расчетной ячейки в процессе распространения 2-краудиона, что иллюстрирует изменение конфигурации атомов во времени.

В ходе продвижения 2-краудиона вглубь расчетной ячейки основные носители энергии – атомы, движущиеся вдоль траектории – постепенно теряют свою энергию из-за многократных столкновений. Как видно на рис. 3, уже спустя 4,5 пс после первого взаимодействия 2-краудион достиг значительной глубины в решетке вольфрама, при этом его энергия уменьшилась в $1,6\div 1,7$ раз от начального значения.

Для лучшего понимания динамики изменения энергии атомов в процессе моделирования на рис. 4 представлена зависимость энергии атомов от времени. Эта зависимость помогает отслеживать закономерности энергообмена между атомами, вовлеченными в процесс распространения 2-краудиона, и отражает общее снижение энергии системы.

Как показано на рис. 4, к моменту 1 пс после начала моделирования максимальная энергия 2-краудиона снижается на $13\div 15\%$ от начального значения. При этом в процессе многократных столкновений атомов средняя энергия возбужденных атомов уменьшается значительно быстрее. Таким образом, средняя энергия атомов, вовлеченных в процесс взаимодействия, показывает существенное снижение, что говорит о перераспределении энергии и постепенном ее переходе к окружающим атомам в результате рассеяния.

При дальнейшем исследовании поведения 2-краудиона (после 1 пс до 10 пс) в структуре вольфрама наблюдается сохранение общей тенденции распределения энергии: максимальные значения энергии по мере увеличения времени и количества взаимодействий уменьшаются по линейной зависимости, тогда как средняя энергия возбужденных атомов убывает по экспоненциальной кривой, что свидетельствует о быстрой передаче энергии в процессе взаимодействия.

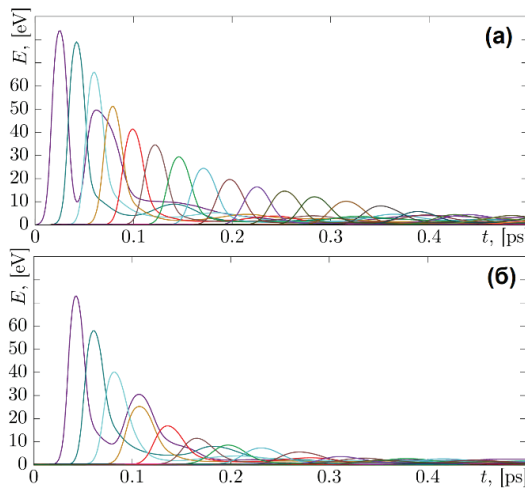


Рис. 4. Зависимость энергии атомов от времени: (а) – в начале моделирования;
(б) – спустя 1 пс после начала моделирования
Fig. 4. The dependence of energy of atoms on time: (a) – at the beginning of the simulation;
(b) – 1 ps after the beginning of the simulation

Изменение величины начального энергетического импульса существенно влияет на глубину прохождения дефекта. Было исследовано влияние глубины прохождения дефекта от значения начальной энергии 2-краудиона в интервале 84÷164 эВ с шагов 10 эВ. Оказалось, что во всем рассмотренном интервале глубина прохождения 2-краудиона линейно зависит от его начальной энергии. Предположительно, дальнейшее увеличение начальной энергии до какого-то критического значения будет аналогично влиять на глубину прохождения дефекта. После преодоления такого критического значения увеличение начальной энергии будет влиять на дальность распространения 2-краудиона все меньше, поскольку в таком случае 2-краудион будет испытывать чрезмерное количество столкновений, и часть энергии будет уходить в формы деформации и тепловых возбуждений соседних атомов. Критическое значение начальной энергии нельзя определить однозначно, поскольку данный параметр зависит от используемого межатомного потенциала, кристаллографической ориентации и других параметров моделирования. В нашем случае начальная энергия 2-краудионов в диапазоне от 84 до 164 эВ (с шагом 10 эВ) соответствует глубине прохождения дефекта в интервале 18÷57 межатомных расстояний (с шагом 4÷5 a).

Заключение

Результаты данной работы позволяют углубить понимание поведения 2-краудионов в вольфраме и их роли в процессе передачи энергии в кристаллической решетке. В ходе моделирования показано, что 2-краудион, имея начальную энергию 84 эВ, быстро передает значительную часть своей энергии атомам, расположенным вдоль траектории движения. Уже через 4,5 пс после начала движения энергия 2-краудиона снижается в 1,6÷1,7 раз от начального значения. Максимальные значения энергии атомов по мере увеличения времени уменьшаются линейно, в то время как средняя энергия возбужденных атомов убывает экспоненциально, свидетельствуя о быстром распределении энергии вглубь решетки. Обнаружено, что глубина прохождения дефекта линейно зависит от величины начальной энергии 2-краудиона. Дальнейшие исследования могут сосредоточиться на моделировании различных начальных параметров краудионов и их взаимодействии с дефектами структуры, что позволит лучше прогнозировать

устойчивость материалов к радиационным воздействиям и их способность к эффективному переносу энергии.

Практическая значимость данных результатов заключается в возможности их использования при проектировании материалов, устойчивых к радиационным и термическим воздействиям, например, для компонентов термоядерных реакторов. Понимание механизмов передачи энергии краудионами и их зависимости от начальных параметров позволяет более точно предсказывать поведение материалов при воздействии высокоэнергетичных частиц, что особенно важно для разработки конструкционных материалов, устойчивых к деградации под влиянием экстремальных условий эксплуатации.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Wei Q, Schuster BE, Mathaudhu SN, et al. Dynamic behaviors of body-centered cubic metals with ultrafine grained and nanocrystalline microstructures. Elsevier: Materials Science and Engineering: A, 2008;493:58-64 (in English).
2. Shepelev IA, Chetverikov AP, Dmitriev SV, Korznikova EA. Shock waves in graphene and boron nitride. Computational materials science, 2020;177:109549 (in English).
3. Zhang Zh, Yabuuchi K, Kimura A. Defect distribution in ion-irradiated pure tungsten at different temperatures. Journal of Nuclear Materials, 2016;480:207-215 (in English).
4. Zhou WH, Zhang CG, Li YG, Zeng Z. Transport, dissociation and rotation of small self-interstitial atom clusters in tungsten. Journal of Nuclear Materials, 2014;453(1-3):202-209 (in English).
5. Granberg F, Byggmastar J, Nordlund K. Molecular dynamics simulations of high-dose damage production and defect evolution in tungsten. Journal of Nuclear Materials, 2021;556:153158 (in English).
6. Bharwaj U, Sand AE, Warriar M. Graph theory based approach to characterize self interstitial defect morphology. Computational Materials Science, 2021;195:110474 (in English).
7. Pokropivny VV, Skorokhod VV, Pokropivny AV. Adhesive phenomena at the α -Fe interface during nanoindentation, stretch and shock. Modelling and Simulation in Materials Science and Engineering, 1997;5(6):579 (in English).
8. Chartier A, Marinica M-C. Rearrangement of interstitial defects in alpha-Fe under extreme condition. Acta Materialia, 2019;180:141-148 (in English).
9. Castin N, Bakaev A, Bonny G, et al. On the onset of void swelling in pure tungsten under neutron irradiation: An object kinetic Monte Carlo approach. Journal of Nuclear Materials, 2017;493:280-293 (in English).
10. Kolesnikov ID, Shepelev IA. Excitation and propagation of 1-crowdion in BCC niobium lattice. Materials. Technologies. Design. 2022;4(1):5-10 (in English).
11. Yankovskaya UI, Zakharov PV. Heat resistance of a Pt crystal reinforced with CNT's. Materials. Technologies. Design. 2021;3(4):64-67 (in English).
12. Chen L, Li LQ, Gong HR. Irradiation effect on mechanical properties of tungsten from molecular dynamic simulation. Materials Letter, 2019;241:27-30 (in English).
13. Korznikova EA, Shunaev VV, Shepelev IA, et al. Ab initio study of the propagation of a supersonic 2-crowdion in fcc Al. Computational Materials Science, 2022;204(2):111125 (in English).
14. Barani E, Korznikova EA, Chetverikov AP, et al. Gap discrete breathers in strained boron nitride. Physics Letter A, 2017;381(41):3553-3557 (in English).
15. Dudarev SL. Coherent motion of interstitial defects in a crystalline material. In: Multiscale Modelling of Nano- and Micro-mechanics of Materials. Philosophical Magazine, 2003;83(31-34):3577-3597 (in English).
16. Terentyev DA, Malerba L, Hou M. Dimensionality of interstitial cluster motion in bcc-Fe. Physical Review B, 2007;75:104108 (in English).
17. Zhou WH, Zhang CG, Li YG, Zeng Z. Creeping Motion of Self Interstitial Atom Clusters in Tungsten. Scientific Reports, 2014;4:5096 (in English).
18. Mason DR, Sand AE, Yi X, Dudarev SL. Direct observation of the spatial distribution of primary cascade damage in tungsten. Acta Materialia, 2018;144:905-917 (in English).

19. Kazakov AM, Babicheva RI, Zinovev A, et al. Interaction of edge dislocation with voids in tungsten. *Tungsten*, 2024;6:633-646 (in English).
20. Chetverikov AP, Ebeling W, Velarde MG. Properties of nano-scale soliton-like excitations in two-dimensional lattice layers. *Physica D: Nonlinear Phenomena*, 2011;240:1954-1959 (in English).
21. Caturia MJ. Object kinetic Monte Carlo methods applied to modeling radiation effects in materials. *Computational Materials Science*, 2019;156:452-459 (in English).
22. Plimpton S. Fast parallel algorithms for short-range molecular dynamics. *Journal of Computational Physics*, 1995;117(1):1-19 (in English).
23. Bonny G, Bakaev A, Terentyev D, Mstrikov YuA. Interatomic potential to study plastic deformation in tungsten-rhenium alloys. AIP Publishing: *Journal of Applied Physics*, 2017;121(16):165107 (in English).
24. Stukowski A. Visualization and analysis of atomistic simulation data with OVITO—the Open Visualization Tool. *Modelling and Simulation in Materials Science and Engineering*, 2009;18(1):015012 (in English).

ШАРАПОВА Юлия Равильевна – инженер-исследователь молодежной НИЛ «Металлы и сплавы при экстремальных воздействиях», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».

E-mail: ulya_usinsk@mail.ru

Yulia R. SHARAPOVA – Researcher engineer, Youth Scientific Research Laboratory of Metals and Alloys under Extreme Impacts, Ufa University of Science and Technology.

КАЗАКОВ Арсений Максимович – инженер-исследователь молодежной НИЛ «Металлы и сплавы при экстремальных воздействиях», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».

E-mail: arseny.m.kazakov@gmail.com

Arseny M. KAZAKOV — Researcher engineer, Youth Scientific Research Laboratory of Metals and Alloys under Extreme Impacts, Ufa University of Science and Technology.

СЕМЁНОВА Мария Николаевна – к. ф.-м. н., доцент кафедры ФиПМ, Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: mariya_semyonova86@mail.ru

Mariya N. SEMYONOVA — Cand. Sci. (Phys. and Math.), Assoc. Prof., Department of Fundamental and Applied Mathematics, Polytechnic Institute (branch) of NEFU.

РАХМАТУЛЛИНА Жанна Геннадьевна – к. ф.-м. н., м. н. с. молодежной НИЛ «Металлы и сплавы при экстремальных воздействиях», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»; ФГБУН «Институт проблем сверхпластичности металлов РАН».

E-mail: ishmitovazhanna@mail.ru

Zhanna G. RAKHMATULLINA – Cand. Sci. (Phys. and Math.), Junior Researcher, Youth Scientific Research Laboratory of Metals and Alloys under Extreme Impacts, Ufa University of Science and Technology, Institute for Metals Superplasticity Problems of RAS.

ТИМЕРБАЕВ Дмитрий Рамилевич – ведущий инженер Института компьютерных исследований, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».

E-mail: mity99@ya.ru

Dmitry R. TIMERBAEV – Lead. Engineer at the Institute of Computer Research, Ufa University of Science and Technology.

КОРЗНИКОВА Елена Александровна – д. ф.-м. н., профессор, зав. молодежной НИЛ «Металлы и сплавы при экстремальных воздействиях», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»; проф. каф. электротехники и автоматизации промышленного производства Политехнического института (филиала), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»; ФГБУН «Институт проблем сверхпластичности металлов РАН».

E-mail: elena.a.korznikova@gmail.com

Elena A. KORZNIKOVA – Dr. Sci. (Phys. and Math.), Prof., Head of the Youth Scientific Research Laboratory of Metals and Alloys under Extreme Impacts, Ufa University of Science and Technology; Prof. of the Department of Electrification and Automation of Industrial Production, Polytechnic Institute (branch) of M.K. Ammosov NEFU; Institute for Metals Superplasticity Problems of RAS.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.581

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-81-90

О структуре концепта «число» (на материале китайского языка)

Л. Л. Банкова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

✉ BankovaLL@mgpu.ru

Аннотация. Числа являются важной когнитивной категорией в любой лингвокультуре, что привлекает к ним исследовательский интерес. В настоящей статье описано авторское видение структуры концепта «число» и приведена методика его исследования на примере китайской лингвокультуры. Концепт число является метаконцептом. Он состоит из ядра и периферии, имеет слоистую структуру и представляет собой набор определенных чисел-концептов (субконцептов), значимых для анализируемой лингвокультуры. Субконцепты расположены слоями. Важным является то, что количество чисел-концептов в любой лингвокультуре ограничено. Поэтому ограничено количество слоев концепта «число». Наиболее значимые для культуры этноса числа входят в его ядро, а наименее значимые находятся на его периферии (ближней или дальней). Таким образом, метаконцепт число представляет собой форму организации конкретных субконцептов. Исследование метаконцепта число доступно лишь посредством исследования каждого отдельного субконцепта. Конкретное число-концепт (субконцепт) также состоит из ядра и периферии. В отличие от метаконцепта, его ядро представляет собой понятийную составляющую, а на периферии находятся образная и ценностная составляющие. Такой подход коррелирует с принципом «от объективного к субъективному». Ядро метаконцепта «число» в китайской лингвокультуре включает в себя такие слои (субконцепты), как концепты чисел «два», «три», «пять», «один», «десять тысяч». Ближняя периферия метаконцепта «число» представлена субконцептами чисел первого десятка, не вошедших в ядро, а также еще семнадцатью слоями. Проводятся параллели между строением концепта «число» и строением вещества материального мира.

Ключевые слова: концепт «число», структура концепта, китайский язык, китайская лингвокультура, метаконцепт, субконцепт, методология исследования концепта.

Для цитирования: Банкова Л. Л. О структуре концепта «число» (на материале китайского языка). *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 81–90. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-81-90

On the Structure of “Numeral” Concept (as Exemplified by Chinese Language)

L. L. Bankova

Moscow City University, Moscow, Russia

✉ BankovaLL@mgpu.ru

Abstract. Numbers are an important cognitive category in any culture of language thus attracting the research interest. This article depicts the author’s view of the structure of the concept of number and introduces the methods to explore it drawing on the example of the Chinese culture of language. The concept of number is a metaconcept. The concept under analysis comprises the core and the periphery and enjoys a layered structure. It consists of a collection of certain number-concepts (subconcepts) which are relevant for the culture of language at hand. The subconcepts go in layers. It is important that the quantity of number-concepts in any culture of language is limited. Therefore, the quantity of the layers in the concept of number also is limited. The numbers that are most relevant for the culture belong to the core of the concept, and the less relevant numbers pertain to the close and far periphery. Thus, the metaconcept of number is an arrangement of specific subconcepts. The study of the number metaconcept shall only be available through the study of each individual subconcept. A specific number-concept (subconcept) also contains a core and a periphery of its own. As opposed to a metaconcept, the core of a subconcept is represented by its notional elements and the periphery accommodates its figurative and axiological components. Such an approach correlates with the “from-the-objective-to-the-subjective” principle. In the Chinese culture of language the core of the number metaconcept includes such layers (subconcepts) as the concepts of numbers two, three, five, one, ten thousand. The periphery of the number metaconcept is represented by the subconcepts of the numbers pertaining to the first ten which are not included in the core as well as other seventeen layers. In the conclusion of the article the author draws parallels between the structures of the number concept and matter in the physical universe.

Keywords: concept of number, concept structure, the Chinese language, the Chinese culture of language, metaconcept, subconcept, methods of concept exploration.

For citation: Bankova L. L. On the Structure of “Numeral” Concept (as Exemplified by Chinese Language). *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 81–90. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-81-90

Введение

Концептуализация числа является притягательным объектом исследования в любой лингвокультуре, свидетельством чему служат многочисленные работы на материале различных языков. Число, безусловно, является культурным концептом, удовлетворяя таким условиям к его причислению, как актуальность и ценность для определенной культуры, а также наличие большого количества языковых единиц для своей фиксации [1]. Это те самые слова, которые «могут способствовать пониманию каких-то важных особенностей культуры народа» [2, с. 143]. Действительно, невозможно отрицать важность чисел для любой культуры, поскольку они, будучи «...древнейшей когнитивной категорией», служат «своеобразным мерилom всего сущего» [3, с. 20.] Кроме того, «в архаичных культурах число и счёт были сакрализованными средствами ориентации и “космизации” вселенной. С их помощью всякий раз, когда это было нужно, репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека» [4, с. 630–631]. Именно поэтому концепт «число, счёт» отнесен Ю. С. Степановым к основополагающим понятиям

русской культуры [5]. То же можно утверждать и в отношении китайской лингвокультуры, поскольку «ханьцы питают особое пристрастие к числительным, частота использования которых необычайно высока» (汉民族对数词特别偏爱·使用频率特别高... *Hàn mínzú duì shùzì tèbié piān'ài, shǐyòng pínlǜ tèbié gāo*) (перевод наш – Л. Б.) [6, с. 69]. Связано это с тем, что «...любовь к “инструментам” упорядочения мира пронизывает весь культурный пласт китайской цивилизации» [7, с. 71], поэтому произведения древнекитайской нумерологии «оставили после себя глубокий след в концептуальном мире китайцев» [7, с. 71]. В целом «китайскую философию и культуру отличает феномен универсального классификационизма, поскольку, как утверждал Сыма Цянь, “классифицировав, можно познать”. Суть этого явления состоит в распространении одних и тех же классификационных схем (лян и, сань цай, у син и т. п.) на все сферы культуры» [8, с. 36]. Подобный подход сравним с высказываниями основоположника европейского учения о числах Пифагора «Мир построен на силе чисел» и «Все вещи суть числа», а также С. Н. Трубецкого «Мироздание не только управляется числами, оно складывается из чисел...» [3, с. 23].

Несмотря на очевидный исследовательский интерес к проблеме концептуализации чисел в языке и наличие немалого количества работ по этой теме, обратиться к вопросу исследования объективизации концепта «число» в языке – в нашем случае китайском – нас побуждает ряд следующих моментов:

- во-первых, одноаспектный характер предшествующих исследований. Дело в том, что концепт воплощается в языке посредством лексем, свободных и фразеологических сочетаний, предложений и текстов. Таким образом, полную картину вербализации концепта представляет его исследование на всех перечисленных уровнях языка. Разумеется, возможно изучение концепта в каком-либо одном варианте его репрезентации (лексическом, фразеологическом, текстовом или индивидуально-авторском и т. д. Однако подобный анализ в таком случае будет являться одноаспектным. Что касается концепта «число», то больше всего изучен фразеологический вариант его объективизации в любом языке. Нам представляется, что причина тому – наиболее легкий доступ к материалу. Что касается китайского языка, то полное исследование концепта «число» во всех его проявлениях на всех уровнях языка обойдено вниманием лингвистов. Существует работа Цуй Хун Еня «Семантика наименований чисел в русском и китайском языках: Лингвокультурологический аспект» [9], в которой автор рассматривает числа в китайском языке в сравнении с русским на уровне лексики, словосочетаний и текстов, однако она выполнена не в концептуальном русле;

- во-вторых, в большинстве исследований анализируется концептуализация либо какого-то одного числа, либо фокус сосредоточен на числах первого десятка. Числа за его пределами (за редкими исключениями) находятся вне зоны внимания исследователей, поскольку они располагаются на периферии (как правило, дальней) концепта;

- в-третьих, отсутствие системного описания структуры концепта «число» служит еще одним поводом к обращению к данной теме;

- в-четвертых, все ранее проведенные исследования, связанные с концептуализацией чисел в китайской лингвокультуре, проводились на материале обычного комплекта цифр (小写 *xiǎoxiě*). В настоящем исследовании мы постулируем, что в китайском языке число обозначается посредством пяти комплектов цифр (обычные 小写 *xiǎoxiě*, формальные 大写 *dàxiě*, арабские 阿拉伯数字 *ālābó shùzì*, римские 罗马数字 *luómǎ shùzì*, сучжоуские 苏州花码 *sūzhōu huāmǎ*) и двух комплектов циклических знаков (Небесные стволы 天干 *tiāngān* и Земные ветви 地支 *dìzhī*) [10]. Разумеется, выявить концептуальное наполнение возможно лишь у тех из них, которые являются не только математическими знаками, но и языковыми знаками. Следовательно, исследовать числа-концепты предстоит на материале обычных, формальных, сучжоуских цифр и символов Небесные стволы и Земные ветви, имеющих способность функционировать в качестве порядковых числительных [11].

Целью настоящей статьи является моделирование структуры концепта «число» в китайской лингвокультуре, которое могло бы послужить методологической основой для описания данного концептуального образования на материале любого другого языка.

Методы исследования

Содержание настоящей статьи представляет собой описание методики построения концепта «число» на примере китайской лингвокультуры, для чего используются как общенаучные методы (количественного подсчета, сравнения, анкетирования и ассоциативного эксперимента), так и лингвистические (контент-анализ, контекстуальный и дискурс-анализ, интерпретативный анализ текстов) [12, 13].

Результаты и дискуссия

Под концептом в настоящей работе понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой...» [14, с. 301]. То есть исследование любого концепта во всем многообразии его проявления неразрывно связано с представлением исследователем его структуры. Что касается последней, то каждый концепт, независимо от типа, имеет базовый слой и периферию. Это непосредственно относится и к концепту «число», структура которого представляется ядерно-периферийной с подразделением периферии на ближнюю и дальнюю.

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения о том, что концепт «число» в любом языке представляет собой метаконцепт, который состоит из ядра и периферии и имеет слоистую структуру. Это набор определенных конкретных чисел-концептов (субконцептов), значимых для анализируемой лингвокультуры, расположенных слоями. С. Л. Катречко в рамках философии математики также говорит о слоистости идеально-числовой сферы, однако основу этой слоистости составляет различие «*измерительных* и *счетных* чисел (в языке – количественных и порядковых числительных)» [15]. Очень важно отметить, что количество чисел-концептов в любой лингвокультуре (в том числе и китайской) ограничено. Следовательно, и количество слоев метаконцепта «число» также ограничено. Наиболее значимые для культуры этноса числа входят в его ядро (ближе или дальше от центра), а наименее значимые находятся на его периферии – ближней или дальней. То есть, метаконцепт «число» – это форма организации конкретных субконцептов (например, концепт числа «два», концепт числа «три»). Исследование метаконцепта «число» в языке, представляющего собой чрезвычайно абстрактное понятие, доступно лишь посредством исследования каждого отдельного конкретного субконцепта. Это связано с тем, что «предельно абстрактное понятие числа, представляющее собой одну из языковых универсалий, воплощается в единицах языка, получает в нем дополнительное семантическое развитие, особую культурологическую интерпретацию, обусловленную как лингвистическими, так и внелингвистическими (культурологическими) факторами, и приобретает тем самым статус концепта» [16, с. 165]. Несмотря на абстрактную природу числа, в каждом языке у него есть четкое определение со своими особенностями, что подробно описано в [17].

Что касается строения конкретного числа-субконцепта, входящего в метаконцепт «число» и составляющего один из его слоев, то оно в некоторой степени аналогично строению метаконцепта, где присутствуют ядро и периферия (ближняя и дальняя). С другой стороны, такой субконцепт отличается от метаконцепта тем, что его ядро представляет собой понятийную составляющую, а на периферии находятся образная и ценностная составляющие [18]. Подобное структурирование основано на принципе «от объективного к субъективному», что перекликается с пониманием природы числа А. Ф. Лосева в рамках сочетания его психо-биологического и социологического начал [19, с. 27]. Что касается вербализации концепта, то его ядро – понятийная составляющая – эксплицируется в языке посредством синонимов, антонимов и сочетаемости лексем,

обладая максимально объективным характером. На периферии концепта числа располагаются его образный и ценностный компоненты, которые вербализуются посредством паремий, афоризмов, крылатых выражений, притч, публицистических, художественных и научных текстов [14], а реализуемые языковые манифестации приобретают аксиологически маркированный статус. При этом на ближней периферии концепта его образы и ценности задаются картиной мира, поскольку «сформировавшиеся в обществе ключевые идеи присутствуют в головах говорящих как некие отпечатки общепринятых представлений, которые в свёрнутом виде присутствуют в семантике языковых единиц» [20, с. 14]. В районе дальней периферии содержание концепта дополняется индивидуально обусловленными объективизируемыми в языке смыслами.

Каждый субконцепт числа индивидуален в связи с наличием своего конкретного набора структурных элементов, количество и соотношение которых варьируют. Таким образом, структура метаконцепта «число» отличается от других концептов, представляя собой концепт в концепте. Для исследования концепта «число» сначала исследуются индивидуальные субконцепты конкретных чисел, а затем на основании полученных данных выстраивается структура метаконцепта «число» посредством ранжирования субконцептов в соответствии с важностью для той или иной лингвокультуры.

Как уже было сказано выше, ключом к исследованию метаконцепта «число» является исследование его субконцептов, количество которых ограничено в рамках каждой лингвокультуры, поскольку не все числа концептуально значимы лингвокультурологически. Применяя вышеприведенные положения, смоделируем структуру концепта «число» в китайском языке. Прежде всего при ранжировании слоев (субконцептов) стоит обратиться к классическим классификационным схемам основных философско-религиозных учений.

Ядро метаконцепта «число» в китайской лингвокультуре включает в себя концепт числа «два», затем концепт числа «три», затем концепт числа «пять» (перечислены в порядке важности). Такой порядок обусловлен тем, что «в основе стандартных для традиционного Китая нумерологических схем лежат три фундаментальных числа: 2, 3 и их сумма 5, что было отмечено уже в «Цзо чжуани» под 510 г. до н.э.: «От рождения вещам присущи двоичность, троичность, пятеричность» (Чжао, 32 г., 12-й мес. / 383, кн. 32, с. 2169) [8, с. 93]. Кроме того, формула «Цзо чжуани» гласит, что «*Дао устанавливается в двух, усовершенствуется в трех, видоизменяется в пяти, и числа неба и земли /обретают/ полноту*» / 376, кн. 1, с. 141» [8, с. 94].

Помимо субконцептов чисел «два», «три», «пять», к ядру метаконцепта «число» следует отнести субконцепты чисел «один» и «десять тысяч», руководствуясь следующим положением из «Дао дэ цзина»: 道生一, 一生二, 二生三, 三生万物。 *Dào shēng yī, yī shēng èr, èr shēng sān, sān shēng wàn wù*. Дао (Путь) порождает единицу, единица порождает двойку, двойка порождает тройку, тройка порождает «десять тысяч вещей» (перевод Тань Аошун [7, с. 72]) («道德经·四十二章» “*Dàodé jīng • Sishí’èr zhāng*” «Дао дэ цзин», строфа 42, 老子 *Lǎozi* Лаоцзы).

Таким образом, установлены основные концептуально значимые числа, представляющие собой слои ядра метаконцепта «число», и предварительно предложен порядок их расположения в нем. Для верификации приведенного выше порядка ранжирования в ядре метаконцепта «число» его субконцептов, полученного путем анализа философско-религиозных и исторических литературных источников, следует обратиться к анализу языковых данных. Представляется, что важным моментом является исследование фразеологического пласта языка. Посредством сплошной выборки происходит отбор фразеологических единиц с содержанием числового количественного компонента (числительного). При этом в качестве неперемennого условия отбора следует учитывать, что числительные в китайском языке могут выражаться не только самыми распространенными в Китае иероглифами-цифрами обычного комплекта, но и иероглифами-цифрами

формального, сучжоуского комплектов, а также циклическими знаками-иероглифами Небесные стволы и Земные ветви, о чем мы уже упоминали выше. Проводя отбор последних из указанных комплектов, следует иметь в виду, что не во всех фразеологических единицах циклические символы употреблены в квантитативной функции. Например, чэньюй 良辰美景 *liáng chén měi jǐng* ‘прекрасное время года и живописный пейзаж; чудное время и место’, хотя и содержит в своем составе циклический знак 辰 *chén* ‘пятый из двенадцати Земных ветвей’ в качестве структуропорождающего элемента, однако значение последнего не выражает квантитативность. Далее, произведя отбор таким образом, при помощи количественного подсчета и сравнения можно получить данные о важности того или иного числа для китайской лингвокультуры, поскольку в этом отношении имеется прямая взаимозависимость.

Что касается периферии метаконцепта «число», то на данном этапе исследования ее структура может быть описана гипотетически. При выдвижении гипотезы, определяющей ранжирование слоев-субконцептов в метаконцепте «число», мы руководствуемся положением А. И. Кобзева о том, что «специфической особенностью китайских космогонических систем и соответствующих им космологических структур была их тотальная числовая оформленность. В результате каждому числу натурального ряда в пределах десятки, а также некоторым последующим числам были поставлены в соответствие определенный этап космогенеза и определенная космологическая структура» [8, с. 94]. Из этого следует, что ближняя периферия метаконцепта «число» представлена субконцептами чисел первого десятка, не вошедших в его ядро: «четыре», «шесть», «семь», «восемь», «девять», «десять», «двенадцать» (ввиду отсутствия данных на данном этапе исследования перечисление приведено не в порядке расположения в концепте).

Дальняя периферия метаконцепта «число» представлена концептуально значимыми числами преимущественно первой сотни и выше: «тринадцать», «восемнадцать», «двадцать четыре», «двадцать восемь», «тридцать семь», «сорок пять», «шестьдесят», «шестьдесят четыре», «семьдесят три», «восемьдесят один», «восемьдесят четыре», «сто», «двести пятьдесят», «двести девяносто», «тысяча», «одиннадцать тысяч пятьсот двадцать». Разумеется, данный список не является окончательным и по результатам дальнейшего исследования будет подвергнут корректировке.

Рассмотрим, как может проходить исследование конкретного субконцепта. Прежде всего следует определить, как представлено его ядро, т. е. что представляет собой его понятийная составляющая. Исходя из полиструктурного характера числовой системы китайского языка, один и тот же денотат (число) может быть выражен разными знаками: неязыковыми (цифрами) и языковыми (иероглифами). Мы уже писали выше, что именно такой подход, когда принимаются во внимание все комплекты цифр, позволяет получить полную картину вербализации концепта конкретного числа. Например, у субконцепта числа «два» денотат «число больше одного и меньше трех» может быть записан с помощью восьми знаков (二 *èr*, 貳 *èr*, 兩 *liǎng*, 乙 *yǐ*, 丑 *chǒu*, 11 *èr*, 11 *èr*, 2 *èr*). Однако при исследовании концептуализации числа «два» в китайском языке мы можем пользоваться только языковыми знаками (иероглифами-цифрами 二 *èr*, 貳 *èr*, 兩 *liǎng*, 乙 *yǐ*, 丑 *chǒu*, 11 *èr*), а неязыковые знаки – цифры 11 и 2 – остаются вне рамок исследования вербализации концепта. Подобная вариативность записи числа «два» в китайском языке, когда оно имеет больше всего языковых знаков для записи, является, по нашему мнению, косвенным показателем того, что субконцепт «два» находится на первом месте в ядре метаконцепта «число».

При определении образной составляющей субконцепта следует руководствоваться тем, что «в древнем Китае числам приписывались качества Инь и Ян. <...> Четные числа (2, 4, 6, 8) относились к Инь, обозначая покой и стабильность», а нечетные (1, 3, 5, 7, 9) – к Ян, олицетворяя динамизм и движение [21, с. 2]. Данные образы являются базовыми.

Кроме того, при исследовании образного компонента субконцепта целесообразно обратиться к лингвистическому анализу фразеологического материала. Например, с его помощью удалось определить, что в китайской лингвокультуре число «четыре» представлено образами стабильности, уместности, всесторонности, о чем подробно написано в [22].

Для определения ценностного компонента субконцепта предстоит выявить его аксиологическое наполнение. По словам Тань Аошуан, в китайской культуре «все числа имеют положительные коннотации», потому что «в Китае весь числовой ряд от одного до десяти <...> считался весомым и осмысленным не только с точки зрения собственно числовых значений, но и ассоциативных полей, несущих категориальную функцию» [7, с. 72]. Однако некоторые западные исследователи не разделяют мнение о положительной коннотации всех чисел первого десятка, говоря о том, что «Числа категории Ян всегда нечетные, потому что они имеют неразделенные линии <...>. Линии Инь слабые, без середины... Они считаются “несчастливыми”» [23, с. 74]. Кроме того, «в Китае каждое число от одного до десяти и выше наделено негативными или позитивными духовными и символическими ассоциациями, которыми <...> поведение может сознательно или бессознательно управляться...» [24, с. 108]. Нам представляется, что положительные характеристики каждого числа при его концептуализации располагаются на ближней периферии, а отрицательные – на дальней. В качестве примера приведем субконцепт числа «четыре», к которому у китайцев прежде всего положительное отношение, как и ко всякому четному числу, что зафиксировано в «И-цзине»: 易有太极，是生两仪，两仪生四象，四象生八卦。 *Yì yǒu tàijí, shì shēng liǎng yí, liǎng yí shēng sì xiàng, sì xiàng shēng bāguà*. ‘У Перемен есть предел, они порождают два начала, два начала порождают четыре символа, четыре символа порождают восемь триграмм’ (перевод Тань Аошуан [7, с. 73]) («Си цы чжуань» / 《易经·系辞上传》 “*Yì jīng • Xì cí shàng zhuàn*”). И только на периферии появляются отрицательные коннотации, так широко растиражированные в качестве мифа, объясняемые схожестью звучания числа «четыре» и лексемы ‘смерть’ в китайском языке, что, однако, больше характерно для кантонского и миньского диалектов [25, с. 156].

Для выявления индивидуально обусловленных смыслов, наполняющих ценностный и образный компоненты субконцептов на периферии, целесообразно прибегать к анкетированию носителей языка и культуры и ассоциативному эксперименту, а также контекстуальному и дискурс-анализу, интерпретативному анализу текстов современной китайской блогосферы.

Заключение

Отталкиваясь от тезиса Пифагора, что «все вещи суть числа», и китайского философского понимания числа, согласно которому овладение числовыми закономерностями позволяет проникнуть в тайны мироздания и познать материальный мир, в котором числа и вещи взаимосвязаны, мы предлагаем следующее сравнение, позволяющее провести параллели между абстрактным понятием числа, вербализующимся в языке, и материальным миром.

Языковую картину мира, то есть ту среду, в которой находятся концепты, объективизируемые посредством языка, можно уподобить самому окружающему материальному миру, состоящему из веществ, а последние можно уподобить концептам. Вещество состоит из молекул, а молекулы – из атомов. В случае концептуализации числа проведем параллели между молекулой и метаконцептом «число», между атомом и конкретным числом (субконцептом). Получается, что подобно веществу, состоящему из атомов, которое может быть простым или сложным, вербализующийся в языке концепт может быть по структуре простым и сложным (метаконцептом).

Как атом состоит из ядра и оболочки, или электронного облака, так и субконцепт имеет ядро и периферию. У электронного облака атома нет четкой границы, его плотность выше ближе к центру, т. е. ядру. То же можно наблюдать и в структуре языкового концепта.

Если проводить дальнейшие параллели, касающиеся структуры материального вещества и языкового концепта, то вырисовывается следующая картина. Ядро атома состоит из протонов и нейтронов. Так и в языковом концепте протоны, нейтроны и электроны аналогичны семам, которые отвечают за нюансировку значений слова. В материальном веществе ядро положительно заряжено, а электроны на его периферии имеют отрицательный заряд. В языковом концепте наблюдается то же самое: все положительные значения слова сконцентрированы в его центральной части, а отрицательные расположены на его периферии. То есть наблюдается прямая взаимосвязь между распределением положительных и отрицательных зарядов в атоме и аксиологических характеристиках в структуре концепта. Отметим, однако, что приводимые нами корреляции структур материального вещества и ментального концепта с позиций аксиологии верны в отношении концептуализации чисел. Наши наблюдения могут не «работать» с другими концептами. Например, в концепте «преступление» не может идти и речи о положительных ядерных смыслах, они, скорее, находятся на периферии. В связи с этим применение приводимых нами аналогий требует верификации в отношении прочих концептов, что составляет перспективу исследования.

Л и т е р а т у р а

1. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – Москва : Флинта ; Наука, 2004. – 293 с.
2. Попова, Л. Г. О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект) / Л. Г. Попова, В. О. Егорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9. – 1 (51). – С. 143–145.
3. Голованова, Е. И. Символика числа в языковом сознании / Е. И. Голованова // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 3 (16). – С. 20–24.
4. Топоров, В. Н. Числа / В. Н. Топоров ; гл. ред. С. А. Токарев // Мифы народов мира : Энциклопедия. – Москва : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 629–631.
5. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический проект, 2004. – 992 с.
6. 丁秀菊. 数词成语的文化阐释 / 秀菊丁 // 齐鲁学刊. – 2003. – 第5期总第176期. – 页码: 67–70.
7. Тань, Аошуан. Китайская картина мира : Язык, культура, ментальность / Аошуан Тань. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
8. Кобзев, А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии / А. И. Кобзев. – Москва : Наука ; Восточная литература, 1993. – 432 с.
9. Цуй, Хун Ень. Семантика наименований чисел в русском и китайском языках : лингвокультурологический аспект : дисс. ... канд. филол. н. – Краснодар, 2003. – 161 с.
10. Банкова, Л. Л. Китайские комплекты цифр / Л. Л. Банкова // Иностранные языки в высшей школе. – 2017. – № 2 (41). – С. 56–60.
11. Банкова, Л. Л. Иероглифы комплектов Небесные стволы и Земные ветви в функции порядковых числительных в китайском языке / Л. Л. Банкова // Вестник Пятигорского гос. ун-та. – 2019. – № 1. – С. 91–94.
12. Сулейманова, О. А. Принципы и методы лингвистических исследований / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева. – [2-е изд-е, перераб. и дополн.]. – Москва : Языки Народов Мира, 2020. – 352 с.
13. Ассоциативный эксперимент : теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В. А. Пищальникова, К. С. Карданова, Н. С. Панарина [и др.]. – Москва : Р. Валент, 2019. – 200 с.
14. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
15. Число / А. Н. Кричевец, Г. Б. Гутнер, В. Я. Перминов [и др.]. – Москва : Философский факультет МГУ, МАКС Пресс, 2009. – 368 с.
16. Толстошеева, Л. Ю. Семантическое развитие концепта «число» / Л. Ю. Толстошеева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2010. – № 2 (33). – Ч. 2. – С. 164–166.

17. Банкова, Л. Л. Проблема разграничения понятий “цифра”, “число”, “числительное” и их соотношение в русском, английском и китайском языках / Л. Л. Банкова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2020. – № 3 (77). – С. 42–50.
18. Банкова, Л. Л. Концептуальные признаки труда (на материале английского языка) / Л. Л. Банкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2 (11). – С. 41–45.
19. Лосев, А. Ф. Хаос и структура / А. Ф. Лосев ; сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкий. – Москва : Мысль, 1997. – 831 с.
20. Американская культурно-языковая картина мира XIX века : время, свобода, судьба, одиночество, достоинство / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. – Москва : Диона, 2019. – 112 с.
21. Zhang D. Cultural Symbols in Chinese Architecture. *Architecture and Design Review*, 2019;1(1):1-17.
22. Банкова, Л. Л. Не так страшна четверка, как ее малюют, или о символизации числа четыре в китайской лингвокультуре / Л. Л. Банкова // Россия – Китай : история и культура : Сборник статей и докладов участников XV Международной научно-практической конференции, Казань, 11–12 ноября 2022 года. – Казань : Фэн, 2022. – С. 18– 22.
23. Fowler JD. An Introduction to the Philosophy and Religion of Taoism: Pathways to immortality. Brighton, UK; Portland, US: Sussex Academic Press, 2005:342.
24. Pellatt V. Numbers and numeracy in Chinese culture, language, and education: The social substratum of the development of mathematical thinking. Lewiston, New York: The Edward Mellen Press, 2007:123.
25. 常敬宇. 汉语词汇与文化 / 常敬宇 // 北京大学出版社, 1995. – 208 页.

References

1. Maslova VA. Introduction into cognitive linguistics. Moscow. Flinta: Nauka, 2004:293 (in Russian).
2. Popova LG, Egorova VO. On the essence of cultural memory of the words and possibilities to identify it (comparative aspect). *Philology. Theory and practice*, 2015;9:1(51):143-145 (in Russian).
3. Golovanova EI. Number symbolism in linguistic consciousness. *Chelyabinsk Humanities*, 2011;3(16):20–24 (in Russian).
4. Toporov VN, Tokarev SA. (ed) Numbers. Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980;2:629–631 (in Russian).
5. Stepanov YuS. Constants: Dictionary of Russian Culture. Akademicheskii proekt Publ., 2004:992 (in Russian).
6. Ding X. Cultural interpretation of containing numerals chengyu. *Qilu Academic journal*, 2003;5(176):67–70 (in Chinese).
7. Tan A. Chinese Worldview: Language, Culture, Mentality. Moscow: Languages of Slavic. Culture, 2004:240 (in Russian).
8. Kobzev AI. The Theory of Characters and Numbers in Classical Chinese Philosophy. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura Publishers, 1993:432 (in Russian).
9. Cui Hun En. Numerals Nomination Semantics in Russian and Chinese: Linguocultural Aspect. Doctoral Thesis: Krasnodar, 2003:161 (in Russian).
10. Bankova LL. Chinese Sets of Characters for Numbers. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 2017;2(41):56–60 (in Russian).
11. Bankova LL. Hieroglyphs of the heavenly stems and earthly branches in the function of ordinal numbers in the Chinese language. *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2019;1:91-94 (in Russian).
12. Suleimanova OA, Fomina MA, Tivyaeva IV. Principles and Methods of Linguistic Research. 2-nd ed. Moscow: World Languages, 2020:352 (in Russian).
13. Pishchalnikova VA, Kardanov KS, Panarina NS, et. al. Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics. Moscow: R. Valent, 2019:200 (in Russian).
14. Popova ZD, Sternin IA. Cognitive Linguistics. Moscow, AST, Vostok-Zapad Publishing House, 2007:314 (in Russian).
15. Krichevec AN, Gutner GB, Perminov VJa, et. al. Number. Moscow: Faculty of Philosophy at MSU, MAKSPress, 2009:368 (in Russian).

16. Tolstosheeva LJ. Semantic development of concept 'number'. Almanac of Modern Science and Education. Tambov: Gramota, 2010;2:2(33):164–166 (in Russian).
17. Bankova LL. The Problem of Distinguishing between the Notions “Digit”, “Number”, “Numeral” and their correlation in Russian, English and Mandarin. Vestnik of NEFU, 2020;3(77):42–50 (in Russian).
18. Bankova LL. Conceptual Characteristics of Work. Issues of Cognitive Linguistics, 2007;2(11):41–45 (in Russian).
19. Losev AF. Chaos and structure. Moscow: Mysl' Publishing House, 1997:831 (in Russian).
20. Afanasyeva OV, Baranova KM, Mashoshina VS, et. al. American XIX Century Cultural-Language Worldview: Time, Freedom, Fate, Loneliness, Dignity. Moscow: Diona, 2019:112 (in Russian).
21. Zhang D. Cultural Symbols in Chinese Architecture. Architecture and Design Review. 2019;1(1):1-17 (in Chinese).
22. Bankova LL. Four is not as black as it is painted, or on the symbolization of number *four* in the Chinese linguoculture. Russia – China: History and Culture. Collection of Articles and Reports of Participants of the XV International Scientific-practical Conference. Kazan: Fjen Publishing House of Tatarstan Academy of Science, 2022:18-22 (in Russian).
23. Fowler JD. An introduction to the philosophy and religion of Taoism: Pathways to immortality. Brighton, UK; Portland, US: Sussex Academic Press, 2005:342 (In English).
24. Pellatt V. Numbers and Numeracy in Chinese Culture, Language, and Education: The social substratum of the development of mathematical thinking. Lewiston, New York: The Edward Mellen Press, 2007:123.
25. Chang J. Chinese Vocabulary and Culture. Beijing: Beijing University Press, 1995:208 (in Chinese).

БАНКОВА Людмила Львовна – к. филол. н., доц. каф. китайского языка Института иностранных языков, ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет».

E-mail: BankovaLL@mgpu.ru

Liudmila L. BANKOVA – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof. of Chinese Language Department, Moscow City University.

УДК 81'373.2:070(571.56)

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-91-105

Гемеронимы якутской периодической печати как ономастические реалии (1930-е, 1960-е, 1990-е гг.)

Н. М. Борисова ✉, В. Б. Надькин

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

✉ borisovanm1963@mail.ru

Аннотация. Актуальность и значимость темы обосновываются тем фактом, что гемеронимы сахаязычных периодических изданий характеризуются стабильными изменениями. Новизна исследования заключается в том, что впервые в якутской печати и журналистике предпринята попытка осмысления и систематизации названий региональных газет и журналов как самостоятельных единиц с учетом их функциональной специфики в коммуникативных процессах. Однако нам кажется, что им не уделяется должного внимания из-за их противоречивого коммуникативного статуса. В данной статье мы ставим своей целью выявить специфику названий якутских газет и журналов периодов сталинской системы (1930–1959), эпохи застоя (1960–1990) и постсоветской трансформации (с 1991 по настоящее время). Для этого необходимо решить следующие основные задачи: рассмотреть историю якутской периодической печати с 1930 г. по настоящее время, обосновать связь гемеронимов якутских периодических изданий с общественно-политическими, экономическими, социокультурными процессами и проанализировать их количественное соотношение. В данном исследовании используется сочетание историко-типологического анализа с основными методами ономастики как отрасли языкознания – структурными, сопоставительными и статистическими, которые с помощью «ключевых смыслов» и «ключевых слов» позволяют сравнить изменение названий периодических изданий в ходе исторического процесса. Таким образом, название сахаязычной периодической печати претерпевало изменения в 1930-е, 1960-е и 1990-е годы. Именно эти годы придали гемеронимам периодической печати Якутии своеобразные ономастические реалии. В настоящее время с развитием цифровых технологий региональные периодические издания стали доступны онлайн, что имеет большое значение для жителей республики. Мы считаем, что выявление специфических особенностей региональных периодических изданий является одной из основ, на которых строятся аспекты исследования гемеронимов СМИ. Однако новые задачи выдвигают новые подходы к их решению.

Ключевые слова: гемеронимы, периодическая печать, газеты, журналы, ключевые слова, ключевые смыслы, ономастические реалии, сталинизм, эпоха застоя, трансформация.

Для цитирования: Борисова Н. М., Надькин В. Б. Гемеронимы якутской периодической печати как ономастические реалии (1930-е, 1960-е, 1990-е гг.). *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 91–105.
DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-91-105

Hemeronyms of the Yakut periodical press as onomastic realities (1930s, 1960s, 1990s)

N. M. Borisova ✉, V. B. Nadkin

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ borisovanm1963@mail.ru

Abstract. The topicality and significance of the research are substantiated by the fact that the hemeronyms of the Sakha language periodicals are characterised by stable changes. The novelty of the

research consists of the first attempt in the Yakut press and journalism to comprehend and systematise the titles of regional newspapers and periodicals as independent units, considering the functional specificity of the titles in the communicative processes. Nevertheless, we suggest that titles have been overlooked due to their contradictory communicative status. In this article our purpose is to identify the specificity of the titles of Yakut newspapers and periodicals of the Stalinist System (1930-1959), the era of Stagnation (1960-1990) and the post-Soviet transformation (from 1991 to the present day). For this purpose, it is necessary to explain the following main tasks: to review the history of the Yakut periodical press from 1930 to the present period, to explain the relevance of the hemeronyms of Yakut periodicals to the socio-political, economic, sociocultural processes and to analyse the quantitative ratio of the hemeronyms. This research is based on the combination of historical-typological analysis with the main methods of onomastics as a branch of linguistics – structural, comparative and statistical. The use of key meanings and key words allows for a comparison of the evolution of periodical titles throughout history. Therefore, the title of the Sakha language periodical press evolved in the 1930s, 1960s, and 1990s. Basically, these years provided the hemeronyms of the periodical press in Yakutia specific onomastic realities. In these days, the regional periodicals have become available online due to the development of digital technologies, making it of great advantage for the inhabitants of the republic. In our opinion, the identification of specific features of regional periodicals is one of the bases on which the aspects of the research of media hemeronyms are based. Meanwhile, new challenges are bringing new approaches to the solution.

Keywords: hemeronyms, periodical press, newspapers, magazines, keywords, key meanings, onomastic realities, Stalinism, the era of Stagnation, transformation.

For citation: Borisova N. M., Nadkin V. B. Hemeronyms of the Yakut periodical press as onomastic realities (1930s, 1960s, 1990s). *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 91–105. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-91-105

Введение

На начальном (констатирующем) этапе исследования нас интересовали возникновение и зарождение независимой общественно-политической печати Якутской области Российской империи в начале XX века и особенности отражения свободы слова и право на информацию в гемеронимах якутских газет и журналов с 1887 по 1928 гг. В этой связи дальнейшие исследования посвящены гемеронимам якутских газет и журналов с 1930-х гг. по настоящее время, охватывающих основные этапы периодической печати сталинской системы, эпохи застоя и постсоветской трансформации.

В 1930–1959 гг. якутская периодическая печать развивалась как орудие агитации, пропаганды и как организатор социалистического строительства. Так, с 1930-х гг. республиканские издания «Социалистическая Якутия» и «Кыым» поднимали проблемы обеспечения Якутска электроэнергией, развития речного флота и освоения новых транспортных путей, геологического изучения недр, создания зернового хозяйства. Также выступили организаторами первых «стахановских суток», инициировали подготовку механизаторов для села, шефство промышленных предприятий над колхозами, занимали важное место в литературном процессе республики. С 1941 г. тема фронта стала главной, хотя во время Великой Отечественной войны в Якутии сократилось издание газет, а республиканские газеты выходили в уменьшенном объеме.

В целом годы тоталитарного режима И. Сталина были периодом русификации общественной жизни и образования. Конечно, в первую очередь это коснулось национальной периодической печати, поскольку Центральный Комитет и Якутский обком КПСС не учли одну из важнейших функций национальной печати

– служить средством этнокультурного развития. Да и в самом обществе еще не созрело понимание того, что разрешение противоречий в развитии региональной печати с многонациональным населением обусловлено демократизацией общественной жизни в целом и национальной в частности.

Годы с 1960 по 1990 гг., названные в истории «эпохой застоя», были периодом своего рода «затишья перед бурей» и началом изменений в системе средств массовой информации. В эти годы Якутия как социально-экономический фактор «по-прежнему рассматривалась в качестве сырьевого придатка» [1, с. 239]. Исследования показали, что интенсивный приток в Якутии русскоязычного населения обусловил рост подписки на центральные газеты и журналы. А рост подписки на областную партийно-советскую печать при стабильном спросе на национальную газету, а также удержание количества многотиражных газет, которые издавались на русском языке, отмечались в районах с преобладающим якутским населением.

По мнению О. Д. Якимова, однопартийная печать находилась в двойственном положении: с одной стороны, являлся инструментом политики авторитарной власти, а с другой стороны – существовала как самостоятельная сфера деятельности [1, с. 260]. Соответственно, диктат одной партии с годами установил над печатью полный контроль до конца 80-х годов XX века. Впрочем, периодические издания на якутском языке и русском как средстве межнационального общения можно рассматривать как закономерное проявление и в других регионах России.

С переменой после августовского путча ГКЧП в 1991 г. в истории периодического издания Якутии началась другая эпоха. Периодические издания стали издаваться без соучредительства органов партии, газеты «Кыым» и «Социалистическая Якутия» были преобразованы в республиканские народные газеты. Однако печать Якутии не превратилась в самостоятельную сферу общественной жизни, а оказалась в зависимости от администрации новой власти. Соответственно, газеты и журналы обслуживали интересы политической элиты, стали финансироваться либо государством, либо коммерческими, общественными структурами. По словам О. Д. Якимова, «реформированная система изданий пошла по пути эволюционного развития» [1, с. 283].

В настоящее время медиасистема Республики Саха (Якутия), имевшая общероссийские черты, трансформируется, поскольку сложность и многомерность современного общества не только вынуждают к изменениям внутри медиа: коммерциализации, видоизменению коммуникационных привычек и форм потребления информации населением – но и свидетельствуют о том, что глобализация массмедиа идет по пути «нациоглобализации» [2, с. 102]. В частности, в периодической печати это привело к возникновению новых газет и журналов, кроме того, с развитием цифровых технологий стали доступны их онлайн-версии, что имеет большое значение для жителей республики.

Таким образом, материалами анализа послужили названия якутских газет и журналов с 1930 г. по настоящее время, извлеченные из каталогов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) и ее электронной библиотеки: периодические издания Якутии (конец XIX–XXI вв.) [ПИЯ]; периодические и продолжающиеся издания: журналы, сборники, бюллетени, календари, листовки, серии (1931–1970) [ПиПИ]; Летопись печати Якутской АССР [ЛПЯАССР]; Летопись печати Республики Саха (Якутия) [ЛПРСЯ].

Целью работы является выявление специфики названий якутских газет и журналов периодов сталинской системы (1930–1959), эпохи застоя (1960–1990) и постсоветской трансформации (с 1991 по настоящее время). Для этого необходимо решить следующие основные задачи: рассмотреть историю якутской периодической печати с 1930 г. по настоящее время, обосновать связь гемемеронимов сахаязычных периодических изданий с общественно-политическими, экономическими, социокультурными процессами и проанализировать их количественное соотношение на исторических этапах.

Теоретическая база и обзор литературы

В аспекте проблем исследования гемеронимов нас прежде всего привлекли труд Л. Р. Мухаметзяновой [3], где автор на основе комплексного анализа выявляет их функционально-прагматические свойства, словарь Н. В. Подольской [4] и работа И. В. Крюковой [5], в которых определяется место названий СМИ в ономастической подсистеме языка, статья О. И. Федосовой [6], в которой выделяются свойства гемеронимов, что также позволяет отнести их к ономастической лексике. Для более полного изучения рассматриваемого вопроса ознакомились с монографией М. Л. Майдановой, С. И. Соломатова, Т. Г. Федотовских и А. П. Чудинова [7].

Кроме того, прослеживая историю якутской печати и журналистики, опирались на работы О. Д. Якимова [1, 2, 8], С. К. Дмитриева [9], И. А. Аргунова [10], а также ознакомились с общим контекстом системы СМИ в работах Р. П. Овсепяна [11, 12], Г. В. Жиркова [13], И. В. Кузнецова [14] и О. Д. Минаевой [15] и других. Например, профессор О. Д. Якимов в своих работах рассматривает общие закономерности и особенности формирования якутской периодической печати в различных социально-политических условиях, а также ее значения для этнокультурных процессов [1, 2, 8].

Материалы и методы

В данном исследовании используется сочетание историко-типологического анализа со структурными, сопоставительными и статистическими методами ономастики как отрасли языкознания, поскольку описание гемеронимов требует рассмотрения объекта в диахронии. Кроме того, используется метод ретроспективного анализа с использованием «ключевых слов» и «ключевых смыслов» для систематизации истории якутской периодической печати.

Результаты

В данной статье, посвященной изучению гемеронимов периодической печати Якутской АССР и сахаязычных изданий, нас привлекают факты их изменения с 1930 г. по настоящее время. За эти годы газеты создавались, приостанавливались, возрождались и развивались. Мы зафиксировали тенденцию обновления названий газет примерно каждые 30 лет: 1930-е, 1960-е и 1990-е годы. Приведем примеры фактов переименования газет:

- «Эдэр бассабыык» («Молодой большевик») (1929–1952) – «Эдэр коммунист» («Молодой коммунист») (1953–1990) – «Сахаада» (1991–1999);
- Вилуйский улус (район): «Колхоз суола» («Колхозный путь») (1931) – «Октябрь суола» («Путь Октября») (1965) – «Олох суола» («Путь жизни») (с 1990);
- Олекминский улус (район): «Колхозтаах» («Колхозник») (1933) – «Октябрь знамята» – «Знамя Октября» (1963) – «Олекма» (с 1992);
- Булунский улус (район): «Булун кыһата» («Булунский горн») (1938) – «Хотугу сулус» («Полярная звезда») (1962) – «Арктика маяга» («Маяк Арктики») (с 1965);
- Мегино-Кангаласский улус (район): «Колхоз кырдьыга» («Колхозная правда») (1937) – «Ленинскэй знамя» («Ленинское знамя») (1962) – «Эркээйи» (с 1992).

Таким образом, для анализа исследовательского материала мы выделяем следующую периодизацию истории периодической печати Якутии:

- 1) периодическая печать Якутской АССР в период сталинской системы (1930–1959);
- 2) периодическая печать Якутской АССР в период «застоя» (1960–1990);
- 3) пресса Республики Саха (Якутия) в период постсоветской трансформации (с 1991 по настоящее время).

В 1930-е гг. газеты и журналы СССР издавались, исходя из ленинской максимы «газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор», провозглашенной в его программной статье 1901 года «С чего начать» [16]. Советская газета – это коллективный организатор социалистического строительства. Одновременно периодическая печать на языках народов СССР – это орган

политграмоты и теоретического и практического пропагандиста и агитатора марксистско-ленинско-сталинского учения. Например, выходили такие журналы, как «Советская Якутия», «Сэбиэт суола» («Путь Советов»), «Үөрэх кыһата» («Кузница просвещения»), «Динамовец Якутии», «Чолбон» («Утренняя звезда»), «Кыһыл ыллык» («Красная тропа»).

В 1940-е гг. роль русского языка возросла в связи с переходом якутской письменности на русскую графическую основу, но также стало возможным более оперативное распространение информации среди коренного населения Якутии на их родном языке. В годы Великой Отечественной войны в республике продолжалось формирование сети районных газет. Например, в 1942 г. появилась газета «Социалистической Халыма» («Социалистическая Колыма»), в 1943 г. – «Үөһээ Бүлүү большевика» («Верхневиллюйский большевик»), в 1944 г. – «Саҥа олох» («Новая жизнь»). Однако в целом за время войны выпуск газет в Якутии сократился. Было прекращено издание газет «Эдэр бассабыык» («Молодой большевик»), «Алданский комсомолец» и «Бэлэм буол!» («Будь готов!»), а республиканские газеты «Кыым» и «Социалистическая Якутия» стали выходить в уменьшенном объеме.

Кроме того, в связи с освоением природных ресурсов северо-восточной части Якутии и Северного морского пути начала развиваться сеть многотиражных газет на русском языке. В годы войны, при некотором сокращении изданий, сеть многотиражных газет оставалась неизменной, поскольку находилась в состоянии застоя, что соответствовало концепции партийно-советской печати и отвечало целям национальной политики КПСС, также не являлась свободной от противоречий. Например, издавались такие многотиражки, как «Стахановец Арктики», «Ленский судостроитель», «Колымский водник», «Полярный большевик».

В 1950-е гг. система периодических изданий стабилизировалась. Возник новый тип издания – дублированная газета — и существование национальной районной газеты как типа издания оказалось под угрозой, поскольку дублированная газета превратилась в издание переводных аналогов русскоязычных изданий. Соответственно, количество районных газет увеличилось за счет возникновения новых дублированных изданий. Следует также отметить, что именно в это десятилетие приток русскоязычного населения в Якутии стал особенно массовым, что привело к распространению национально-русского двуязычия, которое повысило роль русскоязычной прессы.

Исследовательский материал периодической печати Якутской АССР 1930–1959 гг. насчитывает в общей сложности 89 наименований. Из них 73 наименования – газеты и 16 – журналы (рис. 1). Из 73 издававшихся газет 18 были многотиражными, 48 районными и 7 газет областного значения.

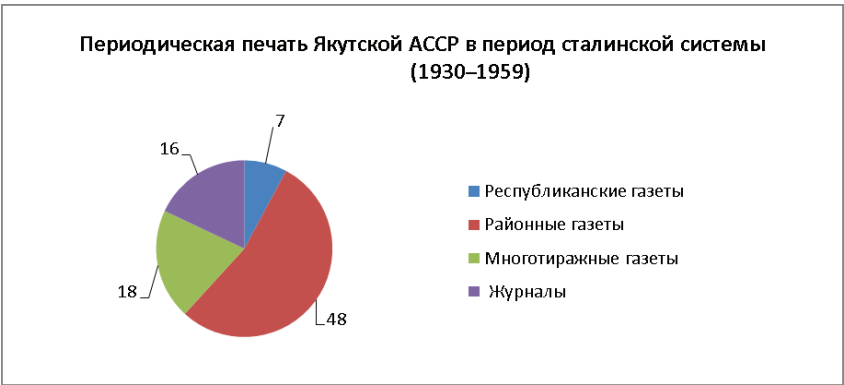


Рис. 1. Периодическая печать Якутской АССР в период сталинской системы (1930–1959)

Fig. 1. Periodical press of the Yakut ASSR during the Stalinist System (1930-1959)

Тем не менее в 1930–1959-е гг. гемеронимы сахаязычных периодических изданий сыграли значительную роль в инфильтрации идеологием новой власти в мировоззренческую систему народа саха. Новая жизнь – это «построение новой социалистической республики». Так, благодаря гемеронимам стали привычными многочисленные кальки из русского языка, в основном общественно-политического характера. Например:

Русский акроним *колхоз* прочно вошел в якутский язык, и сеть районных газет развертывалась под решающим влиянием коллективизации сельского хозяйства. Идея «организации больших масс людей в одно целое» раскрывается в ключевом смысле – «коллективизация», который реализуется следующими ключевыми словами: *колхоз*, *колхозник*, *колхозный*:

- «*Колхоз суола*» («Колхозный путь») (1931–1940) / газета Вилюйского района;
- «*Колхоз сирдьитэ*» («Колхозный вожак») (1935–1962) / газета Намского района;
- «*Колхоз кырдыга*» («Колхозная правда») (1937–1959) / газета Мегино-Кангаласского района;
- «*Колхозтаах*» («Колхозник») (1933–1962) / газета Олекминского района.

Идея «построения новой социалистической республики» традиционно раскрывается в ключевом смысле, а именно в «символе социализма». Идея символа реализуется с помощью ключевого слова *красный*:

- «*Кыһыл ыллык*» («Красная тропа») (1930–1938) / общественно-политический и литературно-художественный журнал Союза писателей ЯАССР;
- «*Кыһыл сулус*» («Красная звезда») (1937–1965) / газета Нюрбинского района;
- «*Кыһыл знамя*» («Красное знамя») (1954) / газета Томпонского района.

Идея «формирования нового человека в социалистическом строе» раскрывается в ключевом смысле: «процесс формирования советского человека», которое реализуется через ключевые слова *кузница*, *горн* (*перен.*):

- «*Үөрэх кыһата*» («Кузница просвещения») (1931–1935) / журнал для малограмотных на якутском языке / Орган Нар. ком. прос. ЯАССР;
- «*Пионер кыһата*» («Пионерский горн») (1932–1933) / орган бюро обл. пионерской организации, издавался как вкладка газеты «*Эдэр бассабыык*» («Молодой большевик»);
- «*Булун кыһата*» («Булунский горн») (1938) / газета в с. Кюсюр Булунского района.

Идея «коммунистической идеологии» раскрывается в ключевом смысле: «движение с целью изменения настоящего положения» актуализируется при помощи ключевого слова *путь*:

- «*Сэбиэт суола*» («Путь Советов») (1931–1932) / журнал ЯЦИК;
- «*Ленин суолунан*» («По ленинскому пути») (1933–1964) / партийно-массовый журнал Якутского обкома ВКП (б);
- «*Сталин суола*» («Путь Сталина») (1938–1956) / газета Сунтарского района;
- «*Коммунизм суола*» («Путь коммунизма») (1937–1962) / газ. Нюрбинского района;
- «*Ленин суола*» («Путь Ленина») (1954–1964) / газета Аллаиховского района.

Любопытно, что на русскоязычных газетах больше гемеронимов, отражающих индустриализацию. Например, идея «мотивации работников к эффективному труду» раскрывается в ключевом смысле: «советский рабочий класс», который актуализируется при помощи ключевых слов *рабочий*, *стахановец*, *водник*, *речник*:

- «*Аллах-Юньский рабочий*» (1937–1953) / многотиражная газета треста «Джугджур золото» в пос. Аллах-Юнь Усть-Майского района;
- «*Стахановец Арктики*» 1936 / газета Тиксинского политотдела политупр. Севморпути;
- «*Стахановец угля*» (1939–1953) / газета парторганизации Сангарского рудника;
- «*Стахановец олова*» (1940–1942) / газета парторганизации и рудкома Союза Якутолово в пос. Эге-Хая Верхоянского района;
- «*Ленский водник*» (1931) / газета в г. Якутске;
- «*Колымский водник*» (1939–1954) / газета Колымо-Индибирского политотдела

политупр. Главсевморпути, затем стала органом политотдела и политорг. Упр. пароходства Дальстроя;

– «Индигирский *водник*» (1940–1941) / газета Колымо-Индигирского политотдела Дальстроя, затем политотдела Севморпути;

– «*Речник Севера*» (1935–1936) / газета Упр. Ленского речного пароходства, политотдела и баскомфлота.

Таким образом, с 1930 по 1959 гг. был противоречивый период, когда газеты и журналы сокращались или даже прерывались из-за войны, а после войны в 1950-е годы периодическая печать более или менее стала сохранять стабильное положение, в том числе и за счет дублированных изданий – переводных аналогов русскоязычных изданий. На наш взгляд, в эти годы стало очевидным преуменьшение роли национального фактора в многонациональном обществе и в сфере печати в частности, что связано с очевидным разделением территории Якутской АССР на промышленные («русские») и сельские («якутские») районы. Соответственно, партийно-советская печать препятствовала дифференциации печати по национальному признаку.

В Якутии в 1960-е гг. продолжают создаваться крупные промышленные, строительные, транспортные, геологоразведочные предприятия с большим количеством русскоязычного населения. Все это привело к удержанию количества многотиражных газет, и, разумеется, все они издавались на русском языке. А создание крупных производственных предприятий в ранее ненаселенных отдаленных местах, потребности в их управлении привели к образованию новых административных районов. С марта 1962 г. по март 1965 г. в Якутской АССР издавались межрайонные газеты, которые «удовлетворяли потребности нового звена управленческой и партийной структуры, а не населения» [1, с. 216]. Хрущевские новации не обошли стороной и республиканские партийные газеты, «Кыым» и «Социалистическая Якутия» до февраля 1967 г. были одной объединенной редакцией.

Как пишет О. Д. Якимов, «...Еще в 60-е годы наметилась устойчивая тенденция к росту тиража областных газет и журналов. На 1 января 1969 года «Социалистическая Якутия» составлял тираж 37 тысяч экземпляров. За два последующие года тираж вырос еще на 10500 экземпляров, а в 1979 г. газета выходила тиражом 70 тысяч экземпляров. Тираж газеты «Кыым» вырос с 25 тысяч экземпляров в 1963 г. до 32 тысяч в 1969 г. и до 44 тысяч экземпляров в 1979 г. По данным Якутского агентства «Союзпечать», в 1975 году разовый тираж газет на якутском языке вырос на 67,5 тысячи экземпляров по сравнению с 1959 г., а газет на русском языке – на 87, 5 тысячи экземпляров» [1, с. 238–239].

В 1980-е гг. эта тенденция не только сохранилась, но даже ускорилась. Если в 1970-е гг. тираж якутской республиканской газеты «Кыым» увеличился всего на 1 тысячу экземпляров, то в 1980-е гг. увеличился на 22 тысячи экземпляров. Только в 1987 г. подписка на газету возросла на 5 тысяч экземпляров, а тираж на 1 июня 1990 года достиг 62 тысяч экз. И это при общей численности якутского населения в автономной республике всего 360 тысяч человек.

Нам кажется, столь существенный рост тиража национальной республиканской газеты можно объяснить двумя причинами: ростом национального сознания якутского народа и изменением тематики газеты. началом изменений в системе средств массовой информации. Таким образом, в середине 1980-х гг. демократизация общественной жизни постепенно привела к отрицанию однопартийной системы, и это в конце концов подорвало основы концепции партийно-советской печати.

Исследовательский материал якутской периодической печати с 1960 по 1990 гг. насчитывает всего 85 наименований. Из них 70 наименований составляют газеты и 15 наименований – журналы. В частности, в республике издавались 6 республиканских газет, 13 межрайонных газет, 8 многотиражных газет и 43 районных газет, которые продолжали быть проводником советской идеологии (рис. 2).

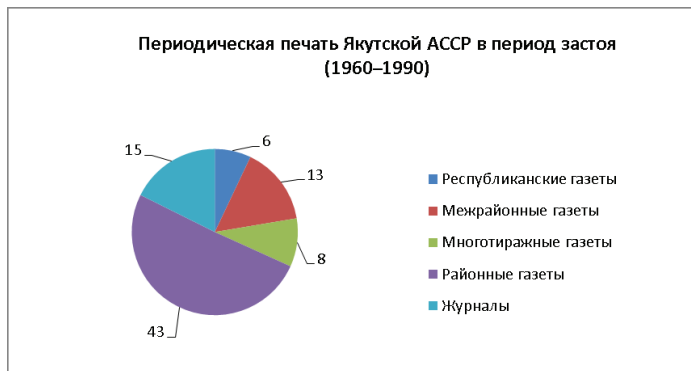


Рис. 2. Периодическая печать Якутской АССР в период застоя (1960–1990)

Fig. 2. Periodical press of the Yakut ASSR during the Stagnation period (1960–1990)

Итак, в период с 1960 по 1990 гг., в так называемую «эпоху застоя», идеи Коммунистической партии и коммунистов получили дальнейшее воплощение в названиях периодических изданий. Ключевой смысл «организующая и направляющая роль компартии и коммунистов» реализуется с помощью ключевых слов *коммунизм, коммунист, знамя*:

- «*Коммунизм суола*» – «Путь коммунизма» (1962–1965) / межрайонная газета Ленинского, Сунтарского РК КПСС и районных Советов деп. трудящихся;
- «*Коммунизм уоттара*» – «Огни коммунизма» (1963–1965) / Орган Якутского обкома КПСС и Совета Министров Якутской АССР для Анабарского, Жиганского и Оленекского районов;
- «*Верхоянской коммунист*» («Верхоянский коммунист») (1962–1970) / газета Верхоянского района;
- «*Ленинскэй знамя*» («Ленинское знамя») (1962–1965) / межрайонная газета Мегино-Кангаласского и Амгинского РК КПСС и районных Советов деп. трудящихся;
- «*Октябрь знамята*» – «Знамя Октября» (1963–1992) / газета Олекминского района;
- «*Ленинизм знамята*» – «Знамя ленинизма» (1954–1966) / газета Анабарского района;
- «*Знамя*» (с 1962) / газета Среднеколымского района.

Ключевой смысл «зарождение чего-нибудь светлого будущего» актуализируется при помощи ключевых слов *маяк, заря*:

- «*Лена маяктара*» – «Ленские маяки» (1965–1970) / газета Орджоникидзевского района;
- «*Арктика маяга*» – «Маяк Арктики» (1965–1975) / газета Булунского улуса;
- «*Хотугу сарданга*» – «Северная заря» (с 1962) / газета Оймяконского района;
- «*Дьааны сардангата*» – «Заря Яны» (с 1967) / газета Усть-Янского района;
- «*Коммунизм сардангата*» («Заря коммунизма») (1965–1990) / газета Верхневилуйского района;
- «*Сарданга*» («Заря») (с 1954) / газета Оленекского района;
- «*Социализм сардангата*» («Заря социализма») (1952–1963) / газета Жиганского района.

Таким образом, в годы застоя советская печать как орудие пропаганды партии и государства утратила функцию служения обществу. Она не только контролировала печать, но и манипулировала общественным сознанием. Диктат однопартийной печати в Якутии продолжался до конца 80-х гг. XX века. Однако процесс, завершившийся коренными изменениями в печати республики, начался еще до того, как слово «перестройка» вошло в лексикон.

С постсоветских 1990-х годов государственные печатные издания Республики Саха (Якутия) представляют официальные газеты, такие как «Якутия» и «Саха сирэ» («Якутская

земля / страна») (с 1991), детские газеты «Кэскил» («Будущее») и «Юность Севера» (с 1990), газета по проблемам социальной защиты «Забота – Арчы» (с 1993). Чуть позже появились парламентская газета «Ил Түмэн» (с 1999) и единственная газета северных народов «Илкэн» (с 1999), которая освещала проблемы коренных малочисленных народов Севера.

Помимо газетных изданий, продолжают выходить государственные журнальные издания. Это одно из старейших литературно-художественных изданий «Чолбон» («Звезда») (с 1926), журнал для детей дошкольного и младшего возраста «Чуораанчык» – «Колокольчик» (с 1987), культурологический журнал для женщин «Далбар Хотун» («Хозяйка») (с 1994), а также литературный альманах «Күрүлгэн» («Водопад») (с 2006). Также стоит отметить появление нового билингвального формат-журнала «Юность Севера: Arctic ideas» вместо газеты «Юность Севера» (с 2021).

Из негосударственных изданий можно отметить прежде всего этническую газету «Кыым» («Искра») (с 1991), которая была создана группой якутских элитарных интеллигентов и независимую газету «Туймаада» (с 1995), которая названа в честь долины Туймаада, где расположен город Якутск. Также выходили русскоязычные газеты «Наше время» (1995–2016), «Якутск вечерний» (1994–2018), «Эхо столицы» (1989–2018), которые позже перешли на онлайн-версию.

В дополнение к негосударственным газетам сегодня продолжают выходить журнальные издания:

- историко-географический и культурологический журнал «Илин» (с 1991);
- научно-популярный журнал для охотников и рыболовов «Байанай» (с 2002);
- глянцевого журнала для семейного чтения «Журфикс» (с 2005);
- журнал для школьников и студентов «Хатан» («Закаленный») (с 2008);
- журнал для сельских предпринимателей «Байдам» («Благополучие») (с 2010);
- частный общественно-политический журнал «Үйэ» («Век») (с 2010).

В этой связи нельзя не учитывать социолингвистический анализ газетной и журнальной продукции на якутском языке, проведенный М. А. Горячевой на основе статистических данных, размещенных на сайте Российской книжной палаты за 2021 г. Автор приводит крайне неоднородную картину. Она пишет, что «за десятилетие 1990–2000 годов ситуация значительно изменилась: приблизительно в два раза сократилось число изданий, тиражи упали почти в тридцать раз» [17, с. 47]. По ее мнению, «ситуация с якутским языком не являлась уникальной и объяснялась происходившими в стране изменениями..., важнейшим из которых стал свободный рынок СМИ» [17, с. 47].

Вопросы трансформации государственных печатных СМИ Республики Саха (Якутия) нашли отражение в статье Ч. Н. Гаврильева. Автор пишет, что «в последние годы наблюдается сокращение аудитории печатных изданий, так как печатные СМИ в Республике Саха (Якутия) начали открывать свои сайты в Интернете» [17, с. 129]. Соответственно, в настоящее время в регионе происходит сочетание традиционных и новых массмедиа. В частности, периодическая печать не только издается как печатная продукция, но и стала онлайн-интернет-изданием.

Таким образом, в 1990-е гг. действительно наблюдался подъем национальной печати, за короткое время увеличилось количество региональных печатных изданий. Очевидно, это было связано с ростом национального самосознания, демократизацией, превращением России в федерацию. Однако, начиная с 2000-х гг., сферы использования национальных языков постепенно сокращались не только в СМИ, но и в сфере образования. Конечно, они осуществлялись официальными властями.

Исследовательский материал постсоветской и современной прессы Республики Саха (Якутия) насчитывает всего 223 наименования, из которых 151 – газеты и 72 – журналы (рис. 3). Указанное количество наименований периодических изданий включает ранее существовавшие газеты и журналы с новыми названиями, а также вновь созданные периодические издания.



Рис. 3. Пресса РС (Я) в период постсоветской трансформации с 1991 г. по настоящее время

Fig. 3. The press of the Republic of Sakha (Yakutia) in the period of post-Soviet transformation from 1991 to the present day

В периодической печати с 1990-х гг. актуализируется идея «перемен», прежде всего в духе конфуцианского «возвращения имен». Можно привести еще одну идеологизированную с обратным знаком максиму, выраженную во фразе российского кинорежисера С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли», которую можно трансформировать применительно к региону как «Якутия, которую мы потеряли». Якутия, теперь Саха (Якутия), начала в 1990-х гг. заново себя осмысливать, что нашло отражение и в новых гемеронимах. Гемеронимы постсоветской Якутии носят почти такой же программный характер, как и гемеронимы советского периода.

Изменение общественно-политического строя в начале 1990-х годов привело не только к активному переименованию районов в улусы, но и к изменению названий их периодических изданий. Например:

- «Красная звезда» – «Огни Анабара» / газета Анабарского улуса;
- «Северная звезда» – «Маяк Арктики» / газета Булунского улуса;
- «Ленинец» – «Дабаан» / газета Кобяйского улуса;
- «Социалистический труд» – «Ленский вестник» / газета Ленского улуса;
- «Ленинскэй знамя» – «Эркээйи» / газета Мегино-Кангаласского улуса;
- «Ленин суола» («Путь Ленина») — «Энсиэли» / газета Намского улуса;
- «Красный оленевод» – «Колымская правда» / газета Нижнеколымского улуса и т. д.

Также районные газеты с 1991 г. стали переименовываться в соответствии названиями административных центров республики: «Yөһээ Бүлүү» («Вехневилуйск»), «Амма олоҕо» («Жизнь Амги»), «Таатта» («Татта»), «Ханалас» – «Хангалас», «Олекма» и т. д. На медиарынке растет количество периодических изданий, в которых ключевой смысл «малая Родина» реализуется через ключевые слова *Якутия, саха, север, Якутск*. Например:

- «Советы Якутии» (1991–1993) / еженедельная газета Верховного Совета ЯАССР;
- «Саха сирэ» (с 1991) / республиканская газета на якутском языке;
- «Народное образование Якутии» (с 1992) / педагогический журнал;
- «Якутск вечерний» (1994–2018) / общественно-политическая газета;
- «Аргументы и факты на Севере» (1995–2022) / еженедельник;
- «Якутия» (с 1997) / республиканская общественно-политическая газета;
- «Моя Республика Саха» (2000–2004) / молодежная республиканская газета;
- «Спортивная Якутия» (2000–2018) / спортивная газета
- «Спорт Якутии» (с 2005) / еженедельная спортивная газета;
- «Жизнь Якутска» (с 2011) / общественно-политическая газета;
- «Криминальный Якутск» (с 2011) / общественно-политическая газета;
- «Юность Севера: Arctic ideas» (с 2021) / журнал для школьников.

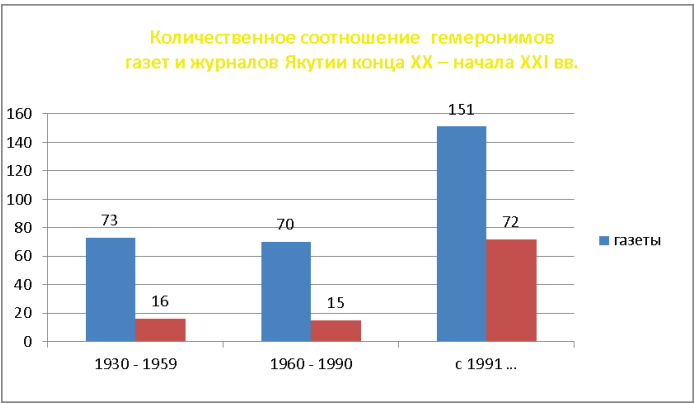


Рис. 4. Количественное соотношение гемеронимов газет и журналов Якутии конца XX – начала XXI вв.

Fig. 4. Quantitative ratio of hemeronyms of newspapers and magazines of Yakutia late XX – early XXI

В 1990-е гг. периодика, вступив в новую общественно-политическую и социально-экономическую реальность, стала полнее исполнять свою главную функцию – информационную. «Осознание своей первостепенной задачи – информировать об очередных событиях общественно-политической жизни» стало реализоваться в гемеронимах через такие ключевые слова, как *новости, вестник*. Например:

- «Сунтаар сонуннара» («Новости Сунтара») (с 1991) / газета Сунтарского улуса;
- «Дьааны сонунна» – «Вести Верхоянья» (с 1991) / газета Верхоянского улуса;
- «Эдьигээн сонуннара» – «Новости Жиганска» (с 1991) / газета Жиганского улуса;
- «Ленский вестник» (с 1991) / газета Ленского улуса;
- «Томпонский вестник» – «Томпо илдьитэ» (с 1991) / газета Томпонского улуса;
- «Усть-Майский вестник» (с 1991) / газета Усть-Майского улуса;
- «Кобяйский вестник» (с 1991) / газета Кобяйского улуса;
- «Жатайский вестник» (с 2004) / еженедельная общественная газета пгт. Жатай;
- «Вестник Невромед-С: корпоративная газета» / Медклиника «Невромед-С»;
- «Правительственный вестник» (1992–1993) / приложение «Советы Якутии»;
- «Учительский вестник» (1992–2015) / приложение издания «Юность Севера» и др.

Или:

- «Все для вас» (с 1994) / якутский каталог объявлений и рекламы;
- «Где купить» (с 1997) / рекламный информационный журнал;
- «Саха недвижимость» (с 1997) / рекламная газета;
- «Из рук в руки» (с 2002) / газета бесплатных частных объявлений;
- «Вторник» (с 2003) / газета для рекламы и объявлений, выходившая по вторникам.

Сами гемеронимы той эпохи в первые годы тоже выступали как своеобразный меседж новой эпохи, противостоящей предыдущей. Например: не «Крестьянка» или «Работница», а «Далбар Хотун» («Хозяйка») (с 1994) – женский культурологический журнал. «Она+» (1999–2018) – преимущественно газета для женщин, но не только. В общем ключевой смысл данных изданий – «ценность человеческой личности», то есть на смену коллективной приходит личностное начало.

Заключение

Исследовательские материалы якутской периодической печати периода сталинской системы (1930–1959), эпохи застоя (1960–1990) и постсоветской трансформации (с 1991 по настоящее время) содержат разное количество гемеронимов газет и журналов (рис. 4). Как видно из диаграммы, соотношение названий якутских периодических

изданий периода сталинской системы и эпохи застоя показывают почти равное количество, а с 1991 г. по настоящее время количество региональных печатных изданий значительно выросло. Однако, начиная с 2000-х гг., наблюдается тенденция сокращения аудитории печатных изданий, что подтверждается данными исследования «СМИ и Интернет-ресурсы как канал формирования общественного мнения» в рамках социологического мониторинга. Следовательно, думается, произойдет дальнейшее снижение тиражей в связи с развитием онлайн-изданий.

Впрочем, следует отметить, что периодическая печать на протяжении всего своего существования сообщала и сообщает о событиях, которые произошли недавно или происходят в данный момент. В частности, оперативная информация представляет политический, социальный или экономический интерес аудитории. Они финансируются либо государством, либо коммерческими, общественными структурами.

Результаты нашего анализа гемеронимов якутской периодической печати с использованием «ключевых смыслов» и «ключевых слов» позволяют нам сделать выводы для нашего исследования:

1. Ключевой идеей названий якутских газет и журналов Якутской АССР в период сталинской системы с 1930 по 1959 гг. стало «построение нового социалистического общества». Его смысл раскрывается в таких идеологемах, как «коллективизация», «символ социализма», «процесс формирования советского человека», «движение с целью изменения настоящего положения». И они реализуются с помощью ключевых слов: колхоз, колхозтаах 'колхозник', кыһыл 'красный', кыһа 'кузница, горн', суол 'путь'.

2. В названиях периодических изданий Якутской АССР в период застоя с 1960 по 1990 гг. идеи Коммунистической партии и коммунистов получили дальнейшее внедрение. Эти идеи находят выражение в ключевых смыслах: «организующая и направляющая роль компартии и коммунистов», «зарождение чего-либо нового, светлого будущего», которые актуализируются с помощью ключевых слов: коммунизм, коммунист, знамя, маяк, саһарба 'заря'.

3. В гемеронимах прессы Республики Саха (Якутия) в период постсоветской трансформации с 1991 г. по настоящее время актуализируется идея «перемен». Она представлена ключевыми смыслами: «изменение общественно-политического строя», «малая Родина», «оперативная информация», «изменение экономического уклада страны», «ценность человеческой личности» и реализуется с помощью ключевых слов: Якутия, саха, север, Якутск, сонуннар 'новости', вестник.

Таким образом, в ходе исторического процесса гемеронимы газет и журналов в вышеуказанных периодах претерпели изменения. Их общественно-политическая, экономическая, идеологическая и социокультурная обусловленность иллюстрируется фактами переименования периодической печати. В результате изучения мы получили материал, анализ которого позволил заключить, что названия сахаязычных периодических изданий, переключаясь в ходе исторического процесса страны, можно сказать, обновлялись каждые 30 лет.

В настоящее время с развитием цифровых технологий региональные периодические издания стали доступны в их онлайн-издании, что имеет большое значение для жителей республики. В целом обновление названий периодической печати в 1930-е, 1960-е и 1990-е гг. придало ему своеобразные ономастические реалии. Мы считаем, что выявление специфических особенностей региональных периодических изданий является одной из основ, на которых строятся аспекты исследования гемеронимов СМИ. Однако новые задачи выдвигают новые подходы к их решению.

Источники

ПИЯ – Периодические издания Якутии (конец XIX – XXI вв.) https://new.nlrs.ru/collections/11_

ПиПИ – Периодической уонна салҕана турар таһаарылар: сурунааллар, хомуруунньуктар, бюллетеннэр, халандаардар, листовкалар, сериялар (1931–1970 сс.): ретроспективнай национальной библиографической ыйынньык = Периодические и продолжающиеся издания: журналы, сборники, бюллетени, календари, листовки, серии (1931–1970 гг.): ретроспективный национальный библиографический указатель / Саха Өрөспүүбүлүкэтэҕи култуура уонна духуобунай сайдыы министиэристибэтэ, Саха Өрөспүүбүлүкэтин Нац. бибилэтиэкэтэ; [хомуйан онордулар: Е. Г. Максимова, А. Н. Алексеева; науч. эрдээктэр, эппиэттээх таһаарааччы С. В. Максимова; библиогр. эрдээктэр Т. С. Максимова]. – Дьокуускай: Алаас, 2017. – 165, [1] с. https://new.nlrs.ru/open/14322_

ЛПЯАССР – Летопись печати Якутской АССР = Саха АССР бэчээтин летопиһа: орган государственной библиографии Якутской АССР / Саха АССР государственной библиографиятын органа. – Якутск: книжное издательство, 1984. – 560 с.

ЛПРСЯ – Летопись печати Республики Саха (Якутия) [Текст] = Саха Республикатын бэчээтин летопиһа: гос. библиогр. указ. / М-во культуры Респ. Саха (Якутия), Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия). – Якутск: Бичик (библиографический указатель – 1 раз в год).

Литература

1. Якимов, О. Д. Очерки истории печати Якутии : От Февраля 1917 года до краха КПСС / О. Д. Якимов. – Новосибирск : Наука, 2004. – 360 с. (Вып. 2).

2. Якимов, О. Д. Трансформация медиасистемы Республики Саха (Якутия) в условиях глобализации / О. Д. Якимов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2012. – Т. 9. – № 2. – С. 99–104. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20332295_14615304.pdf (дата обращения: 05.07.2024).

3. Мухаметзянова, Л. Р. Названия газет и журналов : функционально-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Мухаметзянова Лилия Ринатовна. – Казань, 2018.

4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская ; АН СССР, Ин-т языкознания. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва : Наука, 1988.

5. Крюкова, И. В. Рекламное имя : от изобретения до прецедентности : монография / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2004. – 288 с.

6. Федосова, О. И. Лингвистический статус гемеронима (на материале российских и британских названий СМИ) / О. И. Федосова // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2010. – № 5 (49). – С. 76–80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-status-gemeronomima-na-materiale-rossiyskih-i-britanskih-nazvaniy-smi> (дата обращения: 05.07.2024).

7. Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах / М. Л. Майданова, С. И. Соломатов, Т. Г. Федотовский, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2004. – 231 с.

8. Якимов, О. Д. Периодическая печать Восточной Сибири и ее трансформации. Ч. 2 / О. Д. Якимов. – Новосибирск : Наука, 2020.

9. Дмитриев, С. К. Пресса преобращенного края / С. К. Дмитриев. – Якутск, 1980. – 167 с.

10. Аргунов, И. А. Социальное развитие якутского народа : историко-социологическое исследование образа жизни / И. А. Аргунов. – Новосибирск : Наука, 1985.

11. Овсепян, Р. П. История новейшей отечественной журналистики : учебное пособие / Под ред. Я. Н. Засурского. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996.

12. Овсепян, Р. П. Средства массовой информации в этнокультурном процессе / Р. П. Овсепян // Журналистика в полиэтническом обществе. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2007.

13. Жирков, Г. В. Логика эволюции информационного процесса и его отражение в научно-педагогических исследованиях / Г. В. Жирков // Век информации. – 2016. – № 2. – С. 230–234. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25932981> (дата обращения: 01.07.2024).

14. Кузнецов, И. В. История отечественной журналистики (1917–2000) : учебный комплект : учебное пособие, хрестоматия / И. В. Кузнецов. – [4-е издание, стереотип.]. – Москва : ФЛИНТА, 2012. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24688739> (дата обращения: 01.07.2024).
15. Минаева, О. Д. История отечественной журналистики. 1917–1945 : Учебное пособие / О. Д. Минаева. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32849135> (дата обращения: 01.07.2024).
16. Ленин, В. И. С чего начать / В. И. Ленин // ПСС Ленина. – [5-е издание]. – 1967. – Т. 5 – С. 11. – URL: https://vkpb-skb.ru/images/pdf/Lenin_pss/tom05.pdf (дата обращения: 05.07.2024).
17. Динамика выпуска газетной и журнальной продукции на якутском языке в 1970–1921 гг. в контексте ряда этнодемографических параметров // Пресса на национальных языках в глобальном медиапространстве : Сборник статей и материалов научно-практической конференции, Якутск, 10–11 декабря 2021 года ; Министерство инноваций, цифрового развития и инфокоммуникационных технологий Республики Саха (Якутия) ; Министерство образования Республики Саха (Якутия). – Якутск : Якутская республиканская типография им. Ю.А. Гагарина, 2022. – С. 43–48.

References

1. Yakimov OD. Essays on the History of the Yakutia Press: from February 1917 to the Collapse of the CPSU. Novosibirsk: Nauka Publishing House, 2004;2 (in Russian).
2. Yakimov OD. The Transformation of Mediasystem of the Sakha (Yakutia) Republic in the Context of Globalization. M. K. Ammosov Vestnik of North-Eastern Federal University, 2012;9(2):99-104. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20332295_14615304.pdf [Accessed 5 July 2024] (in Russian).
3. Mukhametzyanova LR. Newspapers and magazines titles: functional and pragmatic aspect. Candidate's dissertation (Philology). Kazan, 2018 (in Russian).
4. Podolskaya NV. Dictionary of Russian Onomastic terminology. In: N. V. Podolskaya (ed.) Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics. [2nd ed., reprint. and add.] Moscow: Nauka Publishing House, 1988 (in Russian).
5. Kryukova IV. Advertising name: from invention to precedent. Volgograd: Peremena Publ., 2004:288 (in Russian).
6. Fedosova OI. The linguistic status of the hemeronim (based on the material material of Russian and British media). Volgograd State Pedagogical University, 2010;5(49):76-80. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-status-gemeronomima-na-materiale-rossiyskih-i-britanskikh-nazvaniy-smi> [Accessed 05 July 2024] (in Russian).
7. Maidanova ML, Solomatov SI, Fedotovskiy TG, et al. The word and key meanings in modern media texts. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2004:231 (in Russian).
8. Yakimov OD. The Periodical Press of Eastern Siberia and its transformations. Part 2. Novosibirsk: Nauka Publishing House, 2020 (in Russian).
9. Dmitriev SK. The press of the transformed region. Yakutsk, 1980:167 (in Russian).
10. Argunov IA. Social development of the Yakut people: a historical and sociological study of lifestyle. Novosibirsk: Nauka Publishing House, 1985 (in Russian).
11. Hovsepyan RP. The history of modern domestic journalism. Moscow: Publishing House of the Moscow University. Unita, 1996 (in Russian).
12. Hovsepyan RP. Mass media in the ethno-cultural process. Journalism in a multiethnic society. Moscow: Publishing House of the Moscow University. Unita, 2007 (in Russian).
13. Zhirkov GV. The logic of the evolution of the information process and its reflection in scientific and pedagogical research. Information Age, 2016;2:230-234. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25932981> [Accessed 01 July 2024] (in Russian).
14. Kuznetsov IV. The History of Russian journalism (1917-2000): training set: textbook, anthology. 4th ed. Moscow: FLINT, 2012. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24688739> [Accessed 01 July 2024] (in Russian).
15. Minaeva OD. The History of Russian journalism. 1917-1945. Moscow: Publishing House "Aspect Press", 2018. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32849135> [Accessed 05 July 2024] (in Russian).

16. Lenin VI. Complete works. Where to start? 5th edition. 1967:11. Available at: https://vkpb-skb.ru/images/pdf/Lenin_pss/tom05.pdf [Accessed 05 July 2024] (in Russian).

17. Goryacheva MA. Dynamics of newspaper and magazine production in the Yakut language in 1970-1921 in the context of a number of ethnodemographic parameters. In: Press in national languages in the global media space: collection of articles and materials of a scientific and practical conference, Yakutsk, December 10-11, 2021. Ministry of Innovation, Digital Development and Infocommunication Technologies of the Republic of Sakha (Yakutia); Ministry of Education of the Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk: Yakutsk Republican Printing House named after Yu.A. Gagarin, 2022:43-48 (in Russian).

БОРИСОВА Надежда Марковна – к. филол. н., доцент каф. журналистики филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: borisovanm1963@mail.ru

Nadezhda M. BORISOVA – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Journalism, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

НАДЬКИН Валерий Борисович – к. филос. н., доцент каф. журналистики филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: cftyxrf2007@yandex.ru

Valery B. NADKIN – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Journalism, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 81-26

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-106-115

Cultural Transfer Through Mediated Translation (with special reference to Children's Literature)

L. A. Gasparyan^{1,2}

¹Institute of Literature named after M. Abeghyan of
National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia

²Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia
✉ luisa.gasparyan83@gmail.com

Abstract. The article focuses on specifics of cultural transfer in William M. Thackeray's fairy-tale "The Rose and the Ring" and its comparative analysis of Russian and Armenian translation with special reference to authorial moral-pedagogical direct contextual comments, as well as culturally-marked units specific for only the given (Victorian period) socio-cultural dimension. The translation of children's literature is a complex, multifaceted process and its moral-educational philosophy needs to be transmitted within spatio-temporal domain through incorporation of theoretical - methodological strategies. One cannot fail to observe that one of the mainstreams of literary revival is the cultural transfer (material or non-material), as well as the art of translation, which, undoubtedly played essential role in the literary traditions through centuries. The analysis has shown that the Armenian version of the fairy-tale was done through the paradigm of the Russian translation as mediated text, which elucidates certain modifications due to linguistic-cultural usus. The triple procedure of cultural transfer (English-Russian-Armenian) presents the assembly of accumulated cultural layers in the Armenian version which on the one hand aims at transferring "new" ideas in the target culture and on the other hand for the smoothness of reception. So, the thematic kernel of the fairy-tale is preserved in translations, the socio-cultural and linguo-cognitive peculiarities are adapted due to the given areal. The comparative analysis revealed that the mechanisms of cultural transfer were implemented through 1/direct contextual proximity for universal, neutral concepts and 2/ cultural adaptation/alteration for target reader-oriented purpose.

Keywords: William M. Thackeray, The Rose and the Ring, fairy-tale, mediated translation, Russian, Armenian, cultural transfer, alteration, culturally-marked units, "scopos" theory.

For citation: Gasparyan L. A. Cultural Transfer Through Mediated Translation (with special reference to Children's Literature). Вестник СВФУ. 2024, Т. 21, № 4. С. 106–115. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-106-115

Культурный трансфер через парадигму текста посредника (на материале детской литературы)

Л. А. Гаспарян^{1,2}

¹Институт литературы им. М. Абеяна Национальной Академии наук, Ереван, Армения

²Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
✉ luisa.gasparyan83@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию культурного трансфера в сказке Уильяма М. Теккерея «Кольцо и роза» и сравнительному анализу русского и армянского перевода с опорой на авторские морально-воспитательные комментарии, а также культурно-маркированные единицы, характерные для данного (викторианского) социокультурного ареала. Будучи сложным процессом, перевод детской литературы и ее нравственно-воспитательная философия должны передаваться через пространственно-временную парадигму посредством теоретико-методологических

стратегий. Нельзя не заметить, что одним из главных аспектов возрождения литературы являются процесс культурного трансфера (материальный или нематериальный), а также искусство перевода, что, несомненно, играло важную роль в литературе на протяжении веков. Анализ показывает, что армянский перевод сказки был выполнен через русский перевод как текста «посредник», в результате чего были выявлены определенные видоизменения, обусловленные лингво-культурным узусом. Тройной процесс культурного трансфера (англо-русско-армянский) представляет «ансамбль» наслаивания культурных пластов в армянской версии, которая направлена, с одной стороны, на передачу «новых» идей в принимающей культуре, а с другой стороны, для адекватного восприятия контекста перевода. Хотя тематическое ядро сказки в переводах сохраняется, однако социокультурные и лингво-когнитивные особенности адаптируются в силу специфики данного ареала. Сравнительный анализ показал, что механизмы культурного трансфера реализуются, во-первых, посредством прямой контекстуальной близости при переводе универсальных, нейтральных концепций и, во-вторых, культурной адаптации / модификации, которые направлены для читателя перевода.

Ключевые слова: Уильям М. Теккерей, Кольцо и Роза, сказка, текст посредник перевода, русский, армянский, культурный трансфер, видоизменения, культурно-маркированные единицы, скопос-теория.

Для цитирования: Гаспарян Л. А. Культурный трансфер через парадигму текста посредника (на материале детской литературы). *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 106–115. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-106-115

Introduction

The popularity and evaluation of William M. Thackeray's verbal art in Armenia is determined with the specificity of historical - cultural factors connected predominately with Russian literary tradition. The XIX—XX centuries, despite historical cataclysms, the Armenians reached significant results in national heritage revival with special reference to *culture* – literature, music, painting, architecture, etc. and *the translation activity of classic literature* which obviously flourished due to cross-cultural connections. Alongside with other beneficial impacts, a significant contribution in Armenian literature was the process of mediated translation done through the Russian translations of European classics.

The *aim* of the research is to interpret the peculiarities of the cultural transfer through mediated translation of William M. Thackeray's fairy-tale “The Rose and the Ring” within the scope of the tripartite (English–Russian–Armenian) comparative analysis. For the accomplishment of this goal certain extracts and passages are illustrated and interpreted for exploring the strategies of cultural transfer in mediated translations.

Written and performed in Rome on Christmas (1855) the only authorial fairy-tale entitled as “The Rose and the Ring” was highly appreciated by the young audience which encouraged Thackeray for its further publication and dissemination. Describing it as “Fireside Pantomime - a pantomime by the fireplace,” the author ingeniously outlines the thematic and artistic structure

of the fairy-tale with laconic verses before each chapter, onomastic humor, satirical illustrations and the palette of various stylistic and rhetoric devices. "The Rose and the Ring" was published in "Punch" under the pseudonym "Mr. Titmarsh" [1]. The Russian translation of "The Rose and the Ring" was done by Raisa Pomerantseva (1923-1989) under the title «Кольцо и роза, или история принца Обалду и принца Перекориля» (Домашний спектакль, разыгранный М. А. Титмаршем) in 1970, to date the translation is considered the canonical version and highly evaluated as a piece of creativity. Being an expert in literary translation R. Pomerantseva also introduced to Russian audience the works of Jerome K. Jerome, Edgar Allan Poe, H. G. Wells, Rudyard Kipling and Thackeray's novel "The Newcomes" (1978). The only Armenian translation was made by Khachik Hrachyan (1912-1989) through the Russian translation (probably R. Pomerantseva's translation) as mediated text. Hrachyan was an honored Soviet literary translator who translated many works of world literature: Alexander Pushkin, Vladimir Mayakovsky, Samuil Marshak, Jack London, Arthur Conan Doyle, Bertolt Brecht and et al.

Dwelling upon further observation on the translation activity in the Soviet period, a significant implementation was done by Chukovsky, who initiated a laborious work of creating an authoritative scientific book on the fundamental principles of literary translation in the USSR presenting not only the Russian translators' activity, but also Georgian, Ukrainian, Belorussian, Armenian and Tartar translators [2, 90].

In recent years, special attention has been paid to the research of children's literature translation and publication of the Soviet period with special reference to the statistical data on the dynamics and scale of children's book translations from the languages of the USSR into Russian and vice versa [3]. The research data done by Maslinsky indicates that the translations from the languages of the USSR was really impressive and valuable in terms of disseminating literary-cultural heritage. Moreover, the interest towards children's literature is on the agenda of the theorists who touch upon not only the questions of moral-philosophical, cognitive-psychological aspects, but also on the extra-textual factors (historical-political, mythological and cultural, etc.) [4; 5].

Methodology

The spectrum of implemented *methodological mechanisms* includes: the method of cultural transfer (introduced by French theorist Michel Espagne) as well as classic philological methods of comparative analysis and textological interpretation [6; 7]. One cannot fail to observe that the theory of *skopos*, introduced by H. Vermeer, is perceived as indispensable part of the translation theory and cultural transfer mechanisms. So, any form of translation activity, as well as the translation itself (from the original to another language) has a *goal - an intention*. The word *skopos*, as a technical term, indicates the *goal or intention* of translator. H. Vermeer emphasizes that any translation leads to a result, a new contextual situation which can be defined as *translatum*. It is of paramount importance for the translator to indicate *the goal - scopos* of text translation within the framework of adequately defined implementation mechanisms for the successful completion of the task [8; 9].

Further developments in the principles of translation theory the concept of "cultural transfer" has become strategical and the quintessential part of the theoretical-methodological mechanisms. Introduced by Michel Espagne, who emphasized the relevance of historically determined mediations circulating between cultures during translational procedure, the concept of cultural transfer covers the sphere of material and non-material artefacts [6]. It is obvious that translation manifests as multilayered entity of various linguistic-cultural artifacts and phenomena, since the translation intertwines two or even more cultural codes. Due to M. Espagne's assumption the translation has its legitimate power within the spatio-temporal dimension of receiving-target culture. Indeed, that the Armenian author H. Tumanyan [10] emphasized that *A good translation is equivalent to an individual piece of verbal creativity*.



Fig. The procedure of mediated translation
Рис. Процедура опосредованного перевода

Results and Discussions

The specifics of cultural transfer become more complex and multifaceted within the framework of mediated translation, where the cultural transfer occurs on the level of tripartite procedure – *original - translation text1* (translation text becomes a source text) – *translation text2*. A typical example of multimodal text is the Armenian version of Thackeray’s fairy tale “The Rose and the Ring”, where the Russian text of the fairy-tale performs as a channel of information and cultural interpenetration. For illustrative interpretation the chart with the interweaving of cultures in the process of mediated translation is presented.

In this context, the translation of children literature involves additional strategies. Klingberg proposes the strategy of *cultural context adaptation* on the basis of which is the intertwinement of special adaptation mechanisms (like cultural realia), as well as, where possible *the contextual proximity*. According to the theorist “hard-to-reach” places and cultural realia should be treated carefully through the paradigm of already traditional translation mechanisms with accompanying explanations, interpretations, and footnotes [11].

In 1693 the English philosopher J. Locke published his famous “Few Reflections on Education” which announced new prospects towards understanding the world of children as a fragile and unique world. J. Locke presented the young readers psychological worldview and formulated his insights on philosophy of education by contrasting it with the “adult” world. Locke presented the young reader as having a separate worldview and a different way of thinking. One of the peculiarities of children's literature is that it is created and translated by adult authors, but the addressee is a child, naturally the expectations and requirements of an adult and a child are different: adults encourage literature that helps to improve the child’s literacy, educate him/her and form a certain value system – the adults prefer translation of moralistic and educational texts [12; 13]. In this vein, by analyzing the influences of reading on various aspects of human cognition, Maria Nikolajeva [14] underlined the importance of our previous empirical and literary experience through the prism of which we create the mental picture and image scheme in mind. For example, historically social-pedagogical impact in Armenia was made by the spiritual centers by having its’ invaluable contribution, especially during the historical-political cataclysms. Since ancient times the upbringing of Armenian children was supported by schools attached to the Armenian church, as it carried out scientific and pedagogical activities, and clergymen predominantly were engaged into creating scientific-philosophical and educational works and tractus. Moreover, Catholicoi of All Armenians had an invaluable contribution in writing completely unique pedagogical and philosophical teachings and works [15].

Perhaps the most frequent and quintessential mechanism used in “The Rose and the Ring” is the implementation of the element «you» in the narrative thus creating discourse flexibility and dialectical unity between the author and the reader. The authors of Victorian epoch were famous for their tendency to enter into dialogue from cognitive and emotional aspects, or give a piece of advice to their readers, however only Thackeray reinforced the status of *the second person singular* “you” in the context. Such “textual infrastructure” is typical for Thackeray's language and style, which led the reader to the communicative interaction. Maria Nikolajeva, introducing the importance of evolutionary theory in children’s literature, draws significant

attention to the essence of storytelling and explains comprehensively the adults' urge to tell stories to children for the purpose of instruction or amusement. It develops human consciousness and evokes the capacity to imagine. In this connection the theorist emphasized: *The simplest examples are folktales. A child may ignore the message 'Don't talk to strangers', but is likely to remember the story of Little Red Riding Hood. Folktales in all cultures regulate relationships within close communities, such as families, as well as between communities. Children's literature, borrowing numerous superficial as well as more complex traits from folktales, also offers young people examples of appropriate behaviour. It is repeatedly stated that children's literature is didactic by nature, which does not have to be perceived in a pejorative sense* [14, 290].

In “The Rose and the Ring” narration Thackeray immerses the readers into the domain of imaginative space, integrating the young “participant-observers” into the worldview and axiological dimension. The author’s storytelling technique aims at transmitting the profound cultural context into the surface position; therefore, the reception of cultural, linguistic and aesthetic impetus is determined by the virtue of cognition of the readers (age, environment, education, fundamental knowledge of extra-linguistic factors, etc.). Hence, according to the theorist S. Zenkin [16], the reception and interpretation of a literary text is determined by the two-faceted mechanism – *classical* (from the author) and *post-classical* (from the reader). Due to Romanova reader-response criticism in perception of literature underlined the exemplary and influential status of literature in implementation of cultural identification [17].

The Victorian novelist W. Thackeray is the master of unlimited communication between himself and his readers, “a sort of confidential talk between writer and reader”, which makes him pause at every convenient moment allowing much scope for interpretation and commentary. Such character-narrator authorial unfolds the artistic intention and strengthens the objectivity of literary creativity. Thackeray as a fairy-teller and moralist is present in the tale “The Rose and the Ring”, which may contribute to the connection of fiction to the factual reality and an actual world [18; 19].

In the fairy-tale Thackeray instructed the young readers through the paradigm of light and bright rhythmic rhymes, by illustrating prince Giglio’s example, when he ran off the kingdom and decided to lead another life. The rhymes are composed due to the English rules of style and language, customs and traditions which transferred in Russian and Armenian due to the linguo-cognitive requirements. Thus, for example:

Rhyme 1

Poor young men their boots must black:
Use me and cork me and put me back [20].

Чисти обувъ, бедняк, не тужи
И обратно меня положи [21].

Աղքատ, ինքդ քո կոշիկը մաքրիր
Եվ վերստին ինձ իմ տեղը դու դիր [22].

Rhyme 2

Clothes for the back, books for the head:
Read and remember them when they are read [20].

Наряд тешит взоры, а чтение – ум
И пищу дает для полезнейших дум [21].

Շորը աչք է շոյում, կարդալը՝ միտք:
Մի վատնիր ժամերդ պարապ, անմիտ [22].

One cannot fail to observe that educational instructions can demonstrate remarkable effectiveness through rhythmical verses. The Russian and Armenian translation examples illustrated analogous motive with the direct implementation of thematic kernel, still with the interplay of national cognitive-stylistic usus. The rhymes encourage the relevance of the physical activity and mental development of the young reader, as well as trigger the impulse towards hard work. So, the rhythmical utterance is apparently altered to meet the reception requirements of the target culture. Practically, in the triple procedure of cultural transfer (English → Russian (stands for original for Armenian text) → Armenian) Armenian text elucidates certain accumulation of cultural databases, which on the one hand unfolds cultural peculiarities of English original and Russian text as mediated, on the other hand adapts “cultural-ideological gaps” on the basis of Armenian reception. The further examples will reveal the them more comprehensively.

The actual question is the level of degree to which the artifacts of the original are echoed in order to achieve an analogous response from the target reader. In the first rhyme the alliterative accumulation of words is noticeable (*poor-boots - black - back*), as well as the rhythmical repetition of pronoun *me*: in the Russian text there is the rhythmical cluster of words: *обувь - бедняк - обратно, не тужи - положи*: in the Armenian version: *հնքդ - ինձ- իմ, մաքրիր - դիր*.

In the second rhyme, the rhythmical transition in translations is carried out in an analogous manner: Thackeray's rhyme: *the back - the head - are read, read -remember*: the Russian translation: *ум - дум, тешиш - пищу - полезнейший*, the Armenian version: *շորը, շոյում, միտք - մի վատնիր - անմիտ*. In the Armenian translation, the last line of the verse is altered for maintaining the rhythmic structure of the rhyme, which leads to subtle contextual change in meaning introducing the idea that there is no need to waste time on useless things.

The following example presents the direct dialogue of author with readers, which was translated directly. Therefore;

His Majesty King Valoroso, as we have seen, had his own reasons for disliking his nephew; and as for those innocent readers who ask why?—I beg (with the permission of their dear parents) to refer them to Shakespeare's pages, where they will read why King John disliked Prince Arthur. (chapter VI) [20]

У его величества короля Храбуса были, как вы знаете, свои причины не любить племянника; и если кто из читателей по наивности этого не понял, пусть прочтет (**конечно, с разрешения заботливых родителей**) пьесу Шекспира, где рассказано, отчего король Джон недолюбливал принца Артура (Глава VI) [21].

Ինչպես գիտեք, նորին մեծություն Խիզախուն իր պատճառներն ուներ եղբորորդուն չսիրելու, և եթե ընթերցողներից ոմանք միամտաբար այդ բանը չեն հասկացել, թող կարդան (**անշուշտ, հոգատար ծնողների թույլտվությամբ**) Շեքսպիրի պիեսը, ուր պատմվում է, թե արքա Ջոնը ինչու չի սիրում Արթուրին: [22: 36].

In the extract Thackeray covertly teaches the young children to ask parents for permission before doing something but not in rigorous and strict manner: merely suggestive advice with brackets (*with the permission of their dear parents*) which translated in an analogous style. In the passage there is a reference to Shakespeare's chronicle play *King John* (written in 1594-1596). The theatrical drama revolves around King John, who usurped the throne from his nephew Arthur – the analogous situation is with King Valoroso from Thackeray's tale, who after his brother's death usurped the royal title and disliked his nephew Giglio. To comprehend the complexity of Thackeray's quotation, the translators interpreted the thematic essence of Shakespeare's play by using paratextual techniques, like footnotes.

For avoiding misperception some culturally-marked realias were not transferred into Armenian due to the spatio-temporal and cultural distance between the original. Although Russian translator unfolded specifics of English realias in the text, in the Armenian translation the realias were transferred in neutral, well-known concepts: perhaps the main strategy is the aim of diminishing cultural vacuum and lacuna, which was done intentionally (scopos theory) first of all for meeting the requirements of young readers. Let's discuss a couple of examples:

King Padella was immensely astonished. The Count Hogginarmo was extremely disgusted. 'Pooh!' the Count cried. 'Gammon!' exclaimed his Lordship.'

These lions are tame beasts come from **Wombwell's or Astley's**. It is a shame to put people off in this way. I believe they are little boys dressed up in door-mats. They are no lions at all.' (chapter XV) [20]

Король Заграбастал прямо остоленел. Граф Окаян был преисполнен отвращения.

– Фу, мерзость! – воскликнул он. – Какой обман учинили! – продолжал кричать его сиятельство. – Львы-то ручные! **От Уомбуэлла или Астли**. Ишь ведь, как морочат публику – стыд и срам! Бьюсь об заклад, что это завернутые в половики мальчишки, а никакие не львы (глава XV) [21].

Գովելիոս թագավորն ուղղակի քար կտրեց: Կոմս Դովիլիուս բարկությունից եռում էր:

-Թո՛ւ, նգովյալնե՛ր, -բղավեց նա: -Խարդախներ: Առյուծները հո ձեռնասուն են, **կրկեսից** բերված: Այ թե մարդկանց ինչպես են խաբում, ամոթ ու խայտառակություն: Գրագ կգամ, որ դրանք ուղեւորի մեջ փաթարված երեխաներ են և ոչ թե առյուծներ: [22 :110].

The passage represents the scene in the amphitheater with the lions to be about to eat the poor princess Rosalba, which later changed into tragicomedy under the magical influence of Rosalba's ring. Looking at the princess the lions became humble and obedient and did not touch the princess - the fact that irritated King Padella (Король Заграбастал - Գովելիոս թագավորն) who considered the animals were tamed by *Wombwell* or *Astley*. In the Armenian translation, the realias are paraphrased into a neutral word *կրկես* (in Russian as *цирк*, English- *circus*).

Both *Wombwell* or *Astley* were taken from the real Victorian epoch and were well-known in British society. Charles Dickens, William Thackeray, Jane Austen mentioned especially *Astley's Amphitheatre* in their works. The word *Wombwell* in the context presents George Wombwell (1777-1850), who was the owner of a traveling circus with tamed wild animals: *Astley* -Philip Astley (1742-1814) was the founder of the modern (Victorian period) circus, which was located in London and combined such entertainments as trick riding, acrobatics, pantomime and clowns, etc. [23].

Or another situation;

She could answer half a **dozen Mangnall's Questions**; but then you must take care to ask the RIGHT ones [20].

Она отвечала на полдюжины вопросов из **книги мисс Менелл**, только надо было заранее договориться, о чем спрашивать [21].

Շարդանում էր պատասխանել **քննական հարցարանի** ուզածդ հարցին: [22 :16].

The extract revolves around spoiled princess Angelica, whose servants and teachers created the air of a unique and talented girl. In the narration Thackeray enters into a hidden polemic with his young readers revealing a couple of secrets: for instance, the author warned that the princess can only answer certain questions from *Mangnall's Questions*, and it is the duty of her teachers to ask the right ones. Richmal Mangnall (in the Russian text it is translated as *мисс Менелл* - *Miss Menell*) was a school teacher in England and the author of the famous textbook "Questions of Mangnall" [24]. In the Armenian text, the realia is translated into neutral expression as *քննական հարցարան* (in Russian - экзаменационный вопросы, in English as exam questions).

Another example is:

So these two Ex-Royal personages were sent for a year to the House of Correction, and thereafter were obliged to become monks of the severest Order of Flagellants, in which state, by fasting, by vigils, by flogging (which they administered to one another, humbly but resolutely), no doubt they exhibited a repentance for their past misdeeds, usurpations, and private and public crimes [20].

Итак, обоих свергнутых монархов на год поместили в **смирительный дом**, а потом принудили **постричься в Бичеватели** – самый суровый из всех монашеских орденов, – там они проводили дни в постах, бдении и бичевании (а бичевали они друг друга

смирению, но истово) и, разумеется, всячески выказывали, что каются в содеянном зле и беззаконии и иных преступлениях против общества и отдельных лиц [21].

Եվ այդպես, տապալված երկու միապետներին էլ դրեցին **քոնատուն**, իսկ հետո հարկադրեցին ձեռնադրել մենակյացների ամենադաժան ուխտի **Մտրակիչների անդամ**. այնտեղ նրանք իրենց օրերն անց էին կացնում պաս պահելով, հսկելով, ձաղկելով (իսկ նրանք իրար ձաղկում էին խոնարհաբար, բայց մոլեգնորեն) և, իհարկե, զոջում էին հասարակության ու առանձին անձերի դեմ թույլ տված չարիքի ու ապօրինությունների, բոլոր ոճրագործությունների համար: [22 :129].

The analysis focuses on the translation of two culturally-marked units: *the House of Correction*, *Order of Flagellants*.

The episode presents the faith of two monarchs, who unfaithfully announced themselves as kings and were punished. The House of Correction was a type of institution built after the implementation of the New Poor Law in 1834. The first Houses of Correction were in London, Bridewell, Middlesex and Westminster. Further in the fairy-tale the monarchs were forced to become the monks of Order of Flagellants [25]. The institution had the status of medieval religious sects that included public flogging as a part of repent from sins, self-discipline and religious practice. Flagellant sects arose in northern Italy and became widespread approximately in 1260. Although flagellant sects were periodically suppressed by the authorities, they revived and restructured in the 16th century.

In the Russian text the culturally-marked units of original passed the process of russification and transferred as *смирительный дом* – an institution established during the reign of Peter the Great and was a “ведомство” (vedomstvo – meaning department) of custodial penalty or forced labor depending on the severity and nature of the crime [26]. In the Armenian translation the unit **քոնատուն** - *смирительный дом*, which can be perceived as calque. One cannot fail to observe that the unit can cause certain ambiguity as in Armenian other words represent the similar notion, as **ուղղատուն**, **զնդան**, **կալանատուն**, **տանջարան**, similar to prison, dungeon, jail, torture chamber, etc.

As for the realia *Order of Flagellants*, in the Russian context the reality is presented as Bichevatel (Бичеватель), which has the meaning of punishing with whip blows. A similar meaning is presented in the Armenian translation as *Մտրակիչների անդամ* -the member of whips. The word *մտրակ* probably is from the Assyrian word *matreqa* (meaning *whip*), it is worth mentioning that the in Armenian reality there was not special institution for flogging. Naturally, the realia may lead to cultural misperception and cultural lacuna.

Conclusion

The accumulation of certain theoretical and practical materials gives an opportunity to conclude that the translation activity through the paradigm of cultural transfer manifests as one of the quintessential phenomena of national literature revival due to the multilayered entity of cultural plight. The article sketches the reception of William M. Thackeray's fairy-tale “The Rose and the Ring” which via Russian acquired significant reputation in the Russian literary field and after a decade had the status of mediated text for Armenian literary-translational areal.

The comprehensive mini-analysis with certain elucidation of examples revealed that in narration Thackeray's moral-pedagogical direct comments and polemics, despite trifle alteration in translations, represents direct, triple cultural transfer in translations. Although the thematic kernel of the fairy-tale is preserved in translations, the socio-cultural and linguo-cognitive peculiarities are adapted due to the corresponding areal (Russian and Armenian). The comparative analysis revealed that the mechanisms of cultural transfer were implemented through 1/direct contextual proximity for universal, neutral concepts and 2/ cultural adaptation/alteration for target reader-oriented purpose.

References

1. McMaster J. The Rose and the Ring: Quintessential Thackeray. Mosaic: Interdisciplinary Critical Journal. University of Manitoba, 1976;9(4):157-165 (In English).
2. Rundle Ch, Lange A, Monticelli D. (ed.) Translation Under Communism. Palgrave Macmillan, 2022 (In English).
3. Maslinsky K. Translation of Books for Children from the Language of Peoples of USSR: Bibliographic Statistics (1922-1984). Children's Readings: Studies in Children's Literature, 2024;25(1):49-73 (in Russian).
4. Sorokina S. In Search of a Hero of Children's Literature. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 2021;1(41):24-31 (in Russian).
5. Samodelova EA. "Mermaid Tales" by Alexey N. Tolstoy as author's etiological myths about flowers. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 2024;2(54):22-38 (in Russian).
6. Espagne M. History of Civilizations as a Cultural Transfer. Dmitrieva EE (translated from French, ed.). New Literary Review, 2018 (In English).
7. Shain M, Espagne M, et al. Cultural Transfer in Central Asia: before, during and after the Silk Road. Paris-Samarkand: IICAS, 2013 (In English).
8. Vermeer H. Review of 'La Traduzione. Saggi e studi', Gottingische Gelehrte Anzeigen, 1976 (In German).
9. Gabrielyan S. (ed.) The translation Studies Reader. Yerevan: Sahak Partev, 2007 (In English).
10. Safrazbekyan I. Hovhannes Tumanyan and World Literature. Publishing House of the Academy of Sciences of the Arm. SSR, 1976 (in Russian).
11. Klingberg G. Children's Fiction in the Hands of the Translator. CWK Gleerup, 1986 (In English).
12. Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. Clarendon Press, 1894;1 (In English).
13. Androne M. Notes on John Locke's Views on Education. Social and Behavioral Sciences, 2014:74-79.
14. Mkrtchyan L. If there were translators in Babylon. Yerevan: Soviet Writer, 1976 (in Armenian).
15. Zenkin S. Theory of Literature: Problems and Results. New Literary Review, 2018.
16. Romanova GI. Fiction perception as a factor of readers' cultural identification. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 2023;2(50):17-24 (in Russian).
17. Susanta KS. Authorial Voice in Thackeray: A Reconsideration. Routledge, 2008:233-246.
18. Straley J. The Routledge Companion to Victorian Literature. In: Denisoff D, Schaffer T. (ed.). Routledge. Taylor & Francis Group, 2020.
19. [gutenberg.org: \[website\]](https://www.gutenberg.org/files/897/897-h/897-h.htm). W. M. Thackeray. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/897/897-h/897-h.htm>
20. LibreBook.me: [website]. Available at: https://librebook.me/kolco_i_roza_ili_istoriia_princa_obaldu_i_princa_perekorilia (in Russian).
21. Thackeray W. The Ring and the Rose, or the Story of Prince Hantash and Prince Kakhatink (translated from Russian by Hrachyan Khachik). Soviet writer Publishing house, 1982 (in Armenian).
22. Paterson M. Philip Astley: Founder of the Modern Circus. Available at: <https://londonhistorians.wordpress.com/tag/astleys-amphitheatre/> (In English).
23. Archive.org: [website]. Available at: <https://archive.org/details/historicalmiscel00manguoft/page/n7/mode/2up> (In English).
24. Britannica.com: [website]. Available at: <https://www.britannica.com/topic/flagellants> (In English).
25. Belovinsky LV. Illustrated encyclopedic historical and everyday dictionary of the Russian people. XVIII – early XX century. Moscow, 2007:632 (In Russian).
26. runiversalis.ru: [website]. Runiversalis. Available at: <https://руни.рф/Словарь:бичеватель> (In Russian).

Л и т е р а т у р а

1. McMaster J. The Rose and the Ring: Quintessential Thackeray. Mosaic: Interdisciplinary Critical Journal. University of Manitoba, 1976;9(4):157-165.
2. Rundle Ch, Lange A, Monticelli D. (ed.) Translation under Communism. Palgrave Macmillan, 2022.
3. Маслинский, К. Переводы детских книг с языков народов с СССР : Библиографическая статистика (1922–1984) / К. Маслинский // Детские чтения. 2024. – 25(1). – С. 49–73.
4. Сорокина, С. В поисках героя детской литературы / С. Сорокина // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. – 1(41). – С. 24–31.

5. Самоделова, Е. А. (2024). «Русалочьи сказки» А. Н. Толстого как авторские этиологические мифы о цветах / Е. А. Самоделова // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. – 2(54). – С. 22–38.
6. Эспань, М. (2018). История цивилизаций как культурный трансфер / перев. с франц., ред. Е. Е. Дмитриева // Новое литературное обозрение.
7. Шаин М. Культурный Трансфер на Перекрестках Центральной Азии: До, Во Время и После Великого Шелкового Пути / М. Шаин, М. Эспань. – Париж-Самарканд : МИЦАИ, 2013.
8. Vermeer H. Review of La Traduzione. Saggi e studi, Gottingische Gelehrte Anzeigen, 1976.
9. Gabrielyan S. (ed.). The translation Studies Reader. Yerevan: Sahak Partev, 2007.
10. Сафразбекян, И. Ованес Туманян и мировая литература / И. Сафразбекян ; ред. Б. Я. Брайнина, А. Н. Инджикян. – Ереван : Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1976.
11. Klingberg G. Children's Fiction in the Hands of the Translator. CWK Gleerup, 1986.
12. Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. Clarendon Press, 1894;1.
13. Androne M. Notes on John Locke's Views on Education. Social and Behavioral Sciences, 2014:74-79.
14. Մկրտչյան Լ. Եթե Բարբելոնում թարգմանիչներ լինեին. Երևան: “Սովետական գրող” հրատ, 1976.
15. Зенкин, С. Теория литературы. Проблемы и результаты / С. Зенкин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. (Научная библиотека).
16. Романова, Г. И. Восприятие художественной литературы как фактор культурной идентификации читателей / Г. И. Романова // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. – 2(50). – С. 17–24.
17. Susanta KS. Authorial voice in Thackeray: A reconsideration. Routledge, 2008:233-246.
18. Straley J. The Routledge Companion to Victorian Literature. In: Denisoff D, Schaffer T. (ed.). Routledge. Taylor & Francis Group, 2020.
19. [gutenberg.org: \[сайт\]. W. M. Thackeray. – URL: https://www.gutenberg.org/files/897/897-h/897-h.htm](https://www.gutenberg.org/files/897/897-h/897-h.htm)
20. [LibreBook.me: \[сайт\]. – URL: https://librebook.me/kolco_i_roza_ili_istoriia_princa_obaldu_i_princa_perekorilia](https://librebook.me/kolco_i_roza_ili_istoriia_princa_obaldu_i_princa_perekorilia)
21. Թեքերեյ Ու. Մատանին ու վարդը կամ արքայազն Հանտաշի և արքայազն Կախատինքի պատմությունը. (ռուսերենից թարգմանեց Հրաչյան Խաչիկ). Ե.: Սովետական գրող հրատ, 1982.
22. Paterson M. Philip Astely: Founder of the Modern Circus. Posted to <https://londonhistorians.wordpress.com/tag/astleys-amphitheatre/>
23. Archive.org: [сайт]. – URL: <https://archive.org/details/historicalmiscel00manguoft/page/n7/mode/2up>
24. Britannica.com: [сайт]. – URL: <https://www.britannica.com/topic/flagellants>
25. Беловинский, Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII–начало XX в. / Л. В. Беловинский. – Москва, 2007. – С. 632.
26. [runiversalis.ru: \[сайт\]. – URL: https://руни.рф/Словарь:бичеватель](https://руни.рф/Словарь:бичеватель)

Luiza A. GASPARYAN – Cand. Sci. (Philology), Researcher, Institute of Literature M. Abeghyan, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; Doctorate at St. Petersburg State University.

E-mail: luisa.gasparyan83@gmail.com

Луиза А. ГАСПАРЯН – к. филол. н., н. с., Институт литературы им. М. Абеяна Национальной Академии наук, Ереван, Армения; докторант, Санкт-Петербургский государственный университет.

УДК 811.161.2+099.3:027.1

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-116-127

Инскрипты на украинском языке в личной библиотеке профессора А. И. Губаря

И. С. Гладкая ✉, *Н. И. Пелипась*

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

✉ gladkayais@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тексты дарственных надписей в личной библиотеке крымского профессора-литературоведа А. И. Губаря, оставленные дарителями на украинском языке. Актуальность исследования продиктована в первую очередь неизменным научным интересом к различным формам творческого взаимодействия литераторов и возрастающим вниманием к коммуникативным аспектам анализа текстов. Цель исследования – на примере отдельного библиотечного собрания изучить инскрипты с позиции коммуникативных составляющих данного типа текстов – продиктовано решение ряда задач, связанных с изучением структурных компонентов дарственных надписей, обусловленных различными ситуациями дарения. При написании работы задействован описательно-аналитический подход, применялись методы компонентного, контекстуального и сопоставительного анализов. Отмечается, что книжный инскрипт как коммуникативный акт тяготеет к диалогичности, а сохранившиеся в книгах тексты дарственных надписей представляются как своеобразные реплики межличностных диалогов разных адресантов, обращенные к одному адресату (реже двум). Ряд таких реплик-инскриптов характеризуется немногословностью, этикетностью и шаблонностью, последняя из которых особо выделяется в инскриптах одного авторства. Более развернутые тексты становятся яркими примерами дружеского, творческого, научного и др. взаимодействия автора дарственной надписи с реципиентом. Одним из маркеров взаимоотношений в анализируемых текстах являются наименования участников коммуникации, среди которых, кроме разнообразных форм имен собственных, присутствуют красноречивые нарицательные существительные и описательные конструкции. Дарственные надписи на книгах библиотечного собрания А. И. Губаря дают возможность получить новые сведения о диалоге, основанном на общности интересов, уважении, благодарности, и являются источником для изучения литературного быта в Крыму второй половины XX–первых лет XXI века. Отдельное место в корпусе дарственных надписей занимают русскоязычные инскрипты с вкраплениями на украинском языке. Такие инскрипты заслуживают самостоятельного исследования, поскольку демонстрируют традицию выстраивания в крымских литературных кругах не только межличностного, но и межкультурного диалога.

Ключевые слова: инскрипт, дарственная надпись, адресат, адресант, диалогичность, коммуникативный акт, книжная коллекция, книжное собрание, личная библиотека, А. И. Губарь.

Для цитирования: Гладкая И. С., Пелипась Н. И. Инскрипты на украинском языке в личной библиотеке профессора А. И. Губаря. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 116–127. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-116-127

The inscriptions in the Ukrainian language in the private library of Professor A. I. Gubar

I. S. Gladkaya ✉, *N. I. Pelipas*

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

✉ gladkayais@mail.ru

Abstract. The article focuses on the texts of dedicatory inscriptions in the private library of the Crimean Professor of literature A.I. Gubar that were left by the recipients in the Ukrainian language. The

© Гладкая И. С., Пелипась Н. И., 2024

topicality of the study is primarily dictated by the constant scientific interest in various forms of creative interactions between writers and the increasing attention to the communicative aspects of text analysis. The purpose of the research is to consider inscriptions on the example of a separate library collection from the point of view of communicative components of this type of texts and to solve a number of problems related to the study of structural components of inscriptions due to different situations of giving. The paper is based on the descriptive and analytical approaches, the methods of component, contextual and comparative analyses were applied. It is pointed that book inscription is related to dialogueness as a communicative act, and the texts of inscriptions preserved in books are presented as unique lines of interpersonal dialogues of different addressees, addressed to one addressee (less often to two). Some of these inscriptions are characterised by a brief speech, etiquette and formality which is especially significant in inscriptions of the same author. The texts become more extended examples of convivial, creative, scientific, and etc. communication between the author and addressee. One of the markers of attitudes in the analysed texts are the participants' names, and include eloquent proper nouns and descriptive constructions, besides various forms of proper names. Dedicatory inscriptions in the books of A. I. Gubar's library collection provide new information about a dialogue based on common interests, respect, and gratitude. These inscriptions are also a valuable source for studying Crimean literary life from the second half of the XX century to the first years of the XXI century. A special place in the corpus of dedicatory inscriptions is dedicated to Russian language inscriptions with inserts in Ukrainian. Inscriptions deserve independent research due to revealing the tradition of developing in Crimean literary circles not only interpersonal, but also intercultural dialogue.

Keywords: inscription, dedicatory inscription, addressee, addressant, dialogueness, communicative act, book collection, bookery, private library, A. I. Gubar.

For citation: Gladkaya I. S., Pelipas N. I. The inscriptions in the Ukrainian language in the private library of Professor A. I. Gubar. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 116–127. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-116-127

Введение

Взаимоотношения деятелей науки, культуры и искусства с коллегами, учителями и учениками и даже близкими людьми часто оказываются предметом научного изучения, поскольку эти знания в некоторой степени позволяют приблизиться не только к конкретной личности и ее деятельности, но и шире – к атмосфере научной или творческой жизни в определенный исторический период. Одним из косвенных свидетельств такого взаимодействия являются собственноручные дарственные надписи в книгах, или инскрипты. Весомым источником инскрипты могут стать и для литературной регионалистики, особенно если сосредоточены в библиотеке человека, который был углублен в творческую жизнь своего края, способствовал ее развитию, исследовал и популяризировал региональную литературу. К числу частных книжных коллекций, хранящих ряд оригинальных инскриптов, оставленных дарителями, на жизнь и творчество которых непосредственное влияние оказал Крым, относится личная библиотека А. И. Губаря, расположенная в настоящее время в аудитории-музее имени профессора в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского.

Актуальность обращения к дарственным надписям в названной библиотеке обусловлена несколькими факторами. Во-первых, связана с неизменным научным интересом к различным формам творческого взаимодействия литераторов и возрастающим вниманием к коммуникативным аспектам исследования текстов. Во-вторых, ряд сохраненных в книгах библиотеки письменных посланий, адресованных А. И. Губарю, позволяет сделать вывод о том, что его научно-исследовательская, литературно-критическая и педагогическая деятельность была важной составляющей литературного процесса в Крыму во второй половине XX в. И наконец, в-третьих, данное исследование дополняет сведения о Крыме как о месте диалога культур и о личности отдельного человека в данном диалоге.

Книжный инскрипт определяется как явление многозначное, как факт книжной культуры; феномен бытовой культуры и литературного быта; историко-литературное явление; источник творческой лаборатории [1] – и, следовательно, попадает в поле зрения представителей различных областей гуманитарного знания. Так, книговеды говорят об уникальности изданий, хранящих автографы, изучают пути формирования личных библиотек и «миграции» книг (А. А. Юдин, М. Г. Кожевников [2]). Историков литературы инскрипты интересуют как источники, уточняющие детали биографий, как репрезентанты отношений адресатов и адресантов, способные прояснить некоторые особенности их литературной и общественной позиции (И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин [3]; Л. Г. Ларионова [4]; А. С. Янушкевич [1]); теоретиков – как варианты затекста [5]. В работах социологической направленности инскрипт представляется как способ фиксации статусных отношений между дарителем и одаряемым (А. И. Рейтблат [6]), а также процессов в социальном пространстве – от микросоциального (межличностные отношения) до макросоциального (макрорегиональные социальные отношения) (И. Н. Трофимова [7]; О. Н. Тынянова [8]). С позиций лингвистики дарственная надпись в книге исследуется в системе жанров естественной письменной речи (Е. А. Косых [9]), анализируется тяготеющий к диалогичности коммуникативный акт (Е. А. Косых [10], Автор [11]). Существуют и попытки комплексного разностороннего анализа (В. Я. Мордерер, А. Е. Парнис [12]; И. В. Никиенко [13]), объединяющего вышеназванные подходы. Отметим также, что под инскриптом понимают не только дарственные надписи, но и другие варианты рукописных текстов в книгах – владельческие и читательские пометы, постановочные пометы на пьесах и т. д. (А. И. Рейтблат [6]).

В рамках данного исследования рассматриваем инскрипт (дарственную надпись в книге) как продукт коммуникативного акта – процесса, средством, единицей и результатом которого является текст и в котором, согласно В. В. Красных, выделяются четыре составляющие: 1) конситуация – объективно существующая собственно экстралингвистическая ситуация общения; условия (в самом широком смысле) общения и его участники (т. е. кто, что, где, когда); 2) контекст – имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного коммуникативного акта; 3) пресуппозиция – зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, включая и представления коммуникантов о конситуации; 4) речь – продукт непосредственного речепроизводства, то, что продуцируют коммуниканты [14].

Цель работы – изучить структурные компоненты инскриптов как коммуникативных актов с учетом специфики украинского языка на примере личной библиотеки профессора А. И. Губаря. Задачи исследования: рассмотреть инскрипт с присущей ему этикетностью и шаблонностью как элемент фатической речи; охарактеризовать особенности вербализации участников коммуникации (адресата, адресанта) в текстах инскриптов; осветить отраженные в инскриптах контексты коммуникации.

Объектом исследования в данной статье является книжное собрание Александра Ивановича Губаря, 1932–2003 (укр. Олександр Іванович Губар) – филолога-украиниста, литературоведа, литературного критика, публициста и педагога, преподававшего в главном крымском вузе (на момент начала работы в 1963 г. – Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе, сегодня – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»); автора более 200 научных и методических работ, посвященных изучению творчества украинского поэта П. Г. Тычины, исследованию межкультурных и межлитературных отношений народов Крыма, анализу творчества крымских писателей-современников и др.

Вдова А. И. Губаря, М. А. Копыткина, около трех тысяч книг из личной библиотеки профессора в 2007 г. передала для хранения и пользования в университет, в котором он работал более сорока лет. Многие книги имеют дарственные надписи, свидетельствующие

о широком круге научных, творческих и дружеских связей А. И. Губаря. Кроме того, вырезанные из книг листы с инскриптами, адресованными А. И. Губарю, вместе с личной перепиской профессора передала на кафедру украинской филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского дочь М. А. Копыткиной – Наталья.

Инскрипты, найденные в книгах библиотеки А. И. Губаря, написаны на трех восточнославянских языках – русском, украинском и белорусском (последовательность языков указана в соответствии с количеством употребления), в нескольких случаях с единичными вкраплениями на крымскотатарском языке или латиницей. Материалом для изучения в настоящей работе послужили 34 инскрипта на украинском языке, оставленные 25 дарителями – как правило, авторами, реже соавторами или переводчиками подаренных изданий.

Этикетность и шаблонность дарственных надписей

Как коммуникативный акт инскрипт тяготеет к диалогичности, хотя, безусловно, его диалогичность своеобразна, поскольку отсутствует предусматриваемая в диалоге ответная реплика. Из-за имплицитности фразы-ответа Е. А. Косых, например, говорит о «виртуальности» диалога в тексте инскрипта [10, с. 143]. Исходя из такого понимания, тексты дарственных надписей исследуемой библиотеки представляются своеобразным сохранившимся во времени межличностным диалогом. Единственная эксплицитно выраженная фраза диалога отражает функциональное разнообразие данного речевого жанра. Согласно А. И. Рейтблату, исследователю социологии дарственных надписей, ведущей функцией большинства инскриптов является «интеграция литературной системы на основе обмена знаками лояльности и фиксации статусов внутри системы» [6, с. 164]. Фактически автор указывает на институциональную, или социально-репрезентативную, функцию инскрипта как одного из выразителей специфики отношений в среде литераторов, связанной с традицией дарения экземпляров издания коллегам по цеху. В зависимости от содержания надписи можно также говорить об эмоционально-экспрессивной функции (с преобладанием выражения положительного отношения к высказываемому), эстетической (особенно в тех случаях, когда инскрипт приближается к самостоятельному литературному произведению), о функции языковой игры (например, при наличии связи рукописного и печатного текстов в конкретной книге) и др.

Ситуация дарения и традиционность данного жеста обуславливают наличие этикетной функции. Для ряда инскриптов исследуемого собрания именно она является основной. В таком случае сам инскрипт подобен этикетной формуле (кому – с какой целью / как – от кого – где и когда подарена книга), отдельные элементы которой могут быть пропущены. Таковы, например, авторская дарственная надпись в книге «Забытая нежность» художника, переводчика, журналиста, книгоиздателя и общественного деятеля В. М. Басырова (1947), проживающего с 1997 г. в Крыму (при цитировании здесь и далее тексты инскриптов подаем в авторской редакции с сохранением орфографии и пунктуации, в том числе при переводе на русский язык, который подается в скобках. – И. Г., Н. П.): «Олександр Івановичу Губарю – з пошаною. / Автор / [Підпис]» («Александр Ивановичу Губарю – с почетом. / Автор / [Подпись]»), или инскрипт в книге «В поисках рая» – первом сборнике начинающего на момент дарения крымского поэта, студента А. И. Губаря – А. Г. Кротко (1980): «Олександр Івановичу з найкращими побажаннями від автора. / [Підпис] / 20.09.2001» («Александр Ивановичу с наилучшими пожеланиями от автора / [Подпись] / 20.09.2001»).

О том, что дарители прибегают к определенным шаблонам при написании инскриптов, свидетельствуют повторяющиеся в разных книгах формулировки одного автора. В библиотеке А. И. Губаря автором наибольшего количества подписанных на украинском языке книг является поэт, фельетонист Д. С. Черевичный (1924–1993), вторая половина жизни которого прошла в Крыму. В каждом из его инскриптов адресант не вербализируется, содержится лишь личная подпись; в разной последовательности

в трех из них присутствуют идентичная адресация, выражение искренности жеста, одинаковый способ обозначения даты:

– «Дорогому Олександру Івановичу Губарю / Щиро на добру згадку / 25.X.62 р. [Підпис]» («Дорогому Олександру Івановичу Губарю / Искренне на добрую память / 25.X.62 г. [Подпись]»);

– «Дорогому Олександру Івановичу з найліпшими побажаннями / Щиро / 17.III.63 р. [Підпис]» («Дорогому Олександру Івановичу с наилучшими пожеланиями / Искренне / 17.III.63 г. [Подпись]»);

– «Дорогому Олександру Івановичу Губарю з побажанням найбільших творчих успіхів. 17.IV.63 р. [Підпис]» («Дорогому Олександру Івановичу Губарю с пожеланием самых больших творческих успехов. 17.IV.63 г. [Подпись]»);

– «Дорогому Олександру Івановичу Губарю / З любов'ю, від щирого серця / 4 лютого 1984 р. [Підпис]» («Дорогому Олександру Івановичу Губарю / С любовью, от чистого сердца / 4 февраля 1984 г. [Подпись]»).

Даже эти немногословные надписи делают уникальными сохранившие их издания, поскольку рукописные тексты в них (несмотря на возможное дублирование большинства элементов структуры и в других книгах) единичны и хранят прикосновение конкретного дарящего, которым он поделился с конкретным одариваемым в определенное мгновение, их связывающее. Но, конечно, особенно ценными представляются инскрипты, выходящие за пределы шаблонизированной записи и показывающие особенности взаимодействия автора надписи с адресатом.

Вербализация субъектов коммуникации в инскриптах

Инскрипт представляет собой набор определенных элементов коммуникации, среди которых весомое место принадлежит адресату. Как правило, инскрипт создается с некоторой коммуникативной целью, соответствующей ситуации дарения, и адресован конкретному человеку. Структура и семантика наименований адресата обуславливаются преимущественно степенью близости получателя и дарителя, которые могут быть связаны дружескими, родственными, профессиональными и другими взаимоотношениями.

Основным адресатом дарственных надписей в исследуемом книжном собрании является владелец библиотеки – А. И. Губарь. Часть инскриптов адресована жене профессора – М. А. Копыткиной или совместно супругам.

Как правило, обращение к получателю/получателям онимизируется и состоит из полного личного имени, имени отчества и в большинстве случаев фамилии в дательном падеже:

– Олександру Івановичу Губарю, Олександрові Івановичу Губарю (в соответствии с правилами украинской грамматики существительное мужского рода второго склонения твердой группы в дательном падеже может иметь параллельные окончания (-у, -ові), причем в современном правописании, когда в тексте употреблены рядом несколько существительных в данной форме, во избежание однообразных падежных окончаний рекомендуется сначала использовать окончание -ові, а потом -у, что отражено и в исследуемых текстах);

– Олександру Івановичу Губару (существительные мужского рода второго склонения на -ар в украинском языке относятся к двум группам – твердой и мягкой, отличающимся падежными окончаниями; фамилия Губар как незаимствованное слово с постоянным ударением на корне относится к мягкой группе и в форме дательного падежа единственного числа должно иметь окончание -ю, следовательно, употребление -у, характерного для существительных твердой группы, в данной форме ошибочно);

– Губарю Олександру Івановичу (как и в русском языке, фамилия может стоять как в пре-, так и в постпозиции относительно имени и отчества);

– Олександру Івановичу;

– Олександру Івановичу та Майї Олександрівні.

Официальный тон таких обращений в некоторых случаях подчеркивается клишированными атрибутами «шановному», «вельмишановному», «високошановному» («уважаемому», «многоуважаемому», «высокоуважаемому»). Однако может и ослабляться, интимизироваться за счет конструкций, начинающихся словами «дорогому», «дорогим» и т. п.

Интимизации способствует и идентификация с адресатом, достигаемая, например, введением обобщенного «мы» («нас») в дарственной надписи от крымского поэта, прозаика, переводчика и журналиста Нузета Умерова (1931–2022) в книге «Моя Батьківщина» («Моя Родина»), переведенной с крымскотатарского языка на украинский О. Г. Тимохиной: «*Майе Александровне / Александру Ивановичу / Хто сказав що ми старі, / Той погано мабуть баче – / Зовні ми не молоді, / Але душі в нас юначі! / Нузет Умеров / 23.05.2002 г.*» («Кто сказал, что мы старые, / Тот плохо наверное видит – / Внешне мы не молодые, / Но души у нас юношеские»).

Примечательно, что авторы некоторых инскриптов из уважения к украиноязычному адресату вводят отдельные фразы и даже поэтические попытки на украинском языке, не теряющие значимости, даже несмотря на некоторые грамматические огрехи (например, ошибочное употребление формы «душі» вместо «душі», правильной для множественного числа существительных первого склонения смешанной группы). Такие инскрипты в библиотеке А. И. Губаря демонстрируют традицию выстраивания в крымских литературных кругах не только межличностного, но и межкультурного диалога.

Имена собственные, обозначающие реципиента в текстах инскриптов, могут дополняться нарицательными, в том числе сочетающимися с емкими определениями. Функционал таких номинаций разнообразен, но преимущественно они демонстрируют характер взаимоотношений между дарителем и получателем. Большинство наименований адресата в инскриптах в библиотеке А. И. Губаря являются отражением дружеского, благосклонного отношения дарителей к одариваемому или даже восхищения его человеческими качествами: «*Мудрій і красивій людині*»; «*чудовій людині*»; «*чудовій Людині*» («Мудрому и красивому человеку»; «замечательному человеку»; «замечательному Человеку»).

Обозначающие адресата названия в рукописных текстах на страницах книг библиотечной коллекции А. И. Губаря раскрывают также различные стороны его социальной жизни. Так, отдельным дарителям А. И. Губарь известен как талантливый литератор. На эту грань его личности указывали в инскриптах поэт и литературный критик Ф. Ф. Степанов (1939–2018), получивший филологическое образование в Крымском государственном педагогическом институте и работавший в крымских школах и издательствах: «*Мудрій і красивій людині, талановитому літератору Александру Ивановичу Губарю – з признанням і повагою – Федір Степанов. / 13. XI.2001 р. / м. Сімферополь*» («Мудрому и красивому человеку, талантливому литератору Александру Ивановичу Губарю – с признанием и уважением – Федор Степанов. / 13.XI.2001 г. / г. Симферополь»); украинский писатель и публицист В. Д. Тарасов (1940–2013), после окончания университета получивший направление на работу в Крым: «*Шановному Александру Ивановичу Губарю – людині і прекрасному письменникові – від щирого серця! / Живіть сто літ!!! / [Підпис] / м. Феодосія, 96 р.*» («Уважаемому Александру Ивановичу Губарю – человеку и прекрасному писателю – от всего сердца! Живите сто лет!!! [Подпись] / г. Феодосия, 96 г.»).

В. П. Шахнюк (1920–2003), юморист, сатирик и публицист, работавший после переезда в Крым в редакциях нескольких издательств полуострова, кроме писательского, указывал еще и на талант А. И. Губаря как ученого: «*На добру згадку і нищівний розгром дорогому Александру Ивановичу Губарю – талановитому письменнику, прекрасному вченому і чудовій людині – від русскоязычного хохла Шахнюка В. П. / 15 травня 1994*» («На добрую память и сокрушительный разгром дорогому Александру Ивановичу Губарю – талантливому писателю, прекрасному ученому и чудесному человеку – от русскоязычного хохла Шахнюка В. П. / 15 мая 1994»).

Дарственные надписи в книжной коллекции А. И. Губаря говорят о нем и как о наставнике крымских литераторов, например, инскрипт от известного детского поэта, публициста и педагога В. Г. Латанского (1938–2022), оказавшегося в Крыму по распределению после окончания Львовского государственного университета и более сорока лет преподававшего украинский язык в средней школе села Пруды Советского района: «*Олександрові Івановичу Губарю – нашому **письменницькому батькові**, закоханому в життя і літературу. / 17.05.03 / Найсердечніше [Підпис]*» («Александру Ивановичу Губарю – нашему **писательскому отцу**, влюбленному в жизнь и литературу. / 17.05.03 / Очень сердечно [Подпись]»).

Преподавая литературоведческие дисциплины, А. И. Губарь увлекал литературной работой творческих студентов. Ряд теплых автографов, которые говорят о педагогическом мастерстве А. И. Губаря и его внимательном отношении к юным талантам, оставил крымский поэт, переводчик, публицист и общественный деятель Д. А. Кононенко (1942–2015): «*Олександрові Івановичу Губарю моєму **наставникові на літературному шляху**, чудовій Людині, Письменникові і Громадянинові з любов'ю. / Данило Кононенко / 4 червня 1979 р.*» («Александру Ивановичу Губарю моему **наставнику на литературном пути**, чудесному Человеку, Писателю и Гражданину с любовью. / Даниил Кононенко / 4 июня 1979 г.»); «*Дорогому Олександру Івановичу Губарю – моєму **вчителю і літературному наставнику** / З Любов'ю і побажанням Добра! / Сердечно / Ваш Данило Кононенко / 30.05.89*» («Дорогому Александру Ивановичу Губарю – моему **учителю и литературному наставнику** / С Любовью и пожеланием Добра! / Сердечно / Ваш Даниил Кононенко / 30.05.89»). Бывшая студентка А. И. Губаря, а позже украинский филолог, доктор филологических наук, одна из наиболее известных исследователей творчества Леси Украинки, много лет возглавлявшая Музей Леси Украинки в Ялте, С. А. Кочерга (1955) также отмечает наставническую роль адресата: «*Дорогому Олександру Івановичу, **учителю** з любов'ю / 23.01.99 р.*» («Дорогому Александру Ивановичу, **учителю** с любовью / 23.01.99 г.»). Примечательно, что оба последних адресанта выбирают лексему «**вчитель**»/«**учитель**» («**учитель**»), а не номинацию специалиста высшего учебного заведения – «**викладач**» («**преподаватель**»). Таким образом они, бесспорно, не принижают роли адресата, а говорят о нем как о человеке, не только преподносящем учебный материал, но и способном раскрыть потенциал и направить.

Второй участник коммуникации – адресант – также может вербализироваться в тексте инскрипта. Номинации адресантов в исследуемых дарственных надписях, как правило, представлены онимами, которые варьируются по структуре и образуют следующие модели:

- первая буква имени и фамилия в именительном падеже: *М. Артеменко* (Н. Т. Артеменко), *Д. Вітюк* (Д. М. Витюк), *Г. Хмільовська* (Г. И. Хмилёвская);
- первые две графемы имени и фамилия в именительном падеже: *Ол. Ковінька* (А. И. Ковинька);
- фамилия в родительном падеже и оба инициала: *від ... Шахнюка В. П.* (В. П. Шахнюк);
- полное имя: *Лідія* (Л. А. Кульбак);
- полное имя и фамилия в именительном падеже: *Данило Кононенко* (Д. А. Кононенко), *Володимир Трохименко* (В. Трохименко), *Федір Степанов* (Ф. Ф. Степанов), *Нузэт Умеров* (Н. А. Умеров);
- фамилия и полное имя в родительном падеже: *від ... Гука В'ячеслава* (В. А. Гук).

В отличие от номинаций адресата, имена собственные, называющие адресантов, редко дополняются нарицательными. Среди таких номинаций встречаются лексемы, указывающие на авторство, например, в инскрипте окончившей Крымский государственный педагогический институт украинской поэтессы Л. А. Кульбак (1936): «*Олександру Івановичу Губарю з повагою до його таланту від **авторки** в знаменний день / 20 січня 1968 року. / м. Сімферополь. Лідія [Підпис]*» («Александру Ивановичу Губарю с уважением к его таланту от **автора** в знаменательный день / 20 января 1968 года. / г. Симферополь. Лидия [Подпись]»). Отметим, что употребленный Л. А. Кульбак феминитив «авторка» нормативен для украинского литературного языка.

К оригинальным примерам дополняющего имени нарицательного относится самохарактеристика В. П. Шахнюка, издающегося на русском языке, – русскоязычное вкрапление в украинский текст инскрипта «*від русскоязычного хохла Шахнюка В. П.*».

Писатель родом из крымских Сак В. А. Гук (1974) нарицательным существительным подчеркивает свой социальный статус, в котором находился на момент дарения и в котором был известен адресату: «*Губарю Олександру Івановичу від студента Гука Вячеслава / травень 1998 рік / [Підпис]*» («*Губарю Александру Ивановичу от студента Гука Вячеслава / май 1998 год / [Подпись]*»).

Согласно А. И. Рейтблату, инскрипты могут фиксировать «соотношение в литературной иерархии», которое исследователь определяет как три возможные позиции: «снизу вверх», «по горизонтали», «сверху вниз» [6, с. 164–165]. Вторая из них, предусматривающая обращение к равному по статусу, в инскриптах на украинском языке в библиотеке А. И. Губаря превалирует, последняя не выявлена вовсе, а первая присутствует в немногочисленных инскриптах дарителей-учеников, выражается выбором наименований адресата и в одном случае – наименования дарителя. Так, на отношения с реципиентом указывает Д. А. Кононенко, нюансируя их экспрессивными определениями – «*Ваш довічний учень Данило Кононенко*» («*Ваш вечный ученик Даниил Кононенко*»).

Иногда оним адресанта отсутствует, когда автор инскрипта одновременно является и автором книги. Его может заменять имя нарицательное в функции собственного, сопровождающееся личной подписью, например: «*Автор*» (инскрипты В. М. Басырова и В. Д. Невинчаной), «*від Автора*» («*от Автора*») (инскрипт А. А. Славуты), «*від автора*» (инскрипты А. А. Кротко и А. В. Кужеля); или же собственно личная подпись (инскрипты П. В. Вольвача, В. И. Гуменюка, С. А. Кочерги, В. Г. Латанского, В. Д. Тарасова, М. Я. Тернавского, Д. С. Черевичного, А. И. Ященко).

Таким образом, дарственные надписи в книжном собрании А. И. Губаря демонстрируют разнообразные по структуре и семантике наименования адресата и адресанта. Среди них различные формы имен собственных, нарицательные существительные, комбинация имен собственных и нарицательных, указывающие на отношения между адресантом и адресатом, социальный статус участников коммуникативного акта.

Контексты коммуникации, отраженные в структуре инскриптов

С точки зрения контекстов, связанных с ситуациями дарения и отражающихся в текстах инскриптов, можно говорить о широком спектре вариантов, среди которых Л. П. Быков называет следующие: «Инскрипт может быть данью вежливости, ответным даром, свидетельством признательности, показателем степени близости, мемуарным штрихом, фиксацией места и времени или ситуации дарения, характеристикой творческой или человеческой индивидуальности адресата, отсылкой к сфере его (или адресата) деятельности, побудительным импульсом, поздравительным жестом, примечательным комментарием» [5, с. 23–26]. Большинство названных контекстов зафиксированы в дарственных надписях в личной библиотеке А. И. Губаря, причем в одной надписи могут быть объединены несколько из них.

К инскриптам, являющимся данью вежливости, относим лаконичные надписи, подчеркивающие уважение к адресату, но не указывающие на личные отношения или же детали ситуации дарения, например, надпись, оставленная известным украинским писателем-юмористом XX в. А. И. Ковиной (1900–1985) в сборнике юмора и сатиры «Смійтеся на здоров'я» («Смейтесь на здоровье»), где напечатаны две его юморески: «*Шановному Олександрові Івановичу Губарю. / Щиро й з пошаною / 19 XI 1966 р. Ол. Ковінька*» («*Уважаемому Александру Ивановичу Губарю. / Искренне и с почтением / 19 XI 1966 г. Ал. Ковинька*»), или же надпись от севастопольца Д. М. Витюка (1917–2002) в книге «Кремінний томагавк» («Кремневый томагавк»): «*Вельмишановному Олександру Івановичу Губарю з великою повагою та щонайліпшими побажаннями / 14 листопада 2000 р. Д. Вітюк*» («*Многоуважаемому Александру Ивановичу Губарю с большим уважением и наилучшими пожеланиями / 14 ноября 2000 г. Д. Витюк*»).

Неоднократно на подаренных А. И. Губарю книгах дарители выражали благодарность за наставничество, справедливую и доброжелательную критическую оценку их творчества, которую осуществлял А. И. Губарь в том числе как член комиссии по критике и литературоведению Союза писателей Украины и руководитель секции критики Крымской республиканской организации Союза: *«Олександру Івановичу за щире критичне слово і пристрасну любов до поезії з найглибшою повагою / Володимир Трохименко»* (*«Александру Ивановичу за искреннее критическое слово и страстную любовь к поэзии с самым глубоким уважением / Владимир Трохименко»*). Как редактор республиканского научного сборника «Украинское литературоведение», автор учебных пособий, статей в крымской периодике и др. А. И. Губарь знакомил широкую общественность с творчеством своих современников, за что также получал слова признательности, например, от В. Г. Латанского: *«Олександру Івановичу Губарю, закоханому в життя і літературу, з почиттям сердечної приязні і вдячності за пропаганду моєї творчості. / Щиро / [Підпис] / 26 XI 97 р.»* (*«Александру Ивановичу Губарю, влюбленному в жизнь и литературу, с чувством сердечной приязни и благодарности за пропаганду моего творчества. / Искренне / [Подпись] / 26 XI 97 г.»*).

Инскрипты – «мемуарные штрихи», как правило, являются и выразителями степени близости между участниками коммуникации. В корпусе дарственных надписей на украинском языке особенно выделяются эмоциональностью и отчетливым личным отношением инскрипты, написанные рукой Д. А. Кононенко: *«Дорогому Олександру Івановичу Губарю – моему “старика Державину”, який помітив солдата-поета, підтримав і словом і ділом, вчив і вчить, і вчитиме... / З любов'ю і на довічну дружбу / Ваш довічний учень Данило Кононенко / 25.06.82»* (*«Дорогому Александру Ивановичу Губарю – моему “старика Державину”, который заметил солдата-поэта, поддержал и словом и делом, учил и учит, и будет учить... / С любовью и на вечную дружбу / Ваш вечный ученик Даниил Кононенко / 25.06.82»*). Вспоминая о годах своего становления как поэта, Д. А. Кононенко неоднократно рассказывал о знакомстве с А. И. Губарем в стенах Симферопольского педагогического института после службы в армии. Хотя к этому времени он уже публиковался в периодике и даже получил положительную оценку своего творчества от классика украинской литературы В. А. Симоненко, на первую книгу, по словам Д. А. Кононенко, его «благословил» именно А. И. Губарь, написав положительную рецензию на рукопись сборника. Поэтому неслучайным в тексте инскрипта предстает прецедентное имя – Державин, связанное с адресатом и отсылающее к строкам А. С. Пушкина.

Почти во всех анализируемых инскриптах присутствует фиксация даты дарения; реже обозначается ситуация дарения, которая может быть обусловлена каким-то памятным моментом в жизни адресата или адресанта, как у Л. А. Кульбак. Не часто отмечается и место дарения: *м. Феодосія* (у В. Д. Тарасова), *м. Сімферополь* (у Л. А. Кульбак, Ф. Ф. Степанова) или *Сімферополь* (у В. И. Гуменюка). Один из инскриптов в личной библиотеке А. И. Губаря сохранил даже номинацию, исчезнувшую с топонимической карты Крыма: упомянутое в инскрипте Н. Т. Артеменко *с. Красний Крим Кримської обл. (с. Красный Крым Крымской обл.)* сегодня упразднено и является частью села Донского Симферопольского района.

Отсылкой к сфере деятельности адресата, как и характеристикой его творческой или человеческой индивидуальности, часто являются рассмотренные выше короткие номинации, используемые авторами инскриптов вместе с именем собственным. Однако в этой функции могут выступать и описательные конструкции, например, в дарственной надписи М. Я. Тернавского (1934–1998), украинского поэта и переводчика, известного автора поэзии на языке эсперанто: *«Дорогому Губарю Олександру Івановичу, який розуміє, що значить видати книжку... . / [Підпис] / 31/VII-86 / Simferopol»* (*«Дорогому Губарю Александру Ивановичу, который понимает, что означает издать книгу... . / [Подпись] / 31/VII-86 / Simferopol»*).

Типичной ситуацией дарения книги с памятной надписью является поздравительный жест. Примером инскрипта такого рода является надпись, сделанная известным крымским ученым-литературоведом, доктором филологических наук, профессором, изучающим творчество украинских писателей конца XIX–начала XX в. и украинско-крымскотатарские литературные связи, поэтом и переводчиком В. И. Гуменюком (1952) накануне 1990 г. в

поэтическом сборнике «Росіянистик»: *«Шановному Олександрові Івановичу Губарю з побажанням успіхів і талану у Новому році і в роках наступних / [Підпис] / Сімферополь, 27.12.1989» («Уважаемому Александру Ивановичу Губарю с пожеланием успехов и удачи в Новом году и в годах последующих / [Подпись] / Симферополь, 27.12.1989»).*

В дополнение к ситуациям, названным Л. П. Быковым, назовем также довольно часто встречающиеся инскрипты «на память»: *«Дорогому Олександрові Івановичу Губарю на спогадання про зелену Буковину! Щиросердно, з глибокою повагою! / 6/IX-1985 р. [Підпис]» («Дорогому Александру Ивановичу Губарю на память о зеленой Буковине! От чистого сердца, с глубоким уважением! / 6/IX-1985 г. [Подпись]»)* – из книги *«Ваше ім'я, майоре?» («Ваше имя, майор?») А. И. Яценко, журналиста, попробовавшего себя в жанре приключенческого романа; «Олександрові Івановичу на довгу пам'ять від автора. Бажаю Вам щастя, здоров'я, творчих успіхів і всього самого найкращого. / [Підпис] / 3.12.2002» («Александру Ивановичу на долгую память от автора. Желаю Вам счастья, здоровья, творческих успехов и всего самого наилучшего. / [Подпись] / 3.12.2002»).* Отметим, что в последнем инскрипте, оставленном в сборнике «Музыка моего сердца» русскоязычным молодым поэтом А. Г. Кротко, только постигавшим украинский язык в качестве студента украинской филологии, ошибочно введено местоимение «самий», что может быть продиктовано характерной для крымчан языковой интерференцией (русский язык – украинский язык). Употребление данного слова для образования наивысшей степени сравнения прилагательных в украинском языке является ненормативным и заменяется приставкой «най-» или наречием «найбільш» («наиболее»), которые, впрочем, в данном контексте также избыточны.

Широко распространены и инскрипты-пожелания, не связанные в тексте с каким-либо праздничным событием: *«Дорогому Олександрові Івановичу на вічне щастя, весняний настрій, творчі удачі. / 3 любов'ю / Автор / [Підпис] / 27/IV 1967 р.» («Дорогому Александру Ивановичу на вечное счастье, весеннее настроение, творческие удачи. / С любовью / Автор / [Подпись] / 27/IV 1967 г.»)* – из сборника «Голубі дороги» («Голубые дороги») украинской поэтессы В. Д. Невинчаной (1924–1981); *«Високошановному Олександрові Івановичу Губарю з побажанням добра / [Підпис] / 5.03.1994. Сімферополь» («Глубокоуважаемому Александру Ивановичу Губарю с пожеланием добра / [Подпись] / 5.03.1994. Симферополь»)* – из сборника «Стежина» («Тропа») В. И. Гуменюка.

Формы пожеланий в инскриптах могут передавать национальную специфику этикетных конструкций. Так, книгу «Які очі – такий світ» В. Г. Латанский подарил с традиционным украинским пожеланием *«козацького здоров'я» («казацкого здоровья»)*, а также с отмеченным *«почуттям сердечної приязні» («чувством сердечной приязни»)*. Употребление лексемы «сердце» и производных от нее типично для украинских поздравительно-благодарственных высказываний: *«Сердечно»* (Д. А. Кононенко), *«Найсердечніше»* (В. Г. Латанский), *«Щиросердно»* (А. И. Яценко), *«від щирого серця»* (В. Д. Тарасов).

Таким образом, инскрипты библиотечного собрания А. И. Губаря демонстрируют широкий спектр контекстов, в которых отражаются различные ситуации дарения – причины появления текстов. Так, наличие дарственных надписей мотивируется данью вежливости, благодарностью за различные виды деятельности одариваемого, поздравлением и т. п.

Заклучение

В результате исследования установлено, что отдельное библиотечное собрание, владельцем которого был человек, значимый в определенной сфере деятельности своего времени, может продемонстрировать значительное разнообразие дарственных надписей, отличных как по структуре, так и по заключенной в них эксплицитной и имплицитной информации о личностях и взаимоотношениях дарителей и одариваемых. Книжная коллекция крымского профессора-литературоведа А. И. Губаря, кроме того, обнаруживает языковую неоднородность инскриптов. Вторые по численности надписи на украинском языке помогают дополнить сведения не только о межличностном, но и о межкультурном диалоге крымских литераторов.

Большинство исследованных инскриптов говорят о стандартизованности и шаблонности, которые особенно наглядно отслеживаются на примере дарственных надписей одного

авторства одному же адресату. Причина этого усматривается в этикетном характере данного речевого жанра, в повторяемости ситуаций дарения и, как следствие, в использовании заготовок, подобных формулам речевого этикета.

Желание дарителя интимизировать официальный тон инскрипта, проявить живой интерес к личности одариваемого или продемонстрировать творческую оригинальность, выделиться, запомниться приводит к появлению развернутых высказываний, лексическое наполнение которых зависит не только от причины и/или цели высказывания, но и от характера отношений между автором и адресатом.

Одним из ключей к пониманию взаимоотношений субъектов коммуникации в инскриптах являются наименования адресата и адресанта. Большинство обращений к одариваемому в исследуемом библиотечном собрании представляют собой разнообразные формы имен собственных. Дополняющие их нарицательные существительные, особенно в сочетании с оценочными прилагательными чаще всего апеллируют к сфере(-ам) деятельности А. И. Губаря, характеризуют его профессиональные или личные качества, подчеркивают роль в жизни адресанта и демонстрируют симпатию к одариваемому. Наименования адресанта в свою очередь не только указывают на авторство инскрипта (и книги), но и представляют социальное самоопределение адресанта, его отношение к адресату.

Большинство дарственных надписей в книжном собрании А. И. Губаря составляют реплику условного диалога между дарителем и адресатом/адресатами, в которой выражается доброжелательное отношение, благодарность или надежда на благосклонную критику; в отдельных ситуациях появление инскрипта обуславливается данью уважения, фиксацией памятной даты или события, поздравительным жестом. В последнем случае наиболее выразительна национальная специфика этикетных высказываний, подчеркнутая выбором лексических единиц с ярко выраженной национально-культурной семантикой.

Л и т е р а т у р а

1. Янушкевич, А. С. Инскрипт в творческой системе В. А. Жуковского и в книгах его библиотеки / А. С. Янушкевич // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 1 (13). – С. 102–120.
2. Юдин, А. А. Инскрипты и владельческие знаки на книгах из собрания А. И. Клибанова в ГПНТБ СО РАН / А. А. Юдин, М. Г. Кожевников // Библиосфера. – 2022. – № 1. – С. 29–38.
3. Кудряшов, И. В. «Милому дьячку Коле...»: О новонайденном инскрипте С. А. Есенина / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. – 2022. – № 8. – С. 252–272.
4. Ларионова, Л. Г. Неизвестные инскрипты В. Я. Брюсова в фондах Государственной публичной исторической библиотеки / Л. Г. Ларионова // Литературный факт. – 2019. – № 1 (11). – С. 452–466.
5. Быков, Л. П. Инскрипт как затекст / Л. П. Быков // Феномен затекста : монография / под общ. ред. Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиненова. – Екатеринбург : Издательство Уральского федерального университета, 2022. – С. 17–32.
6. Рейтблат, А. И. Писать поперек : статьи по биографике, социологии и истории литературы / А. И. Рейтблат. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 415 с.
7. Трофимова, И. Н. Инскрипты в книжной коллекции Г. А. Трофименко: репрезентация профессиональной среды / И. Н. Трофимова // Научные и технические библиотеки. – 2023. – № 7. – С. 102–121.
8. Тынянова, О. Н. Люди и книги профессора Непомнящего : пространство России в пространстве частной библиотеки / О. Н. Тынянова // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2018. – Т. 16. – Вып. 3–4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyudi-i-knigi-professora-nepomnyaschego-prostranstvo-rossii-v-prostranstve-chastnoy-biblioteki> (дата обращения : 25.09.2024).
9. Косых, Е. А. Инскрипт в речевой парадигме социума : к проблеме классификации / Е. А. Косых // Филология и человек. – 2022. – № 1. – С. 53–66.
10. Косых, Е. А. Виртуальность диалога в тексте инскрипта / Е. А. Косых // Диалогическая лингвистика : коллективная монография / под научн. ред. Н. Н. Шпильной. – Барнаул : Алт ГПУ, 2019. – С. 139–152.

11. Гладкая, И. С. Діалогічна природа інскрипта (на прикладі особистої бібліотеки професора О. І. Губаря) / И. С. Гладкая // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы VII международной междисциплинарной научной конференции / под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2022. – Т. 1. – С. 154–158.
12. Мордерер, В. Я. Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / В. Я. Мордерер, А. Е. Парнис // Литературное наследство. – Т. 92, кн. 3. – Москва, 1982. – С. 5–152.
13. Никиенко, И. В. Авторские дарственные надписи на книгах из собрания томского фантаста Виктора Колупаева / И. В. Никиенко // Библиосфера. – 2018. – № 1. – С. 10–15.
14. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2001. – 270 с.

References

1. Yanushkevich AS. Inscription in V.A. Zhukovsky's creative system and beyond it in the books of his library. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2011;1(13):102-120 (in Russian).
2. Yudin AA, Kozhevnikov MG. Inscript and ownership stamps in A. I. Klivanov's book collection of SPSTL SB RAS. *Bibliosphere*, 2022;1:29-38 (in Russian).
3. Kudryashov IV, Pyatkin SN. "To Dear Deacon Kolya ...": Newly found inscript of Sergey Yesenin. *Scientific dialogue*, 2022;8:252-272. (in Russian).
4. Larionova LG. Unknown inscriptions of Valery Bryusov in the State Public Library for History collection. *Literary fact*, 2019;1:452-466. (in Russian).
5. Bykov LP. Inscript as aftertext. In: Snigireva TA, Podchinenov AV (eds.). *The phenomenon of aftertext*. Ural Federal University. Yekaterinburg, 2022:17-32 (in Russian).
6. Reitblat AI. *Write Across: Articles about Biography, Sociology, and the History of Literature*. Moscow: New literary observer, 2014 (in Russian).
7. Trofimova IN. The inscriptions in G. A. Trofimenko's book collection: Representation of the professional environment. *Scientific and Technical Libraries*, 2023;7:102-121 (in Russian).
8. Tynyanova ON. Professor Nepomnyashchy's persons and books: space of Russia in the space of private book collection. *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time*, 2018;16:3-4. Available at: <http://bbbonline.org/about/press/2001/101701.asp> [Accessed 25 September 2024] (in Russian).
9. Kosykh EA. Inscription in the Speech Paradigm of Society: on the Issue of Inscription Classification. *Philology and Human*, 2022;1:53-66 (in Russian).
10. Kosykh EA. Virtual dialogue in the text of inscript. In: Shpilnaya NN (ed.). *Dialogue linguistics*. Altai State Pedagogical University. Barnaul, 2019:139-152 (in Russian).
11. Gladkaya, I.S. (2022) The dialogical nature of the inscript (on the example of the personal library of professor A. I. Gubar). *Convergent technologies XXI: variability, combinatorics, communication: Proc. 6th Int. interdisciplinary scientific Conf. Simferopol, 25-26 November, vol. 1*, pp. 154-158. (in Ukrainian)
12. Morderer VYa, Parnis AE. Block's inscriptions on books and photographs. *Literary Heritage*, 1982;92(3):5-152 (in Russian).
13. Nikienko IV. Authors' dedicatory inscriptions on the books from the collection of Viktor Kolupaev, Tomsk science fiction and fantasy writer. *Bibliosphere*, 2018;1:10-15 (in Russian).
14. Krasnykh VV. *Fundamentals of psycholinguistics and communication theory*. Moscow: Gnosis, 2001 (in Russian).

ГЛАДКАЯ Ирина Сергеевна – к. филол. н., доц. каф. украинской филологии Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

E-mail: gladkayais@mail.ru

Irina S. GLADKAYA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Ukrainian Philology, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

ПЕЛИПАСЬ Николай Иванович – к. филол. н., доцент, заведующий каф. украинской филологии Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

E-mail: p_shkola@mail.ru

Nikolay I. PELIPAS – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Ukrainian Philology, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

УДК 821.512.151

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-128-138

Мифологизация пространства и времени в современной алтайской литературе

М. С. Дедина^{1,2}¹Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия²Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия

✉ dedina76@yandex.ru

Аннотация. Характерной чертой современной алтайской литературы стала мифологичность мировоззрения автора, обусловленная как традиционным укладом жизни, так и процессами самоидентификации и подъемом национального самоопределения, начавшегося в постсоветские 1990-е гг. В художественной картине мира современных алтайских писателей остаются стержневыми ключевые постулаты народного мировоззрения, создавая идейно-нравственное ядро структуры художественного произведения. Сохранившись в традиционной культуре, они направлены на отражение идеи единства человека и природы, и представлены через мотивы кровнородственной связи с родной землей, возвращения, памяти и беспамятства и т. д. Одним из центральных является образ Алтая, репрезентируемый не только как локальное фоновое пространство, но и нередко предстающий активным действующим героем. В новейшей алтайской литературе он сохраняет религиозно-мистическое содержание, наполняется духовно-нравственным смыслом, направленным на экологическое, морально-этическое воспитание нового поколения алтайского народа. На рубеже веков боль и тревога за судьбу родной земли явлены в присутствии эсхатологических нот. Целью данной работы является изучение мифопоэтической картины мира в художественных произведениях, написанных на рубеже XX–XXI вв. Актуальность исследования заключена в особом интересе к сакральным знаниям, истории и культуре алтайского народа, связанного с желанием сохранения и внедрения культурной памяти народа. Новизна исследования обусловлена недостаточным вниманием со стороны литературоведов к современной алтайской литературе, в частности к ее новейшему периоду, в то время как подобные исследования видятся необходимым условием для понимания современного состояния и перспектив для дальнейшего функционирования культурной памяти.

Ключевые слова: алтайская литература, современная литература, национальный образ мира, пространство, время, мифопоэтика, родная земля, Алтай, эсхатология, мотив, образ.

Для цитирования: Дедина М. С. Мифологизация пространства и времени в современной алтайской литературе. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 128–138. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-128-138

Mythologization of space and time in modern Altai literature

M. S. Dedina^{1,2}¹S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, Gorno-Altaiisk, Russia²Gorno-Altaiisk State University, Gorno-Altaiisk, Russia

✉ dedina76@yandex.ru

Abstract. The mythological worldview of the writer has become a characteristic feature of modern Altai literature. It is caused both by the traditional life and by the processes of self-identity and the rise of the national self-determination, which started in the post-Soviet period of the 1990s. In the fiction world picture of modern Altai writers, the key postulates of the folk worldview are still pivotal. It creates the ideological and moral core of the structure of the fiction work. Preserved in traditional culture, they are aimed at reflecting

the idea of the unity of man and nature, and represented through the motives of relationship with the native land, return, memory, unconsciousness, and etc. Altai is one of the central images, represented not just on the local background space, but also on a frequent occasion as an active character. The image of Altai retains its religious and mystical content in the contemporary Altai literature. It is being filled with spiritual and moral significance intended for ecological, moral and ethical education of the new generation of the Altai people. Pain and anxiety for the fate of the homeland at the turn of the centuries is revealed in the presence of eschatological notes. The purpose of this paper is to study the mythopoetic world picture in artistic works written at the turn of the XX-XXI centuries. The relevance of the study consists in the special interest to the sacred knowledge, history and culture of the Altai people, associated with the desire to preserve and implement the cultural memory of the people. The novelty of the study is due to the insufficient attention on the part of literary scholars to contemporary Altai literature. In particular, to contemporary history, while similar researches are necessary for understanding the current state and prospects for the further development of cultural memory.

Keywords: Altai literature, modern literature, national image of the world, space, time, mythopoetics, native land, Altai, eschatology, motive, image.

For citation: Dedina M. S. Mythologization of space and time in modern Altai literature. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 128–138. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-128-138

Введение

Для алтайской литературы второй половины XX в. фольклорно-мифологическая составляющая стала неотъемлемой частью, направленной на отражение этнокультурных мировоззренческих постулатов и углубление смыслового содержания художественного произведения. К. К. Султанов справедливо отмечает, что «подлинный художественный поиск, каким бы новаторским он не был, удерживает в глубине ощущение первоначала, синтезирует в себе традицию и одновременно ее преодоление, общезначимое, устойчивое и индивидуально-неповторимое» [1, с. 7].

Мифологичность мышления, как известно, связана с природными и культурными универсалиями. Ее базовой основой становится генетическая память, которая, проецируясь на художественную картину мира, через традиционные образы (архетипы) создает особую мифологическую модель бытия. Е. Ш. Галимова справедливо отмечает, что «несмотря на то, что универсальные образы, мифологемы, представляющие собой реализацию архетипа в художественном тексте, восходят к коллективному бессознательному, в то же время в каждой национальной литературе они получают и свой особый смысл, участвуя в создании уникальной художественной, мифопоэтической картины мира» [2, с. 80].

Во-первых, воспитание в среде, где почитание природы, соблюдение обычаев было нормой, этнокультурный контекст являются неким органичным и естественным способом восприятия окружающего мира. В основе мировидения алтайского народа сегодня еще живы культовые обряды, направленные, к примеру, на «задабривание» покровителей жилища, определенного места, родника и т. д., что подтверждается самыми новыми исследованиями фольклористов и этнографов [3]. Во-вторых, часто фольклорные сюжеты и мотивы для национального писателя становятся средством отражения национального

образа мира со всем комплексом семантико-смысловых составляющих, позволяющих автору выстроить философское отношение к изображаемому.

Мифологизация пространства и времени в алтайской литературе берет свое начало еще с произведений Г. И. Чорос–Гуркина, центральным для творчества которого, как известно, был образ-символ Хан-Алтая. В. И. Эдоков писал: «...больше всего Гуркину был дорог близкий и понятный его художественному чувству мир «языческого Алтая» [4, с. 80]. Литературные произведения Г. И. Чорос–Гуркина, написанные в начале XX в., как считает Э. П. Чинина, были созданы под влиянием «традиций русского и европейского романтизма, которые оригинально сочетаются и переплетаются с фольклорными, языческими образами и мотивами» [5, с. 131]. Если их базовой основой стали языческие верования, то средства и способы художественного самовыражения свидетельствуют о литературном влиянии. Сюда следует отнести, в том числе, и сибирское областничество, с представителями которого он имел, как известно, тесные творческие и дружеские связи. В его знаменитом очерке «Алтай (плачь алтайца на чужбине)» [6] присутствуют полифункциональные образы кедра, орла и Ульгения, создающие многоплановое пространственно-временное повествование, восходящее к мифологическому восприятию образа-символа Алтая. Эти ключевые образы присутствуют в произведениях современных алтайских писателей и восходят к пониманию пространства и времени в онтологии алтайцев.

Образ-символ родной земли

Традиционно центром мифологической вселенной становится для человека место его рождения. Мотив кровнородственной, пуповинной связи человека с его родной землей присутствует у всех алтайских поэтов. Первобытный миф о перворождении человечества, присутствующий в фольклорных текстах и в героическом эпосе, актуализируется в современной лирике в образе колыбели. *Кайда да жүрзем, / Кажы ла журт / Меге кару. / Је тбрөлим болгон, / Кабайым – Саратан / Карудан кару!* (Где бы я ни был, / Каждое село / Мне мило. / Но родина моя / Колыбель моя – Саратан / Милее всего!) [7, с. 9]. Или у А. Самунова: *Ай-таналу мөңкүлөр курчаган / Эрке кабай чөлдөрдө чыдагам* (В милой колыбели степен я рос, / Окруженных сверкающими вершинами) [8, с. 84].

В связи с образом колыбели очевидно, что родина у человека связана прежде всего с матерью. В лирике Б. Бурмалова, к примеру, сквозным становится универсальный образ-символ матери-земли. В стихотворении «*Эне јерим*» («Моя мать земля») лирический герой находит в родине как поддержку, благословение и опору, так и наказание за проступки. Он уверен, что «*Јерин сүүген кижини / Јенер салым јок*» («Нет такой силы, чтобы победить человека, любящего свою родину») [9, с. 30]. Для поэта базовые составляющие бытия – это «*Јер-Эне ле Күн-Эне, / От-Эне ле Кин-Эне – Јүрүм!!!*» («Мать-Земля и Мать Солнце, / Мать-Огонь и Мать-Пуповина – Жизнь») [9, с. 57].

М. Кебезекова, обращаясь к своей малой родине Кайру, пишет: «*Эзен болзын эне-јерим, / Эзенде айылдап ојто ло келерим, / Кайру деген кайран журтыма, / Кайра ојто бурулып једерим*» («Прощай моя мать-земля, / В следующем году вновь в гости приеду, / К милому мне селу по названию Кайру, / Снова я вернусь») [10, с. 6].

Таким образом, во-первых, малая родина как художественное отражение реального места с наличием узнаваемых деталей (название сел, оронимов, гидронимов и т. д.) имеет определенные топонимические границы. К примеру, у Б. Бурмалова читаем: «*Угыбыс үзүлбей улаган / Удабыс јуртаган Улаган. / Амаду јолыма уулалган / Агару алтайым, Улаган*» («Не прерывая, наш род продолжающий, / Дед мой живший Улаган. / Показавший мне заветную дорогу, / Священный мой алтай, Улаган») [7, с. 56].

При этом «алтай» поэтом употребляется в одном из смысловых значений, маркирующих «свою» территорию – родину. О его семантике О. Молчанова писала: «Можно предположить, что Алтай имело значение вообще духа земли. В эпосе Алтай означает «земля», «территория какого-либо каана, племени», «родина богатыря» [11, с. 131].

Об этом же у Д. Белекова читаем: «С какого ты Алтая?» – спрашивали мы у своих старых друзей и новых знакомых и в шутку и всерьез отвечали сами: с московского Алтая, с ленинградского Алтая. А ты? С монгольского Алтая? А ты, из Парижа? А, ты из французского Алтая!..» [12, с. 41].

Во-вторых, безусловно, «свое пространство» имеет и более узкую организацию, ограниченную стенами жилища. А. Сагалаев, рассматривая основные элементы ландшафта реального и мифологического Алтая, пришел к выводу, что «при обилии в мифах и эпосе разного рода чудищ и злодеев у человека не так уж много врагов». Однако при этом «полностью «отвоеванное» человеком пространство – только внутренне пространство его дома, на расстоянии протянутой от очага руки» [13, с. 101].

С очагом у алтайцев связан целый мифо-ритуальный комплекс представлений, в первую очередь поддерживающий культ огня. Т. Топчина пишет: «*Каза айлым ичинде / Курут жытту телекей. / Кайда мынан барарыг – / Кайра ойто эбирбей*» (В моем аиле / Пропахший курутом мир. / Куда же отсюда уйдешь – / Непременно назад вернешься») [14, с. 7].

В более широком значении очаг репрезентован в традиционном общеизвестном значении как символ домашнего уюта и семейного благополучия: «*Тарыныш тўней ле ундылар, / Таныштар жаньдаг табылар. / Таш очокто тызырап от кўйер, / Тазыл-тамырын жүрүм улалатар*» («Обиды все равно забудутся, / Найдутся и новые знакомые. / В каменном очаге будет гореть огонь, / Жизнь продолжится (букв. корень-вены продлит)») [15, с. 104].

Аил имеет строгую пространственную организацию: главное и срединное положение занимает очаг, окруженный женской и мужской половинами, особое символическое значение имеют дьайык, тьюнок (дымоход), порог. По этому же принципу и воспринимается окружающее человека пространство. К примеру, К. Яданова о традиционных представлениях теленгитов о долине Эре-Чуй пишет: «По воззрениям теленгитов Чуйской долины Эре-Чуй пространство представляет собой войлочную юрту – *кийис айыл* (*киис аль*) с выходом, обращенным на восток. Правая сторона от входа юрты принадлежала к женской половине, левая сторона от входа – к мужской половине. Соответственно внутреннему устройству юрты, теленгиты делили священные горы на *ыйики*, расположенные на отцовской – мужской стороне (*ада жаны*) и на *ыйики*, расположенные на материнской – женской стороне (*эне жаны*). При этом река Чуй (Чуя) выступала границей между сторонами» [16, с. 37]. Данное пространственное разделение, соотносящееся с расположением в юрте, встречается и в лирике: «*Кўўктинг ўни серибес / Кўн чололу бу Алтай. / Анг балазын жерибес / Алтын кабай, ээ Алтай. / Тўймен чакка кыйналып, Тўймен калган тўр¹ – Алтай. / Кайа жиктен сызылып, / Эпту ёскөн жонымай*» («С неумолкающим голосом кукушки, С солнечным ликом этот Алтай. Не оставивший сиротой оленёнка, / Золотая колыбель, Алтай. / В грозные века страдавший, / Разоренный «тўр» – Алтай. / Со скалистых ущелий просочившись, / Благодатно разросшийся народ мой») [7, с. 10].

Таким образом, в центре художественного пространства лирики многих алтайских писателей их малая родина, выступающая как центрообразующая точка в системе пространственно-временных координат. А. Ф. Кофман, говоря о картине мира в латиноамериканской литературе, отмечает, что «сакральный центр, помимо всего прочего, мыслится как наикратчайшее связующее звено между настоящим и прошлым; это та точка в пространстве, где происходит максимальная актуализация прошлого» [17, с. 57]. Для Д. Белекова, современного алтайского писателя, к примеру, подобной территорией становится Дьайлугуш, долина в Онгудайском районе Республики Алтай. Именно там находилось маленькое село Салдыр, где родился будущий писатель. Этого населенного пункта в настоящее время нет, поскольку оно исчезло вследствие укрупнения колхозов в 1950-е гг. В лирическом цикле поэта «Благодатное лето в Дьайлугуше...» предстает величественная картина просторной долины, окруженной высокими горами. Центральными образами-символами здесь становятся река и горы, окружающие долину: «Буурыл

¹ Тўр – место напротив двери в аиле, почетное место, передний план.

башту сүмери / Булуттарла чек коштой./ Кадынга кирген суузы/ Канат жайган ак куштый» [12, с.37] («В облаках седые пики тают. / Ледяной струей свысока, / Крылья разбросав, в Катунь влетают / Волны Яйлугуш – о, Свет-Река!» [18, с. 25]).

Эта земля для поэта становится частью Алтая, в субъективном восприятии – его центром, воплощая в себе величие, мощь и красоту. Позже в своих лирико-философских размышлениях Д. Белеков напишет: «И вообще, пусть я не фанатик в вере, но я благодарен судьбе, что родился на этом святом пятачке «между Богом и мною». Здесь как бы Алтай в миниатюре: Чике-Таманский перевал, Катунь, Салдырский хребет, цветущие сады Яломана, Каменные скалы, где сосредоточен весь сгусток, природно-климатический ландшафт (от ледников до барханов и от хвойных лесов до цветущих лугов)» [19, с. 24]. Для поэта это место станет сакральным, метафорой детства, пространством, воплощающим прошлое, где живы отец и мать. Именно здесь для лирического героя останавливается время и находится исток его дороги, широкой, как Катунь. Все здесь совершенно, находится в неразрывной системе: травы, горы, реки и т. д. – является частью единой цепи гармоничного мироздания, звеном которого является и лирический герой, кровнородственная связь которого с родной землей воплощена в сквозных мотивах притяжения и зова.

Алтай как сакральный центр

Образ родной земли в мифопоэтической картине мира у алтайских поэтов в широком понимании всегда связан с образом всего Алтая. Н. Р. Ойноткинова считает, что «сакрализация или наделение священным смыслом образа Алтая произошла в результате анимизации природы, поклонения духам земли, воды, гор, существовавшего в родовом обществе», и в функционировании современной обрядовой практики алтайцев лежит культ земли (Жер-суу) и гор, которые составляют основу целого пласта благожеланий Алтаю [20, с. 49]. Мифологизация образа Алтая восходит своими корнями в древнейшие религиозные пласты мировоззрения алтайского народа. «Сакральный образ топонима Алтай связан с религиозно-мифологическими верованиями древних тюрков, а именно: анимизмом, культом гор и шаманизмом» [21, с. 80–81]. «Алтайцы в обращениях к своей земле говорят: «*байлу Алтайым*» (сакральный мой Алтай или особо сокровенный), «*байлу-чүмдү Алтайым*» (священно-благословенный мой Алтай). Таким образом, Алтай нечто большее, чем территория, по отношению к которой держат *бай*, придерживаются особых норм поведения – почтительное отношение, запреты» [22, с. 35]. Часто этот образ обретает антропоморфные черты. Присутствие подобных представлений подтверждается полевыми исследованиями современных фольклористов, которые пришли к выводу, что «у разных народов, существующих в едином историко-культурном контексте, образ хозяина Алтая имеет схожие мифологические, символические, виртуальные и реальные черты. Образ предстает в антропоморфном виде белым старцем, богатырем на коне, девицей игривой, женщиной, эфемерным, невидимым духом, сливающимся с образом горы» [23, с. 98].

А. Сартакова в стихотворении «Айлаткыш түби» («Центр Вселенной») пишет: *Алтай калыкка, кабай жериме / Айдын түнде эзеним айдадым. / Алтай жанымла, жебрен чүмимле, / Айлу-күндү жеримди алкайдым*» («Алтайскому народу, колыбели земли моей / В лунную ночь посылаю приветствие. / По алтайскому обычаю своему, древним обрядом моим / Благоговая лунно-солнечную землю мою») [24, с. 15].

У Б. Суркашева, к примеру, есть стихотворение «*Алкыш сураганы*», написанное в 1999 г., где лирический герой провозглашает: «*Кан Алта-а-ай! Меге алкыш бер! / Жүреги жүткүүдө каруу уулыга. / Кан Алта-а-ай! Улгер жайап бер! / Сеге карузып өскөн уулыга*» («Хан Алта-а-ай! Мне благословение дай! / С сердцем в порыве твоему дорогому сыну. / Хан Алта-а-ай! Даруй мне стих! / Выросшему к тебе с благоговением сыну своему») [25, с. 3].

Образ Кан Алтай у поэтов может не содержать в себе религиозного значения, но он всегда показывает возвышенность и величественность Алтая, содержит в себе обобщение. Как пишет Н. Р. Ойноткинова, «у алтайцев выработался теоним Алтай Кудай (Бог Алтай),

осмысливаемый как божество, образ которого слит с образом природы, с древнетюркским божеством Дьер-Суу (Дер-Суу)» [3, с. 55]. К примеру, у М. Кебезековой в стихотворении «Күс» («Осень») пейзажная зарисовка времени года через обобщенно-символические архетипы создает особый хронотоп, в котором, с одной стороны, узнаваем образ конкретного места, окрестностей родной деревни поэтессы, а с другой – воплощен образ Алтая: *Күски чечектер жууп аларга. / Бийик кырга чыгып жүрдим. / Кан-Алтай мынанг көрүнөт / Браак, ыраак талага көрөдүм* («Чтобы собрать осенние цветы, / Поднималась на высокую гору я. / Хан Алтай отсюда виден / В дальние, дальние просторы смотрю я») [10, с. 26].

Постоянным в произведениях алтайских писателей становится старик в белых одеждах, хозяин Алтая. К. Кошев, к примеру, в качестве эпиграфа к стихотворению «Ак ат» («Белый конь») опубликовал народное поверье: *«Алтай јердинг ээзи ак атту эр кижии бар» – деп, карган улустар айдыжат* («Старики говорят, что «есть мужчина с белым конем – хозяин Алтая») [12, с. 12]. Белоснежный конь для лирического героя К. Кошева становится, с одной стороны, частью Алтая, а с другой – неким сакральным символом любви, веры и преданности родной земле: *«Хозяин твой на белом скакуне – / Так говорят старинные преданья, – / И образ деда на таком коне / Мне детские дарят воспоминанья. / Имел отец мой белого коня. / На нем он мчался, ветер обгоняя... / Есть белый конь в душе и у меня, / Конь времени – молочный конь Алтая»* [18, с. 70].

В данном произведении присутствуют мотив преемственности, связи поколений, когда время, воплощенное в образе коня, в бесконечном своем движении, становясь спутником каждого поколения, мчится сквозь время, меняя всадников: *«Как совесть мира, в белое одет, / Он служит подвигу и благородству. / Так пусть и мне он служит. Пусть летит / В такт сердцу и дыханию поэта, / Пока не встретит юношу в пути / И – станет бесконечной эстафета»* [18, с. 70].

Эсхатологические мотивы

Характерной чертой современного литературного процесса Горного Алтая стало доминирование ретроспекции, переосмысление истории, размышления о проблеме преемственности поколений. Тревога за судьбу родной земли выливается в боль и отчаяние, и обращение к эсхатологическим мотивам больше понимается как напоминание живущим, чем видимое будущее. На первый план выходят мотивы памяти и беспамятства, лежащие в основе размышлений о будущем своего народа, его языка и культуры. Символично стихотворение «Отык» («Огниво») К. Кошева, где поколение, утратившее базовые ценности, без нравственных ориентиров, метафорически представлено через образ блуждающего, сбившегося с пути человека: *«В ночную грозу я тропу потерял. / Вокруг только темень да скалы»* [18, с. 70]. Древнее огниво, найденное под раскидистым кедром, становится воплощением национального духа, в самое сложное время способным, высекая искру, разжечь пламя. Образ кочевника, хозяина огнива, символизирует «высокую мудрость Алтая», и лирический герой с гордостью констатирует: *«...Пусть множество разных привычек и свойств / Мне время мое подарило, – / Сберег я и нрав неуступчивый свой, / И предков душевную силу»*.

В переломные 1990-е гг. традиционная картина мира претерпевает изменения. В лирике Г. Елемовой конца 1980-х гг. есть очень символическое стихотворение, названное «Жылан түлентийт» («Змея сбрасывает кожу») [26], которое символизирует перерождение, обновление и обретение нового.

В то же время у алтайских писателей все чаще возникает образ опустошенного пространства, связанного с экологическими и нравственными проблемами. Постоянными становятся темы вырубки кедра, бесконтрольного уничтожения растений и животных; остро встает проблема исчезновения языка, культуры. Появляется ряд стихотворений, посвященных строительству гидроэлектростанции на Катунь в Чемальском районе.

В данный период характерно то, что писатели ставят больше вопросов, чем дают ответов. Очень символично, к примеру, стихотворение Г. Елемовой «Алтайым».

Рерих өдөлө, кайкап журап,	Рерих писал твой облик,
Жажыдын бедиреп таппаган Алтай,	Но не открыл твоей тайны, Алтай.
Хемингуэй жоруктап келерге суранып,	Хемингуэй мечтал тебя увидеть,
Једип болбогон амаду – Алтай.	Но не достиг твоих дебрей, Алтай.
«Күмүш өзөктөр сүрекей јакшынак...» – деп,	«Жемчужные долины слишком хороши...» –
Күйүнип бичиген Радлов кайда?	С завистью писал о тебе Радлов.
Тыны ла каны алтайыла тудуш,	Кровно бы связан с тобою Гуркин, но от
Је «бурулу» сүйүштү Гуркин кайда?	того, как будто еще более скорбен.
Шакпыртту жүрүминен ончолоры ырап,	С земною суетою расставшись,
Алтайдын үстиле учкулап жүргүлейт не?	Летают ли они над тобою, Алтай? [27, с. 57].

[27, с. 4].

Боль и тревога за судьбу народа стали доминантными в стихотворении А. Адарова «Таш кезер», ставшем программным для его последнего прижизненного одноименного сборника 2005 г. Здесь образ каменного воина, стоящего из глубины веков немим свидетелем времен, являет собой воплощение истории ушедших поколений. Из его каменных глаз текут горячие слезы, в то время как в кабинетах сидят люди с «каменными» сердцами.

Таш көксинде таш жүрек	В каменной груди каменное сердце
Та кажы чакта согулган?	В каком веке билось?
Тамырымда тамчы кан	В венах моих кровь
Та айса онон таркаган?	Возможно его течет? [28, с. 9].

В конце 2000-х гг. появляются и такие стихи, как «Монолог горного ветра», «Песнь синего волка» А. Тадинова, где центральным становится мотив утраченной веры, а угнетенное состояние духа поддерживается метафорами «простуженного вечера», «белесой золы тумана, посыпающего деревья», «уснувшей, усталой земли», «сырого ущелья» – пристанища Странника ветра.

На пустых перевалах поют, отпевают закат погребальные звуки,
У пещер начинаются танцы оживших теней,
У холодных кострищ молчаливые горные духи
Окропляют слезами осколки священных камней.

Шепчут седые легенды гранитные скалы,
Лижет свои берега Серебристый дракон,
Вспоминают ушедших героев, что больше не встанут,
А живых победил и пленил летаргический сон
[29, с. 11–12].

Понимание абсурдности бытия у Д. Каинчина в зрелом его творчестве явлено через отрицание, близкое по своему накалу к катарсису, и иронию. В 2008 г. выходит в свет сборник Д. Каинчина на русском языке «Живу и верую» [30]. В предисловии автор отметил: «На мой взгляд, если коротко, задача литературы узнать Человека и помочь ему делаться человечнее, хотя бы частично. Она – память и опыт прошедших веков. / Особенно важна роль писателя малочисленного народа. (Именно малочисленного, так как не бывает малого народа). Писатель хранитель языка и культуры, «лежачий полицейский» на пути ассимиляции» [30, с. 4]. Если говорить о произведениях, вошедших в данный сборник, и о других, написанных на зрелом этапе творчества писателя, то мифопоэтическое осмысление своего времени и истории выходит на первый план. Взгляд как бы со стороны на свой народ, на особенности национального характера главная тема, к примеру, его

рассказа «Возвращение домой Тита Тырышкина, красноармейца по имени Горный Барс». Мифологизация, стилизация и широкое использование фольклорно-мифологических образов и мотивов характерны для многих его поздних произведений, таких как «Покажитесь, горы, покажитесь», «В глазах наших Синяя Скала», «Пепел звезд» и мн. др., в том числе, безусловно, и для его исторического романа «Над нами Белуха».

Для примера возьмем его рассказ «Топшуур ты мой двуструнный...», который стал пародией на современное общество. Произведение стилизовано под героический эпос, однако отличается гротескно выстроенным сюжетом и нарочито подчеркнутым ироничным тоном: «Во времена ранние-преранние, когда козлы-архары рогами чиркали твердь небесную, а бородами подметали твердь земную, когда овечки были с быка, а быки с Большого зверя, то бишь мамонта, как раз в те времена на подошве горы шестигранной Белый Сюмер, которая ледниками отражалась на луне, на берегу озера-моря Беломолочного, блестящего золотом от лучей Солнца, жил юноша-сирота по имени Ачу-Тус, то есть тот, жизнь у которого горька словно соль» [30, с. 107].

Мир главного героя – это место у стада, которое он пасет. Другое пространство – это шатер хана Тойбодыма со значимыми символами: коновязь, девяносто девятикрылый шелковый шатер. Расстояние между пространствами, принадлежащими героям, нарочито увеличено. К примеру, герой движется на чудесном коне: «не трясет в седле, будто в люльке качает, будто не бежит под ним конь, а летит. И летит намного быстрее птицы, но чуть помедленнее стрелы. Через реки широкие перепрыгивает, не касаясь хвостом, через горы высокие перескакивает, не касаясь копытами...» [30, с. 100]. И всегда впереди цель – золотая коновязь и шатер хана, как центр вселенной.

Повествование ведется от третьего лица. Автор иронично и беспристрастно констатирует происходящие события, давая им свою субъективную оценку. Речь его пересыпана остротами, фразеологизмами и просторечными выражениями, далекими от высокой речи сказителя героического сказания. Например, Ачу-Тус благодарит Хозяина Алтая: «– А куда делся старичонка?.. Да это сам Хозяин Алтай! – пришло на ум Ачу-Тус. / – Благодарен вам! Заместо отца моего будьте, – трижды поклонился он четырем сторонам света: Востоку-восходу, Югу, Западу, Северу, кружа по ходу Солнца» [30, с. 110].

Внешность главного героя далека от богатырской: «нет бровей, густых, будто кусты; нет носа у него прямого, как пригорок; и грудь у него не широка, словно поле; и плечи его не изогнуты, словно лук боевой — ни красы, ни силы. Сер как мышь...» [30, с. 109]. Описание его возлюбленной Татуна-Дилек (Вкусная-Ягода), напротив, отличается величием, автор подчеркивает ее сказочную красоту через сравнения: «... озорноглазая, с голосом ласковым, как ручей бежит, с походкою мягкою. Как у рыси... Словом девушка неземной красоты. Девушка из облаков небесных, из ледников чистых, из цветов ароматных, со слов сказочных...» [30, с. 107].

В рассматриваемом рассказе Д. Каинчина уже в самом названии предполагается связь с алтайскими героическими сказаниями, с образом кайчи и топшура, как символа свободы и творчества. Фигура главного героя Ачу-Тус воплощает идею закабаленного, погрязшего в проблемах и бедности народа: «Скажут «зайди» – зайдет, присядет возле порога, велят «выйди» – выйдет, вот такая «собачья» жизнь. Лишь бы нижайше, тишайше. Работал и работал: мерз на морозе, калился под солнцем, исхлестан ветрами, самое тяжкое – пришиблен сиротством» [30, с. 108]. Он не тяготится ни бедностью, ни лишениями, более того, он не задумывается об иной жизни. Ростки надежды на другую жизнь, на возможность несбыточного счастья появляются в его душе с чувством любви к прекрасной дочери его хозяина *Тойбона*.

Образ *Тойбона* здесь описан противоречиво – он владыка полмира, но знает в лицо каждую овечку и переживает из-за болезни каждого ягненка. Он описан здесь как рачительный, жадный и хитрый хозяин. Пробуждению в душе загнанного судьбой Ачу-Туса человеческой гордости способствует вмешательство Хозяина Алтая. Три дара

получает сирота от него. Его первый дар, конь, не пошел на пользу Ачу-Гусу, поскольку он не был готов к его восприятию. Второй подарок – лук – помог юноше насытиться физически – от этого у него пробудились и моральные силы. Ему уже не нужен подаренный в первом случае конь, он может и отобрать его у хозяина, – он силен физически, но не умен. И только топшур своим волшебным звучанием пробуждает в главном герое чувство прекрасного, наделяет его чудесной силой власти над людьми. В этом мире волшебных звуков нет места злобе, жадности и жестокости – Тойбодым и стража исчезли.

И вспоминаются слова Г. И. Чорос–Гуркина «Еще один дар Ульгень дал алтайцу – петь о красоте своих гор: дал ему камень-талисман, чтобы он этим камнем мог начертать образ своих царей-гор и их красавиц дочерей: «Сарнап тюрь, балам!» (Ходи и пой, мой сын), – сказал он. И вот простая струна из волос конской гривы, натянутая на обрубок кедрового пня, превратилась в руках певца в золотую. Струна зазвенела, полились звуки – заунывные, надрывающие, щемящие душу».

Заключение

Таким образом, мифопоэтический контекст современной алтайской лирики связан, прежде всего, с мифоритуальным комплексом представлений традиционного мировоззрения алтайцев, а также семантико-символическим наполнением художественного текста культурными универсалиями. В новейшей алтайской литературе образ Алтая сохраняет религиозно-мистическое содержание, наполняется духовно-нравственным смыслом, направленным, прежде всего, на экологическое, морально-этическое воспитание подрастающего поколения. Во-первых, стремление к глубинному постижению философских проблем, осмысление смысла и сущности бытия ведет к обращению к глубинным истокам, к «сгусткам народной мудрости» (Ч. Айтматов), к мифам. Во-вторых, нет у алтайских писателей игры с мифом, однако есть глубокая вера и любовь к своей земле, к Священному Алтаю, к своей культуре и своему народу. Обращение к мифу есть органичная часть их миропонимания и мироощущения, это естественная сущность взаимодействия со Вселенной. Не случайно А. Адаров, к примеру, писал, обращаясь к своему потомку:

Взгляни, взгляни на робкий тот огонь,
поддерживать его твоя забота.
Там нет клочка земли с мою ладонь,
не знавшего кровавых слез и пота!
Мы поклонялись каждому цветку,
свою любовь и нежность отдавая,
мы радовались каждому глотку
своей воды, о бедах забывая.
Мы дереву дарили нашу песнь,
и камень перенял у нас дыханье,
Вот потому-то были мы и есть,
и жизнь продолжит древнее сказанье.

Л и т е р а т у р а

1. Султанов, К. К. Традиция в посттрадиционном мире: национальная литература как опыт пролонгации / К. К. Султанов // *Studia Litttrarum*, 2020. – № 3. – С. 10–43.
2. Галимова, Е. Ш. Образ-архетип моря в художественном пространстве северного текста русской литературы / Е. Ш. Галимова // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. – 2012. – № 3. – С. 80–87.
3. Мифологический словарь алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова. – Новосибирск : НГУ, 2021. – 600 с.
4. Эдоков, В. И. Литературное творчество художника Г. И. Гуркина / В. И. Эдоков // *Алтайский фольклор и литература*. – Горно-Алтайск, 1982. – С. 77–92.
5. Чинина, Э. П. Г. И. Гуркин – очеркист и художник светского направления. 1880-е–1910-е гг. / Э. П. Чинина ; под редакцией Р. А. Палкиной; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова // *История алтайской литературы*. – Горно-Алтайск : Горно-Алт. респ. тип, 2004. – С. 130–140.

6. Чорос-Гуркин, Г. И. Алтай (Плачь алтайца на чужбине) / Г. И. Чорос-Гуркин // Сибирская жизнь. – 1907. – № 196. – 23 дек.
7. Бурмалов, Б. Өйиме айткан сөс = Слово, сказанное моему времени : үлгерлер, баснялар / Б. К. Бурмалов. – Горно-Алтайск : Алтын-Туу, 2019. – 246 с.
8. Самунов, А. М. Ойгор ойрот энчизи = Наследие мудрого ойрота // А. М. Самунов. – Горно-Алтайск, 2006. – 189 с.
9. Буучай Бурмаловты кычыралы = Читаем Буучая Бурмалова. Алтай литературанын хрестоматиясы / сост. Л. К. Каланакова. – Горно-Алтайск, 2008. – 207 с.
10. Кебезекова, М. Ак чечектү төрөлим = Родина моя с белыми цветами / М. Кебезекова. – Горно-Алтайск : Ак Чечек, 1994. – 66 с.
11. Молчанова, О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая / О. Т. Молчанова. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1979. – 398 с.
12. Белеков, Д. Жанарлу мөштөр = Поющие деревья: стихи / Д. Белеков. – Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1982. – 88 с.
13. Сагалаев, А. М. Алтай в зеркале мифа / А. М. Сагалаев. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1992. – 176 с.
14. Топчина, З. К. Байлык = Сокровище / З. К. Топчина. – Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2013. – 96 с.
15. Олчонова, А. Кожондо, кожончы кушкакым / Алтын-Ай Олчонова. – Бийск : Матрица, 2020. – 152 с.
16. Яданова К. В. Предания, устные народные рассказы благодатной земли Эре-Чуй / К. В. Яданова. – Горно-Алтайск : Алтын-Туу, 2021. – 204 с.
17. Кофман, А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А. Ф. Кофман. – Москва : Наследие, 1997. – 320 с.
18. Когда цветет маральник : стихи молодых поэтов / сост. П. Самык, пер. Р. Бухараев. – Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1985. – 152 с.
19. Белеков, Д. С какого ты Алтая?.. = Сен кажы Алтайдан?.. / Д. Белеков. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 2018. – 224 с.
20. Обрядность в традиционной культуре алтайцев : Коллективная монография / Редколлегия: Н. В. Екеев (отв. ред.), Е. Н. Кузьмина (науч. ред.), А. А. Конунов, Н. О. Тадышева. – Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. – 704 с.
21. Ойноткинова, Н. Р. Культурная семантика топонима Алтай в фольклоре алтайцев / Н. Р. Ойноткинова // Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay, 2019. – 5 (1). – С. 79–89.
22. Тадышева, Н. О. Образ сакрального Алтая в произведениях П. Самыка / Н. О. Тадышева // Сын Солнца – Күн Уулы. – Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. – С. 32–38.
23. Дампилова, Л. С. Мифологический образ хозяина Алтая : функции и семантика / Л. С. Дампилова, Ж. М. Юша // Сибирский филологический журнал, 2021. – № 1. – С. 24–36.
24. Сартакова, А. Жебрентик Алтайым / А. Сартакова. – Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2015. – 80 с.
25. Суркашев, Б. Арчын жытту Алтай = Алтай с запахом можжевельника / Б. Суркашев. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 2000. – 400 с.
26. Елемова Г. К. Ыланнын түлентизи = Кожа, сброшенная змеей / Г. К. Елемова. Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 1990. – 104 с.
27. Елемова, Г. К. До свидания! Встретимся на небесах / Г. К. Елемова. – Горно-Алтайск : Юч-Сюмер – Белуха, 2003. – 104 с.
28. Адаров, А. Таш кезер / А. Адаров. – Горно-Алтайск : Алтын Туу, 2009. – 180 с.
29. Тадинов, А. Монолог горного ветра / А. Тадинов. – Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2009. – 52 с.
30. Каинчин, Д. Живу и верую / Д. Каинчин. – Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2008. – 172 с.

References

1. Sultanov K.K. Tradition in the Post-Traditional World: National Literature as Experience of Prolongation. *Studia Litterarum*, 2020;3:10-43 (in Russian).
2. Galimova E.S. Archetypal image of the sea in the art space of the Northern text of Russian literature. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2012;3:80-87 (in Russian).
3. Oinotkinova N.R. The mythological dictionary of the Altaians. *Novosibirsk: CPI NSU Publ.*, 2021:600 (in Russian).

4. Edokov VI. Literary creativity of the artist G. I. Gurkin. Altai folklore and literature. Gorno-Altai, 1982:77-92 (in Russian).
5. Chinina EP. G. I. Gurkin is an essayist and a secular artist. 1880s – 1910s. In: Palkina RA (ed.). History of Altai literature. Book 1. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2004:130-140 (in Russian).
6. Choros-Gurkin GI. Altai (Cry of an Altaian in a foreign land). Siberian life, 1907:196 (in Russian).
7. Burmalov BK. A word spoken to my time. Gorno-Altai: Publishing house “Altyn-Tuu”, 2019:246 (in Altai).
8. Samunov AM. Legacy of the wise oiro. Gorno-Altai, 2006:189 (in Altai).
9. Kalanakova LK (ed.). We are reading Buuchai Burmalov. Altai Literary dictionary. Gorno-Altai, 2008:207 (in Russian).
10. Kebezekova M. My homeland with white flowers. Gorno-Altai: Publishing House “Ak Chechek”, 1994:66 (in Altai).
11. Molchanova OT. Toponymic dictionary of the Altai Mountains. Gorno-Altai: Gorno-Altai branch of the Altai Book Publishing House, 1979:398 (in Russian).
12. Belekov D. Singing trees: poems. Gorno-Altai: Publishing house “Gorno-Altai”, 1982:88 (in Altai).
13. Sagalaev AM. Altai in the mirror of myth. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch, 1992:176 (in Russian).
14. Topchina ZK. The treasure. Gorno-Altai: Publishing house “Gorno-Altai”, 2013:96 (in Altai).
15. Olchonova A. Sing my bird. Biysk: Matrix, 2020:152 (in Altai).
16. Yadanova KV. Legends, oral folk tales of the fertile land of Ere-Chui. Gorno-Altai: Publishing house “Altyn-Tuu”, 2021:204 (in Russian).
17. Kofman AF. Latin American artistic image of the world. Moscow: Heritage, 1997:320 (in Russian).
18. Samyk P. When the maralnik blooms: poems by young poets. In: Bukharaev R (ed.). Gorno-Altai: Publishing house “Gorno-Altai”, 1985:152 (in Russian).
19. Belekov D. What Altai are you from? Gorno-Altai: Printing House “Gorno-Altai”, 2018:224 (in Russian).
20. Ekeev NV, Kuzmina EN, Konunov AA, Tadyshva NO (eds.). Ritual in the traditional culture of the Altai people. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2019:704 (in Russian).
21. Oinotkinova NR. Cultural semantics of the toponym Altai in Altai folklore. World of the Great Altai, 2019;5(1):79-89 (in Russian).
22. Tadyshva NO. The image of the sacred Altai in the works of P. Samyk. The Son of the Sun. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2018:32-38 (in Russian).
23. Dampilova LS, Yusha ZhM. The mythological image of the owner of Altai: functions and semantics. Siberian Philological Journal, 2021;1:24-36 (in Russian).
24. Sartakova A. Ancient Altai. Gorno-Altai: Publishing house “Gorno-Altai” 2015:80 (in Altai).
25. Surkashev B. Altai with the smell of juniper. Gorno-Altai: Publishing house “Gorno-Altai”, 2000:400 (in Altai).
26. Elemova GK. Skin shed by a snake. Gorno-Altai: Publishing house “Gorno-Altai”, 1990:104 (in Altai).
27. Elemova GK. Goodbye! Meet in the heaven. Gorno-Altai: Yuch-Syumer – Belukha, 2003:104 (in Russian and Altai).
28. Adarov A. Stone warrior. Gorno-Altai: Publishing house “Altyn Tuu”, 2009:180 (in Altai).
29. Tadinov A. Monologue of the mountain wind. Gorno-Altai: Publishing house “Gorno-Altai”, 2009:52 (in Russian).
30. Kainchin D. Live and believe. Gorno-Altai: Publishing house “Gorno-Altai”, 2008:172 (in Russian).

ДЕДИНА Маргарита Сергеевна – к. филол. н., доцент, с. н. с. БНУ Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова»; доц. каф. алтайской филологии и востоковедения факультета алтаистики и тюркологии; ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет».

E-mail: dedina76@yandex.ru

Margarita S. DEDINA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, Assoc. Prof. of the Department of Altaics Philology and Oriental Studies, Faculty of Altaic and Turkic Studies, Gorno-Altai State University.

УДК 821.512.157

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-139-147

К вопросам изучения архивных фондов якутских писателей: проблемы реконструкции и комментирования (на материале архивного фонда И. Д. Винокурова–ЧабылҔана)

Е. М. Ефремова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

г. Якутск, Россия

✉ Kachkom84@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы изучения архивного фонда (исследования выполнены с использованием научного оборудования ЦКП Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр СО РАН») одного из значимых представителей якутской литературы советского периода И. Д. Винокурова–ЧабылҔана (31.07.1914–9.09.1952). Архивные фонды писателей Якутии как отдельный историко-культурный феномен представляют собой плодотворный исследовательский материал с точки зрения литературоведческой и исторической наук, источниковедения, археографии. Актуальность исследования обусловлена выявлением и введением в научный оборот новых архивных материалов, а также недостаточной изученностью литературного наследия известного автора. Цель и задачи исследования сконцентрированы на научном комментировании ранее опубликованных и неопубликованных художественных текстов И. Д. Винокурова (поэм), хранящихся в Рукописном фонде ЯНЦ СО РАН. Речь идет об установлении специфики и вариативности имеющегося архивного материала (черновые и беловые автографы, рукописные, машинописные тексты), определения роли и значимости произведений в истории якутской литературы, дальнейшего исследования творческого наследия. Исключаются подробные филологические и текстологические анализы произведений, нацеленное внимание уделено комментированию рукописных текстов. Текстологическое описание материала предлагается со ссылкой на номера фонда, описи, единицы хранения, что значительно облегчит задачи будущего исследователя творческого наследия И. Д. Винокурова. В результате исследования установлены некоторые особенности творческой истории создания крупных поэтических текстов. Ценность результатов научной статьи заключается в том, что впервые в истории литературоведения Якутии представлены научные комментарии для рукописных текстов И. Д. Винокурова. Используются историко-литературный, системно-типологический, текстологический методы, актуализированы возможные перспективы дальнейшей проработки вопросов.

Ключевые слова: якутская литература, архивный фонд, архивные источники, рукопись, автограф, машинописный текст, реконструкция, текстология, комментарии, творческое наследие.

Для цитирования: Ефремова Е. М. К вопросам изучения архивных фондов якутских писателей: проблемы реконструкции и комментирования (на материале архивного фонда И. Д. Винокурова–ЧабылҔана). *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 139–147. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-139-147

On the question of studying the archival funds of Yakut writers: problems of reconstruction and commenting (based on the archival fund of I. D. Vinokurov-Chagylgan)

E. M. Efremova

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems SB RAS, Yakutsk, Russia

✉ Kachkom84@mail.ru

Abstract. The article is concerned with certain issues of studying the archive fund of I. D. Vinokurov-Chagylgan (31.07.1914-9.09.1952), one of the prominent representatives of Yakut literature during Soviet period. The archival funds of Yakut writers as a particular historical and cultural phenomenon constitute a valuable research material from the point of view of literary and historical studies, source studies, and archaeography. The thematic justification of the study is based on the revealing and introduction into the scientific use of the new archival materials, and also due to the insufficient research the literary heritage of the well-known writer. The purpose and objectives of the research are focused on the scientific commentaries of the previously published and unpublished literary texts by I. D. Vinokurov (poems) preserved in the manuscript collection of the YSC SB RAS. It is about establishing the specificity and variability of the available archival material (draft and fair autographs, handwritten and typewritten texts), determining the importance and significance of the works in the history of Yakut literature, and further research of the creative heritage. Excluding detailed philological and textological analyses of the works and focusing on commenting the handwritten texts. The textological description of the material is explained with reference to the numbers of collections, aids, holding items that will considerably facilitate the future researcher's efforts of I. D. Vinokurov's creative heritage. Certain features of the creative origin of the major poetic texts are established by the research. The fact that for the first time in the history of literary studies of Yakutia scientific commentaries for I. D. Vinokurov's handwritten texts are presented is the valuable results of the scientific article. The historical and literary, system and typological, textological methods were used. The possible prospects for further elaboration of the issues were updated.

Keywords: Yakut literature, archival fund, archival sources, manuscript, autograph, typewritten text, reconstruction, textual study, commentaries, artistic legacy.

For citation: Efremova E. M. On the question of studying the archival funds of Yakut writers: problems of reconstruction and commenting (based on the archival fund of I. D. Vinokurov-Chagylgan). *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 139–147. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-139-147

Введение

Проблемы сохранения и изучения творческого наследия писателей Якутии остаются одним из актуальных и перспективных направлений современного литературоведения. Цель данной статьи сконцентрирована на рассмотрении особенностей крупных поэтических произведений И. Д. Винокурова-Чабылгана, хранящихся в Рукописном фонде архива ЯНЦ СО РАН, в аспекте научного комментирования текстов. В научный оборот вводятся новые архивные материалы: черновые и беловые автографы, рукописные, машинописные тексты из личного архивного фонда И. Д. Винокурова. Комментирование рукописных материалов дает возможность воссоздать и представить историю создания

художественных текстов, выявить специфику индивидуально-авторского стиля, особенности становления и эволюции творческой мысли известного писателя. Имеющийся архивный материал рассматривается в аспекте современных методологических проблем текстологической науки. В качестве методологической основы изучения рукописного наследия И. В. Винокурова послужили положения выдающихся отечественных текстологов прошлого века Б. В. Томашевского, С. А. Рейсера, Ю. Г. Оксмана, С. М. Бонди, Г. О. Винокура, Б. М. Эйхенбаума, труды современных филологов по изданию собраний сочинений русских классиков XIX–XX вв. (Л. Д. Громовой, А. М. Грачевой, Н. Ю. Грякаловой, Н. В. Корниенко, А. В. Лаврова, Н. А. Богомолова, Д. М. Магомедовой, М. М. Павловой, С. А. Фомичева и др.). Методологической ценностью обладают основы и инструментарии текстологического анализа художественных произведений для их интерпретации и публикации, обоснованные С. А. Рейсером [1], Б. В. Томашевским [2], методологические положения по принципам издания опубликованных и неопубликованных текстов А. Е. Кулаковского [3].

Архив И. Д. Винокурова–Чабылбана хранится в Рукописном фонде ЯНЦ СО РАН. Жанровый состав рукописей отличается разнообразием: лирические стихотворения, поэмы, сказки, рассказы, драмы в стихах, переводы произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, М. Горького, Н. Некрасова, В. Маяковского, И. Крылова, Ш. Петефи и др. [4–9]. В задачи статьи не входит полное описание архивного материала, представляется возможным исследование крупных поэтических текстов, имеющих характерную научную ценность для дальнейших исследований творческого наследия автора. Интерес исследователя представляют романтические поэмы «Ньургустай-Куо» (1935–1943), «Манчары» («Манчаары», 1940), «Акулина» («Өкүлүүн»), «Две матери» («Икки ийэ»), «Красная армия» («Кыһыл армия»), «Сон» («Түүл»), «По тропам войны» («Сэрии суолунан»), «Девичий альбом» («Кыыс альбуома»). Тексты написаны унифицированной латиницей и кириллицей, имеются рукописные и машинописные варианты. В задачи исследования не входит полное сравнительное, текстологическое описание произведений. В статье представлен и обоснован материал с разъяснением общего состояния архивных документов, специфики и особенностей автографов и копий с основными текстами (далее ОТ).

Научное комментирование рукописных текстов

Ньургустай куо (Ньургустай куо), 1935. Впервые напечатан в газете Кыым-39 (3-VI), № 129 под. назв. «Ньургустай куо»; ТА-72¹ (с. 241). Печатается отдельным изданием в НьКуо-14 (31 с.); в Чол-14 (VII), № 7 (с. 45). В АЯНЦ СО РАН в папке формата А4 хранятся несколько версий рукописи: *Вар. № 1* представляет собой подлинную (черновую) версию поэмы И. Д. Винокурова. Рукописный текст на 79 листов, написанный чернилами. В первом титульном листе наверху указано наименование «Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР», на левой стороне отмечены номера фонда, описи, дела: Ф. 4. Оп. 11. Д. 7. Посередине листа название: Винокуров И. Д.–Чабылбан «Ньургустай куо» (оригинал). Поэма. Добавлено чернилами: «черновой вариант». Зафиксирована дата: 1935–1940 гг. С левой стороны стоит прямоугольная печать «Рукописный фонд научной библиотеки Якутского филиала АН СССР». Текст оформлен чернилами, имеются авторские правки карандашом по типу перечеркивания отдельных строк и строф, замены синонимичных слов. Угасающий, состояние ветхое, формат не стандартный (тетрадь, блокнот). *Вар. № 2* – автограф, оформленный чернилами и карандашом на латинице (Ф. 4. Оп. 11. Д. 8. Л. 1). В первом титульном листе указано наименование «Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР». Посередине листа название: И. Д. Винокуров – Чабылбан (черновые варианты поэмы «Ньургустай куо» в отрывках (оригиналы). Отмечается угасание карандашного текста, состояние неудовлетворительное, ветхое. Некоторые листы оборваны по краям. Имеются авторские правки, перечеркивания, пометки на полях, рисунки, портреты неизвестных лиц в профиль и т. д. В конце каждого определенного отрывка рукописи указаны разные даты: 1 дата – 24.XI.1936 г.; 2 дата – 4.V.1937 г.; 3

¹См. Список условных сокращений

дата – 23.IX.1937 г.; 4 дата – 4.I.1938 г. *Вар. № 3* – текст на латинице машинописью (Ф. 4. Оп. 11. Д. 6. Л.2). Сделаны правки чернилами внутри машинописного текста. Под каждой страницей стоит подпись синими чернилами «М. Неустр.». Предположительно, правки в рукописи были сделаны обладателем подписи (добавление новых строк, лексические, стилистические, пунктуационные исправления и т. д.). Текст угасающий, состояние ветхое. *Вар. № 4* – автограф, оформленный чернилами (Ф. 4. Оп. 11. Д. 8. Л. 1). Всего 22 листа формата А3. Название: «Ньургустай куо» (норуот сэхэнигэр олоѳурбут романтической поэма). В начале поэмы стоит дата и место издания: «Кыым» хаһыат, бэс ыйын 8 күнэ, 1939 с. *Вар. № 6* – машинописный текст на кириллице с примечанием «Ньургустай-куо» (норуот сэхэнигэр олоѳуран суруллубут романтической поэма). Зафиксирована дата: 1935–1939 гг. Якутск–Москва (Ф. 4. Оп. 11. Д. 27а. Л. 222). *Вар. № 7* – машинописный текст на кириллице. Под произведением стоит дата: 1935–1940 гг. (Ф. 4. Оп. 11. Д. 27б. Л. 223). Также имеются копии, черновые отрывки из определенной части поэмы на латинице и кириллице. Варианты текстов не идентичны и имеют расхождения в композиционном, образном, лексическом, фонетическом, синтаксическом, ритмическом и др. уровнях.

Если не учитывать некоторые отличия в пунктуации, нумерацию частей в композиции, замену слов, уточнения окончаний, то *Вар. № 7* идентичен с изданной версией поэмы в ТА-72. Таким образом, опубликованный в ТА-72 текст поэмы «Ньургустай куо» – это один из многочисленных авторских версий. Принципиальная редакторская «переработка» материала не фиксируется. Однако наблюдаются следующие основные расхождения: 1) изданная в ТА-72 версия состоит из десяти частей и заключения ‘түмүгэ’, где ‘анабыл’ и ‘кириитэ’ входят в состав первой части поэмы; *Вар. № 7* также состоит из десяти частей и заключения ‘түмүгэ’, однако нумерация начинается с III части; 2) в изданной версии подвержен корректировке лексический, стилистический состав (‘үйэлэр быыларын үллүмүт’ / ‘үйэлэр баалларын саптыбыт’, ‘аанманнай’ / ‘маннай’, ‘айыһыт’ / ‘айанныыт’, ‘саастаахтарым’ / ‘саастаахтарга’, ‘ыччаттарым’ / ‘ыччаттарга’ и др.); 3) в изданной в ТА-72 версии отмечается частое добавление восклицательного знака и т. д.

Опубликованная в 2014 г. версия поэмы идентична с рукописью *Вар. № 1*. Изданный в НьКуо-2014 вариант текста сохраняет и учитывает все авторские правки и уточнения, имеющиеся в автографе. Полное текстологическое описание данного варианта поэмы впервые было представлено Л. М. Сабарайкиной [10]. Анализ показывает, что в архивном фонде ЯНЦ СО РАН сохранены всего шесть полноценных вариантов художественного текста. Изменения и разночтения наблюдаются в основном в композиционной структуре произведения. Проблемно-тематический, идейно-содержательный аспекты сохранены без принципиальных изменений.

Манчаары (Манчары), 1940. Впервые напечатан в СД-44 (с. 48) под названием «Манчаары»; ТА-72 (с. 274). В АЯНЦ СО РАН в папке формата А4 хранятся несколько версий рукописи. *Вар. I* представляет собой подлинный (черновой) текст, написанный чернилами (Ф. 4. Оп. 11. Д. 17. Л. 89). Состояние ветхое, угасающее. Под произведением стоит дата: 1940 г. Отмечаются авторские пометки и правки по типу зачеркивания, замены отдельных слов, перечеркнутой (удаленной) строфы. Также хранятся три экземпляра белой записи в машинописи (Ф. 4. Оп. 11. Д. 22 (Л. 62); 27а. (Л. 143); 27б. (Л. 430)). Беловые записи идентичны изданным вариантам поэмы в СД-44 и ТА-72. Отмечаются следующие расхождения подлинной (черновой) версии поэмы с беловиком: 1) замещение ряда отдельных глаголов (‘тутуһар’ / ‘булсуһар’), существительных (‘батталга’ / ‘баайдарга’, ‘мэниэтин’ / ‘ымыытын’, ‘угулаат’ / ‘укулаат’, ‘ыарыы’ / ‘эрэй’, ‘халлаанныын’ / ‘халлаанын’); 2) изменение синтаксических конструкций (‘кыскыйар сүүрүктээх’ / ‘кыскыйа сүүрбүттээх’, ‘кэриэс буоллун диэн этээр...’, ‘кэриэс – иннэ диэн этээр!..’); 3) уточнение орфографии, коррекции фонетических особенностей, при которых значение слова остается неизменным (‘лаастабыанньа’ / ‘лаастабанньа’, ‘төрүүбүт’ / ‘төрөөбүт’,

‘*таттаран*’ / ‘*тартаран*’, ‘*оттотугар*’ / ‘*ортотугар*’). Пунктуация без особых изменений, фиксируются правки в расстановке знаков препинания (прямая речь персонажей, добавление запятых, вопросительных знаков, замещение двоеточия и т. д.). Вышеотмеченные беловые варианты текстов изданы без изменений.

В АЯНЦ СО РАН в папке формата А4 хранятся еще две рукописи: *Вар. № 1* – автограф под названием «Манчаары очуоһа» (Навроцкайы үтүктүү) («Утес Манчары» (по Навроцкому) (Ф. 4. Оп. 11. Д. 21. Л. 23). Под произведением стоит дата: 1939 г. Впервые напечатано в ББ-40 – 4-IX, 1 № 41 («Манчаары очуоһа» («Утес Манчары»)). Текст оформлен чернилами, состояние ветхое. *Вар. № 2* – машинописная версия под названием «Манчаары очуоһа» (Навроцкайы үтүктүү) («Утес Манчары» (по Навроцкому) (Ф. 4. Оп. 11. Д. 17. Л. 151). Под произведением стоит дата: 1939 г. *Вар. № 1* длиннее на четыре строки, чем *Вар. № 2* – добавлено одно четверостишие (32 строки / 28 строк). Сюжетная основа, мотивно-образный и др. уровни доказывают идентичность вышеотмеченных версий со второй частью поэмы «Манчаары» («Манчары») под названием «Очуос» («Утес»), изданный в СД-44 и ТА-72. Название «Манчаары очуоһа» («Утес Манчары») было переименовано в «Очуос» («Утес») и введено в структуру поэмы «Манчаары» («Манчары») в качестве его отдельной части.

Вар. II – подлинная (черновая) версия, написанная чернилами (Ф. 4. Оп. 11. Д. 24. Л. 77). Название «Манчаары» (биэс хоһоон) («Манчаары» (пять стихотворений). Текст угасающий, состояние ветхое. Если композиция *Вар. I* делится на три части: «Лаастабанһа» (1), «Очуос» (2), «Эдэр саас эрчимэ» (3), то данная версия состоит из пяти частей: «Сүрэхтэнии» (1), «Ый ыһыаҕа» (2), «Санаа түмүллүүтэ» (3), «Очуос» (4), «Эдэр саас эрчимэ» (5). Расхождения наблюдаются в композиции, сюжете, образной структуре, ритмическом, лексическом, стилистическом составах и т. д. Отмечаются перечеркивания, замена и добавление слов, словосочетаний, уточнение в пунктуации. Правки сделаны чернилами внутри текста. Имеются примечания на строках, в конце текста: «лучший стих», «плохо», «буоллун» (условно: «подойдет»). Предположительно, правки были сделаны неизвестным третьим лицом.

Түүл (Сон), 1935. Впервые напечатан в ХБ-37 (с. 113) под названием «Түүл» («Хайалар мөккүөрдэр»). В АЯНЦ СО РАН в папке формата А4 хранятся несколько версий рукописи: *Вариант № 1* представляет собой подлинную (черновую) версию поэмы на латинице (Ф. 4. Оп. 11. Д. 13. Л. 81). Состояние рукописи неудовлетворительное, ветхое. Написано чернилами и простым карандашом. Отмечается угасание карандашного текста. Имеются авторские правки чернилами, перечеркивания, удаление строф и т. д. *Вар. № 2* – машинописный автограф на латинице (Ф. 4. Оп. 11. Д. 12. Л. 124). Состояние ветхое, текст угасающий. Отмечены авторские правки карандашом, чернилами. Под произведением указаны дата и место: 1935 г. Февраль–июнь. г. Якутск. *Вар. № 2* длиннее (314 строк), чем ОТ (279 строк). *Вар. № 3* – беловая запись на латинице (машинопись) (Ф. 4. Оп. 11. Д. 19. Л. 107). Под произведением указаны дата и место: 1935 г. Февраль–июнь. Санаторий г. Якутска. Фиксируются правки чернилами (уточнение пунктуационных, лексических особенностей).

Кыыс альбуома (Девичий альбом), 1936. Впервые напечатан в ХБ-37 (с. 123) под назв. «Кыыс альбуома». Под произведением стоит дата: 1935–1936 гг. Подписано: ‘ЧабылҔан’. В АЯНЦ СО РАН в папке формата А4 хранится отрывок (6 листов формата А4) из подлинного (чернового) варианта поэмы на латинице (Ф. 4. Оп. 11. Д. 13. Л. 140). Название «Кыыс альбуома». Оформлен чернилами, плохо читабельный, букв практически не видно. Текст угасающий, состояние неудовлетворительное, ветхое.

Икки ийэ (Две матери), 1940. Впервые напечатан в ХС-40, № 5–6 (с. 58–70) под названием «Икки ийэ»; БИА-48 (с. 38); ТА-54 (с. 65); ТА-72 (с. 281). В АЯНЦ СО РАН в папке формата А4 хранятся несколько версий рукописи: *Вар. № 1* – автограф, написанный чернилами (Ф. 4. Оп. 11. Д. 3. Л. 1). Под произведением указаны дата и

место: 1940 г. Май–Август. Москва–Якутск. Наблюдаются авторские примечания, замена четверостиший, перечеркивание слов, словосочетаний, добавление новых строф. Состояние неудовлетворительное, ветхое, текст угасающий. *Var. № 2* – машинописный текст (Ф. 4. Оп. 11. Д. 27а. Л. 105). Зафиксирована дата: 1940 г. *Var. № 3* – машинописный текст (Ф. 4. Оп. 11. Д. 27б. Л. 196). Под произведением также стоит дата: 1940 г. Отмеченные три варианта текста не идентичны и имеют расхождения по разным уровням (композиционный, лексический, ритмический и т. д.). Изданные в ТА-54 и ТА-72 тексты идентичны с *Var. № 3*. При этом отмечаются расхождения между произведением, изданным в прижизненном сборнике БИА-48, и версиями ТА-54 и ТА-72 (пунктуация, лексический состав, стилистический уровень и т. д.).

Өкүлүүнэ (Акулина), 1939. Впервые напечатан в ЭБ-39 (25-ХІІ), № 171 под наз. «Акулина»; ХС-40, № 2 (с. 87–98); ТА-72 (с. 266). В АЯНЦ СО РАН в папке формата А4 хранятся две версии рукописи: *Var. № 1* представляет собой подлинную (черновую) версию, написанную чернилами (Ф. 4. Оп. 11. Д. 16. Л. 115) и *Var. № 2* – беловая машинописная версия текста (Ф. 4. Оп. 11. Д. 17. Л. 165). В двух вариантах название — «Өкүлүүнэ». Под произведениями стоит дата: 1939 г. Тексты идентичные. Однако в *Var. № 2* наблюдаются правки чернилами внутри машинописного текста: перечеркнутые и удаленные строфы, добавление новых строф и т. д. Произведение находится в процессе «переработки». При этом изданный вариант поэмы в ТА-72 идентичен не «переработанному» варианту, т. е. авторские правки чернилами, сделанные в машинописной версии, не были учтены при издании поэмы в 1972 г. В изданной версии наблюдаются редакторские правки следующего типа: 1) уточнения в пунктуации; 2) замена отдельных слов, строк при которой не изменяется сюжетная основа ('үнкүүлээн тэбэрин' / 'үнкүүлүүрүн', 'үөрүү көтүү өнгөйбөтөх' / 'үөрүү өнгөйөн көрбөтөх', 'кини ыллыыр буолара' / 'кини этээхтиирэ' и т. д.); 3) переоформление адаптированной лексики на русский язык ('Өкүлүүнэ' / 'Акулина', 'Кириисэ' / 'Гриша', 'Киргизэлэй' / 'Григорий', 'Охуоскай' / 'Охотская', 'бассабыыгы' / 'большевики', 'холкуоһа' / 'колхоһа', 'быыстапкатын' / 'выставкатын' и др.); 4) удаление отдельных четверостиший. В Ф. 4. Оп. 11, Д. 15. Л. 33 на отдельном листе сохранено первое четверостишие поэмы «Өкүлүүнэ» с примечанием 'Өкүлүүн – молодая красивая якутка'. Имеется авторский рисунок черными чернилами – портрет молодой девушки в профиль.

Сэрии суолунан (По тропам войны), 1946. Впервые напечатан в БИА-48 (с. 54) под названием «Сэрии суолунан». Под произведением указаны дата и место: 1945–1946 гг. Москва–Якутск; ТА-72 (с. 292). В АЯНЦ СО РАН в папке формата А4 хранятся несколько версий: *Var. № 1* – подлинный (черновой) (Ф. 4. Оп. 11. Д. 10. Л. 2). Выполнено чернилами, имеются авторские пометки, уточнения. Под произведением указаны дата и место: 1944 г. Якутск–Москва. Текст без названия, угасающий, состояние ветхое. *Var. № 2* машинный с авторскими правками чернилами и карандашом (Ф. 4. Оп. 11. Д. 17. Л. 134). Название – «Сэрии суолунан». В конце подпись писателя – И.Д. Винокуров. *Var. № 3* – машинопись (Ф. 4. Оп. 11. Д. 22. Л. 13). Название – «Сэрии суолунан». Под произведением указаны дата и место: 1945–1946 гг. Москва–Якутск. Все варианты не идентичны, имеют расхождения на разных уровнях.

Изданная в БИА-48 и ТА-72 версия поэмы идентична с *Var. № 3*. А *Var. № 2* и *Var. № 3* имеют следующие основные отличия: 1) в тексте (Д.17) название «Туймаада уола» перечеркнуто карандашом и переименовано на «Сэрии суолунан»; 2) перечеркнута исходная жанровая форма 'поэма'; 3) имя адресата посвящения переоформлено с 'Ф. Попов' на 'Сүөдэр Попов', где перечеркнуто определение 'сырдык' ('Советской Союз Героя Ф. Попов сырдыккэриэһигэр' – 'Советской Союз Героя Сүөдэр Попов кэриэһигэр') (изданный вар. в БИА-48 и ТА-72: 'Советской Союз Героя Ф. Попов кэриэһигэр'); 4) перечеркнуты и заменены отдельные слова ('хаас хомунун' / 'кус хойуутун', 'булумньун' / 'мэнгэстэн' и др.). Тексты, изданные в БИА-48 и ТА-72, намного короче (312 строк), чем *Var. № 2* (496 строк). Изменены порядок и расстановка частей в структуре, последователь-

ность повествования, ход художественных мыслей, метрика и т. д. Отмечается полная замена синтаксических конструкций, лексического, звукового состава, фонетических особенностей и т. д. При этом сохранена основная идейная, сюжетная основа произв.

Кыһыл аармыйа (Красная армия), 1932. Впервые напечатан в ХБ-37 (с. 92) под названием «Кыһыл аармыйа». Под произведением указаны дата и место: 1931–32 гг. Намцы–г. Якутск. Отрывок из поэмы «Кыһыл аармыйа» напечатан в газ. Кыым-33, 23-II, № 45 под назв. «Хоруу биэри» («Отповедь»). В АЯНЦ СО РАН хранятся несколько версий рукописи: *Вар. № 1* подлинный текст на латинице (Ф. 4. Оп. 11. Д. 11. Л. 62). Выполнен чернилами. Угасающий текст, состояние ветхое. Под произведением указаны дата и место: 1932 г. Якутск. *Вар. № 2* – черновая версия текста на латинице (Ф. 4. Оп. 11. Д. 14. Л. 101). Выполнен черными и синими чернилами. Наблюдаются авторские правки в виде перечеркивания, замены слов, на полях имеется авторский рисунок (изображение открытой книги с буквой 'Б'). Отмеченный вариант длиннее (примерно 315 строк), чем ОТ (288 строк). Также фиксируются расхождения между *Вар. № 2* и ОТ (сюжетно-повествовательная, образная структура, ритмический состав и т.д.). *Вар. № 3* – машинописный текст на латинице (Ф. 4. Оп. 11. Д. 12).

Заключение

Важно подчеркнуть, что в статье исключаются подробный филологический и текстологический анализ, внимание уделено научному комментированию рукописных текстов. Комментирование рукописных текстов дает возможность установить некоторые аспекты истории создания крупных, значимых поэтических произведений И. Д. Винокурова-Чаҕылҕана. В результате систематизации и компоновки архивного материала приходим к выводу, что автор тщательно перерабатывал материал и работал над оттачиванием творческого мастерства – рукописи отличаются вариативностью (каждое произведение отличается многочисленными вариациями автографов), цикличностью компоновки текстового материала. Накопленный опыт по выработке приемов и методов писательского мастерства определяет высокий поэтический уровень произведений с точки зрения жанровой, сюжетно-повествовательной, языковой, стиховой специфики. Безусловную научную ценность представляет комментирование рукописей романтической поэмы «Ньургустай-Куо» и «Манчары». В результате анализа обосновано, что вариативность, цикличность являются одним из основных особенностей индивидуально авторского стиля И. Д. Винокурова. Движение от малой жанровой формы к наиболее крупным произведениям, к более сложному жанровому образованию свидетельствует о том, что в авторском сознании системно аргументируется наличие важнейших принципов циклообразования. Восстановлены творческая история создания значимых поэтических текстов И. Д. Винокурова. В целом работа в архивах составляет важную часть любого исследования, проблемы реконструкции рукописного наследия известных писателей Якутии остаются до сих пор одним из актуальных проблем современного литературоведения, источниковедения, архивного дела.

Список условных сокращений

ББ – Бэлэм буол / Будь готов: [сахалы тылыннан оҕолорго аналлаах хаһыат / газета для детей на якутском языке]. Дьокуускай, 1936–2024.

БКЫ-52 – Биһиги күннэрибит ырыалара / Песни наших дней. Дьокуускай: САССР госиздата, 1952.

Д-35 – Чаҕылҕан. Дабаан: Хоһооннор, ырыалар / Подъем. Дьокуускай: Якутгосиздат, 1935.

Кыым – Кыым/Искра: [сахалы тыллаах хаһыат / газета на якутском языке]. Дьокуускай, 1921–2024.

КЫ – Кыһыл ыллык / Красная тропа: [сахалы тыллаах уус-уран литература уонна искууство уонна критика сурунаала / журнал художественной литературы, искусства и критики / Орган правления Союза сов. писателей ЯАССР]. Якутскай, 1930–1937.

Нь-38 – Чабылбан. Ньургунун. Кыра уонна орто саастаах оҕолорго хоһооннор / Подснежник. Дьокуускай: Якутгосиздат, 1938.

НьКуо-14 – Чабылбан. Ньургустай Куо: [романтической поэма]. Нам: Центральная улусная библиотека им. Н. М. Рыкунова, 2014.

СД-44 – Чабылбан. Саргылаах дойдуга / Счастливая страна. Дьокуускай: Якутгосиздат, 1944.

ТА-54 – Чабылбан И. Талыллыбыт айымньылар / Избранные произведения. Дьокуускай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-ва, 1954.

ТА-72 – Чабылбан И. Талыллыбыт айымньылар / Избранные произведения. Дьокуускай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-ва, 1972.

ХБ-37 – Чабылбан. Хоһооннор, бэйимэлэр / Стихи, поэмы. Дьокуускай: Якутгосиздат, 1937.

ХС – Хотугу сулус / Полярная звезда: [сахалыы тылынан уус-уран литературнай уонна общественно-политической сурунаал / литературный и общественно-политический журнал на якутском языке]. Якутский: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1940–1989.

Чаб-40 – Чабылбан. Хоһооннор. Дьокуускай: САСР госиздата, 1940.

Чаб-04 – Чабылбан. Хоһооннор, остуоруйалар, кэпсээн, тылбаас: Орто саастаах оскуола оҕолоругар. Дьокуускай: Бичик, 2004.

Чол – Чолбон [сахалыы тылынан уус-уран литературнай уонна общественно-политической сурунаал / литературный и общественно-политический журнал на якутском языке]. Якутский: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1926–1929.

ЧУо-33 – Чабылбан. Чабылбан уоттара / Огни молнии. Дьокуускай: Якутгосиздат, 1933.

ЫА-48 – Чабылбан. Ыраах айан / Дальний путь. Дьокуускай: Якутгосиздат, 1948.

ЭБ – Эдэр бассабыык / Молодой большевик: комсомол Дьокуускай уобаластааҕы кэмитиэтин хаһыата / [газета Якутского областного комитета комсомола]. Дьокуускай, 1929–1940.

Ыр-47 – Ырыанньык / Песенник. Дьокуускай САСР госиздата, 1947.

Ыр-53 – Ырыанньык / Песенник. Дьокуускай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-ва, 1953.

Ыр-55 – Ырыанньык / Песенник. Дьокуускай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-ва, 1955.

ОТ – основной текст.

Л и т е р а т у р а

1. Рейсер, С. А. Основы текстологии : Учебное пособие для студентов педагогических институтов / С. А. Рейсер. – [Изд. 2-е]. – Ленинград : Просвещение, 1978. – 176 с.

2. Томашевский, Б.В. Писатель и книга : Очерк текстологии. – [2-е изд.] / Б. В. Томашевский; вступ. Ст. Б. М. Эйхенбаума, подготовка изд. и прим. И. Н. Медведевой. – Москва : Искусство, 1959. – 277 с.

3. Кулаковский, А. Е. Полное собрание сочинений: в 9 т. / А. Е. Кулаковский ; сост. Л. Р. Кулаковская. – Новосибирск : Наука, 2018. – 760 с. (Т. 2: Рукописные варианты основных текстов, списки, неопубликованные произведения и dubia).

4. Винокуров, И. Д. «Икки ийэ» / И. Д. Винокуров // Две матери. Поэма. Автограф. 1940 // Ф. 4. Оп. 11. Д. 3. 13 л.

5. Винокуров, И. Д. Ньургустай-Куо : Поэма / И. Д. Винокуров. Маш. Б/д // Ф. 4. Оп. 11. Д. 6. 30 л.

6. Винокуров, И. Д. Ньургустай-Куо : Поэма / И. Д. Винокуров. Черновой автограф. 1935-1940 // 79 л.

7. Винокуров, И. Д. Ньургустай-Куо : Поэма / И. Д. Винокуров. Предисловие. Маш. 1925-1938 // Ф. 4 Оп. 11. Д. 8. 3 л.

8. Винокуров, И. Д. Черновики (смесь). Рукоп. Б/д // Ф. 4. Оп. 11. Д. 8а. 140 л.

9. Винокуров, И. Д. Сэри суолунан : Поэма о Ф. Попове. Автограф. 1944-1946 // Ф. 4. Оп. 11. Д. 10. 22 л.

10. Сабарайкина, Л. М. Илья Чабылбан «Ньургустай Куо» поэмата. Автор оригиналын уонна 1972 сыллаахха редакцияланан тахсыбыт тексты тэҥнээн көрүү / Л. М. Сабарайкина // Чабылхай поэт Чабылбан : И.Д. Винокуров – Чабылбан айар үлэтин уратыллара. – Нам, 2017. – 92 с.

References

1. Reiser SA. Basic textology: a textbook for students of pedagogical institutes. [2nd edition]. Leningrad: Prosveshchenie, 1978:176 (in Russian).
2. Tomashevskiy BV. The Writer and the Book: An Essay in Textual Studies. Moscow: Art, 1959:277 (in Russian).
3. Kulakovskiy AE. Complete works: in 9 volumes. In: Kulakovskaya LR (ed). Manuscript versions of the main texts, lists, unpublished works and dubia. Novosibirsk: Nauka, 2018;2:760 (in Yakut and Russian).
4. Vinokurov ID. "Ikki iye" = Two mothers: poem. Autographed. 1940. Coll. 4. Aids 11. Fol. 3. 13 p (in Yakut).
5. Vinokurov ID. Poem "Nurgustay Kuo". Typewritten. Undated. Coll. 4. Aids 11. Fol. 6. 30 p (in Yakut).
6. Vinokurov ID. Poem "Nurgustay Kuo". The draft autograph. 1935-1940:79 (in Yakut).
7. Vinokurov ID. Poem "Nurgustay Kuo". Preface. Typewritten. 1925-1938. Coll. 4 Aids 11. Fol. 8. 3 p (in Yakut).
8. Vinokurov ID. Drafts. Handwritten. Undated. Coll. 4 Aids 11. Fol. 8a. 140 p (in Yakut).
9. Vinokurov ID. Poem "Serii suolunan: about F. Popov" = On the warpath: about F. Popov. Autographed. 1944-1946. Coll. 4. Aids 11. Fol. 10. 22 p (in Yakut).
10. Sabaraikina LM. Ilya Chagylgan "Nurgustay Kuo": poem. A comparison with the original text and the 1972 edition. Prominent poet Chagylgan: Features of Chagylgan's works. Namtsy, 2017:92 (in Yakut).

ЕФРЕМОВА Екатерина Михайловна – к. филол. н., с. н. с. отдела фольклористики и литературоведения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ФГБУН ФИЦ «ЯНИЦ СО РАН».

E-mail: Kachkom84@mail.ru

Ekaterina M. EFREMOVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Folklore and Literature Studies, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems SB RAS, Federal Research Center of the YSC SB RAS.

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-148-158

Оборона Севастополя в художественном осмыслении Л. Н. Толстого и его современников

Е. Е. Машкова¹✉, Э. С. Меджитова²

¹Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

²Школа № 9 им. Н. В. Старшинова, г. Феодосия, Республика Крым, Россия

✉ lebed_ekaterina@bk.ru

Аннотация. Концептообразующим тезисом в предлагаемой статье выступает утверждение, бытующее на уровне аксиомы в исследованиях «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого с момента их написания по настоящее время, об отличающем цикл специфически толстовском видении происходящего на фронтах Крымской войны. Преследуя цель уточнить позицию писателя, конкретизировать ее, автор статьи сопоставляет «Севастопольские рассказы» с официальной военной хроникой, печатавшейся в рубрике «Военный листок» на страницах газеты «Русский инвалид», публицистическими и художественными произведениями об обороне Севастополя современников Л. Н. Толстого: очерками В. А. Кокорева «Путь севастопольцев» (1858) и А. Н. Супонева «Рассказы о севастопольцах» (1904), повестью И. И. Митропольского «Синопский юнга» (1917). Отмечается, что мажорно-торжественной тональности публикаций «Русского инвалида», подчеркивающих народный характер войны, Л. Н. Толстой противопоставляет фотографический натурализм будней осажденного города, парадному блеску военных маршей – страдания человеческой плоти, романтизированной героике – естественное для человека чувство самосохранения и страха, не исключающее, однако, способность умереть за Отечество. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволил выделить концептуальные расхождения в изображении Крымской войны, обороны Севастополя в произведениях Л. Н. Толстого и его современников. В заметках В. А. Кокорева, «Рассказах о севастопольцах» А. Н. Супонева Крымская война – это война вероисповедная, подвиг защитников Севастополя – духоподъемный пример для народа России. В «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого война бессмысленна, противна человеческой сущности. Этот лейтмотив цикла задает тональность последующим произведениям об обороне города («Синопский юнга» И. И. Митропольского). Включение «Севастопольских рассказов» в историко-культурный контекст второй половины XIX века обнаруживает, однако, не только отличия, но и сущностное сходство концепции войны Л. Н. Толстого и его современников. Л. Н. Толстой, как и В. А. Кокорев, залог духовного возрождения человека видит в отречении от эгоистичных тщеславных устремлений, в общем соборном чувстве сопричастности великой истории.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, И. И. Митропольский, «Севастопольские рассказы», газета «Русский инвалид», концепция войны Л. Н. Толстого, литературная традиция, историко-культурный контекст, героическое в литературе, оборона Севастополя 1854–1855 годов, Крымская война.

Для цитирования: Машкова Е. Е., Меджитова Э. С. Оборона Севастополя в художественном осмыслении Л. Н. Толстого и его современников. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 148–158. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-148-158

Defense of Sevastopol in the literary interpretation of L. N. Tolstoy and his contemporaries

E. E. Mashkova¹✉, E. S. Medzhitova²

¹Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia

²School No. 9 named after N. V. Starshinov, Feodosia, Republic of Crimea, Russia

✉ lebed_ekaterina@bk.ru

Abstract. In the given article the statement about the special author's vision of the events of the Crimean War presented in "The Sevastopol Sketches" by L.N. Tolstoy is concept-forming. This thesis exists as the axiom in studies of L. N. Tolstoy's "The Sevastopol Sketches" from the moment of their writing to the present day. In order to clarify the writer's position, to concretize its differences with the generally accepted point of view, "The Sevastopol Sketches" are compared with the official military chronicle, published in the section "Military Sheet" on the pages of the newspaper "Russky Invalid", journalistic and literary works about the defense of Sevastopol by L.N. Tolstoy's contemporaries: essays by V. A. Kokorev "The Way of Sevastopol defenders" (1858) and A. N. Suponev "Stories about the Sevastopol people" (1904), the story by I. I. Mitropolsky "Sinop cabin boy" (1917). It is noted that cycle by L. N. Tolstoy, with its photographic naturalism of the everyday life of the besieged city, contrasts with the major and solemn tone of the publications of "Russky Invalid", emphasized the folk nature of the war; the sufferings of human bodies – with the ceremonial splendor of military marches; the natural human sense of self-preservation and fear, does not exclude, however, the ability to die for the Fatherland, – with romanticized heroism of "Russky Invalid". Conceptual differences in the depiction of the Crimean War, the defense of Sevastopol in the works of L. N. Tolstoy and his contemporaries is considered. In the notes by V. A. Kokorev, "Stories about the Sevastopol people" by A. N. Suponev, the Crimean War has a religious character; Sevastopol defenders' deed is moral pattern and spiritual ancestor for Russian people. In "The Sevastopol Stories" by L.N. Tolstoy, war is senseless and contrary to human nature. This leitmotif of the cycle sets the tone for following works about the defense of the city ("Sinop cabin boy" by I. I. Mitropolsky). The inclusion of "The Sevastopol Sketches" in the historical and cultural context of 19th century reveals, however, not only differences, but also essential similarities in the concept of war of L. N. Tolstoy and his contemporaries. L.N. Tolstoy, like V.A. Kokorev, sees the guarantee of a person's spiritual rebirth in the renunciation of selfish, vain aspirations, in a general, communal sense of participation in great history.

Keywords: L. N. Tolstoy, I. I. Mitropolsky, "The Sevastopol Sketches", newspaper "Russky Invalid", L. N. Tolstoy's concept of war, literary tradition, historical and cultural context, heroic in literature, defense of Sevastopol in 1854–1855, Crimean War.

For citation: Mashkova E. E., Medzhitova E. S. Defense of Sevastopol in the literary interpretation of L. N. Tolstoy and his contemporaries. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 148–158. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-148-158

Введение

Особость, уникальность «Севастопольских рассказов» в творческом наследии Л. Н. Толстого сложно переоценить. Это первая литературная работа, опубликованная классиком с указанием авторства (литературный дебют – повесть «Детство» («История моего детства»)) – печаталась с инициалами «Л. Н.». Севастополь стал местом, где Л. Н. Толстой облек в слово идею, ставшую затем ключевой в толстовстве: новая религия, «религия практическая», должна быть очищена «от веры и таинственности», не обещать «будущего блаженства», но гарантировать «блаженство на земле» [1, с. 37].

В севастопольском цикле Л. Н. Толстым намечены подходы к военной и исторической темам, которые полновесно зазвучат в романе-эпопее «Война и мир».

До приезда в Севастополь Л. Н. Толстой и офицерство штаба Южной армии планировали издавать «Военный листок», в котором, согласно их замыслу, в отличие от аналогичной рубрики журнала «Русский инвалид», публиковались бы «описания сражений, *не... сухие и лживые*» (Здесь и далее курсив наш. – Е. М.) [2, с. 63]. «Герой же моей повести... – правда», – скажет автор во втором очерке цикла [3, с. 59]. Столь явная его неподцензурность не могла не обратить на себя внимание блюстителей печати.

Опасаясь цензурных нападков, И. И. Панаев, готовя номер «Современника» к изданию, сделал в очерке купюры, но даже в усеченном виде цензурного вмешательства избежать не удалось [4].

В середине 1850-х гг. в газетно-журнальной периодике активно обсуждались вести с фронтов Крымской войны. Панорама театра военных действий, представленная Толстым, кардинально разнилась с тем, что писал «Русский инвалид» – официальная правительственная военно-политическая газета, не единожды иронично упомянутая в «Севастопольских рассказах».

Исследователи крымского цикла Л. Н. Толстого традиционно указывают на существование подобных расхождений. Эта мысль транслировалась в исследованиях советского времени. «...Толстой в севастопольских рассказах, – читаем в критико-биографических очерках, вышедших без малого к столетию изображенных писателем событий, – *первый* в мировой литературе *правдиво* показал войну...» [5, с. 584]. «Позиция молодого писателя *резко отличалась от взглядов большинства его современников...*» – констатируют современные исследователи [6, с. 249].

Вместе с тем представляется важным конкретизировать расхождения, существовавшие между толстовской и иными трактовками событий 1854–1855 гг. Подступы к этой теме намечены Казанским федеральным университетом [7, 8]. Л. А. Орехова [9], В. В. Курьянова [10], К. В. Ратников [11] обозначают проблему, не исчерпывая, однако, научного интереса к ней.

Цель предлагаемого исследования – выявить идейно-художественное своеобразие трактовки Л. Н. Толстым военных действий 1854–1855 гг. в соотношении с современным писателю литературно-публицистическим контекстом.

Заявленной целью обусловлены следующие задачи исследования: 1) определить сущностные различия в изображении событий в осажденном Севастополе Л. Н. Толстым и современными ему писателями и публицистами; 2) выявить традицию Л. Н. Толстого в творчестве писателей, обращавшихся к теме Крымской войны во второй половине XIX – начале XX века.

«Герой же моей повести... – правда»

«Герой же моей повести, которого я... старался воспроизвести во всей красоте его... – правда», – без этой концептообразующей цитаты классика едва ли обходятся исследователи, обращаясь к «Севастопольским рассказам» Л. Н. Толстого [3, с. 59]. Примечательно, что писатель сам поясняет, что под *правдивым* понимает изображение войны «не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами», а «в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти...» [3, с. 9].

Исследователи цикла не единожды апеллировали к этой мысли писателя. «Предельно правдиво, оголенно звучит в “Севастопольских рассказах” тема войны и мира, жизни и смерти. Война предстает “в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти”», – констатирует И. Ф. Салманова [12, с. 185]. К схожему заключению приходит Е. Д. Зорина: «В “Севастопольских рассказах” Лев Толстой создал объемный и пронзительный образ войны. Для писателя, участника событий 1854–55 гг., война – не бой барабанов, не марш парадным строем, не развевающиеся флаги, но прежде всего грязь, кровь, ужас и смерть» [13, с. 2023].

«Большинство из нас, – замечает Д. В. Волчек, – знает и представляет эти события так, как описал их Толстой...» [6, с. 249]. Между тем со страниц «Русского инвалида» Крымская война представлялась иной. В январе 1854 г. в постоянной газетной рубрике «Военный листок» продвижение русской армии по Придунайскому княжеству описывалось жизнеутверждающе-мажорно (здесь и далее цитаты приводятся согласно нормам современной орфографии. – Е. М.): «*Стройное и быстрое движение наших войск от Прута к Дунаю было совершено в примерном порядке. Бодро и весело шли полки к турецкой границе*» [14, с. 1].

Повесть «Синопский юнга» (1917) Ивана Ивановича Митропольского (1872–1917), широкому читателю писателя малоизвестного, вместе с тем навсегда вошедшего в историю русской литературы благодаря авторству первой граммофонной записи голоса Л. Н. Толстого, демонстрирует ту же мажорность описаний: имея военное прошлое, писатель, очевидно, таким образом отдавал дань традиции. Обстановка в войсках перед Альминским сражением, оказавшимся для русской армии трагически кровопролитным, И. Митропольским описана с торжественной парадностью, проникнута особого рода эстетикой, соразмерностью, порядком: «*Ярко вычищенные медные пушки горели на солнце, сосредоточенная и торжественная прислуга мерно отбивала возле них ногами такт, пылила по дороге кавалерия и бесконечно черной лентой, сверкая отточенными штыками, тянулась пехота. / В воздухе уже “пахло” сражением; грозное событие висело над головами этих тысяч людей и ожидание их делало сосредоточенными и торжественными. / Музыка какого-то полка грянула марш, – и шедшая не в ногу, колыхавшаяся, как море, толпа на секунду остановилась и пошла, мерно колыхаясь и сверкая своими штыками*» [15, с. 23–24].

Играющие бликами орудия, парадно-торжественный марш войск, соразмерность шага колонны – зачастую именно так современники Л. Н. Толстого представляли войну. В цикле «Севастопольские рассказы» нередко упоминается о том, что вдали от Севастополя – в Петербурге, в Москве, в тихих провинциальных городках – война романтизировалась, представлялась завидным шансом заявить о себе, проявив отчаянную храбрость, крепость духа, – и всенепременно *отличиться*. Неслучайно во втором очерке цикла жена полкового товарища штабс-капитана Михайлова, с *жаром* читая в номере «Русского инвалида» новости с фронтов, восклицает: «Вот Михайлов! ...сражается на бастионах и непременно получит Георгиевский крест и про него в газетах напишут» [3, с. 20].

По Л. Н. Толстому, даже на полях сражений, за шаг до смерти светскому человеку непросто отказаться, сбросить наносные стереотипы. Бравировать бесстрашием, кичиться бахвальством, играть на публику – типичные черты офицерства у Л. Н. Толстого. Если шел разговор о сражении, главным «было не самое дело, а то участие... и храбрость, которую выказал рассказывающий» [3, с. 53]. Примерить на себя *лихую казацкую посадку, совершенным молодцом* проехаться перед солдатами, сдвинуть фуражку *лихо набок* (удалой малый!), перед боем пройти *громкими твердыми шагами* (с заявкой на бесстрашие и твердость духа) – повсеместно входу бравада, мальчишеское тщеславие, показная храбрость.

Лейтмотивом в «Севастопольских рассказах» проходит мысль о том, насколько разнятся ожидания приезжающих в Севастополь военных и реальное положение дел, оставляя порой у героев послевкусие разочарования. Семнадцатилетнего Володю Козельцова желание записаться в действующую армию захватило именно после прочтения «в газетах и частных письмах о делах севаستопольских героев»: он «вдруг возгорелся честолюбием и еще более патриотизмом» [3, с. 69]. Но все, с чем столкнулся Козельцов в действительности: и длительная, почти в три месяца дорога, и разговоры офицеров о бесчисленных потерях – все это «было так мало сообразно с его прошедшими недавними впечатлениями: паркетная светлая большая зала экзамена... новый мундир, любимый царь...» [3, с. 80]. Тотальное, экзистенциальное чувство одиночества и растерянности, ужас

перед смертельной опасностью – «вместо исполненной энергии и сочувствия героической жизни, о которой он мечтал так славно» [Там же, с. 85].

Подобная романтизированная героика, идеалистические сентенции чужды толстовским описаниям севастопольской страды. Писателю удаются фотографически точные зарисовки военного быта. Шокирующе натуралистичны сцены в военном лазарете. Агония раненого, рвущегося в беспамятстве в бой; последние минуты умирающего солдата; матрос, которому оторвало ногу; ампутации наживо, когда «острый кривой нож входит в белое здоровое тело», а из анестетиков только – стакан водки да палка в зубы («с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство», «фельдшер бросит в угол отрезанную руку»); «тяжелый запах мертвого тела», «лужи крови, горячее дыхание нескольких сотен человек и испарения» [Там же, с. 37–38] – все это диссонирует с высоким стилем заметок «Русского инвалида». В конце декабря 1854 г. в газете был опубликован обзор полковника Лебедева пятой книги «Военного журнала» – «истинно полезного и... добросовестного издания», включавшего раздел «Смеси. Извлечение из писем старших медицинских чинов Действующей Армии к Директору Медицинского Департамента Военного Министерства» [16, с. 1]. «Здесь из откровенных писем, часто с поля сражения, – констатировал автор обзора, – каждый может видеть, на какой степени совершенства находится у нас часть медицинская – одна из самых важнейших отраслей благоустроенной армии» [Там же]. В подтверждение сказанному полковник Лебедев приводил выдержки из письма главного доктора Дунайской Армии С. С. Чернобаева о сражении при Четати: «Из числа раненых около 1000 ранены легко. При перевязке обращали на себя внимание *бодрость и геройский дух солдат...*» [Там же, с. 1–2]. В корреспонденциях С. С. Чернобаева всячески подчеркивается благоустроенность военных полевых госпиталей: «При человеколюбивом содействии военного начальства не было упущено ничего для успокоения и подаяния пособия раненым»; они «были разложены с большей или меньшей удобностью»; для перевязок «самых трудных раненых, особенно офицеров, доставлена была самая мягкая корпия...» [Там же]. На страницах «Русского инвалида» особо отмечалось, что после сражений лекари «с должным числом прислуги» осматривали «оставшихся на поле битвы, и у которых окажутся хоть некоторые признаки жизни... *без различия, свой или неприятель*», доставлялись в лагерь «для подания надлежащего медицинского пособия» [Там же].

Баталистике «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого чужды подобные жизнеутверждающие интонации и духоподъемный тон. По-очеркистски точно в цикле говорится и о мародерстве среди солдат (знаково, что на поле брани обезображенные тела «в серых и в синих одеждах» оставляют *без сапог*) [3, с. 56], и о пристрастии офицерства к «зеленому змию».

В исследовательской литературе нечасто делается акцент на том, как много в «Севастопольских рассказах» офицерский состав пьет спиртного. *Для храбрости*, как бывает у штабс-капитана Краута, когда нужно выбрать, кто будет участвовать в сражении [3, с. 103]. Перед боем, как случается у штабс-капитана Михайлова [Там же, с. 29]. «Бутылка ликера с золотым красным огромным ярлыком» [Там же, с. 77] – едва ли не обязательный предмет обстановки комнаты офицера. «А вы нынче скажите... чтоб он вина поставил»; «Не хотите ли вина стакан?»; «Чего хотите... чаю или водки?», – то и дело мелькает в речи офицерства [Там же, с. 101, 43, 98].

Безусловно, дарам Вакха военные благоволили не только у Толстого. Реки шампанского, бокалы горячительного – неотъемлемая составляющая неписаного кодекса офицерской чести. Но в «Севастопольских рассказах», полагаем, подобными штрихами писатель говорит о другом. Много позже, на исходе XIX века, на вопрос «Для чего люди одурманиваются?» в одноименной статье Толстой даст только один ответ: человек, подчиняясь власти «зеленого змия», движим *«потребностью заглушения голоса совести»* [17, с. 275].

Толстым оправданы его герои. Окружающее их настолько чуждо человеческой природе, что не может быть принято ни сознанием, ни совестью. Выпивая «3 рюмки

водки и несколько стаканов портера», они, подобно Михаилу Козельцову, ощущают себя «в духе всего общества, то есть в тумане и забвении действительности» [3, с. 95]. Эта мысль прозвучит в цикле декларативно-прямо: «...опустим скорее завесу над этой глубокогрустной сценой. Завтра, нынче же, может быть, каждый из этих людей весело и гордо пойдет навстречу смерти и умрет твердо и спокойно; но одна отрада жизни в тех ужасающих... условиях... есть *забвение, уничтожение сознания*» [Там же, с. 96].

Исследователи не раз говорили об особом толковании героизма Л. Н. Толстым в «Севастопольских рассказах». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, изображая человека во время сражения, Толстой обнаруживает в нем ощущение сродни опьянению, когда стирается грань между отвагой и страхом, когда из инстинкта самосохранения отключается сознание. Показательно, что Пест во время пешей атаки «был в таком страхе, что он решительно не помнил, долго ли? куда? и кто, на что? Он *шел как пьяный*» [3, с. 46]. *Мертвецки храбрым* видится окружению командир Лисинковский [Там же, с. 46].

Сколько бы ни говорили персонажи цикла о героизме, отвага, согласно мысли Толстого, обратно пропорциональна чувствительности характера. Среди всех героев «Севастопольских рассказов» в этом плане отличался адъютант Калугин: «он был самолюбив и одарен *деревянными нервами, то, что называют храбр*, одним словом» [Там же, с. 39].

Личность восприимчивая, следуя Л. Н. Толстому, на войне естественным образом будет испытывать страх. Простой солдат, далекий от честолюбивых планов, тщеславных претензий, позёрства штабных офицеров, принимает это буквально как азбучную истину. Неслучайно герой-протагонист Толстого – младший Козельцов – станет свидетелем сцены, когда при тусклом свете накренившейся свечки обученный грамоте солдатик по слогам будет читать толпившейся рядом братии строки из «Азбуки», где страх смерти толкуется как «врожденное чувство» всякого человека [Там же, с. 93].

Правда, которую писатель назвал главным концептообразующим качеством «Севастопольских рассказов», оказывается идейно и художественно контрастной современному писателю литературно-публицистическому дискурсу. Сводки «Русского инвалида» на поверку действительно могут противопоставляться севастиопольской трилогии Л. Н. Толстого, их мажорная патетика – очерковой точности толстовских описаний. Но, думается, расценивать это противопоставление как антиномию ложного и истинного было бы неоправданно категорично. Скорее здесь проявляет себя сложная диалектика *должного* и *данного*, неизбежная в эпоху исторических сломов и катаклизмов.

Священная война или война-сумасшествие?

Сегодня историки по-разному трактуют причины [18, с. 31] и итоги [19, с. 163; 20, с. 26] Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. В изданных в 1904 г. «Рассказах о севастопольцах» Авдея Николаевича Супонева (1838–1905), излагающих с ориентиром на широкого читателя военную историю российского государства, такая оценочная полярность исключалась. Идейным камертоном разговора о Крымской войне служил манифест, провозглашенный Николаем I 9 февраля 1854 г., в котором война объявлялась *за веру и Отечество*. Такую же трактовку дает событиям 1853–1856 гг. А. Н. Супонев: «Причиною великой борьбы, окончившейся осадой и затем падением Севастополя, было то, что покойный Император Николай I *вступился за права православных христиан, угнетаемых Турками*. <...> Турки... нападали... на православных христиан, не давали им... ключа от храма св. гроба, излюбленного места молитвы всех приходящих в Иерусалим <...> Император Николай... поднял все силы своего народа на борьбу за православие, и народ, *движимый горячею привязанностью к своей вере*, по слову царскому, поднялся на *защиту этой веры*. / Когда же распространилось известие о том, что силы врагов покинули турецкие владения и высадились на берегах Крыма, воодушевление народное сделалось еще сильнее» [21, с. 4–5].

В рассказах А. Н. Супонева героическая оборона севастопольцев – это прежде всего подвиг веры. Когда населению был дан приказ покинуть город, жители, что подчеркивается в «Рассказах», *безропотно* оставили свои дома [Там же, с. 27] (смиренно, без ропота, народом на Руси принималось то, в чем виделась воля Провидения). «С нами Бог», – идейный лейтмотив этой книги. А. Н. Супоневым приводится хранимое народом предание о судах, затопленных в севастопольской бухте. Корабль «Три Святителя» никак не уходил на дно: «...три дня буравили в нем щели, сделали четырнадцать дыр, а он все не тонет. Стали из пушек по нем палить – все не тонет. Хотели уже к государю писать, да один матрос догадался: полез и снял забытую на корабле икону – в ту же минуту корабль пошел ко дну» [Там же, с. 10].

В каждом слове здесь – незыблемая вера народа в то, что русское воинство окормлено защитой трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Неслучайно А. Н. Супонев упоминает о том, что в бой русские солдаты идут, возглавляемые иеромонахом Иоанникием Савиновым [Там же, с. 18].

«Рассказы о севастопольцах» воспевают подвиги Нахимова, Истомина, Корнилова. И. Митропольский в повести «Синопский юнга» также не единожды подчеркивает, что в народном восприятии личности командиров сакрализуются. Мальчик в повести не сомневается: «Тятя, с Нахимовым – не пропадем» [15, с. 4]; символично звучат и слова матросов: «С нами Павел Степанович был, с ним каких чудес не понаделаешь» [Там же, с. 9]. (Знаково, что далее И. Митропольский упомянет о том, что турецкое войско командующих не почитает, бросая их на поле боя.)

В эпистолярной Л. Н. Толстой не единожды упоминает Корнилова, Истомина и Нахимова, подчеркивая их личностный вклад в дело освобождения Севастополя. Вместе с тем в «Севастопольских рассказах», по мнению исследователей, «персонифицированные образы реальных исторических деятелей, как русских, так и союзников, практически не встречаются» [22, с. 195]; главным героем этой войны, следуя художественному тексту, был *народ русский* [3, с. 16].

Народный характер войны подчеркнут и А. Н. Супоневым. В «Рассказах о севастопольцах» Нахимов, Истомин и Корнилов «были не одни» – «за ними идет целый ряд известных и неизвестных героев» [21, с. 16–17].

Однако и в этом вопросе взгляды Л. Н. Толстого и современных ему писателей не были тождественны. В 1853 г. страницы «Русского инвалида» пестрили корреспонденциями о том, что народ *нетерпеливо* ждал начала войны: «Слухи о мире переходили из уст в уста, но им не верили, потому что *все хотели войны, – все были проникнуты желанием идти против турка, за невыполнение им своих обетов и за притеснение христиан – сограждан наших*» [14, с. 1].

Толстой тоже говорит о том, что народ принял войну, был готов воевать и умирать (писатель включает в повествование сцену объезда Корниловым войск, приводит его слова «Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя» – и ответное «Умрем! Ура!» [3, с. 16]). Но у читателя «Севастопольских рассказов» не должно было оставаться сомнений: воевать народ *не хотел*. Не случайно народная молва у Толстого разносит антивоенные слухи: «Кистентин, царев брат, с мериканским флотом идет нам на выручку, еще – как скоро уговор будет, чтобы не палить две недели и отдых дать, а коли кто выпалит, то за каждый выстрел 75 копеек штрафа платить будут» [Там же, с. 10].

Присущее народу инстинктивное, природное отторжение войны в рассказах сопрягается с мыслями и замечаниями самого повествователя. Невозможно переоценить художественное открытие Л. Н. Толстого, убедительно показавшего, что враг по ту сторону линии огня – тоже человек; что французы, англичане – прежде всего «христиане, исповедующие один великий закон любви и самоотвержения» [3, с. 59].

Вслед за Л. Н. Толстым, разглядевшим во врагах человеческое, личностное начало, эта идея стала концептообразующей для целого направления мировой художественной мысли

и органично претворилась в творчестве ряда русских писателей, бравшихся впоследствии за военную тему. Так, И. Митропольскому в повести «Синопский юнга», подобно Л. Н. Толстому, удастся разглядеть во враге человека: чтобы выжить, ему так же приходится рыть траншеи; ему так же бывает холодно; он тоже готовится к Пасхе и даже остановит канонаду, переживая за русского Ивана, бросившегося под пулями и ядрами ловить удравшего петуха [15, с. 9, 65, 89, 58].

Герой Митропольского маленький Вася жалеет каждого – и своего, и врага: у него ведь тоже может быть и дитя, и мама, которые его ждут, тревожатся за его жизнь [15]. Васе сразу было понятно, насколько страшна война: «Убивать будут» [Там же, с. 40]. В финале повести явно угадывается интонация Л. Н. Толстого: «...если человеческая злоба создала войну, то она все же не вечна и... настанет, быть может, такое время, когда на земле гораздо легче будет помириться и протянуть друг другу руки, чем взяться за оружие» [Там же, с. 112].

Случай И. Митропольского заслуживает особого комментария: имея военное прошлое, писатель синтезировал в своем произведении экстерьерную парадность описаний военных действий с онтологическим неприятием войны, берущим начало у Л. Н. Толстого.

«Война есть сумасшествие», – гласит очерк «Севастополь в мае» [3, с. 18–19]. Это и отличает восприятие Крымской войны Л. Н. Толстого и большинства современных ему литераторов. Создатель цикла «Севастопольские рассказы» не может оправдать происходящее на фронтах высокой целью, в то время как другие писатели в этих событиях видят глубинный смысл, подчеркивают их особую значимость в становлении национального самосознания.

Немногом позднее Л. Н. Толстого к сюжету об обороне южного форпоста Российской Империи обращается Василий Александрович Кокорев (1817–1889). В 1858 г. в журнале «Русская беседа» был напечатан рассказ В. А. Кокорева «Путь севастопольцев», описывающий возвращение участников обороны города на малую родину, в Петербург. Повествование проникнуто характерным для славянофилов духом поэтизации Крымской войны. В. Кокорев расценивает многомесячную оборону города как «Севастопольское жертвоприношение», на протяжении всего текста подчеркивая духовный потенциал этого события заглавной буквой. Согласно В. А. Кокореву, «приготовиться к смерти, надеть белые рубашки и защищаться до последней капли крови» для участников обороны означало принести себя в жертву во имя духовного очищения России. Зная об этом подвиге «самозабвения и общелюбия», «делать худо» будет стыдно и совестно [23, с. 79–80]. Это подвиг – во имя России, за всю Россию. Неслучайно В. А. Кокорев именует участников обороны «*Всероссийцы*». Героическое сопротивление осаде города в рассказе расценивается как своеобразный духовный камертон для всех россиян: «А мы, мирные Русские граждане, громко заявляем вам, славные Севастопольские Всероссийцы, наше единоедушное желание направить себя на ваш Севастопольский путь, т. е. на путь *самозабвения*... в делах *общей* пользы...» [Там же, с. 136].

Расходясь с современниками в понимании войны, не принимая диктуемого войной закона взаимоубийства, Толстой, однако, своих героев-протагонистов ведет схожим с В. А. Кокоревым путем – путем забвения мелочно-эгоистичных мечтаний во имя общего, общенародного дела, *общей* пользы.

Заключение

«Севастопольские рассказы», полемически воспринятые читателями и критиками XIX века, разновекторно изучаются современным литературоведением. По общему мнению исследователей, цикл оказывается особо значим в осмыслении концепции истории Л. Н. Толстого, основывающейся в том числе на категориях *война* и *мир*. Давая различные характеристики мере объективности изображаемых исторических событий, ученые единодушно отмечают документальную основу рассказов, их социальный характер.

Проведенное исследование позволило выявить концептуальные различия в осмыслении Крымской войны, обороны Севастополя Л. Н. Толстым и его современниками. Тональность разговору о событиях 1853–1856 гг. в произведениях, ориентированных на массового читателя, задавал Манифест Николая I от 9 февраля 1854 года. В. Кокорев, А. Н. Супонев осмысливают Крымскую войну как войну вероисповедную, народную, возглавляемую сакрализуемыми народом адмиралами Корниловым, Нахимовым, Истоминым. В повести И. Митропольского «Синопский юнга» войска перед сражением описаны торжественно-парадно, в их передвижении и подготовке к бою угадывается некий порядок, гармония. В. Кокорев указывает на ментальный сверхсмысл трагических событий 1854–1855 гг.: героизм защитников города станет духовной максимой для всего российского народа.

Истинным героем обороны Севастополя выступает народ и у Л. Н. Толстого, но, согласно классике, простые солдаты, надевающие чистые рубахи перед сражением, готовы умереть, войны не хотят: ими движет естественное для людей чувство – страх смерти. Бессмысленность войны, ее чужеродность человеческому естеству – лейтмотив «Севастопольских рассказов». Убивать ближнего – абсурдно. Это, по Толстому, инстинктивно ощущается народом. Офицеры, прельщенные тщеславными мечтами о наградах, бравирующие напускным лихачеством, притупляют восприятие безумия происходящего винными парами. Толстому-баталисту удастся запечатлеть это фотографически точно.

Для художественной словесности цикл Л. Н. Толстого стал прецедентным текстом, повлияв на поэтику написанных позднее произведений об обороне города-героя. В повести И. Митропольского «Синопский юнга», проникнутой отторжением войны, не обезличивающей, не расчеловечивающей врага, прослеживается традиция Л. Н. Толстого.

Вместе с тем, уходя от торжественно-мажорной тональности в описаниях военных действий, столь свойственной «Русскому инвалиду, Л. Н. Толстой не снижает духовной высоты народного подвига. Думается, именно поэтому сам феномен народной доблести в годы Великой Отечественной войны стал ассоциативно соотноситься с именем Толстого. Неслучайно в 1941 г. из радиоприемников блокадного Ленинграда звучали строки «Войны и мира».

Л и т е р а т у р а

1. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 47 : Дневники и записные книжки 1854–1857 / Редакторы тома В. Ф. Саводник, В. Н. Срезневский, М. А. Цявловский. – Москва : Художественная литература, 1937. – 616 с.
2. Орехова, Л. А. Севастопольское окружение Л. Н. Толстого и предыстория «Севастопольских рассказов» / Л. Л. Орехова // Русская классика : проблемы понимания и языкового своеобразия. – Липецк : Издательство Липецкого государственного педагогического института, 2016. – С. 61–69.
3. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 4 : Произведения севастопольского периода. Утро помещика / Редакторы тома В. Н. Срезневский, М. А. Цявловский. – Москва : Художественная литература, 1935. – 446 с.
4. Бухаренкова, О. Ю. Отражение исторической действительности в творчестве Л. Н. Толстого (на примере «Севастопольских рассказов») / О. Ю. Бухаренкова // Л. Н. Толстой – мыслитель, художник, педагог и современность : Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. – Москва, 2011. – С. 60–62.
5. Классики русской литературы : Критико-биографические очерки. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1952. – 764 с.
6. Волчек, Д. В. Крымская война «глазами» Л. Н. Толстого и Б. Бейнбридж (по материалам «Севастопольских рассказов» и романа «Мастер Джорджи») / Д. В. Волчек // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 4 (16). – С. 249–257.
7. Молодой Л. Н. Толстой : Сборник докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета и 160-летию со дня приезда Л. Н. Толстого в Казань. – Казань : Издательство Казан. университета, 2002. – 140 с.
8. Молодой Л. Н. Толстой : Сборник докладов II Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя. – Казань : Издательство Казанского университета, 2009. – 139 с.

9. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников : литература, архивы, пресса / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых (Васильева), Д. В. Орехов. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2010. – 480 с.
10. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого : монография / В. В. Курьянова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. – 220 с.
11. Ратников, К. В. Барабан и штык (Заметки о военной поэзии) / К. В. Ратников // Крымская война и русская поэзия : Антология патриотических стихотворений 1853–1856 гг.; сост. и послеслов. К. В. Ратников. – Челябинск, 2011. – С. 625–656.
12. Салманова, И. Ф. «Севастопольские рассказы» Льва Толстого и «Одухотворенные люди» Андрея Платонова : к проблеме художественного осмысления подвига защитников Севастополя / И. Ф. Салманова, Л. В. Куликова // Наука. Культура. Искусство : актуальные проблемы теории и практики. – Белгород, 2017. – С. 185–187.
13. Зорина, Е. Д. Ужас войны в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого / Е. Д. Зорина // Синергия наук. – 2018. – № 30. – С. 2023–2027.
14. Военный листок. Письмо из Бухареста от 7 декабря 1853 года // Русский инвалид. – 3 января 1854 года. – № 2. – С. 1–2.
15. Митропольский, И. И. Синопский юнга : Повесть из эпохи обороны Севастополя / Иван Митропольский. – Москва : Типография Вильде, 1917. – 128 с.
16. Военный листок. Библиография. Пятая книга военного журнала (Статья полковника Лебедева) // Русский инвалид. – 19 декабря 1854 года. – № 284. – С. 1–2.
17. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 27 : Произведения 1889–1890 / редакторы тома Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев. – Москва : Художественная литература, 1936. – 764 с.
18. Медведева, О. Э. Причины Крымской (Восточной) войны в современной отечественной историографии / О. Э. Медведева // Наука, образование и культура. – 2018. – № 10 (34). – С. 31–33.
19. Данилов, А. А. История России. XIX век : учебник для 8 класса основной школы / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – Москва, 1998. – 426 с.
20. Парамонов, В. Н. Интерпретация истории Крымской войны как инструмент манипулирования исторической памятью / В. Н. Парамонов // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 6. – С. 26–37.
21. Супонев, А. Н. Рассказы о севастопольцах / А. Н. Супонев. – Санкт-Петербург : Постоянная комиссия по устройству народных чтений, 1884. – 40 с.
22. Адонина, Л. В. Речевые образы Крымской войны и Севастополя в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого / Л. В. Адонина, Л. А. Моря // Социокультурные исследования : история и современность. – Москва, 2016. – С. 193–202.
23. Кокорев, В. А. Путь севастопольцев / В. А. Кокорев. – Санкт-Петербург : Библиотека Кокорева, 1858. – 169 с.

References

1. Tolstoy L. Collected Works. Diaries and notebooks of 1854–1857. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publishing House, 1937;47:616 (in Russian).
2. Orekhova L.A. The Sevastopol environment of L.N. Tolstoy and the background of “The Sevastopol Sketches”. In: Russian classics: problems of understanding and linguistic originality. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical Institute, 2016;61-69 (in Russian).
3. Tolstoy L. Collected Works. Works of the Sevastopol period. A Landowner’s Morning. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publishing House, 1935;446 (in Russian).
4. Buharenkova OYu. The Reflection of historical reality in the works of L. N. Tolstoy (using the example of “The Sevastopol Sketches”). In: L. N. Tolstoy as a thinker, artist, teacher today: Proceedings of the Scientific Conference dedicated to the 100th Anniversary of the death of L. N. Tolstoy. Moscow, 2011;60-62 (in Russian).
5. Goryachkina MS. (ed.) Classics of Russian literature: Critical and biographical essays. Leningrad: Children’s literature Publ., 1952;764 (in Russian).
6. Volchek DV. The Crimean War “through the eyes” of L.N. Tolstoy and B. Bainbridge (based on materials from “The Sevastopol Sketches” and the novel “Master Georgie”). Vestnik of Perm University. Russian and Foreign Philology, 2011;4(16):249–257 (in Russian).

7. Bushkanets LYe. (ed.) Young L.N. Tolstoy: Proceedings of the Scientific Conference dedicated to the 200th Anniversary of Kazan University and 160th anniversary of L.N. Tolstoy's arrival in Kazan. Kazan: Kazan Federal University, 2002:140 (in Russian).
8. Bushkanets LYe. (ed.) Young L.N. Tolstoy: Proceedings of the Scientific Conference dedicated to the 180th Anniversary of the birth and 100th Anniversary of the writer's death. Kazan: Kazan Federal University, 2009:139 (in Russian).
9. Orekhova LA, Orehov VV, Pervyh DH, Orehov DV. (ed.) The Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the eyes of contemporaries: literature, archives, press. Simferopol: Simferopol city printing house, 2010:480 (in Russian).
10. Kuryanova VV. Crimean text in the works of L. N. Tolstoy. Simferopol: Business-Inform, 2015:220 (in Russian).
11. Ratnikov KV. Drum and Bayonet (Notes on War Poetry) (in Russian). In: Ratnikov K-V. (ed.) Crimean War and Russian Poetry. An Anthology of Patriotic Poems of 1853–1856. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University, 2011:625-656 (in Russian).
12. Salmanova IF, Kulikova LV. "The Sevastopol Sketches" by Leo Tolstoy and "Spiritualized People" by Andrei Platonov: to the problem of artistic comprehension of the feat of the defenders of Sevastopol. In: Science. Culture. Art: actual problems of theory and practice. Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2017:185-187 (in Russian).
13. Zorina YeD. The horror of war in "The Sevastopol Sketches" by L. N. Tolstoy. Synergy of Sciences, 2018;30:2023-2027 (in Russian).
14. Military Sheet. Letter from Bucharest, December 7, 1853. Russky Invalid, 1854;2:1-2 (in Russian).
15. Mitropolsky II. Sinop cabin boy: A story from the era of the defense of Sevastopol. Moscow: Vilde Printing house, 1917:128 (in Russian).
16. Military Sheet. Bibliography. The Fifth book of the military magazine (Article by Colonel Lebedev). Russky Invalid, 1854;284:1-2 (in Russian).
17. Tolstoy L. Collected Works. The Works of 1889–1890. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publishing House, 1936;27:764 (in Russian).
18. Medvedeva OE. Causes of the Crimean (Eastern) War in modern domestic historiography. Science, Education and Culture, 2018;10(34):31-33 (in Russian).
19. Danilov AA, Kosulina LG. History of Russia. 19th century: textbook for 8th grade of primary school. Moscow: Prosveshchenie, 1998:426 (in Russian).
20. Paramonov VN. Interpretation of the History of the Crimean War As a Tool for Manipulating Historical Memory. Vestnik of Volga State University. Section 4. History. Regional studies. International relations, 2016;21(6):26-37 (in Russian).
21. Suponev AN. Stories about Sevastopol People. St. Petersburg: Standing Commission for the Organization of Public Readings, 1884:40 (in Russian).
22. Adonina LV, Morya LA. Speech images of the Crimean War and Sevastopol in "The Sevastopol Sketches" by L. N. Tolstoy. In: Sociocultural researches: history and modernity. Moscow: Pen, 2016;193-202 (in Russian).
23. Kokorev VA. The way of Sevastopol defenders. St. Petersburg: Kokorev Library, 1858:169 (in Russian).

МАШКОВА Екатерина Евгеньевна – к. филол. н., доц. каф. русской и украинской филологии, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова».

E-mail: lebed_ekaterina@bk.ru

Ekaterina E. MASHKOVA — Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian and Ukrainian Philology, State Budget Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov.

МЕДЖИТОВА Эльмаз Смаиловна – учитель русского языка и литературы, МБОУ «Школа № 9 им. Н. В. Старшинова г. Феодосии Республики Крым».

E-mail: elmaz.medzhitova@mail.ru

Elmaz S. MEDZHITOVA — teacher of Russian language and Literature, Municipal Budgetary General Education Institution 'School No. 9 named after N. V. Starshinov'.

УДК 81'373

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-159-170

Антропоойконимы Республики Саха (Якутия)

Т. М. Никаева, Н. Ю. Печетова ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ pechetovan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу и классификации антропоойконимов Республики Саха (Якутия). Несмотря на то, что рассматриваемая группа топонимов является одной из широко представленных в топонимической системе региона, на сегодня ойконимы, образованные от личных имен, фамилий и прозвищ, являются малоизученными, этим обусловлена актуальность исследования. Новизна работы предопределяется охватом антропоойконимов, глубиной их анализа и предпринятой попыткой классифицировать их по лексико-семантическому принципу. В результате исследования были описаны следующие наиболее распространенные лексико-семантические группы: 1) названия, произошедшие от личных имен, фамилий и прозвищ первых поселенцев, владельцев земель, местных жителей и исторических личностей; 2) мемориальные названия и названия-посвящения; 3) наименования от имени первопредка, родового имени. Наиболее многочисленной является первая группа антропоойконимов: на территории Якутии много населенных пунктов, названия которых образованы как от русских, так и от якутских личных имен, фамилий и прозвищ. Вторую группу составляют наименования географических объектов в честь выдающихся личностей эпохи, чаще всего советской. В третью группу вошли ойконимы с древними архаичными основами по большей части якутского происхождения, образованными по модели антропоним – геноним – антропоойконим. Перспектива исследования видится в детальном изучении хоронимов, образованных от геноойконимов (родоплеменных имен), на примере наследов Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: топонимы, ойконимы, ойконимикон, антропоойконимы, личные имена, фамилии, прозвища, Республика Саха (Якутия), мемориальные ойконимы.

Для цитирования: Никаева Т. М., Печетова Н. Ю. Антропоойконимы Республики Саха (Якутия). *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 159–170. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-159-170

Anthropoiconyms of the Republic of Sakha (Yakutia)

Т. М. Nikaeva, N. Yu. Pechetova ✉

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ pechetovan@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis and classification of anthropoiconyms of the Republic of Sakha (Yakutia). Despite the fact that the considered group of toponyms is one of the most widely represented in the toponymic system of the region, today oikonims formed from personal names, surnames and nicknames are poorly studied, this is due to the relevance of the study. The novelty of the work is predetermined by the coverage of anthropoiconyms, the level of the analysis and the attempt made to classify them according to the lexico-semantic principle. As a result of the study, the following most common lexical and semantic groups were described: 1) names derived from personal names, surnames and nicknames of the first settlers, land owners, local residents and historical figures; 2) memorial names and dedication names; 3) names on behalf of the first ancestor, generic name. The most numerous is the first group of anthropoiconyms: there are many settlements on the territory of Yakutia, whose names are formed from both Russian and Yakut personal names, surnames and nicknames. The second group consists of names of geographical objects in honor of outstanding personalities of the era, most often Soviet.

The third group includes oiconyms with ancient archaic foundations, mostly of Yakut origin, formed according to the anthroponym – genonym – anthroponym model. The prospect of research is seen in a detailed study of the horonyms formed from genoiconyms (congeneric names), using the example of the naslegs of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: toponyms, oiconyms, oikonymicon, anthroponyms, personal names, surnames, nicknames, Republic of Sakha (Yakutia), memorial oiconyms.

For citation: Nikaeva T. M., Pechetova N. Yu. Anthroponyms of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 159–170. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-159-170

Введение

Современный ойконимикон Республики Саха (Якутия) является результатом многовекового периода развития и становления системы географических названий в регионе, следствием взаимодействия различных культур, языков, исторических событий. Появление географических наименований тесно связано с человеком и его деятельностью, поэтому одной из продуктивных моделей топонимии является переход имен собственных (в частности, личных имен, фамилий, прозвищ) в названия населенных мест. Такие топонимы получили название антропоойконимы. Постоянные поселения с отантропонимическим происхождением наименований обнаруживаются практически в каждом улусе (районе) Республики Саха (Якутия), их названия восходят к именам и прозвищам местных жителей, первопоселенцев, выдающихся личностей, шаманов, фамилиям политических деятелей, революционеров, первооткрывателей, ученых и пр. На отантропонимические основы появления того или иного ойконима, помимо этимологических версий, объясняющих возникновение наименований населенных пунктов, чаще всего указывают топонимические легенды. Данное исследование должно внести определенный вклад в инвентаризацию ойконимов Республики Саха (Якутия) и способствовать более полной лексической и лексикографической интерпретации данной группы топонимических единиц.

Цель работы – проанализировать происхождение антропоойконимов, входящих в топонимическую систему Республики Саха (Якутия). В связи с поставленной целью следует решить задачи по выявлению ойконимов отантропонимического происхождения и их классификации по лексико-семантическому принципу. Объектом исследования является ойконимикон как система наименований населенных пунктов Республики Саха (Якутия), предметом – антропоойконимы Республики Саха (Якутия).

Материалом для анализа выступили сведения о происхождении наименований географических объектов, полученные авторами статьи и коллективом кафедры русского языка филологического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова из различных научных и научно-популярных источников, а также от информаторов и опубликованные в «Словаре топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты, наслеги, улусы, районы» (далее – Словарь) [1]. В ходе исследования были рассмотрены наименования 694 населенных пунктов. Из всех анализируемых статей путем сплошной выборки были выявлены ойконимы, образованные от личных и родовых имен, фамилий, прозвищ. Таковых оказалось 85 (12,2%) от всех наименований населенных пунктов.

Методологической основой исследования послужили труды отечественных лингвистов в области топонимики, историков, этнографов: А. В. Суперанской, Багдарына Сюзь, Нь. М. Иванова (Багдарын Нь. С. уола), Г. М. Василевич, А. А. Бурькина, В. А. Кейметина, Г. Н. Курилова, К. Ф. Гриценко, Н. Г. Самсонова, А. Ю. Гукова, Е. В. Меркель и др. В. В. Ушницкого, Жамсарановой, А. А. Грудининой, И. А. Дамбуева и др.

Лексико-семантические группы антропоойконимов

В региональной топонимике в настоящее время имеется не так много исследований, которые могли бы способствовать тому, чтобы выработать общие принципы изучения и классификации ойконимов, в частности антропоойконимов. Так, А. А. Грудининой и Р. Г. Жамсарановой детально изучено отантропонимное происхождение ойконимов бассейна реки Чикой Восточного Забайкалья [2], анализ антропоойконимов Иркутской области представлен в работе И. А. Дамбуева [3], структурно-семантическую классификацию антропоойконимов Крыма разработали В. В. Золовкина и Н. А. Лобачева [4], охарактеризовали с точки зрения структуры и словообразования тюркско-татарские ойконимы Республики Татарстан Г. К. Хадиева и Г. А. Галиуллина [5], И. А. Кюршунова изучила памятники письменности Карелии как источник исследования антропоойконимов [6]. В данном исследовании мы предприняли попытку изучить антропоойконимы, входящие в топонимическую систему Республики Саха (Якутия), с точки зрения их происхождения.

Отантропонимические географические наименования всегда вторичны, поэтому установить источник их образования и классифицировать можно, опираясь на тот факт, что в их основе лежит имя собственное. Это дает возможность охарактеризовать антропоойконимы не только по соотношению с типами имен собственных (личные имена, фамилии, прозвища), но и по такому признаку, как мотив появления названия, например, по имени или фамилии первых или поселенцев, известных жителей и т.п. Исходя из представленной в Словаре характеристики, мы установили, что антропоойконимы можно разбить на группы по лексико-семантическому принципу:

- 1) названия, произошедшие от личных имен, фамилий и прозвищ первых поселенцев, владельцев земель, местных жителей и исторических личностей;
- 2) мемориальные названия и названия-посвящения;
- 3) наименования от имени первопретка, родового имени.

Антропоойконимы, образованные от личных имен, фамилий и прозвищ первых поселенцев, владельцев земель, местных жителей и исторических личностей

В данную группу входят антропоойконимы, образованные от имен и фамилий первопоселенцев и жителей, оставивших исторический след в жизни населенного пункта.

Названия населенных пунктов, образованные от личных имен, являются самой многочисленной группой среди всех отантропонимических наименований, они составляют около 60% от всех антропоойконимов.

Приведем примеры такой топонимии:

– Иннокентьевск. Деревня, существовавшая ранее в Олекминском районе, названа по имени первопоселенца Иннокентия: «В XIX в. на этом месте находился полустанок между станциями Нохтуйская и Точильная, где ямщики меняли лошадей. Первыми поселенцами здесь были члены семьи Оегостуровых: отец Иннокентий Алексеевич и его сыновья Николай и Илья. По имени отца получила название эта небольшая деревня» [1, с. 118];

– Эйик. Село Оленекского эвенкийского национального района получило название от личного имени: «Первым в месте, где расположено село, поселился человек с именем Ээйик Хайаныйа, предок Кучаровых, которые по сей день проживают в селе» [7, с. 7];

– Ермолово. Названо по имени нижеколымского жителя Ермолова [8, с. 290].

Дополнительной характеристикой данной группы антропоойконимов является то, что названия населенных пунктов, образованных от мужских имен (Алеко-Кюель, Василий Аласа, Андрушкино, Антоновка, Владимировка, Дыгдал, Елечёй, Михайловка, Михалкино, Никольск, Никольский, Кюкей, Тасагар, Сюльдюкар и др.), преобладают над ойконимами, образованными от женских имен (Акана, Арылах (Жархан), Дайа-Амгата, Екюндю, Жархан, Кептин, Миляке, Мяндиги, Нюрбачан, Тойбохой, Федосья-Аласа, Черкёх, Чымнайи, Чычымах). Из отобранных ойконимов 83% образованы от мужских имен, фамилий и прозвищ, 17% – от женских.

Нередко происхождение ойконимов (в особенности досоветского периода), образованных от женских и мужских личных имен, объясняется топонимическими легендами, передаваемыми жителями из поколения в поколение. В табл. 1 и 2 представлены примеры некоторых из них.

Таблица 1

Топонимические легенды о появлении некоторых мужских антропоойконимов

Table 1

Toponymic legends about the appearance of some male anthroponyms

Название населенного пункта	Версия образования ойконима
с. Владимировка	Названо в честь губернатора Владимира Николаевича Скрипицына. Образовано в 1898 г. Георгий Черемичин, краевед: «Как свидетельствуют архивные документы, это село 113 лет назад основали марийские переселенцы. В Деле об образовании селения «Владимировка», датированном 16 декабря 1898 года, в частности, отмечается, что они прибыли в Якутию из Минусинского уезда Енисейской губернии. (...) У жителей современного села сохранилось много баек, былей, легенд, одна из них о том, что село было названо в честь графа по имени Владимир, каким-то образом сыгравшего большую роль в поселении здесь первых жителей-марийцев» [1, с. 84].
с. Тюбэй	По одной из версий, образовано от антропонима. По архивным данным родословных, жил человек Нырбакаан, у него был сын Босхон Бэлгэтии. От Босхон Бэлгэтии родился сын <i>Тюбэй</i> [9, с. 8]
с. Тасагар	Образовано от антропонима – имени шамана Тасагар. Тасагар является историческим административным центром Тасагарского наслега, который раньше назывался III Тогусский наслег. В 1808 году в Средневилюйское зимовье входили 12 волостей, среди них I, II, III, IV Тогусские волости. Название наслега получил от имени шамана Тасагар, жившего в этих краях [1, с. 261–262].
с. Тимкино	Названо в память о Тимке-Тимофее, нижеколымском охотнике [8, с. 306].

Таблица 2

Топонимические легенды о появлении некоторых женских антропоойконимов

Table 2

Toponymic legends about the appearance of some female anthroponyms

Название населенного пункта	Версия образования ойконима
с. Акана	Есть версия, что село было названо в честь женщины, которая поселилась с сыновьями в этом месте [10, с. 12]. Уточнение истории из рассказа местного жителя: Жила бабушка Акаана, в голодное время она убила своих коров (для еды) и устроила ысыах для местных жителей. В честь нее и назвали село Акана [Информатор: Д. Никифорова, житель села Акана Нюрбинского района].
с. Екюндю	Село расположено на берегу реки с таким же названием, вот от нее и появилось название наслега и села. В далеком прошлом в этом месте у реки проживала удаганка (шаманка) по имени Екюндю [Информатор: И. Н. Федоров, 1965 г. р.]

с. Кептин	Образовано от женского имени. По одной из версий, название дали по имени утонувшей девушки Кептин. Местные жители рассказывают легенду: Девушка и молодой человек полюбили друг в друга, но жили на разных берегах озера. Девушка решила переплыть озеро, чтобы увидеться со своим возлюбленным, но из-за сильного ветра плот развалился, и девушка утонула. После этого случая, то озеро и саму деревню называли Кептин [Информатор: В. И. Ноговицына, 1945 г. р.]
с. Тойбохой	Образовано от антропонима – имени шаманки Тойбохой. «В Сунтарском улусе есть известное урочище Тойбохой. По народным преданиям, Тойбохой было имя одной шаманки-тунгуски, знаменитой богачки. Она имела огромное количество оленей. От многих дымокуров, которые разводились для ее оленей, пошли вокруг озера лесные пожары и оголили много земли, которая превратилась в поляны» [11, с. 53–54].
с. Чычымах	По легенде, название села происходит от имени старушки Чычымах. Во время бегства от чужеземцев на окраине аласа под пологом деревьев одна семья оставила новорожденного. Этого ребенка нашла старушка по имени Чычымах. Ребенок рос умным и сильным. Старушка назвала своего приемного сына Ньургунум Боотуром стремительным. После ее смерти алас был назван Чычымахом [12].

Также в данную группу входят антропоиконимы, которые возникли, согласно топонимическим легендам, от имен богатырей (боотуров):

- Кюкей. Наименование села образовано от имени богатыря Куокуй Хоһуун, который стал предком наслега и от него начался род Куокуй;
- Матта. Село названо в честь богатыря Майаҕатта бэрт кыра;
- Мугудай. Село получило название от имени некогда жившего в этих краях богатыря Мугудай;
- Оннёс. Село названо в честь богатыря, которого звали Оннес;
- Сюля. Село предположительно названо в честь героя-богатыря Сюля и др.

В эту же группу мы включили антропоиконимы, образованные путем соединения личного имени и аппеллятива (табл. 3). Большинство подобных топонимов указывало на принадлежность географического объекта тому или иному человеку, поэтому было образовано в виде словосочетания с типом связи управление, например, озеро (як. күөл) Алексея – с. Алеко-Кюёль, алас (як. алааһа) Василия – с. Василий Аласа.

Таблица 3

Антропоиконимы, образованные от личного имени и аппеллятива

Table 3

Anthropoiconyms derived from a personal name and an appellative

Название населенного пункта	Версия образования ойконима
с. Алеко-Кюёль	Образовано от имени основателя села Алексея (Өлөксөй). Когда-то населенный пункт полностью находился в воде, и Алексей смог из одного большого озера сделать несколько маленьких ручейков. Со временем так и появилась суша. В честь добродетеля местные жители дали название селу – Алеко-Кюель [13, с. 65] и аппеллятива як. күөл 'озеро' [14, с. 668–669].
с. Арылах (Жархан)	Образовано от аппеллятива <i>ары</i> от тюркского <i>арыг</i> , <i>ары</i> – густой лес в равнине, лес в долине реки, роща, чаща, остров на реке [15, с. 394] и личного имени <i>Жархан</i> (<i>Ярхан</i>).

с. Дайа-Амгата	Образовано от имени собственного Даайа и гидронима <i>Амга</i> (як. Амма). По словам местных жителей, есть поверье, что в тех краях когда-то давно у подножья «Отдаляющейся горы» жила старуха Даайа. Она очень любила реку Амга и наказала людям, чтобы после смерти это место назвали ее именем. Есть также поверье про гору. Говорят, что в этом месте похоронена шаманка, возможно, эта и есть та самая Даайа [16].
с. Василий Аласа	Образовано от имени собственного (антропонима) Василий и апеллятива <i>алас</i> [1, с. 75].
с. Федосья-Аласа	Образовано от антропонима – имени Федосья и апеллятива <i>алас</i> як. алаас (алааһа) [1, с. 303].

Менее многочисленной, но не менее интересной является подгруппа антропоойконимов, включающая в себя названия по фамилиям личностей, в честь которых был назван населенный пункт:

– Амболиха. Село названо «от фамилии Амболин и афф. -их(а). Село на правом берегу Колымы. Названо в честь Амболина, местного жителя» [8, с. 285];

– Антоновка. По словам старожилов, название селу было дано по фамилии первого поселившегося здесь ссыльного из скопцов. Одно из сел русских пашенных крестьян (были еще Александровка, Аммосовка), которое появилось в середине XIX в. в среднем течении Вилюя, под селом Нюрба [11, с. 20];

– Галявино. Село, названное по имени походского жителя Голявина. Такое же название имеет озеро к западу от Походска, где он рыбачил [8, с. 289]. С течением времени первая гласная в названии изменилась;

– Павловск. Название села образовано от фамилии чиновника, управляющего почтовой станцией [1, с. 223];

– Селиваново. Название появилось предположительно во второй половине XIX в., так как в это время в Олекминске поселились скопцы. По-видимому, там были покосы, которые они называли в честь основателя секты К. Селиванова [17, с. 15];

– Алексеевка. Название образовано от фамилии Алексеевых – эвенков-оленьеводов, которые проживали в поселке [18, с. 106];

– Алексеевск. Названо в честь первого председателя горисполкома И. Алексеева [18, с. 106].

И. И. Жиленкова пишет: «В истории русской антропонимии прозвища тесно переплетаются с некалендарными или мирскими (то есть славянскими дохристианскими) именами, поэтому в большинстве случаев трудно определить, к неканоническому имени или прозвищу восходит тот или иной ойконим» [19, с. 86]. В якутской топонимии также не всегда возможно однозначно определить, был ли образован ойконим от прозвища или имени, особенно если это касается географических названий, возникших в дописьменную эпоху. Поэтому свидетельства о возникновении подобных топонимов необходимо искать в архивных источниках и лексикографических «памятниках», содержащих языковой, исторический и этнографический материал, таких как, например, «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского.

Приведем примеры, которые были обнаружены у Э. К. Пекарского в его труде:

– Сыдыбыл. «Сыдыбыл – прозвище шамана» [20, с. 680];

– Черкёх. Название села образовано, возможно, от антропонима. По одной из версий, Черкёх – прозвище бедной гостеприимной старушки Чікііх. Старинный тракт от Якутска до Охотска проходил через алаас Чікііх. Чөркөкү (Ерем.), чөрөкү = чөркөй – 1. Широко 2. Прозвище человека (Ерем) [21, стб. 3673];

– Люксюгюн. «Löksöñ – мужское прозвище» [22, стб. 1496].

Кроме того, ценным источником являются сведения, которые были получены от информаторов: «с. Дёску образовано от имени или прозвища человека, проживавшего в этих местах» [Информатор: С. Слепцов, 1993 г. р., житель Дёску].

Мемориальные ойконимы и названия-посвящения

Топонимы – это отражения (свидетельства) событий каждого исторического периода. Чаще всего географические наименования переживают эпоху своего возникновения, поэтому остаются важнейшими источниками лингвистической, географической и исторической информации.

Среди антропотопонимов А. В. Суперанская выделяет мемориальные названия и названия-посвящения, «данные в память о каком-либо человеке, особенно часто встречаются в физической географии, где они именуют отдаленные и труднодоступные объекты. Это названия в честь путешественников, открывших или изучавших данную местность: Магелланов пролив, мыс Дежнёва, мыс Челюскин, пролив Литке, хребет Черского, залив Форстера, остров Воронина. Остров Врангеля назван в честь человека, никогда не бывавшего на нем, но много сделавшего для его открытия» [23, с. 90]. Значительная часть ойконимов-посвящений возникло в Республике Саха (Якутия) в советское время и сохранилось на ее карте до сих пор. Среди них ойконимы в честь политических деятелей, революционеров (в том числе отбывавших ссылку в Якутии), первооткрывателей, исследователей, значимых для населенных пунктов личностей: пгт. Чернышевский, с. Ярославский, с. Чкалов, пгт. Черский, с. Киров, с. Фрунзе, с. Ленинский, с. Чапаево и др. Этот факт в своей статье «Русские и гибридные ойконимы Якутии» также отмечает Л. Н. Самсонова [24, с. 102]. Как правило, это мемориальные антропоойконимы советского периода. Например, пгт. Чернышевский назван в честь революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, отбывавшего ссылку в Вилюйском округе [1, с. 331]. Подробная характеристика данной группы представлена в табл. 4.

Таблица 4

Мемориальные антропоойконимы

Table 4

Memorial anthroponyms

Название населенного пункта	Версия образования ойконима
п. Зырянка	«Поселок назван в честь первооткрывателя р. Колымы Дмитрия Зыряна, который в 1643 г. на стадухинской протоке заложил зимовье, ставшее Нижнеколымским острогом» [1, с. 114].
с. Ефремово	Образовано, по одной из версий, «от фамилии И. А. Ефремова – знаменитого советского писателя-фантаста, палеонтолога, философа-космиста, мыслителя. И. А. Ефремов провел 2 полевых сезона в Южной Якутии, написал статьи и позже описал свои путешествия в рассказах «Голец Подлунный», «Алмазная труба»» [25, с. 132].
с. Кальвица	Названо в честь пилота Отто Кальвица, который погиб в 1,5 км от Сангара (пгт. Кобяйского улуса), куда доставлял медикаменты [1, с. 121].
с. Киров, с. Кирово	Названы в честь русского революционера, советского государственного и политического деятеля С. М. Кирова [Музей С. М. Кирова] [1, с. 130].
с. Стадухино	Поселок на Стадухинской протоке Колымы. Назван по имени первооткрывателя Колымы Михаила Васильевича Стадухина [8, с. 305].
с. Староватово	Возможно, село названо в честь Петра Хрисанфовича Староватова – Героя Труда, учителя, общественного деятеля, краеведа [1, с. 247].
пгт. Ленинский	Поселок Ленинский Алданского района возник как присовский пункт в 1930 году в связи с открытием и разработкой месторождений золота. Поселок Ленинский является одним из старейших в улусе, был создан в 1931 г. как поселок Сталинский. Через год был переименован в Нижний Сталинск (20 октября 1932 года). В честь 60-летия В. И. Ленина в 1962 г. присовскому управлению было присвоено его имя [25, с. 129].

с. Михайловка	«Названо в честь героя Гражданской войны И. П. Михайлова (Харачааса), орденосца» [11, с. 35].
с. Урицкое	Названо в честь революционера М.С. Урицкого. Село Чекуровка Олёкминского района, в котором он отбывал ссылку, было переименовано в Урицкое [1, с. 295].
с. Фрунзе	«Названо в честь М.В. Фрунзе – революционера, советского государственного деятеля, военачальника Красной армии во время Гражданской войны» [1, с. 303].
с. Чапаево	«Названо в честь В.И. Чапаева – участника Первой мировой и Гражданской войн, начальника дивизии Красной армии. Одна из самых известных исторических личностей эпохи Гражданской войны в России» [1, с. 327].
пгт. Черский	Назван в честь геолога и географа, исследователя Сибири И.Д. Черского [1, с. 332].
пгт. Чернышевский	Назван в честь революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, отбывавшего ссылку в Вилюйском округе [1, с. 331].
с. Чкалов	Названо в честь В. П. Чкалова – советского летчика-испытателя, Героя Советского Союза, командира экипажа самолета, совершившего в 1937 г. первый беспосадочный перелет через Северный полюс из Москвы в Америку [1, с. 331].
с. Ярославский	Названо в честь Е. Ярославского, советского партийного и государственного деятеля, академика АН СССР, отбывавшего ссылку в Якутии в 1913–1917 гг. [26, с. 81]

Антропоонимы, образованные от имени первопредка, родового имени

Архаичные именные основы, родовые имена являются основой многих наименований населенных пунктов Республики Саха (Якутия), наслегов и улусов: Абага (як. Абаҕа), Маймага (як. Маймаҕа), Борогонцы (як. Бороҕон), Дюся (як. Дүсүҥ), Намцы, Нам, Нерюктэй (як. Нөөрүктээйи) и др. Часто модель появления наименования населенного пункта выглядит следующим образом: антропоним – геноним – антропооним / генотопоним (генооним) и является в якутской топонимии одним из продуктивных способов образования географических наименований (в особенности наслегов). Примеры:

– Абага. Название села, предположительно, восходит к Абаҕа Боотур – древнему якутскому имени [27]. Абаҕа / Абака – 1. личное имя; 2. название рода; 3. ‘старший брат отца’; 4. эвф. ‘медведь’; 5. диал. ‘кабарга’; 6. ‘рябчик’ (ДСЯЯ 1976: 39) [28, с. 231];

– Намцы, Нам. Наименования населенных пунктов, по мнению исследователей, образованы от имени князя Мымака Намова: «В Намской волости в начале XVII в. жил Нам. По-видимому, он являлся знатным и влиятельным человеком, так как один из его сыновей Мымак был «князем». Якутский краевед И. Г. Березкин писал, что именно этот Нам и является родоначальником рода Нам, именем которого казаки стали называть волость. Намская (волость)» [26, с. 15];

– Борогонцы. Название села образовано от антропонима – монг. имени Борогон, которое стало генотопонимом [1, с. 63]. Багдарыын Сүлбэ писал: «каково значение слова борогон? Корень этого слова или бор, или боро, а -гон – аффикс, который польский монголист Ст. Калужинский считает монгольским элементом в якутском языке. Боргон – Борогон на древнемонгольском – бора, на современном монгольском бор ‘серый, сивый (о масти); смуглый (о цвете лица)’. Предания позволяют заключить, что Борогон – антропоним, монгольское имя» [26, с. 170–171];

– Дюся. Источником образования села является «древнее якутское имя Дүсүҥ, от него, вероятно, пошло названия крупного якутского рода дюсүҥг. Согласно якутской генеалогии, род происходит от сына Эллэя Сүрдээх Дюсүҥга. Кто-то считает их реальными людьми и произошедшие от них родовые общины кланами» [29];

– Уянди. Есть мнение, что село получило название от имени прапредка местных эвенов, охотника по имени Уйаанды, который пришел со стороны моря Лаптевых и поселился на берегу речки Улахан Ноотту. Вскоре он женился, и у них родилось много детей. Следовательно, внуки Уйаанды распространились по территории Усть-Янского района. С тех пор эту речку называли Уйанди в честь удалого охотника по имени Уйаанды [1, с.302];

– Жархан. Название села, вероятнее всего, образовано от женского имени. Я. И. Линденау писал, что Жархан была одной из трех жен Мунньана, отца Тыгына. «По преданиям, записанным Г. В. Ксенофоновым на Сунтаре, прародительница вилюйских якутов Дьяархан была не якуткой, а иноплеменницей-туматкой. Ее сыновья стали прародителями многочисленных джарханских родов. Следовательно, у вилюйских якутов имеется своя родословная, уходящая корнями к братьям Тыгына со стороны туматки или ньурбачаанки (тунгусский род нюрмаган) Дьяардаа» [30, с. 50].

Здесь стоит заметить, что при анализе данной группы антропоойконимов необходимо быть осторожными в интерпретации, поскольку нередко имена, в том числе родовые, давались людям по названию местности их проживания, а не наоборот.

Заключение

Отантропонимические ойконимы широко представлены в топонимии Республики Саха (Якутия), среди населенных пунктов их 12,2%. Массив антропоойконимов можно классифицировать по следующим лексико-семантическим группам: 1) названия, произошедшие от личных имен, фамилий и прозвищ первых поселенцев, владельцев земель, местных жителей и исторических личностей. Эта группа антропоойконимов является наиболее многочисленной: на территории Якутии значительное количество населенных пунктов, названия которых образованы как от русских, так и от якутских личных имен, фамилий и прозвищ (Антоновка, Владимировка, Дёску); 2) данную группу составляют, мемориальные названия и названия-посвящения: в нее входят наименования географических объектов в честь выдающихся личностей эпохи, чаще всего советской (Черский, Кальвица, Ленинский); 3) наименования от имени первопредка, родового имени – в нее вошли ойконимы с древними архаичными основами по большей части якутского происхождения, образованными по модели антропоним – геноним – антропоойконим (Абага, Намцы, Дюпся).

Таким образом, анализ топонимического материала позволил выявить и описать этимологические особенности антропоойконимов, бытующих на территории Республики Саха (Якутия), составленная классификация показала их социально-культурную значимость в топонимической системе региона.

Л и т е р а т у р а

1. Словарь топонимов Республики Саха (Якутия) : населенные пункты, наслеги, улусы, районы / Никаева Т. М., Старостина А. С., Тарабукина М. В. [и др.] ; автор проекта и главный редактор Т. М. Никаева; Министерство науки и высшего образования РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. – Якутск : Алаас, 2024. – 448 с.
2. Грудинина, А. А. Отантропонимные ойконимы бассейна реки Чикой / А. А. Грудинина, Р. Г. Жамсаранова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2023. – № 4(45). – С. 86–94 (дата обращения: 25.10.2024). DOI: 10.25693/SVG.2023.45.4.007.
3. Дамбуев, И. А. Антропоойконимы Иркутской области и история русского заселения Восточной Сибири. / И. А. Дамбуев // Вестник ИрГТУ. – №5 (76). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/antropooykonimy-irkutskoy-oblasti-i-istoriya-russkogo-zaseleniya-vostochnoy-sibiri/viewer> (дата обращения: 25.10.2024).
4. Золовкина, В. В. Структурно-сематическая классификация антропо-ойконимов Республики Крым / В. В. Золовкина, Н. А. Лобачева // Перспективы науки–2015 : сборник докладов I Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ / научный редактор А. В. Гу-

меров // Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 2. — URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=uxfzxs&ysclid=m36xmg5hx871478428> (дата обращения: 01.11.2024).

5. Хадиева, Г. К. Структурно-словообразовательная характеристика тюркско-татарских ойконимов Республики Татарстан / Г. К. Хадиева, Г. А. Галиуллина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – Кн. 5. – С. 179–185.

6. Кюршунова, И. А. Памятники письменности Карелии как источник исследования антропоойконимов / И. А. Кюршунова // Вопросы ономастики. – 2020. – № 3. – Т. 17. – С. 156–185.

7. Эйик. Өлөөн улууһа / хомуйан онордо уонна бэчээккэ бэлэмнээтэ З. И. Степанова. – Дьокуускай : Бичик, 2010. – 248 с. – (Серия: Саха сиригн нэһилиэктэрэ).

8. Гуков, А. Ю. Топонимика якутской Арктики / А. Ю. Гуков. – Москва : Маска, 2020. – 327 с.

9. Игнатьева, З. И. Эһэбит чыгычаах Дьөгүүр арийбыт аартыгынан / З. И. Игнатьева. – Якутск : СММК-Мастер, Полиграфия, 2019. – 111 с.

10. Акана. Ньурба улууһа [Хомуйан онордо В. М. Николаев]. – Дьокуускай : Бичик, 2018. – 398 с. – (Серия: Саха сиригн нэһилиэктэрэ).

11. Самсонов, Н. Г. Наши имена / Н. Г. Самсонов. – Якутск : Кн. изд-во, 1989. – 143 с.

12. Андросов, Е. Д. Таатта ытык-бэлиэ сирдэрэ / Е.Д. Андросов, Е.Ф. Кузьмина. – [2 тахсыгыта]. – Дьокуускай (Якутск) : Бичик, 2012. – 261 с.

13. Третьяков, А. А. Среднеколымск : исторический очерк / А. А. Третьяков. – Якутск : Бичик, 2001. – 87 с.

14. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 13 т. Т. IV: Буква К / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2007. – 672 с.

15. Лебедева, В. В. К вопросу о способах образования этнических топонимов Центральной Якутии / В. В. Лебедева, Л. А. Яковлева // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 1 – С. 394–395. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosuo-sposobah-obrazovaniya-etnicheskih-toponimov-tsentralnoy-yakutii/viewer> (дата обращения: 12.10.2024).

16. Түгэх өбүгэлэрбит олохторун сэхэнэ. Даккы нэһилиэгин, Бараһыылап аатынан холкуос историятынан / Хомуйан онорооччу-автор А. Н. Михайлов. – Дьокуускай : Сайдам, 2017.

17. Николашкина, А. А. Топонимия Олэкминского улуса / А. А. Николашкина, С. В. Николашкин. – Якутск : Сфера, 2017. – 204 с.

18. Меркель, Е. В. Лексико-семантический анализ ойконимов Южной Якутии / Е. В. Меркель, А. Р. Петровская, Л. А. Яковлева // Казанская наука. – 2018. – № 10. – С. 105–107.

19. Жиленкова, И. И. Региональная топонимика (ойконимия Белгородской области) : учебное пособие к спецкурсу. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – 110 с.

20. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка: в 3 томах / Э. К. Пекарский; Российская акад. наук. – [3-е изд., испр. и доп.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2008.

21. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка : в 3 томах. – Москва : АН СССР, 1959.

22. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка, составленный Э. К. Пекарским при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионова : [выпуски 1–13]. – Санкт-Петербург : Изд. Российской Академии Наук, 1907–1930. – 30 т.; 30 см. – (Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирикова (1894–1896 гг.); Т. 3, ч. 1). Вып. 6: (л, I, м, н, о). – Петроград : Изд. Императорской Академии наук, 1923.

23. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? – Москва : Наука, 1984. – 182 с.

24. Самсонова, Л. Н. Русские и гибридные ойконимы Якутии / Л. Н. Самсонова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 100–109. – DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-3-100-109.

25. Меркель, Е. В. Переименования топообъектов на территории Южной Якутии Республики Саха (Якутия) : лингвистический аспект / Е. В. Меркель, Л. Д. Ядреева, Л. А. Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и науки. – Тамбов : Грамота, 2017. – Номер 11–1 (77). – С. 128–130.

26. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии : Крат. науч.-поп. очерк / Багдарыын Сүлбэ ; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), ИГИИПМНС. – [изд. 2-е, испр. и доп.]. – Якутск : Бичик, 2004. – 192 с.

27. Наумова, Н. В. Влияние русского языка на топонимы Республики Саха (Якутия) / Н. В. Наумова, С. Д. Старостина // Образование и наука в России и за рубежом. – № 13 (Vol. 48). – 2018. – URL : <https://www.gymal.ru/statyi/ru/1098/> (дата обращения: 22.10.2024).

28. Николаев, Е. Р. Якутские личные имена : лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Егор Револьевич Николаев. – Якутск, 2018. – 267 с.

29. Ушницкий, В. В. Тюрко-монгольские этнонимы, представленные в топонимике Якутии (по работам М. С. Иванова-Багдарыын Сүлбэ / В. В. Ушницкий // Топонимист Багдарыын Сүлбэ и якутская ономастика. – № 2. – 2018. – URL : <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Bagdaryn.19pdf> (дата обращения: 05.11.2024).

30. Ушницкий, В. В. О времени заселения Вилюя якутами // Проблемы востоковедения. – 2017. – № 4 (78). – С. 48–51.

References

1. Nikaeva TM, Starostina AS, Tarabukina MV, et al. Dictionary of toponyms of the Republic of Sakha (Yakutia): localities, naslegs, uluses, districts. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. Yakutsk: Alaas Publishing, 2024:448 (in Russian).

2. Grudinina AA, Zhamsaranova RG. The anthroponymic oykonoms of the Chikoy River. North-Eastern Journal of Humanities, 2023;4(45):86-94. [Accessed 25 October 2024]. DOI: 10.25693/SVG.V.2023.45.4.007 (in Russian).

3. Dambuev IA. Anthroponymic oikonoms in the Irkutsk region and the Russian settlement of Eastern Siberia. Journal of ISTU, 5(76). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/anthropooykonimy-irkutskoy-oblasti-i-istoriya-russkogo-zaseleniya-vostochnoy-sibiri/viewer> [Accessed 10.25.2024] (in Russian).

4. Zolovkina VV, Lobacheva NA. Structural-semantic classification of anthroponyms of the Republic of Crimea. Prospects for Science – 2015. Proceedings of the 1st International Absentia Competition of Research projects. In: Gumerov AV (ed.). Social studies and humanities, 2015:2. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=uxfzxs&ysclid=m36xmg5hx871478428> [Accessed 1 November 2024] (in Russian).

5. Khadieva GK, Galiullina GA. Structural and Word-Formation Characteristics of the Turko-Tatar Oikonoms of the Republic of Tatarstan. Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities, 2013;155(5):179-185 (in Russian).

6. Kyurshunova IA. Karelian Written Documents as a Source for Studying Deanthroponymic Settlement Names. Questions of onomastics, 2020;17(3):156-185 (in Russian).

7. Stepanova ZI. Eyik. Olenyoksky ulus. Series: Naslegs of Yakutia. Yakutsk: Bichik, 2010:248 (in Yakut).

8. Gukov AYU. Toponymy of the Yakut Arctic. Moscow: "Mask", 2020:327 (in Russian).

9. Ignatieva ZI. On the roads explored by Chyychakh Gyogyor. Yakutsk: SMIC-Master, Printing, 2019:111 (in Yakut).

10. Nikolaev VM. Akana. Nyurbinsky ulus. Series: Naslegs of Yakutia. Yakutsk: Bichik, 2018:398 (in Yakut).

11. Samsonov NG. Our names. Yakutsk: Book publishing house, 1989:143 (in Russian).

12. Androsov ED, Kuzmina EF. Sacret places of Tattinsky district. 2nd ed. Yakutsk: Bichik, 2012:261 (in Yakut).

13. Tretyakov AA. Srednekolymsk: historical essay. Yakutsk: Bichik, 2001:87 (in Russian).

14. Sleptsov PA. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 13 volumes. Letter K. Volume 4. Novosibirsk: Science, 2007:672 (in Yakut and Russian).

15. Lebedeva VV, Yakovleva LA. To the problem of methods of research for indigenous placenames of Central Yakutia. World of science, culture, education, 2018;1:394-395. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosuo-sposobah-obrazovaniya-etnicheskih-toponimov-tsentralnoy-yakutii/viewer> (in Russian).

16. Mikhailov AN. Life story of distant ancestors. History of Dakky nasleg, the Voroshilov collective farm. Yakutsk: Saidam, 2017 (in Yakut).

17. Nikolashkina AA, Nikolashkin SV. Toponymy of the Olekminsky ulus. Yakutsk: Sphere, 2017:204 (in Russian).

18. Merkel EV, Petrovskaya AR, Yakovleva LA. Lexical-semantic analysis of oikonyms in Southern Yakutia. *Kazan Science*, 2018;10:105-107 (in Russian).
19. Zhilenkova II. Regional toponymy (oikonyms of the Belgorod region). Textbook for the special course. Belgorod: BelSU Publishing House, 2001:110 (in Russian).
20. Pekarsky EK. Dictionary of the Yakut language: in 3 volumes. 3rd ed. Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: Science, 2008 (in Russian).
21. Pekarsky EK. Dictionary of the Yakut language: in 3 volumes. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1959 (in Russian).
22. Pekarsky EK. Dictionary of the Yakut language. St. Petersburg: Publishing house. Russian Academy of Sciences, 1907–1930. Proceedings of the Yakut expedition, equipped with funds from I.M. Sibiryakov (1894–1896). Petrograd: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences, 1923 (in Russian).
23. Superanskaya AV. What is toponymy? Moscow: Nauka, 1984:182 (in Russian).
24. Samsonova LN. Russian and hybrid oikonyms of Yakutia. *Vestnik of the North-Eastern Federal University*, 2023;20(3):100-109. DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-3-100-109 (in Russian).
25. Merkel EV, Yadreeva LD, Yakovleva LA. Renaming of topo objects on the territory of South Yakutia of the Sakha Republic: linguistic aspect. *Philology. Theory and Practice*. Tambov: Gramota, 2017;11(77):128-130 (in Russian).
26. Bagdaryyn Syulbe. Toponymy of Yakutia: a short popular science essay [2nd ed., corrected and complemented]. Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), IHRISN. Yakutsk: Bichik, 2004:192 (in Russian).
27. Naumova NV, Starostina SD. Influence of the Russian language on toponyms of the Republic of Sakha (Yakutia). *Education and science in Russia and abroad*, 2018;48(13). Available at: <https://www.gymnal.ru/statyi/ru/1098/> [Accessed., 22 October 2024] (in Russian).
28. Nikolaev ER. Yakut personal names: the lingual-cultural aspect. Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk: Sciences, 2018:267 (in Russian).
29. Ushnitsky VV. Turkic-Mongolian ethnonyms, submitted to the toponymy of Yakutia (on materials of M.S. Ivanov-Bagdaryyn Syulbe). 2018:2. Available at: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Bagdaryn.19pdf> [Accessed 5 November 2024] (in Russian).
30. Ushnitsky VV. About the time of settlement of Vilyui by the Yakut people. *Problems of Oriental Studies*, 2017;4(78):48-51 (in Russian).

НИКАЕВА Татьяна Михайловна – к. филол. н., доцент кафедры русского языка филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: elizarovat@mail.ru

Tatyana M. NIKAEVA – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof. of the Russian Language Department, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern University.

ПЕЧЕТОВА Наталья Юрьевна – к. филол. н., доцент кафедры русского языка филологического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: pechetovan@mail.ru

Natalya Yu. PECHETOVA – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof. of the Russian Language Department, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern University.

УДК 821.512.157

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-171-178

Аспекты изучения художественного наследия Т. Сметанина

В. Б. Окорокова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ bokorsaisar@mail.ru

Аннотация. Изучение творчества писателя-воина Т. Сметанина началось с 1970-х годов с монографии Н. З. Копырина «Тимофей Сметанин: жизнь и творчество» (1976) и продолжается по сей день. Интерес к творчеству многогранно талантливого писателя не угасает. Тимофей Егорович Сметанин (1919–1947) прожил короткую жизнь, он умер всего 27 лет от роду, но сумел оставить богатое творческое наследие. Т. Сметанин успешно работал во всех жанрах художественной литературы и был широко известен как детский писатель, поэт-фронтовик, прозаик и драматург. Изучение его творчества становится актуальным не только в связи с 105-летней юбилейной датой со дня рождения писателя и 80-летием со дня Победы в Великой Отечественной войне, но и в целях восстановления полной картины истории, развития якутской литературы, роли и вклада в нее талантливого писателя. Цель работы заключается в выявлении вклада якутского поэта, прозаика, драматурга Тимофея Сметанина в развитие якутской литературы. Произведения Т. Сметанина имели огромное значение для якутских читателей – поддерживали боевой дух якутских солдат-воинов, на его произведениях выросло несколько поколений детей, его произведения продолжают жить до сих пор. Он создал свой особый авторский стиль – это его романтические образы, легкость слога, юмористическое повествование и оптимистический пафос.

Ключевые слова: якутская литература, Тимофей Сметанин, талант, жанр, стиль, детская литература, военная тематика, поэзия, проза, драма, фольклоризм.

Для цитирования: Окорокова В. Б. Аспекты изучения художественного наследия Т. Сметанина. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 171–178. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-171-178

Aspects of studying T. Smetanin's creative heritage

V. B. Okorokova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ bokorsaisar@mail.ru

Abstract. The study of T. Smetanin's writings has begun in the 1970s since N. Z. Kopyrin's monograph 'Timofei Smetanin: Life and Work' (1976) and has continued to the current day. The interest to the works of the versatilely talented writer does not disappear. Timofei Egorovich Smetanin (1919–1947) lived a short life, he died only at the age of 27, but he was able to keep a rich creative heritage. T. Smetanin was successfully writing in diversity genres of fiction literature. He was known as children's book writer, frontline poet, prose writer and screenwriter. The study of his work becomes relevant not only in the context of the 105th anniversary of the writer's birth and the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, but in order to create a complete picture of the history and development of Yakut literature, and the contribution of the talented writer into it. The purpose of the research is to reveal the contribution of Timofei Smetanin to the development of Yakut literature. T. Smetanin's writings had huge importance for Yakut readers and inspired the martial spirit of Yakut soldiers. On his works several generations of children were raised, and today his works are still alive. He created his own specific writing style - it includes romantic images, easy syllable, humorous narration and optimistic pathos.

Keywords: Yakut literature, Timofei Smetanin, talent, genre, style, children's literature, military topics, poetry, prose, drama, folklorism.

For citation: Okorokova V. B. Aspects of studying T. Smetanin's creative heritage. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 171–178. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-171-178

Введение

Советская литература 1940-х годов была богата талантами в литературе и произведениями-шедеврами, что, как отмечают, было вызвано такими крупными историческими событиями, как Великая Отечественная война, Великая Победа в ней и восстановление страны, ее хозяйства из руин. Расцвет поэзии и песенного творчества – военные стихи и песни, поэма А. Твардовского «Василий Теркин», романы на военную тематику. Создаются и такие произведения, которые были запрещены в послевоенное время, например, повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца» (1943). Примечательно, что именно в 1940-е гг. заблистал всеми красками радуги талант якутского писателя Т. Сметанина. С одной стороны, молодой человек, полный оптимизма и энергии, радовался жизни и, веря в коммунистические идеалы, считал, что живет в самой счастливой стране, и с оружием в руках защищал свою родину. С другой стороны, власти, отвлеченные на события мировой войны, несколько ослабили железный контроль за явлениями художественной литературы. Т. Сметанин был в курсе событий отечественной литературы и испытал благотворное влияние произведений русских и якутских писателей. В годы войны в 1942 г. вышел первый якутский роман – «Марыкчанские ребята» Эрилик Эристина, который дошел до якутских солдат и своим патриотизмом поднял их боевой дух. Т. Сметанин в своем письме с благодарностью отозвался о романе: «Эриликом написано прекрасное произведение, которое я прочитал с превеликим удовольствием» [1, с. 72]. Софрон Данилов писал: «Когда гремят пушки, умолкают музы, – говорили древние греки. Но история литературы доказывает обратное: именно в суровые годы отчаянной борьбы за победу народа рождались великие произведения» [2, с. 306]. Якутские писатели не только сражались за Родину, но и активно писали. Так, только в 1943 г. в газете «Кыым» было напечатано 60 стихотворений, 58 рассказов и 140 очерков на военно-патриотическую тематику. Среди авторов имя Т. Сметанина упоминалось чаще всех.

Тимофей Сметанин (1919–1947) прожил короткую жизнь, умер в 27 лет, но сумел оставить богатое творческое наследие. Изучение его творчества становится актуальным не только в связи с юбилейной датой писателя и с 80-летием со дня Победы в Великой Отечественной войне, но и в целях восстановления полной картины истории, развития якутской литературы, роли и вклада в нее талантливой писателя. Т. Сметанин успешно работал во всех жанрах художественной литературы и был широко известен как детский писатель, поэт-фронтовик, прозаик и драматург. Первым исследователем его творчества был Н. З. Копырин, написавший монографию «Тимофей Сметанин: жизнь и творчество» (1976). Затем вышли книги: «Т. Е. Сметанин: воспоминания, статьи» (2009), «Тимофей Сметанин: фотографии, документы» (2019) и др. В десяти томной книге «Война и мир: Великая Отечественная война в русской поэзии XX–XXI вв.» были напечатаны и стихи Т. Сметанина (2015). Часто издаются отдельными книгами произведения писателя. Много работы ведется для увековечивания памяти талантливого якутского писателя.

Детская литература в творчестве Т. Сметанина

Молодой якутской литературе 30-х гг. XX в. в период становления образования в республике были необходимы произведения для детей. С другой стороны, якутские критики отмечали отставание детской литературы и ставили задачи ее развития, в связи с чем проводились конкурсы среди авторов детских произведений, в которых Т. Сметанин неизменно занимал призовые места. Юный в то время Т. Сметанин, будучи школьником, заявил о себе как автор произведений для детей, начал печататься с 1937 г. и писал всю свою жизнь. Н. Копырин правомерно признал его творчество как «посвященное детям» [3, с. 122]. Сам писатель говорил: «Учить бы детишек жить и преодолевать трудности» [4, с. 63]. Он был и теоретиком детской литературы, писал статьи и говорил: «Произведения должны быть предельно простыми и понятными для детей. Иначе и писать не стоит» [4, с. 65]. Он сам придерживался этих принципов. До войны было напечатано всего

20 его стихов и рассказов для детей, в которых он с большой любовью раскрывает детский мир и с юмором изображает занятия и игры детей, вникая в их интересы. Во времена господства идеологической направленности литературы в его произведениях подкупает то, что у автора нет назидательности и дидактичности, автор учит детей общечеловеческим ценностям и высокой нравственности – нужно быть честными, добрыми, смелыми и смекалистыми. Героями его стихов и поэм выступают не только дети, но и много различных птиц и зверей. Это создает ощущение, что дети живут вместе с ними и сообща решают различные проблемы. На самом деле якутские дети того времени были неотделимы от природы, с которой с ранних лет были очень близки. Все звери говорят, поют, танцуют, действуют, как и дети. При этом у каждого свой характер, они узнаваемы, что впечатляет юного читателя. Автор высмеивает нерадивого, неумелого медведя, хвастливого зайчонка, трусливого котенка, самовлюбленного лосенка и др. Но также он находит и такие образы, которые можно ставить детям в пример, например, в стихотворении «День зайчонка», зайчонок выполняет всю домашнюю работу, чтоб быть полезным родителям, помогает старикам и т. д. В поэме «Олонхо кота» писатель показывает как все звери передразнивают и смеются над мальчиком, а поучающий кот осуждает ленивого ученика, получающего двойки и недобросовестно относящегося к учебе.

Лень уроки мне учить –

Лень-лень-лень.

Мне лежать бы на печи –

День-день-день... – (Перевод Б. Лукина).

с удовольствием поет первоклассник. Но он для всех становится неудачником и посмешищем:

И куда не побежит он от стыда,

Всюду лес и поле, небо и вода.

Там собаки и коровы, петухи,

И быки, и утки, рыбы, кулики...

Все-то звери... Все! Все!

Все-то птицы... Все! Все!

Обзывают и ругают, и стыдят,

Не жалеют нерадивое дитя! (Перевод Б. Лукина).

В 1943 г. выходит повесть «Приключения охотника Мэхээлэчээна» в соавторстве с Я. Стручковым, в которой авторы с искрометным юмором изображают похождения своего героя. Мэхээлэчээн попадает в разные передряги, неожиданно встречаясь с медведем, волком и с другими опасными зверями, при этом всегда выходит из нее не только невредимым, но и с трофеем для своих родных. Повесть искрится юмором. В главе «Как на голове утка снесла яйцо, а от смерти спас волк» мальчик слетает со своего коня и, упав по самое горло в болото, застревает в нем. Пока он спал, на его лохматых волосах засохла болотная грязь. Приняв их за кочку, утка снесла яйцо. От удивления мальчик сумел освободить одну руку, тут подходит голодный волк полакомиться яйцом: «“Да это же волк!” Я закричал так, что не узнал своего голоса, истошно, громко. Волк от неожиданности ударил меня хвостом и бросился бежать! Я невольно успел схватиться за его мохнатый толстый хвост. Волк меня выдернул из топи...» [5, с. 113, перевод В. Карпова]. Таким чудесным образом он спасается. И каждый раз он выходит из всех своих приключений живым-невредимым. Эта приключенческая повесть с гротескным юмором напоминает похождения барона Мюнхгаузена, однако тема, образы и сюжет имеют сугубо национальный колорит. Основная тема повести – охота, исконное занятие якутов. Дети с юных лет начинают одолевать азы охотничьего искусства своих предков: учатся быть сильными, смелыми, смекалистыми, овладевают всеми охотничьими навыками и умением общаться с природой.

После войны он продолжает писать для самых маленьких читателей поэмы-сказки, пьесы («Девочка в красном платке», «Кошки и лиса», «День зайца», «Танец зверей», «Олонхо

кота»), рассказы («Как учился серый заяц», «Урок отца»; сказку «Жаворонок») и др. «Сказка Т. Сметанина “Жаворонок” напоминает по сюжету “Золушку”, но образы ее, бытовые детали близки к якутскому фольклору. Вся она носит яркий отпечаток национального колорита. Юные читатели тепло, с живой симпатией относятся к образу трудолюбивой падчерицы и радуются ее заслуженному счастью, которое она нашла, перенесла жесткие невзгоды и трудности» [6, с. 75]. Действительно, писатель в сюжет волшебной сказки не только вплетает бытовые зарисовки, но и решает бытовые проблемы.

Переводчик произведений Т. Сметанина Б. Лукин писал: «Перевел я вместе с поэмой «Анюта» и все детские произведения Сметанина и окончательно убедился в грандиозности его таланта. Вот уж где разгулялась молодая фантазия. Поэмы объемны, в каждой из них есть сквозной сюжет, у множества героев – людей и животных – своя история, характер, голос... Как полюбил я после этой работы Сметанина за точность деталей, за невероятные незнакомые мне прежде картинки из будней якутских детей. Тимофею Сметанину удалось добавить свои строки к вечно звучащей песне якутского народа» [7, с. 26].

Тимофей Сметанин – поэт и прозаик

Поэтические произведения Т. Сметанин писал с юности, еще в мирное время, но большую известность получили его фронтовые стихи, и Тимофей Сметанин прежде всего воспринимается как поэт-воин. Он «был солдатом в составе 284-го минометного полка 13-й отдельной минометной бригады специального резерва Верховного Главного Командования на Прибалтийском, Северо-Западном и Южном фронтах. Принимал участие в сражении на Курской дуге, был участником Наево-Маевской операции, обеспечившей прорыв блокады Ленинграда. В боях за деревню Федорухново под сильным минометным огнем противника 14.01.1944 Т. Сметанин устранил 18 прорывов линий, обеспечив бесперебойную связь наблюдательного пункта и огневых позиций, своевременное ведение огня по противнику и успешное продвижение пехоты» [4, с. 3].

Сметанин не выпускал из рук своего карандаша и писал везде, где бы ни находился: в минуты затишья на фронте, в залитых водой окопах, в холодных землянках. Тема войны становится основной в творчестве писателя: «Работая над переводами, я понял, что же помогло так рано творчески состояться Сметанину. Как бы не показалось это странным, но – Война. Обилие фронтовых впечатлений наполнило писательскую душу незабываемыми образами и эмоциями. Радостные открытия при встречах с огромным количеством людей разных национальностей, возможность увидеть почти всю Россию, исходить ее ногами... И трагические переживания – выжженная врагами страна, угнанные в рабство люди, обездоленные старики, сироты-дети, тысячи погибших сверстников... а в тылу истощенная голодом родная деревня...» [7, с. 26].

В военных стихах предстает весь путь его фронтовой дороги и бытия на войне. В стихотворении «Прощание» солдат расстается с любимым краем, родной природой, близкими людьми, его провожает любимая девушка. При этом сам поэт был еще юнцом, не встретившим первую любовь и не познавшим этого прекрасного чувства. В солдатских буднях бойцы ведут неспешные, порой искренние, открытые сокровенные беседы о мирной жизни. В стихотворении «Задушевный разговор» автор жалеет молодого паренька, так и не познавшего радостей жизни, и старого солдата, тоскующего по дому, родным. Страшные трагедии войны, навсегда отпечатавшиеся в его мозге, рвут его душу – «Анюта», «Черные волосы с кровью», «Освобожденная деревня», «Ненависть» и др. В 1942 г. Т. Сметанин переводит на якутский язык стихотворение Алио Мирцхулавы «Проклятье врагу», в то же время К. Симонов пишет стихотворение «Убей его». Продолжая их патриотизм, Т. Сметанин пишет стихотворение «Ненависть», где призывает быть беспощадными к ненавистному врагу. Такой мотив продолжается и в его стихотворении «Бейся за правду!»

Основным и программным его произведением, притягивающим внимание читателей, стало «Сердце солдата», в котором солдат, увидевший кровавую войну и встретившийся со многими опасностями, все равно уверен в том, что он счастлив – любовь к жизни, тяга к

красоте всегда наполняют его сердце, возможно, и поэтому он выходит живым. Патриотизм получает оптимистическое звучание – это признание в любви к жизни, такого солдата одолеть невозможно:

Если свобода,
Завоеванная мною
Засияет солнцем над миром,
Даже став безногим
Или хромым,
От ран, полученных в бою,
Все равно скажу –
Знаю счастье земное... (Перевод В. Иванова).

В стихотворении «Солдат и смерть» раненый солдат не подчиняется Смерти, пришедшей забрать его, и идет прочь от нее, с трудом поднявшись на ноги. Смерть остается ошеломленной его смелостью, твердостью духа:

«На земле якутов
Вот какие крепкие, упрямые
Рождаются, оказывается», –
Сказала Смерть.
Изумилась и исчезла,
Во мраке ночи превратившись в зловонный дым...» (Перевод В. Иванова).

Поэт свое стихотворение снабжает пояснением: «По Твардовскому». Во время войны все солдаты читали «Василия Теркина». Молодого поэта-воина также волнует эта тема, но это не простое переложение произведения другого автора. Поэтому прав исследователь Н. З. Копырин: «Мотивы поэтов схожие. Но ситуации разные – Твардовский показывает, как спасают солдата, и Смерть восхищается дружбой и преданностью советских людей. В стихотворении Сметанина Смерть удивляется силе духа человека, борющейся со Смертью, как и с врагом» [3, с. 46–47].

Наконец солдат возвращается на родину – «Как хорошо быть живым», и его встреча с ней волнительна. Стихотворение «Это – Лена» стало известной песней, передающей радость возвращавшихся с победой солдат. Торжественность высокого слога, мажорный мотив как бы сами ложатся на музыку. Отсюда они ушли на фронт, прощаясь с родными просторами, здесь они увидели долгожданную красавицу – реку Лену:

Увидеть мне довелось
Синеvu твоих вод,
Узреть мне довелось
Волну черных кос... (Перевод В. Иванова).

Также много стихов было посвящено желанной радостной Победе. Поэт написал поэму «Ленские волны», где родная Лена выступает защитницей своих сыновей-воинов, сопереживая им, провожая и встречая их, как усталых путников.

Т. Сметанин в своих стихах раскрывал военную тематику, создавал образ негибаемого воина и поднимал боевой дух якутского солдата.

Т. Сметанин был и прозаиком, писал очерки и рассказы. В 1947 г. вышла его повесть «Егор Чээрин». Как образованный человек на фронте он во многом помогал своим сослуживцам, писал для них письма домой и любимым девушкам, в часы отдыха читал для них художественную литературу, все добытые книги бойцы приносили ему. «О том, что Тимофей настоящий писатель, мы узнали в 1943 году. Ему прислали его книгу «Приключения охотника Мэхээлэчээна», только что вышедшую в свет. Тогда, помню, боевые друзья дали ему наказ обязательно написать потом книгу о них» [8, с. 75]. Свое обещание он выполнил. В повести писатель создает множество образов солдат разных национальностей: русские (снайпер Гурьянов, повар Бычков, командиры-офицеры), татарин Искандер, якуты и др. Показывает и образы противников, немецких офицеров.

В повести солдат-якут Чээрин становится метким снайпером. Известно, что многие якуты как меткие стрелки-охотники становились снайперами, были среди них и Герои Советского Союза. Таким образом, автор с точностью попадает в образ якутского солдата. Чээрин попадает в различные ситуации, передраги и, как и охотник Мэхээлэчээн, всегда выходит из них победителем. В освобожденной им деревне он вбегает в хату и кричит: «Ким да суох!», и тут, к его изумлению, из-за печки выходят фашисты с поднятыми руками. «Ким да суох!» (Никого нет!) им слышалось как «Хенде хох!» — так солдат Чээрин захватывает пленников. Попад в плен, он сумел сбежать и, устроив переполох, помогает атаке своей армии.

В повести много юмора и приключений, что впервые наблюдается в таком серьезном жанре, как произведения о войне. Здесь также чувствуется влияние стиля А. Твардовского. Повесть Т. Сметанина на русском языке вышла в 1970 г. Можно провести параллели между произведениями А. Твардовского, Т. Сметанина, В. Войновича. В. Войнович пишет о том, что А. Твардовский не взял в свой журнал его роман потому, что усмотрел похожесть в именах героев: «Почему все герои Теркины-Бровкины-Травкины-Чонкины?» [9, с. 476]. А так объясняет имя своего героя В. Войнович: «Реальный Чонгин действительно слыл посмешищем, зато был очень хорошим охотником. Я знал его не то, что лично, а так, видел издали. Мимолетное впечатление послужило поводом для создания характера моего героя, но именно русского, а не якутского — за якутский характер я бы не взялся...» [9, с. 178]. Удивительным образом, Чээрин Т. Сметанина встает в галерею этих героев, не теряющихся в условиях войны, неунывающих веселых солдат. В 2020 г. по повести писателя вышел художественный фильм «Егор Чээрин».

В целом Т. Сметанин не только первым создал образ якутского солдата, но и раскрыл его характер: «Т. Сметанин в своих произведениях убедительно раскрывает характер якутского солдата, его помыслы, чувства, переживания, нерасторжимую связь с родной природой, народом, глубокую любовь к Родине» [10, с. 16].

Тимофей Сметанин – драматург

Драматургический талант писателя проявлялся в детских произведениях: его поэмы, пьесы, в которых действовали животные, ставились на сцене для детей дошкольного возраста. По ним можно создать и мультфильмы. В 1947 г. вышла романтическая драма Т. Сметанина «Лоокуут и Нюргусун». Сюжет юных влюбленных волновал все народы: как Ромео и Джульетта, Лоокуут и Нюргусун сражаются за свою любовь. В отличие от трагедии Шекспира драма Т. Сметанина имела счастливый финал. В драме много юмора, песен. Молодые уверенно смотрят в будущее и побеждают косность старшего поколения. Лирическая драма о любви имела большой успех у зрителей, уже в 1950 г. отметили ее сотую постановку на сцене Якутского государственного театра. А ее постановка в Кремлевском театре в 1959 г. имела оглушительный успех: «Там тоже выступили с успехом. Сам министр культуры РСФСР А. И. Попов принимал нас, наградил 30-ю тысячами руб. и подарил автобус. Профессор Малого театра Л. Дейорун сказал очень хорошие слова: «Театр с берегов Ледовитого океана обрадовал москвичей. Я сравнил Сметанина с Шекспиром, но Сметанин превзошел его, он не убил своих героев...». О нас много писали в центральных газетах и журналах: «Театральная жизнь», «Советская женщина» и др. Еще были сняты киножурналы. Вся эта победа — наш Тимофей...» [7, с. 83]. Ставят ее и на современных сценах театров республики.

В 2017 г. произведения для детей Т. Сметанина впервые были переведены на русский язык, и даже по истечении многих лет со дня смерти писателя переводчики В. А. Карпов, Б. И. Лукин сумели оценить его немеркнущий талант. Карпов, отмечая гениальность якутского писателя и называя его «якутским Лермонтовым», говорит: «Его стихи удивительно чистые, легкие и наполняют душу только светом... Как может человек, прошедший войну, увидевший боль и смерть, сам весь израненный оставаться добрым к людям и себе...» [7, с. 25].

Знаток и любитель якутской литературы У. Моисеев пишет: «По телевизору видел выступление поэта, переводчика, редактора по языку МХАТ Б. И. Лукина. Он рассказывал о нашем Т. Сметанине и сказал: "Якутская литература подарила России великого писателя по таланту и гениальности Т. Сметанина..." Я был восхищен до глубины души...» [11]. Исследователь творчества Т. Сметанина А. Аржаков назвал его якутским Гайдаром и написал: «Мы должны его почитать и превозносить, как и Твардовского, Симонова, Шолохова» [12, с. 88]. Такие высокие оценки получает творчество Т. Сметанина.

Заключение

Таким образом, произведения Т. Сметанина имели огромное значение для якутских читателей: они поддерживали боевой дух якутских солдат-воинов, на них выросло несколько поколений детей, его произведения продолжают жить до сих пор. Он создал свой особый стиль, к которому относятся романтические образы, легкость слога, юмористическое повествование и оптимистический пафос. Влюбленный в жизнь писатель заряжает своих читателей энергией, наполняет их души радостью бытия в этом мире. Писатель – мастер сюжета, его фантазия бьет ключом, язык отличается простотой, вместе с тем он легкий, искрист. Его произведения отличает глубокий фольклоризм: он использует такие жанры фольклора, как сказка, басня, песня, а его основное крупное произведение «Лоокуут и Нюргусун» написано по сюжетам народного устного творчества. Поражает продуктивность писателя: он написал более 7 тысяч стихотворных строк, кроме этого, им создано множество прозаических и драматических произведений, при этом они все, как говорится, отмечены искрой божьей. Тимофей Сметанин свои основные творения создал в последние годы жизни, в основном в 1947 г. Это свидетельствует о том, что в силу обстоятельств, не зависящих от него, не смог использовать весь потенциал своего огромного таланта. Он умер молодым от последствий ран, полученных на войне, и его творчество прервалось на самом взлете. Таким образом, талантливый писатель Т. Сметанин внес огромный вклад в развитие детской литературы, поэзии, прозы и драматургии в якутской литературе.

Л и т е р а т у р а

1. Письма солдата / Составитель Д. Д. Петров. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1970. – 343 с.
2. Данилов, С. П. Знаю я земное счастье... / С. П. Данилов // Писатели и книги. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1980. – С. 303–307.
3. Копырин, Н. З. Тимофей Сметанин (жизнь и творчество) / Н. З. Копырин. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. – 127 с.
4. Окорокова, В. Б. Не забудем Тимофея Сметанина : монография / В. Б. Окорокова ; вступ. слово М. И. Эверстова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2020. – С. 3–4.
5. Сметанин, Т. Стихотворения, рассказы, повести, сказка и пьесы для детей / Т. Сметанин ; перевод В. Карпова, Б. Лукина. – Якутск : Алаас, 2017. – 208 с.
6. Ямпольская, М. Л. Краткий очерк якутской детской литературы / М. Л. Ямпольская, Н. Е. Петров. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1959. – 116 с.
7. Лукин, Б. Я перевел Тимофея Сметанина // Тимофей Сметанин : Фотографии, документы. – Якутск : Дом печати, 2019. – С. 25–26.
8. Николаев, Н. Н. Любимец взвода связистов // Социалистическая Якутия, 1989. – 25 ноября.
9. Войнович, В. Автопортрет : роман моей жизни / В. Войнович. – Москва : Эксмо, 2017. – 822 с.
10. Башарина, З. К. Проблема героического в литературе народов Якутии : 1940–1990-е гг. / З. К. Башарина. – Новосибирск : Наука, 2005. – 125 с.
11. Моисеев У. Волнуюсь и горжусь // Кыым. – 2019. – 27 июня.
12. Архипов А. Творец, родившийся в годы бурь // Чолбон. – 1999. – № 11. – С. 87–89.

References

1. Petrov DD. Letters of a soldier. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House, 1970:343 (in Yakut).
2. Danilov SP. The worldly happiness I know. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House, 1980:303-307 (in Yakut).
3. Kopyrin NZ. Timofei Smetanin (life and work). Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House, 1979:127 (in Yakut).
4. Okorokova VB. Timofey Smetanin should not be forgotten. Yakutsk: NEFU Publishing house, 2020:3-4 (in Yakut).
5. Smetanin T. In: Karpov V, Lukin B (trans.). Poems, stories, novels, fairy tales and plays for children. Yakutsk: Alaas, 2017:208 (in Russian).
6. Yampolskaya ML, Petrov NE. A brief essay on the Yakut children's literature. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House, 1959:116 (in Russian).
7. Lukin B. I have translated the works of Timofei Smetanin. Timofei Smetanin: photos, documents. Yakutsk: Printing House, 2019:25-26 (in Russian).
8. Nikolaev NN. A special favourite of a communication platoon. Socialist Yakutia, 1989 (in Russian).
9. Voinovich V. Self-portrait: the novel of my life. Moscow: Eksmo, 2017:822 (in Russian).
10. Basharina ZK. The Problem of the Heroic in the Literature of the Yakut Peoples: 1940-1990s. Novosibirsk: Nauka, 2005:125 (in Russian).
11. Moiseev U. Excited and proud. Kyym, 2019 (in Yakut).
12. Arkhipov A. The creator, who was born in the years of storms. Cholbon, 1999;11:87-89 (in Yakut).

ОКОРОКОВА Варвара Борисовна — д. филол. н., проф. каф. якутской литературы ИЯКН СВ РФ ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: bokorsaisar@mail.ru

Varvara B. OKOROKOVA – Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 81.373

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-179-190

«Сожженный луной тополек»: дендронимы с негативными коннотациями в лирике А. А. Ахматовой

Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова ✉, О. Н. Матвеева

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, Воронеж, Россия

✉ nadia.golubtsova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей репрезентации конструкций с упоминанием деревьев (дендронимов) с негативными коннотациями в лирике А. А. Ахматовой. Реконструируется индивидуально-авторская модель восприятия мира растений, воссоздается образ дерева как медиатора, осуществляющего связь между «живыми» и «мертвыми», «верхним» и «нижним» мирами. Определяются комплексы негативных коннотаций, интерпретирующих традиционные значения дендронимов в контексте индивидуально-авторского восприятия с учетом частотности употребления тех или иных фитонимов; выявляется лексико-грамматическая специфика текстового отображения окружающего мира через дендронимы. Выделяются основной инструментарий смысловой интерпретации образа дерева через системы «метафоризация природы» и «психологический пейзаж». Систематизируются приоритеты в трактовке традиционной символики деревьев и кустарников через комплекс устойчивых тем и мотивов: деформация любовного чувства, рефлексия после расставания, образ болезни как негативного эффекта разрыва между миром человека и миром природы, образ смерти, образ войны. Выделяются основные моменты употребления дендронимов: психоэмоциональный, географический, биографический, существующие в рамках негативных оценочных конструкций, дается классификация флористической лексики, подробно рассматривается лексико-семантическая группа «Деревья и кустарники». Систематизируется различия в интерпретации и употреблении различных подгрупп дендронимов: «Дикорастущие деревья и кустарники», «Плодоносящие деревья и кустарники», подтверждается тезис о преимущественно урбанистическом пейзаже в лирике А. А. Ахматовой, интерпретирующем пространство сада, парка, усадебной парково-ландшафтной архитектуры. Делаются выводы об индивидуально-авторской модели художественного мира с учетом конструкций, содержащих в составе номинации деревья и кустарники, выделяются основные тенденции функционирования флористической лексики в поэтическом тексте с учетом уровня метафоризации фитонимов и концепта «психологический пейзаж», транслирующего чувства и эмоции персонажей через наименование растений в художественном тексте.

Ключевые слова: номинация, символ, метафора, негативные (пейоративные) коннотации, фитонимы, дендронимы, образ, язык цветов, лексико-семантическая группа, индивидуально-авторская картина мира.

Для цитирования: Папшева Г. О., Голубцова Н. В., Матвеева О. Н. «Сожженный луной тополек»: дендронимы с негативными коннотациями в лирике А. А. Ахматовой. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 179–190. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-179-190

“Little poplar burned by the moon”: dendronyms with negative connotations in the lyrics of Anna Akhmatova

G. O. Papsheva, N. V. Golubtsova ✉, O. N. Matveeva

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Voronezh, Russia

✉ nadia.golubtsova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the representation of structures mentioning trees (dendronyms) with negative connotations in the lyrics of Anna Akhmatova. The author's individual model of perception of the plant world is reconstructed, the image of a tree as a mediator is recreated, making a connection between the “living” and “dead”, the “upper” and “lower” world. The complexes of negative connotations interpreting the traditional meanings of dendronyms in the context of individual author's perception, taking into account the frequency of use of certain phytonyms, are determined; the lexical and grammatical specifics of the textual representation of the surrounding world through dendronyms are revealed. The main tools of semantic interpretation of the image of a tree through the systems of “metaphorization of nature” and “psychological landscape” are highlighted. The priorities in the interpretation of the traditional symbolism of trees and shrubs are systematized through a complex of stable themes and motifs: the deformation of a love feeling, reflection after parting, the image of illness as a negative effect of the gap between the human world and the natural world, the image of death, the image of war. The main points of the use of dendronyms are highlighted: psychoemotional, geographical, biographical, existing within the framework of negative evaluative constructions, a classification of floral vocabulary is given, the lexico-semantic group “Trees and shrubs” is considered in detail. The differences in the interpretation and use of various subgroups of dendronyms are systematized: “Wild trees and shrubs”, “Fruit-bearing trees and shrubs”, the thesis of a predominantly urban landscape in the lyrics of Anna Akhmatova is confirmed. It describes the space of a garden, park, manor park and landscape architecture. Conclusions are drawn about the individual author's model of the artistic world, taking into account the structures containing trees and shrubs in the nomination, the main trends in the functioning of floral vocabulary in the poetic text are highlighted, taking into account the level of metaphorization of phytonyms and the concept of “psychological landscape”, which expressing the feelings and emotions of characters through the name of plants in the fiction text.

Keywords: naming unit, symbol, metaphor, negative (pejorative) connotations, phytonyms, dendronyms, image, floriography, lexical-semantic group, author's vision of the world.

For citation: Papsheva G. O., Golubtsova N. V., Matveeva O. N. “Little poplar burned by the moon”: dendronyms with negative connotations in the lyrics of Anna Akhmatova. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 179–190. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-179-190

Введение

Человек в мире поэтических метафор часто предстает как неотделимая часть природы: он и бунтующее блудное дитя, и смиренный сын, покорно внимающий зрелищу разворачивающейся мистерии жизни. Зачастую применительно к литературе понятия «человек» и «природа» тесно переплетены: чувства лирического героя транслируются в окружающий мир, окружающий мир входит в мысли и думы субъекта как его составная часть. Разрыв между этими составляющими воспринимается как трагическая невосполнимая трагедия мироздания. В таком контексте взаимосвязь человека и природы приобретает не только экологический, но и философский, эстетический, этический смысл.

Таким образом, отдельные детали пейзажа, природные явления в поэзии используются в качестве сравнений, метафор, символов для воспроизведения душевных переживаний героя, что, в свою очередь, создает сформированное и активно функционирующее семантическое поле, генерирующее традиционные значения и смыслы, предписываемые тем или иным объектам живой природы [10, с. 422].

В качестве примера устоявшейся знаковой системы можно привести викторианский язык цветов (флориографию), служивший тайным способом общения в эпоху табуирования открытого выражения чувств и эмоций. Исследования лексических единиц, упоминающих объекты растительного мира (фитонимы), неизбежно упоминают и этот куртуазный язык [11, с. 11]. Однако не следует отрицать, что каждый писатель, решая задачи художественного произведения, проводит своеобразный отбор концептов, тем самым формируя свое собственное, авторское видение мира природы, отличное от традиционных значений. Процесс этот подсознательный, обусловленный множеством причин: тематикой и проблематикой произведения, индивидуально-авторской манерой, биографическими и личностными характеристиками творца. Выяснение связей конкретных лексико-семантических элементов, характер и уровень трансформации общепринятых трактовок позволяют составить представление о художественной картине мира автора [7, с. 214].

Таким образом, конструкции с упоминанием растений (фитонимы) и их разновидность (дендронимы), реализуемые в дискурсе как элемент пейзажа или как индивидуально-авторский метафорический образ, позволяют обосновать актуальность данного исследования, цель которого состоит в реконструкции лексико-семантических особенностей функционирования образа дерева через комплекс негативных коннотаций в лирике А. А. Ахматовой.

В качестве основной проблемы исследования выступает попытка воссоздания «психологического пейзажа», в котором словоформы, обозначающие представителей деревьев и кустарников, выступают в качестве медиаторов психологического состояния лирического героя, а также воссоздают индивидуально-авторскую систему метафорических образов, иллюстрирующих философские аспекты мировоззрения поэта.

Цель исследования состоит в описании и систематизации конструкций с упоминанием деревьев и кустарников с позиций структурно-семантического своеобразия в поэзии А. А. Ахматовой.

Цель исследования определяет задачи исследования:

- 1) реконструировать индивидуально-авторскую модель восприятия мира растений как единого целого, воссоздать образ дерева как мистического медиатора, осуществляющего связь между миром мертвых и миром живых;
- 2) отметить количественный и качественный состав биологических видов деревьев и кустарников, а также связанных с ними метафорических образов, функционирующих в поэтическом дискурсе А. А. Ахматовой;
- 3) определить комплексы негативных коннотаций, интерпретирующих традиционные значения дендронимов в контексте индивидуально-авторского восприятия с учетом частотности употребления тех или иных фитонимов;
- 4) выявить лексико-грамматическую специфику текстового отображения окружающего мира, воплощенного в дендронимах в творчестве А. А. Ахматовой;
- 5) выделить основные особенности смысловой интерпретации образа дерева через системы «метафоризации природы» и «психологического пейзажа»;
- 6) систематизировать приоритеты в трактовке традиционной символики деревьев и кустарников через комплекс устойчивых тем и мотивов: угасание и деконструкция любовного чувства, творчество, образ болезни, образ смерти, образ войны.

В работе используются следующие методы: описательно-классификационный, представленный такими приемами, как сбор и рассмотрение, сопоставление, обработка, систематизация и интерпретация материала; структурно-семантический; когнитивный,

включающий концептуальный анализ для выявления признаков концептов, их классификации и интерпретации, классификацию языковых репрезентантов концептов, лингвокультурологический анализ лексических единиц языков, статистический анализ частотности употребления.

В качестве материала исследования послужили дендронимы, разделенные на группы в соответствии с их лексическим значением, в частности «Дикорастущие древесные растения и кустарники», «Плодовые древесные растения и кустарники».

Терминологический аппарат исследования

Предварительно следует уточнить терминологический аппарат, применяемый в данном исследовании, поскольку в терминологической системе различных языков, описывающих ботанические виды, до настоящего времени наблюдается терминологическая синонимия. Существует целый комплекс понятий: «фитонимика», «фитонимическая лексика», «фитолексика», «фитоним», «фитонимическая единица», «фитотермин», «флороним», «фитоморфизм», значение которых слабо дифференцировано. В особенности это относится к терминам фитоним (от греч. «phytonim» – «растение» и «онума» — «имя, название») и флороним (от лат. «floga» – имя древнеримской богини цветов), в сущности, описывающим схожие по значению и контексту лексико-семантические единицы. Термин «флороним» встречается в работах Т. Д. Барышниковой в качестве единицы ботанической терминологии, Н. Б. Кудрявцевой – как обозначение деревьев, кустарников, комнатных и садовых растений, С. С. Шумбасовой – как наименования родовых, видовых, сортовых названий, обозначающих форму растительности (трава, кустарник, дерево, цветок и т.д.) [4, с. 3].

Однако в русскоязычной литературе по большей части преобладает термин фитоним, впервые попавший в поле зрения лингвистического анализа А. В. Суперанской в книге «Общая теория имени собственного» на примере исследования наименований таких растений, как «царский дуб», «дерево плача» [там же]. Следствие чего в работе за научную лексическую единицу принят термин фитоним применительно к моделированию явления окружающего мира в образах конкретных растений.

При этом в данном исследовании задействованы только те фитонимы, видовая принадлежность которых может быть идентифицирована (тополь, липа, яблоня) или имеются в наличии указания на биологическое семейство (хвойные). Таким образом, вне поля исследования остаются недифференцированные лексемы «деревья», «кусты», «лес», «сад».

В исследовании также активно употребляется термин «дендронимы» применительно к конструкциям с упоминанием деревьев и кустарников, с учетом того, что указанные номинации растений могут входить в состав самых разных фразеологических единиц и средств художественной выразительности.

Таким образом, лексико-семантический сегмент «дендронимы», подразумевающий конструкции с упоминанием деревьев и кустарников, в поэтических текстах А. А. Ахматовой функционирует в двух основных аспектах: как составная часть метафоризации фитонимов или как функциональная часть «психологического пейзажа», доступная визуальному (реже – тактильному и обонятельному) восприятию лирического героя.

Критерии исследования заявленных в тексте конструкций с негативными коннотациями можно поделить на две условные группы. Поскольку коннотация базируется на принципах оценочности и эмоциональности, закономерно, что воспроизводимый в поэтическом тексте комплекс эмоциональных реакций лирического героя должен содержать интерпретацию его чувств и психологического состояния, эксплицированную через мир природы. Наиболее явно это происходит через соматизацию и олицетворение природных явлений: «клевер стоял на коленях», «распятый луной тополек тянет к небу распятые руки». В тех случаях, когда в качестве основного художественного приема выступает «психологический пейзаж», не предполагающий прямой оценочности, общее впечатление складывается из контекстуального ряда, деталей, антуража. Например, в стихотворении «Пусть кто-то еще отдыхает на юге» визуальный образ «приземистые ели» сам по себе воспринимается

нейтрально, однако в совокупности с другими деталями: качающийся на ветру вереск, тусклый месяц, похожий на зазубренный нож – создается необходимое настроение тревожности и одиночества.

Однако помимо собственно текстовых маркеров в творчестве А. А. Ахматовой доступны для исследования и метатекстовые. В таких случаях анализ требует обращения к конкретным биографическим фактам, именам, событиям. В таком случае необходимые комментарии исследователь может найти в шеститомном собрании сочинений А. Ахматовой, изданном в 1998 г. и включающем в себя обширный аппарат комментариев, обращающийся к истории создания и публикации произведений. Например, строки «и радостная весть на севере застала» становятся ясны только из контекста и даты создания: в 1962 году А. Ахматова оказалась в списке номинантов на Нобелевскую премию по литературе. В качестве длительного литературного диалога воспринимается стихотворение «Тень», где А. А. Ахматова через сложную систему реминисценций касается имени и покойного собрата по перу О. Э. Мандельштама, и Саломеи Андрониковой, которой Мандельштам некогда посвятил стихотворение «Соломинка».

Однако ряд конструкций с упоминанием дендронимов не требует столько глубоких исследований, достаточно знания биографии поэта. Например, цикл стихотворений о Средней Азии связан с фактом вынужденной эвакуации из блокадного Ленинграда, и в них за картинами гостеприимного и щедрого края чувствуется горечь изгнанника, лишенного родного крова.

Таким образом, оценочность негативных коннотаций может быть выявлена несколькими способами, не исключаящими, а взаимодополняющими друг друга. Во-первых, это собственно текстовый инструментарий, воспроизводящий негативные эмоции и чувства через ряд метафорических и реальных образов, иногда подразумевающих антропоморфизм природных объектов и явлений. Во-вторых, это интертекстуальный контекст, подразумевающий знакомство исследователей с фактами биографии А. А. Ахматовой, кругом ее общения, литературной полемикой эпохи. Второй способ атрибуции требует внимания к дате создания, сопутствующим историческим событиям, иногда дешифровке смыслов, заложенной автором в отдельных образах в рамках поэтического диалога между представителями Серебряного века.

Фитонимическая лексика с негативными коннотациями

Объектом анализа данного исследования выступают выявленные в поэзии А. А. Ахматовой 192 контекстуальных упоминаний, содержащие в структуре значения семантический компонент «дерево», «кустарник», при этом для анализа были отобраны только те дендронимы, которые употребляются с негативными коннотациями. Закономерно, что подобная оценочность характерна преимущественно для поздних периодов творчества. Выявленные словоформы растительной семантики по специфике значения распределяются на две группы: «Дикорастущие древесные растения и кустарники», «Плодовые древесные растения и кустарники». Первая группа существенно превалирует над второй и составляет более 80%, однако следует отметить, что даже в случае активного употребления дендронимов первой группы презентуется прежде всего городской или сельский упорядоченный ландшафт, уже подвергнутый культивации. Деревья и кустарники в поэтическом тексте А. А. Ахматовой – это не дикорастущие растения, а питомцы садов, парков, культурные кустарники [6].

Приступая непосредственно к анализу дендронимов, следует отметить, что для мировой культуры в принципе и для русской литературной традиции в целом характерно восприятие дерева как проводника, медиатора между мирами: верхним, нижним и миром людей. В славянской мифологии дерево воспринимается и почитается как знак священного, сакрального места, имеющего уникальные свойства. Многие отдельные виды деревьев и кустарников: береза, дуб, рябина, калина – обладают собственными концептуальными характеристиками и метафорической образностью [3].

Итак, первая лексико-семантическая группа «Дикорастущие древесные растения и кустарники» представлена 25 наименованиями, перечисленными в порядке частотности употребления: клен, липа, тополь, ива, береза, сосна, ель, дуб, осина, вяз, кедр, ольха, ракита, саксаул, бузина, каштан, кипарис, лавр, лиственница, чинара, черкес. В эту же группу условно отнесены рябина, шиповник, терновник, можжевельник ввиду того, что в пространстве поэтического текста А. А. Ахматовой практически отсутствуют упоминания об употреблении плодов, фигурирует лишь цвет, форма, запах растений.

Группа «Плодоносящие древесные растения и кустарники» представлена 10 наименованиями (в порядке частотности употребления): виноград, гранат, яблоня, вишня, черешня, айва, олива, персик, крыжовник, черника.

Предваряя анализ лексико-семантических единиц, следует отметить, что в основу презентации систематизированного материала положен не принцип номинации, когда каждая лексико-семантическая единица рассматривается отдельно, а концептуально-функциональный, принимающий во внимание значение и метафорические отношения, объединяющие совокупность лексико-семантических единиц. Другими словами, систематизирующим фактором становятся сложные комплексы психоэмоциональных, географических, мифологических аспектов, характеризующих индивидуально-авторскую картину мира. Тем самым в рамках одного исследуемого концепта могут встречаться фитонимы разных групп, что в свою очередь позволяет расширить спектр вовлеченных в исследование конструкций с упоминанием деревьев и растений, выявить закономерности и индивидуальные предпочтения автора в трактовке лексико-семантических единиц.

В свою очередь уточним, что фитонимы в рамках поэтического текста могут вступать в различные семантические отношения, выступая и как элемент метафорических конструкций разного уровня вовлеченности (развернутых метафор, сравнений, перифраз, сложных эпитетов, элементов антропоморфной экстраполяции), и как часть «психологического пейзажа», транслирующего чувства и мысли героев.

Вся совокупность подвергнутых анализу дендронимов дифференцирована на несколько семантических комплексов, функционирующих в рамках отрицательных (пейоративных) коннотаций.

Характерно, что негативные характеристики в интерпретации дендронимов находятся в меньшинстве (менее 50% от рассмотренных конструкций с упоминанием дендронимов), что соответствует концепции благоприятного взаимодействия между миром природы и человеком, в котором любые негативные проявления воспринимаются как трагический разлад, нарушение привычного хода событий.

В интерпретации результатов анализа комплекса психоэмоциональных и когнитивных аспектов с негативными коннотациями следует отметить, что данный материал представляет достаточно интересный для исследователя дискурс, так как логически продолжает и развивает темы и проблемы, поднимаемые в раннем периоде творчества и характеризующиеся как комплексы с позитивной оценочностью. К таковым относятся темы любви, дома, творчества, однако на поздних этапах творчества они претерпевают существенные изменения.

Деформация и финализация любовного чувства

Тема любви трансформируется в тему расставания и анализа неудавшихся отношений. Таким образом, семантический ряд «предательство–разлука–рефлексия» выступает как реверсирующий по отношению к конструкциям с позитивной окраской. Намеки на разрыв отношений и финализацию чувств здесь предстают как свершившийся факт, как этап деформации, после которого наступает либо катарсис и просветление, либо эмоциональная смерть.

Отметим, что фоном действия выступает преимущественно урбанистический пейзаж, противопоставленный «дикому» состоянию рощи или леса, как искренние чувства на

ранних этапах зарождения отношений противопоставлены взаимодействию влюбленной пары на стадии разложения.

Закономерно, что среди дендронимов наиболее активную форму играют породы хвойных деревьев (ель, сосна), иногда без указания конкретного биологического вида («во мраке хвой», «хвойный лес»). Символизм такого пейзажа зиждется прежде всего на внешнем облике хвойных деревьев, суровом и мрачном, что в свою очередь не противоречит общепринятым интерпретациям ели и сосны как символов долголетия, долгой семейной жизни.

Для изображения картины вынужденного расставания А. А. Ахматова успешно прибегает к цветовому символизму: иглы хвои выделяются на фоне багрового заката, уснувший под белым снежным саваном лес [5]. Пейзаж насыщен разнообразными зловещими приметами (месяц, похожий на зазубренный нож, шорох камышей, похожий на поступь мертвеца, раскачивающийся на ветру алый вереск), тем самым наполняя обычную зарисовку метафорическим значением. В прямом значении, как часть ландшафта, хвойные деревья упоминаются лишь однажды, когда героиня упрекает возлюбленного, что он забыл «песни, озеро, сосны», тем самым вводя в контекст реальный пейзаж.

Клен – самое популярное по частотности употребления дерево в лирике А. А. Ахматовой – в данном психоэмоциональном комплексе приобретает отчетливые антропоморфные черты: тянет ветки, как руки, заглядывает в окно, шепчет слова поддержки, тем самым играя роль друга и утешителя на фоне будущих и настоящий трагичных событий. Возникающий образ соответствует традиционному символизму клена как символа защиты, руки помощи (о чем ассоциативно говорит «пятипалая» форма листьев клена). В данном случае метафорический символизм преобладает над прямым значением.

Традиционным символом «печали–разлуки–расставания» выступает ива. Символика этого дерева, как правило, связана с дуализмом жизни и смерти, так как ива была посвящена богине подземного мира Гекате, в западной культуре это дерево визуально воспринимается как символ плача и скорби. В то же время ивовые ветки и талисманы из ивы воспринимались как защита от злой силы [9]. Этот дуализм восприятия «жизни–смерти» встречается и у А. А. Ахматовой: ива, с одной стороны, подчеркнута женственна, антропоморфна («ива на небе... распластала веер»), и в то же время служит объектом мистификации, в художественном мире поэта ива выступает как медиатор между миром живым и мертвым. Это «дерево русалок», шелест ее ветвей ассоциируется с погребальным звоном, у корней собираются тени мертвецов, тени угасшей любви.

Среди деревьев, упоминающихся в данном контексте более одного раза, можно выделить липу. Липа, традиционно выступающая как символ женственности, мягкосердечия, в поэтическом мире А. А. Ахматовой предстает как средство, смягчающее боль от разлуки, невзирая на то, что метафорическое значение здесь в значительной степени редуцировано. В поле зрения поэта реальный пейзаж, где весенние ветки «ломаются в комнату» [2, Т. 3, с.77], сладко веет запахом липы, которая в данном контексте тесно связана с ушедшим, с ностальгией по минувшему, функция данного дендронима в поэтическом дискурсе – врачевание боли от утраты.

Среди единичных упоминаний фитонимов, обозначающих деревья первой группы, можно выделить (в порядке возрастания негативных коннотаций) кедр, дуб, ольху и ракиту. Во всех этих случаях в дискурсе возникает и транслируется реальный пейзаж, навевающий печальные мысли, при этом метафорическое значение возникает опосредовано, исходя из общего контекста лирического повествования. «Взволнованные кедры» у родника напоминают героине о вчерашнем свидании, в шкатулке резного дуба хранится заветное послание (здесь форма шкатулки трансформирует мотив дупла–тайника, служащего для обмена сообщениями и подарками), старая ольха у круглого колодца внимает слезам героини (метафорически окончание отношений выражается в образе убитой ревнивцем белой птицы). В последнем примере появляется характерный для романтизма образ

всадника, стремящегося в лунную ночь на свидание. Сень густых ракит, ночь, луна, стук копыт, крик хищных птиц, пустая смятая постель позволяет создать необходимое для повествования тревожное гнетущее настроение, что вполне соответствует традиционному символизму ракиты как эмблемы печали и одиночества.

Дендронимы второй группы, описывающей плодоносящие деревья и кустарники, в данном контексте встречаются редко и представляют собой часть идеалистического пейзажа, существующего только в памяти героини. В этом качестве характерно противопоставление будничных кустов крыжовника и смятения одинокой «горькой хмельной души».

Более сложные конструкции возникают при упоминании сразу нескольких фитонимов, например, смена времен года, воплощенная в цветении и плодоношении («а в августе зацвел жасмин, а в сентябре – шиповник»), позволяет вводить дополнительные темпоральные характеристики, отмечающие бег времени после разлуки.

Образ вишневых лепестков («снег летит, как вишневый цвет»), метафорически уподобляющимся погребальному савану, соединяется с образом шиповника, символизирующего постоянство интересов. Это подчеркивает трагизм ситуации, где развитие любовных отношений перечеркнуто смертью, реальной или эмоциональной.

Таким образом, деконструкция любовного чувства в интерпретации А. А. Ахматовой соотносится с разладом в окружающем мире. Дендронимы различных типов чаще всего выступают как защитники и утешители, они оказываются седативное воздействие на погруженную в переживания разрыва героиню. Наиболее «востребованными» оказываются деревья хвойных пород: ель, сосна, кедр, что, с одной стороны, вызвано спецификой их внешнего облика, сурового и мрачного, с другой стороны, подавляющее большинство хвойных деревьев в различных культурах имеет стойкую привязку к символике прочных и незыблемых отношений, семейных ценностей, что лишний раз подчеркивает трагизм происходящего.

Образ болезни и смерти

Менее распространены случаи, когда негативные коннотации не соотносятся непосредственно с эволюцией любовного чувства. Чаще всего среди концептов, попадающих в поле зрения поэта, появляются «тюрьма», «война», «бездомье», что, в свою очередь, соответствует реальному жизненному опыту А. А. Ахматовой: тюремному заключению сына, Великой Отечественной войне, эвакуации в Узбекистан, что позволяет воссоздать особый ностальгический тон в поэтическом дискурсе. Отметим, что в большинстве подвергнутых анализу случаев метафорическое значение преобладает над конкретно-вещным, ландшафтно-пейзажным значением.

В данном семантическом поле чаще всего встречается образ цветущей по весне липы, противостоящей подступающему хаосу, черным немецким орлам на штандартах [2], детским крикам, смягчающей ожидание тюремного свидания [1]. Интересным выглядит соотношение деревьев с конкретными историческими местами – А. А. Ахматова упоминает знаменитые липы Летнего сада, «шереметьевские» липы Москвы. Вновь подчеркнем, что на первый план выдвигается прежде всего садово-парковая архитектура городского пространства, где деревья и травы являются принадлежностью подвергнутого культивации пространства. Это цивилизационное значение обычных деревьев звучит особенно остро в условиях эсхатологического состояния прифронтового города.

Темой войны, эвакуации балансирует на грани отчаянья и философского спокойствия в принятии тягот лишений. В количественном составе стихотворения, включающие в состав дендронимы и посвященные теме войны, не превышают 3%, однако интерпретация самой идеи войны отличается единством стиля и метафорической образности, отсылаясь на идею единения между человеком и природой в моменты наивысшей скорби или наивысшей радости. Например, в осажденном Ленинграде лирическая героиня просит принести ей не хлеб, а ветку зеленого клена и горсточку невской воды [2].

Деревья разделяют чувства лирического героя, персонифицируются, тем самым приближаясь к активному субъекту повествования. Березы ждут и зовут на помощь, ель тянет искалеченные руки-ветки, призывая к мщению, плакучая ива оплакивает «друзей последнего призыва» [2, Т. 2, с. 207].

Искреннее возмущение вызывает зрелище оскверненной, истерзанной земли: горящие леса, затоптанные поля, вдовий плач, сопряженный со сладким запахом можжевельника, который традиционно выступает символом погребальных церемоний [2]. В противоположность этому освобожденная от врага страна покоится в тишине под белым снежным покрывалом, ветер колышет заснеженные ели. С образом зимы связан и воинственный образ спешащего на подмогу «Деда Мороза», выступающего как персонифицированное воплощение стихийных сил природы. Напротив, образ Победы воплощен в образе Весны, «вдовою», склонившейся над безымянной могилой, зарастающей одуванчиками [1, с. 208].

Кроме военной тематики, мортальная (смертная) символика реализуется в образе смерти и предвещающих ее муках. Например, в противоположность липе, выступающей символом утешения в «тяжкую годину», тополь выступает как составная часть концепта «страдание»: сожженный луной тополек кажется старинным распятием, неумолимо и зловеще качается тюремный тополь. Традиционным символом душевной пытки становится и образ венца из терновника, обгаряющий лоб «росою багровою» [2, Т. 2, с. 132], часто встречающийся в лирике А. А. Ахматовой. Близок к нему образ райского вишневого сада, являющийся измученной тоской душе на пороге смерти. Среди единичных случаев употребления фитонимов следует упомянуть «высокий клен», выслушивающий стоны лирической героини (датировка стихотворения 1921 годом соотносится с датой расстрела мужа Н. С. Гумилева).

Помимо внешних факторов, болезненное состояние тела и души также воспринимается как трагедия, как свидетельство разрыва между природой и человеком. «Жар по вечерам», утренняя вялость, постоянная жажда, потрескавшиеся губы, вынужденная неподвижность тяжелобольного противостоят картинам, сохраненным в памяти: мохнатые лапы елок, отражение месяца в канале манят одоленного немощью человека утраченными возможностями бежать, идти, двигаться. Предчувствие скорого конца, обозначено лишь намеком, но образ смерти неизменно присутствует в лирике А.А. Ахматовой. Собственно, этот мотив выступает апогеем негативных коннотаций, аккумулируя в себе весь комплекс атмосферы распада и увядания. Символика смерти просматривается и в фитонимах, сопровождающих эволюцию любовного чувства, но гораздо сильнее мотив безвременной кончины воздействует на потенциального читателя, если он не соотносен с преходящими чувствами.

В данном дискурсе часты фольклорные мотивы, усилено повествовательное начало. Сюжет лирического стихотворения содержит неожиданные повороты, внезапные события. Для примера можно привести два примера: стихотворения «А там мой мраморный двойник...» и «Сероглазый король». В первом случае мысленный монолог влюбленной героини завершается страшным признанием, что убийцей возлюбленного выступил старший брат. Во втором – имя убийцы не названо, но, по косвенным признакам, очевидно, что мотивом послужила ревность мужа. И в том, и в другом случае природа выступает на стороне убитой горем героини: старый клен охраняет памятник на могиле (в балладе о сероглазом короле безжизненное тело охраняет дуб), старые ели внимают исповеди, тревожно шелестят тополя. Природа антропоморфна, она соответствует по тональности и настроению погруженному в горе человеку. Обратный эффект также присутствует: героиня желает умереть, «как береза в поле», сетует, что в последний путь ее проводит лишь «хвойная ветка да солнечный стих» [2, Т. 2, с. 256].

Сходные мотивы встречаются в стихотворениях «Милому», где отошедшая в мир иной «под шатром тенистых тополей» героиня обещает прийти на свидание «серой белкой, ласочкой пугливой, лебедью», и «Но я предупреждаю вас», где посмертное существование души трансформируется в образах «ласточки, клена, тростника, звезды, колокольного

звона» [1, с. 202]. Иногда образы усложняются за счет введения дополнительных сюжетных деталей, постепенно подготавливая лирического героя к свиданию с потусторонним миром: грозно шепчутся дубы на полуночной сходке, ковыляет по полю старушка-береза, и, наконец, за заиндеветым окном, в мутной зимней измороси мелькает чья-то тень. Взаимосвязь белого, зимнего и потустороннего мира несомненна, так как в символической палитре А. Ахматовой белый тесно связан с бестелесностью, а зима со смертью [5].

Однако зима не единственное время сопряжения разных сфер бытия, например, традиционный траурный символ – кипарис – обрамляет несчастную историю любви, случившуюся под знойным крымским небом, как символ сломанного хода времени выступает внезапное майское цветение липы, оно предвещает смерть поэта, которого Муза уводит по усыпанному золотой пылью пути.

Образы мортальной (смертной) символики разнообразны, это и светлые аллеи белоствольных тополей, и покосившиеся деревянные памятники на сельском кладбище (явная аллюзия к хрестоматийному образу романтической литературы), и срубленное дерево, которые, в силу своей сопричастности природе, героиня воспринимает как смерть брата.

Визуальные эффекты в лирике А. А. Ахматовой подкреплены звуковыми: свистом вьюги, смертоносным «круладами» бурь, охраняющих снежные клады сосны.

Комплекс конструкций с негативными коннотациями закономерно затрагивает тему болезни и смерти, которая звучит тем более остро, что сам мир природы более долговечен и незыблем, чем персонажи лирического повествования. В стихотворениях этой группы усилены сюжетно-фабульные элементы, подчеркнута мистическая сторона деревьев как медиаторов между миром живых и мертвых. С особой силой звучит тема войны и существования прифронтового города, тема оскверненной и поруганной природы, метафорически экстраполированной на мир людей.

Таким образом, конструкции с упоминанием дендронимов с негативными коннотациями продолжают и развивают темы, заявленные в ранних периодах творчества: образ любви деформируется в образ разлуки, тоски, рефлексии по ушедшему. Образ дома сменяется картинками разоренного родового гнезда, дополненного темой болезни, как внешней, так и внутренней, духовной опустошенности. Компилацией негативных коннотаций выступает образ смерти, обретающей черты локального Апокалипсиса, природной катастрофы. Именно в данном комплексе обретает отчетливые очертания образ Мирового древа, соединяющего мир мертвых и мир живых, преодолевающий разъединенность различных пластов реальности. Закономерно, что подавляющая часть образов с негативной оценочностью относится к позднему периоду творчества.

Заключение

Обширный арсенал лексических средств, воссоздающий образы природных реалий, позволяет выявить основные тенденции в отборе и использовании лексических средств для формирования пейзажных зарисовок. В свою очередь психологический пейзаж и метафоризация конструкций с упоминанием деревьев и кустарников помогают эксплицировать эмоциональный мир личности. Так как мастер поэтического слова, как правило, весьма избирателен в использовании и трактовке определенных образов, это позволяет судить о системе приоритетов автора и его сопричастности к национальной и мировой культуре.

Суммируя все сказанное выше, можно сделать ряд заключений сообразно поставленным задачам:

1. Индивидуально-авторская модель восприятия мира в лирике А. А. Ахматовой постулирует сопричастность человека к окружающему миру и мира – человеку, образ дерева позволяет реконструировать образ Мирового Древа как медиатора между различными пластами реальности (верхний мир, мир людей, нижний мир).

2. Анализ позволяет выявить большое разнообразие видов растений, функционирующих в поэтическом дискурсе, для удобства исследования они могут быть поделены на две группы: «Дикорастущие деревья и кустарники» (клен, липа, тополь, ива, сосна, береза и

др.), «Плодовые деревья и кустарники» (виноград, яблоня, гранат и др.). Характеристика растений может включать в себя различные параметры: цвет, форму, сезонные и географические особенности, присутствует антропоморфизм описания: «белый траур черемух», «осень развесила флаги на вязах», «вцепился в пески саксаул».

3. Комплекс негативных коннотаций, интерпретирующих традиционные значения дендронимов в контексте индивидуально-авторского восприятия, позволяют выделить основные концепты, базирующиеся на символике растений. Темы с позитивной символикой соотносятся с данным комплексом по принципу хронологического развития: эволюция любовного чувства находит закономерный итог – расставание, образ дома сменяется образом скитаний, болезни, разрухи; мир сменяется войной, жизнь оборачивается своей противоположностью – смертью.

4. Характеризуя лексико-грамматическую специфику текстового отображения дендронимов, следует отметить, что в поэтическом дискурсе соблюдается грамматическая категория рода, растения мужского и женского пола соотносятся со словами, сопровождающими соответствующую категорию, при этом наблюдается высокая степень соматизации, уподобление фитонимов человеку в отдельных аспектах его деятельности: «сосен розовое тело», «сумасшедшая липа».

5. Особенности смысловой интерпретации дендронимов позволяют выявить две тенденции: «метафоризация», использующая перенос соматических и антропоморфических черт между человеком и растением и «психологического пейзажа», помогающий эксплицировать чувства и эмоции героя во внешний мир. В первом случае номинация фитонима используется как символ, эмблема, во второй – элемент растительного мира вписан в пейзаж, вступая во взаимоотношения с другими деталями: небом, землей, солнцем.

6. Помимо традиционных трактовок дендронимов, в лирике А. А. Ахматовой возникают и развиваются индивидуально-авторские семантические комплексы: понятие «психологического пейзажа», реализующего экстраполяцию чувств и эмоций через пейзаж, активное использование урбанистического пространства для создания противопоставления естественного и прерванного развития любовного чувства, деревья как медиаторы-посредники и духовные наставники персонажей, тщательное выписанная, антитеза «война и мир».

Таким образом, образ дерева в лирике А.А. Ахматовой представляет собой сложный лексико-семантический концепт, используемый для трансляции разнообразных оценочных, экспрессивных и эстетических смыслов, балансирующих между трактовками общекультурного наследия и индивидуально-авторского мировосприятия, постулирующего сопричастность человека и мира природы.

Л и т е р а т у р а

1. Ахматова, А. Бег времени : избранные произведения / А. Ахматова. – Санкт-Петербург : Азбука, 2018. – 384 с.
2. Ахматова, А. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Т. 2. Ч. 1-2. Стихотворения (1904-1941) / А.Ахматова. – Москва : Эллис Лак, 1998. – 709 с.
3. Исакова, А. А. Состав, структура и функции лексико-семантической группы «дендронимы» в художественном тексте начала XX века (на материале поэзии Серебряного века) : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Исакова Анастасия Андреевна. – Курск, 2011. – 23 с.
4. Летова, А. М. Семантические особенности фитонимов в русском языке : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Летова Анна Михайловна – Москва, 2012. – 23 с.
5. Папшева, Г. О., Глушкова, О. В. Колоративные эпитеты в ранней лирике А. Ахматовой / Г. О. Папшева, О. В. Глушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2019. – № 4. – С. 41–44.
6. Полякова, А. Н. Метафоризация природы в лирике А. А. Ахматовой / А. Н. Полякова, Н. А. Сегал // Интерактивная наука, 2022. – №11 (76). – С. 40–49.
7. Прякина (Исакова), А. А. Структурная организация лексико-семантической группы «Дендронимы» с позиций системно-функционального подхода (на материале поэзии Серебряного

века) / А. А. Пряхина (Исакова) // Вестник Брянского государственного университета: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание, 2010. – № 2. – С. 213–217.

8. Соколова, М. Г. Семантическое своеобразие тропов «дерево – животное» в русской лирике XIX–XX веков / М. Г. Соколова // Поволжский педагогический вестник, 2019. – № 2 (23). – С. 106–110.

9. Турскова, Т. А. Новый справочник символов и знаков / Т. А. Турскова. – Москва : РИПОЛ-КЛАССИК, 2003. – 800 с.

10. Фатюшина, Е. Ю. Национальные особенности употребления фитонимов в художественном тексте / Е. Ю. Фатюшина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2013. – № 4. – С. 421–426.

11. Шарафадина, К. И. «Селам, откройся!» Флоропэтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 544 с.

References

1. Akhmatova A. Selected works: Running of time. St. Petersburg: Azbuka, 2018:384 (in Russian).
2. Akhmatova A. Collected works: in 6 volumes. Vol. 1. Poems (1904-1941). Moscow: Ellis Luck, 1998:709 (in Russian).
3. Isakova AA. The composition, structure and functions of the lexico-semantic group “dendronyms” in the literary text of the early XX century (based on the material of poetry of the Silver Age). Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Kursk: Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 2011:23 (in Russian).
4. Letova AM. Semantic features of phytonyms in the Russian language. Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Moscow: Moscow State Regional University, 2012:23 (in Russian).
5. Papsheva GO, Glushkova OV. Colorative epithets in the early lyrics of A. Akhmatova. Vestnik Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2019;4:41-44 (in Russian).
6. Polyakova AN, Segal NA. Metaphorization of nature in Anna Akhmatova’s lyric poetry. Interactive science, 2022;11:40-49 (in Russian).
7. Pryahina (Isakova) AA. The structural organization of the lexico-semantic group “Dendronyms” from the standpoint of a system-functional approach (based on the material of poetry of the Silver Age). The Bryansk State University Herald. History. Science of Literature. Law. Philosophy. Linguistics, 2010;2:213-217 (in Russian).
8. Sokolova MG. Semantic features of the tropes “tree – animal” in Russian poetry of 19th-20th centuries. Volga Region pedagogical scientific journal, 2019;2(23):106-110 (in Russian).
9. Turskova TA. The new handbook of symbols and signs. Moscow: Ripol-Classic, 2003:800 (in Russian).
10. Fatyushina EYu. National peculiarities of using phytonyms in fiction. Izvestiya Tula State University. Humanities, 2013;4:421-426 (in Russian).
11. Sharafadina KI. “Selam, open up!” Floropoetics in the figurative language of Russian andforeign literature. St. Petersburg: Nestor-history, 2018:544 (in Russian).

ПАПШЕВА Галина Олеговна — к. филол. н., преподаватель кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко».

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

Galina O. PAPSHEVA — Cand. Sci. (Philology), Lecturer at the Department of Russian language, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University.

ГОЛУБЦОВА Надежда Васильевна — преподаватель кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко».

E-mail: nadia.golubtsova@yandex.ru

Nadezhda V. GOLUBTSOVA — Lecturer at the Department of Russian language, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University.

МАТВЕЕВА Ольга Николаевна — преподаватель кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко».

E-mail: kashkolga@yandex.ru

Olga N. MATVEEVA — Lecturer at the Department of Russian language, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University.

УДК 811.521;81'42

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-191-200

Презентационная специфика глюттонической коммуникации в японских кулинарных аниме

Е. С. Руфова ✉, А. А. Матаннанова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ RUFL2003@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме глуттонической картины мира и ее реализации в виде японского глуттонического дискурса как феномена с высокой коммуникативной значимостью. Актуальность исследования обусловлена тем, что детализация этнокультурной специфики знаковой рефлексии глуттонического аспекта лингвосемиотической картины мира способствует улучшению межкультурного взаимопонимания и укреплению связей между различными общностями. Исследование также представляет интерес ввиду небольшого количества исследований в данной области и возрастающего интереса к изучению глуттонического дискурса, который является одним из важнейших типов коммуникации. Целью исследования является выявление презентационной специфики японской глуттонической коммуникации на примере кулинарных аниме. В результате исследования приходим к выводу, что презентационная функция аниме реализуется за счет знаков глуттонии как средства воздействия на общество и, следовательно, формирует доминирующие культурные предпочтения и гастрономические стереотипы поведения. В аниме прослеживается четкая согласованность невербальных средств с вербальными компонентами, которые позволяют интерпретировать образ. Презентационность аниме реализуется через имена прилагательные и наречия, которые передают ярко выраженную положительную оценку при описании вкуса блюда, его текстуры и прочих качеств, которые могут включать описания посуды, общей атмосферы, взаимоотношений с другими участниками дискурса. Особое значение в презентации знаков глуттонии в аниме приобретает цвет, который выстраивает ассоциативный ряд, дополнительные графические элементы и звуковое сопровождение. Более того, постановка кадра, использование крупного плана, а также быстро сменяющиеся картинки становятся дополнительным средством художественного воздействия на зрителя, усиливая эффект глуттонической коммуникации.

Ключевые слова: аниме, текст, еда, аниме как мультимодальный текст, глуттонический дискурс, знаки глуттонии, глуттоническая коммуникация, презентационная специфика аниме, кулинарные аниме, языковая картина мира.

Для цитирования: Руфова Е. С., Матаннанова А. А. Презентационная специфика глуттонической коммуникации в японских кулинарных аниме. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 191–200.

DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-191-200

Presentation specificity of gluttonic communication in Japanese culinary anime

E. S. Rufova ✉, A. A. Matannanova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ RUFL2003@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the problem of the gluttonic picture of the world and its implementation in the form of Japanese gluttonic discourse as a phenomenon with high communicative significance. The relevance of the study is due to the fact that detailing the ethnocultural specificity of the sign reflection of the gluttonic aspect of the ligvosemiotic picture of the world helps to improve © Руфова Е. С., Матаннанова А. А., 2024

intercultural understanding and strengthen ties between different communities. The study is also of interest due to the small number of studies in this area and the growing interest in the study of gluttonic discourse, which is one of the most important types of communication. The purpose of the study is to identify the presentation specificity of Japanese gluttonic communication using culinary anime as an example. As a result of the study, we come to the conclusion that the presentation function of anime is realized through gluttony signs as a means of influencing society and, therefore, forms dominant cultural preferences and gastronomic stereotypes of behavior. In anime, there is a clear consistency of non-verbal means with verbal components that allow us to interpret the image. The presentation of anime is realized through adjectives and adverbs that convey a clearly expressed positive assessment when describing the taste of a dish, its texture and other qualities, which may include descriptions of dishes, the general atmosphere, relationships with other participants in the discourse. Color, which builds an associative series, additional graphic elements and sound accompaniment, acquires special significance in the presentation of gluttony signs in anime. Moreover, the setting of the frame, the use of a close-up, as well as quickly changing pictures become an additional means of artistic impact on the viewer, enhancing the effect of gluttony communication.

Keywords: anime, text, food, anime as a multimodal text, gluttonic discourse, signs of gluttony, gluttonic communication, presentational specificity of anime, culinary anime, linguistic picture of the world.

For citation: Rufova E. S., Matannanova A. A. Presentation specificity of gluttonic communication in Japanese culinary anime. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 191–200. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-191-200

Введение

Еда занимает важное место в жизни человека, выполняя не только жизнеобеспечивающую функцию, но и эстетическую. Именно поэтому глоттония является неотъемлемой частью культуры, отражающей специфику языковой картины мира этноса. Актуальность исследования обусловлена тем, что детализация этнокультурной специфики знаковой рефлексии глоттонического аспекта лингвосомиотической картины мира способствует улучшению межкультурного взаимопонимания и укреплению связей между различными общностями. Исследование также представляет интерес ввиду небольшого количества исследований в данной области и возрастающего интереса к изучению глоттонического дискурса, который является одним из важнейших типов коммуникации. Целью исследования является выявление презентационной специфики японской глоттонической коммуникации на примере кулинарных аниме.

Методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области глоттонического дискурса А. А. Агафоновой [1], Н. П. Головницкой [2], А. В. Олянич [3], С. А. Арутюнова [4], Е. А. Шороховой [5], М. В. Ундрицовой [6], К. М. Федоровой [7], Д. Г. Куренова [8], а также научные работы по мультимодальному тексту и аниме А. Х. Габдуллиной [9], А. В. Кузьмич [10], А. Р. Рамян [11], Е. Г. Никулиной [12], К. Л. О'Хэллоран [13], Е. О. Самойловой [14] и др.

Глоттонический дискурс представляет собой «коммуникацию, связанную с состоянием пищевых ресурсов и процессами их переработки и потребления» [3], в основе которой лежит гастрономическая лексика, включающая в себя ценностные и концептуальные аспекты этнокультуры и обладающая национально-культурной спецификой [6]. А. В. Олянич подчеркивает, что в глоттонической коммуникации существует большое количество лингвистических и других знаков, представляющих собой целостную когнитивную структуру, создающих разветвленную лингвосомиотическую систему глоттонии [3].

В исследованиях японского глоттонического дискурса особо выделяется проблема реализации презентационной функции [6]. Эта функция относится к «ритуализации» процесса глоттонической коммуникации [7]. Презентационная функция знаков глоттонии реализуется как средство воздействия на общество и, следовательно, формирует

доминирующие культурные предпочтения и гастрономические стереотипы поведения [6]. Наибольшую реализацию презентационной функции глюттониической коммуникации можно наблюдать в кулинарных аниме, в которых используются вербальные, иконические средства и средства таких семиотических кодов, как цвет, шрифт и др. Аниме как мультимодальный текст представляет собой текст, который доносит до читателя информацию не только вербально и графически, но и через другие семиотические каналы, например, иллюстрации, звукоряд, музыка, язык тела [14].

Практическая ценность исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах по лингвосемиотике, лингвокультурологии, теории и практике межкультурной коммуникации, а также послужить базой для создания словаря японских глюттониических номинаций.

Специфика глюттониической коммуникации в японских кулинарных аниме

Среди большого количества жанров аниме глюттониическая коммуникация ярче всего выражается в кулинарных аниме, поскольку они обязательно включают в себя сцены, где присутствует еда или процесс ее приготовления. Основным персонажем сюжетной линии кулинарных аниме является не только сам главный герой, но и пища, которую он употребляет. Через кулинарные сцены показывается характер персонажа, его переживания и даже мировоззрение, раскрывается не только тема культа еды, но и то, что пища является основной частью жизни героя. Также помимо базовой характеристики еды раскрываются такие ее свойства, как эстетическое наслаждение, решение какой-то личной проблемы или получение удовольствия. В качестве материала исследования методом случайной выборки были отобраны семь японских кулинарных аниме: «Повар-боец Сома» (75 серий), «Таверна Нобу» (24 серии), «Гурман» (40), «Сегодняшний обед семьи Эмия» (13 серий), «Подземелье вкусоностей» (24 серии), «Кулинарные скитания в параллельном мире» (12 серий), «Саке Вакако» (12 серий).

В ходе анализа практического материала исследования выделяется основная задача презентационной функции – транспортировка в дискурс воздейственных языковых элементов, способных изменить поведение воздействуемого с выгодой для воздействующего. Иными словами, через еду передается некое сообщение или послыл, идет воздействие на реципиента. Такими являются подношения или ритуальные блюда, приготовленные с целью прошения благословения богов. Так, в одной из серий аниме «Таверна Нобу» в гости приходит неизвестный гость в японских традиционных одеяниях, однако сам сеттинг мира является европейским, что вызывает интерес у главных героев, которые являются японцами. Герои кормят гостя жареным тофу, являющимся любимым лакомством богини Инари. В конце эпизода выясняется, что это был не просто клиент, а богиня, которая благословила ресторан главных персонажей. Данный пример вводит в сюжет аниме японские традиции, тесно связанные с религией и знакомит с культурой Японии.

Также «ритуализацией» глюттониической коммуникации может быть пища, не только напрямую связанная с религией, но и через глюттониическую лексику. Вслед за М. В. Ундринцовой выделяем следующие лексические группы, формирующие глюттониическую коммуникацию: 1) наименование блюд; 2) наименование посуды и инструментов для приготовления пищи; 3) наименования процессов поглощения пищи; 4) указание на время приема пищи; 5) указание на место приема пищи [6].

Так, в аниме «Таверна Нобу» в одной из серий работник изакаи (японский бар-ресторан) предлагает клиенту кайсендон (рис с морепродуктами), то есть коммуникация между персонажами начинается с наименования блюда. Потом заинтересованный клиент приступает к процессу поглощения еды. В это время обычный фон аниме меняется на морской, который светится и переливается, таким образом описывая зрителю насыщенность вкуса морепродуктов. На следующем кадре в центре показывают плавающий кусок рыбы в море, подчеркивая текстуру и свежесть продукта (рис. 1). Параллельно с этим идет вербальное описание блюда:



Рис. 1. Кайсендон

Fig. 1. Kaisendon



Рис. 2. Буквы из бульона

Fig. 2. Letters from the broth



Рис. 3. Вкус бульона

Fig. 3. Taste of the broth

《海だ! 何という旨味...そうか...ハマチのとろける...醤油とわさびのアクセント...》 (umi da! Nan to iu umami...souka...Hamachi no torokeru...shouyu to wasabi no akusento...) – *Море! Что за вкус... вот как... тающий во рту желтохвост... акцент соевого соуса и васаби...* (здесь и далее перевод авторов – Е.С., А.А.);

《海鮮丼は素晴らしい!》 (kaisen don ha subarashii!) – *кайсендон восхитителен!*

В данном примере сочетание семиотических кодов и вербальных, иконических средств отражает японскую кулинарную культуру, которая раскрывается путем глоттонии. При описании вкуса блюда используются такие эпитеты, как «тающий во рту», «восхитительный», а слова «море», «акцент» описывают основные ингредиенты блюда. Короткие предложения и умолчания передают взволнованность речи персонажа и предполагают вызов у зрителя определенного интереса к данному блюду. Эффект комплексной картинки усиливается с помощью ономастопозитического слова «ブリッ», которое используется для описания подтянутого и свежего состояния. Данный звукообразизм изображен графически в виде мясистых жирных знаков, тем самым указывая на жирность и свежесть рыбы.

Аниме «Таверна нобу» имеет много примеров, где ономастопозитическая лексика изображается в виде текстуры блюда (рис. 2, 3). Чтобы передать сочность блюда, фон может переливаться и выглядеть как бульон. Весомую роль играет еще и звуковой ряд классических мотивов, которые придают чувство изысканности и возвышенности. Такая образность помогает зрителю точнее представить все особенности блюд японской кухни и погрузиться в атмосферу, вместе с тем усиливая желание попробовать данное блюда и испытать эмоции героя аниме.

В аниме «Саке Вакако» сюжет истории начинается с наименования блюда. Главная героиня Вакако заказывает суп из моллюсков и во время процесса поглощения описывает его вкус:

《二枚貝のだしは冷やしの味...ふぷしゅー...みより入れてみよりもうましい》 (nimai gai no dashi ha hiyashi no aji... fupushuu...miyori irete miyori mo umashii) – *вкус супа из двустворчатых моллюсков – это вкус свежести и успокоения... фьюх... добавление моллюска в суп делает моллюск только вкуснее.*



Рис. 4. Суп из моллюсков

Fig. 4. Shellfish soup



Рис. 5. Мицуба: крупный план

Fig. 5. Mitsuba in close up view



Рис. 6. Мицуба: блюдо

Fig. 6. Mitsuba: dish

При описании «успокаивающего» вкуса супа задний фон сменяется на спокойный голубой оттенок с пузырьками, что символизирует легкость текстуры блюда. Кроме того, синий фон дает отсылку на морское происхождение основного ингредиента, на его свежесть, подчеркивая, что моллюски были собраны совсем недавно. Звук «ふふしゅう» (фьюх), которым описывают поглощение супа, появляется на экране в виде стилизованного текста в движении, подчеркивая удовлетворенность блюдом.

В этом же эпизоде наблюдаем акцентирование на ингредиенте, который характерен только для японской кухни. Героиня радуется тому, что в блюде есть японская петрушка «мицуба»: «三葉だ!» (mitsuba da!) – *Это мицуба!* Петрушку показывают крупным планом, а потом уже и вместе с основным блюдом (рис. 5, 6). Выделение отдельного ингредиента вводится для ознакомления с особенностями японской традиционной кухни.

В ходе сюжетной линии героиня Вакако уточняет, что данная японская зелень хорошо подходит для супов:

「三葉がまたいい香り…だし料理にあう日本のハーブだ。落ち着くなー」 (mitsuba ga mata ii kaori... dashi ryouri ni au nihon no ha-bu da. Ochitsukuna) – *Мицуба так хорошо пахнет... японская зелень, которая отлично подходит к суповым блюдам. Так успокаивает.*

Акцентирование на характерных для японской кухни ингредиентах уточняется еще и объяснением их предназначения. Таким образом, зритель не только получает новую информацию, но и узнает способы применения.

Интересным является то, как преподносят в японских аниме вкус умами. Вкус умами выделили в самостоятельный вкус японские ученые, помимо «сладкого», «соленого», «кислого» и «горького» вкусов. Умами – это вкус высокобелковой пищи, который характерен для японской кухни, его еще переводят как «мясной» вкус. В одной из серий аниме «Повар-боец Сома» после дегустации блюд персонажи делились впечатлениями, описывая сочетание ингредиентов как магию вкусов:

「まるで魔法にかけられたように…鶏肉のムースとそれを包むキャベツの若々しい甘さが口の中を…そして体中を包んでい行く…した体に味の魔力が漲るようだ。これは魔法!」 (marude



Рис. 7. Девочки-волшебницы
Fig. 7. Magical girls



Рис. 8. Формула вкуса умами
Fig. 8. Umami taste formula

mahou ni kakerareta yo: ni... toriniku no mu:su to sore wo tsutsumu kyabetsu no wakawakashii amasa ga kuchi no naka wo... soshite karadaju: wo tsutsundeiku... shita karada ni aji no maryoku ga minagiru yo: da!) – *Мусс из курицы и вкус свежести молодой капусты, что окружает ее... Окружило мой рот... И все тело... Словно волшебная сила переполняет меня. Это волшебство!*

В данном примере используются приемы сравнения и метафоры, которые играют важную роль в создании образов, передаче эмоций и усилении воздействия на зрителя. Насыщенность вкуса умами сравнивается с магией и усиливается видеорядом превращения овощей в девочек-волшебниц (рис. 7). Более того графически объясняется химический состав вкуса умами, его содержание в продуктах (рис. 8):

«トマトには旨味成分の一つ、グルタミン酸が含まれている。乾燥させることで仰々しくされて、舌に感じる甘さは拡散に跳ね上がる» (Tomato ni ha umami seibun no hitotsu, gurutaminsan ga fukumareteiru. Kanso:saseru koto de gyougyoushiku sarete, shita ni kanjiru amasa ha kakusan ni haneagaru) – *В томатах содержится глутаминовая кислота, при засушке она концентрируется, и сладость, ощущаемая языком, распространяется намного лучше.*

Таким образом, вкус умами специально выделяется среди других вкусов, вызывая ассоциации с чем-то магическим или волшебным, но наряду с этим подкрепляется точной формулой и научным объяснением, сохраняя образность содержания.

Кулинарные аниме не только знакомят зрителя с японской кухней, но и пропагандируют здоровый образ жизни. В аниме «Подземелье вкусоностей» герой рассказывает членам своей команды о важности правильного питания. Он сравнивает энергетическую ценность приема пищи авантюристов с полноценным правильным приемом пищи. На фоне появляется статистика, а сам персонаж находится на переднем плане, направляя свой взгляд прямо на зрителя (рис. 9, 10):

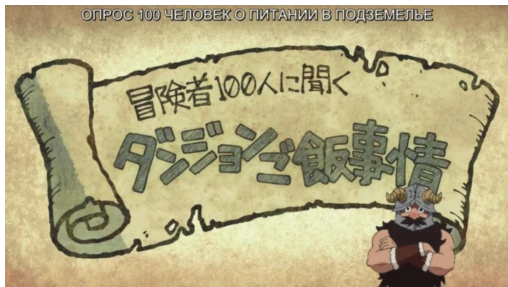


Рис. 9. Статистика
Fig. 9. Statistics



Рис. 10. Анализ
Fig. 10. Analysis



Рис. 11. Сравнение
Fig. 11. Comparison



Рис. 12. Крупный план
Fig. 12. In close up view

После объяснения герой сокращает дистанцию и почти закрывает собой весь экран, резюмируя следующее (рис. 11, 12): «栄養不足は魔物よりおそろしい!» (eiyo:fusoku ha mamono yori osoroshii!) – *Недостаточное питание страшнее любого чудовища!*

Такой прием приближенного крупного кадра имеет усиливающий эффект, устанавливает связь между персонажем и зрителем. Герой делится своим мнением, пропагандирует свои ценности, приводит статистические данные и наглядно сравнивает разное питание, все это влияет на зрителя, создавая эффект личного обращения. Это заставляет задуматься о пользе правильного сбалансированного питания, несет в себе информационную и воспитательную функции.

В японской глоттонической культуре особую роль играет эстетика блюда и его сервировка. К непосредственному поглощению пищи приступают только после того, как насладятся эстетическим видом блюда. Зрительное любование блюдом имеет древние японские традиции, когда перед приемом пищи изучали каждый ингредиент блюда, который имел не только питательную пользу, но и нес в себе определенное символическое значение. В этом плане интересна подача новогодней лапши «соба» в аниме «Сегодняшнее меню для семьи Эмия»:

«そばは他の麺類よりも切りやすいので、今年のくやくを断ち切りとか、細く長く伸ばすところから健康長寿とかの縁起担ぎだな» (Soba ha hoka no menrui yori mo kiriyasui no de, kotoshi no kuyaku wo tachikiri toka, hosoku nagaku nobasu tokoro kara kenkou cho:ju toka no engikatsugi dana) – Сoba, в отличие от других видов лапши, режется легче, поэтому она означает перерезание бед и неудач минувшего года. Из-за того, что форма лапши длинная и тонкая, есть суеверие, что она символизирует долголетие и здоровье.

В данном примере сконцентрированы эстетическая подача блюда и традиционные культурные ценности. Каждый ингредиент блюда имеет свое значение, а его созерцание перед приемом пищи символизирует уважение японским традициям. Принятие пищи показано как некий ритуал, а ингредиенты – как особые символы (рис. 13).



Рис. 13. Соба
Fig. 13. Soba

Презентационная специфика аниме раскрывается во всех проявлениях мультимодального текста. Интерпретируя образ в сочетании с вербальными средствами, мы можем построить анализ на основе видимых объектов и подразумеваемых концептуальных знаний, с помощью которых можно распознать замысел автора, а также учесть согласованность невербальных средств с вербальными компонентами. Знания о разных способах готовки и употребления еды могут стать очень важными знаниями в различных контекстах межкультурной коммуникации. Презентационность аниме реализуется через имена прилагательные и наречия, которые передают ярко выраженную положительную оценку при описании вкуса блюда, ее текстуры и прочих качеств, которые могут включать описания посуды, общей атмосферы, взаимоотношений с другими участниками дискурса. Поскольку еда является лейтмотивом повествования, она может интерпретироваться так же, как и один из героев аниме, тогда между зрителем и блюдом происходит особое социальное взаимодействие. Особое значение в презентации знаков глоттении в аниме приобретает цвет, который выстраивает ассоциативный ряд, дополнительные графические элементы и звуковое сопровождение. Более того, постановка кадра, использование крупного плана, а также быстро сменяющиеся картинки становятся дополнительным средством художественного воздействия на зрителя, усиливая эффект глоттонической коммуникации.

Заключение

Кулинарный жанр аниме делает лингвосемиотическую сферу глоттении основой повествования, через которую раскрываются мир произведения, персонажи, их характер, предпочтения и мировоззрение. Специфика аниме как мультимодального текста заключается в том, что через данный вид текста происходят коммуникация и передача японских культурных ценностей зрителям. Через японскую анимацию передаются знания о традиционной японской кухне, концепции японского визуального представления: эстетика сочетания противоположностей (вкус, цвет, текстура и т. п.), тенденция к асимметрии и гармоничные сочетания цветов.

В результате исследования приходим к выводу, что презентационная функция аниме реализуется за счет знаков глоттении как средства воздействия на общество и, следовательно, формирует доминирующие культурные предпочтения и гастрономические стереотипы поведения. В аниме еда может выглядеть привлекательнее, чем в реальности. Визуальная привлекательность японской кухни с точки зрения элегантности оформления и сервировки стола играет важную роль в процессе ее распространения в других странах (за пределами Японии) и выступает в качестве своеобразного инструмента «мягкой силы». Эстетичный вид традиционной японской кухни и сама кухня выражают ценность близости к природе, проявляющуюся в стремлении сохранить первоизданную текстуру пищи, а также ценность простоты, незамысловатости и естественности.

Л и т е р а т у р а

1. Агафонова, А. А. Глуттонический дискурс в гастрономических мемах // Язык текущего момента : Материалы III Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2020 года / А. А. Агафонова ; отв. редактор О. В. Казаченко. – Москва : Книгодел, 2020. – С. 16–18.
2. Головницкая, Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Головницкая Наталья Петровна. – Волгоград, 2007. – 24 с.
3. Олянич, А. В. Гастрономический дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2 (19). – С. 157–160.
4. Арутюнов, С. А. Традиционная пища как выражение этнического самосознания / С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина. – Москва : Наука, 2001. – 293 с.
5. Шорохова, Е. А. Гастрономический дискурс как вид институционального дискурса / Е. А. Шорохова, Е. В. Жучкова // Молодой ученый. – 2021. – № 5 (347). – С. 162–165.
6. Ундрцова, М. В. Глуттонический дискурс : лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков): дис. ... канд. филол. наук / Ундрцова Мария Владимировна. – Москва, 2015. – 290 с.
7. Федорова, К. М. Текстологические особенности понятия «рецепт» / К. М. Федорова, Е. С. Руфова // Наука, образование и культура. – 2016. – № 10 (13). – С. 14–20.
8. Куренова, Д. Г. Глуттонический дискурс в PR-стратегии продвижения территории / Д. Г. Куренова, О. Е. Павловская // Эпомен : филологические науки. – 2022. – № 1. – С. 168–179.
9. Габдуллина, А. Х. Язык и субкультура аниме в контексте глобализации / А. Х. Габдуллина // Челябинский гуманитарий. – 2012. – № 1(18). – С. 34–37.
10. Кузьмич, А. В. Особенности видео-рецептов и глуттонический дискурс / А. В. Кузьмич, И. П. Короткова // Научный аспект. – 2022. – Т. 4. – № 5. – С. 510–515.
11. Ряман, А. Р. Специфика японской кухни: традиции и современность / А. Р. Ряман, А. И. Виноградова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2019. – Т. 3. – С. 672–674.
12. Никулина, Е. Г. Особенности визуальных образов в мультимодальных текстах / Е. Г. Никулина // Аллея науки. – 2017. – Т. 2. – № 10. – С. 476–482. – EDN ZASXSP.
13. O'Halloran KL, Smith BA. Multimodal Text Analysis. [online]. Available at: http://multimodal-analysis-lab.org/_docs/encyclopedia/01-Multimodal_Text_AnalysisO'Halloran_and_Smith.pdf 2010. [Accessed: 17 Oct 2023].
14. Самойлова, Е. О. Эстетика аниме / Е. О. Самойлова // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2010. – № 1. – С. 198–203.

References

1. Agafonova AA. Gluttonic Discourse in Gastronomic Meme. Language of the urgent moment: the materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference in Moscow, 20 April 2020. Executive editor Kazachenko OV. Moscow: Knigodel, 2020:16-18 (in Russian).
2. Golovnitskaya NP. Linguistic and cultural characteristics of the German gastronomic discourse. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Volgograd, 2007:24 (in Russian).
3. Olyanich AV. Gastronomical discourse. The discourse is Pi, 2015;2(19):157–160 (in Russian).
4. Arutyunov SA, Voronina TA. Traditional food as an expression of ethnic identity. Moscow: Nauka, 2001:293 (in Russian).
5. Shorohova EA, Zhuchkova EA. Gastronomic discourse as a type of institutional discourse. Young Scientist, 2021;5(347):162-165 (in Russian).
6. Undricova MV. Gluttonic discourse: linguistic and cultural, cognitive-pragmatic and translation aspects (based on Russian, English, French and Greek languages): Candidate's dissertation. (Philology) Moscow, 2015:290 (in Russian).
7. Fedorova KM, Rufova ES. Textual features of the concept "Recipe". Science, Education and Culture, 2016;10(13):14-20 (in Russian).
8. Kurenova DG, Pavlovskaya OE. Gluttonic discourse in PR-strategy of place branding. Epomen: philological sciences, 2022;1:168-179 (in Russian).

9. Gabdullina AH. Language and subculture of anime in the context of globalization. Chelyabinsk humanities, 2012;1(18):34-37 (in Russian).
10. Kuzmich AV, Korotkova IP. Features of video recipes and gluttonic discourse. Scientific aspect, 2022;4(5):510-515 (in Russian).
11. Ryaman AR, Vinogradova AI. The specificity of Japanese Cuisine: tradition and modernity. Actual problems of aviation and cosmonautics, 2019;3:672-674 (in Russian).
12. Nikulina EG. Features of visual images in Multimodal Texts. Alley science, 2017;2(10):476-482. EDN ZASXSP (in Russian).
13. O'Halloran KL, Smith BA. Multimodal Text Analysis [online]. 2010. Available at: http://multimodal-analysis-lab.org/_docs/encyclopedia/01-Multimodal_Text_Analysis_O'Halloran_and_Smith.pdf [Accessed 17 October 2023].
14. Samoilova EO. Aesthetics of anime. Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace, 2010;1:198-203 (in Russian).

РУФОВА Елена Степановна – к. филол. н., доцент, зав. каф. восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: RUFL2003@yandex.ru

Elena S. RUFOVA — Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Head of the Department of Oriental Languages and Regional Studies, Institute of Modern Languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МАТАННАНОВА Алина Афанасьевна – студент 4 курса Института зарубежной филологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail:

Alina A. MATANNANOVA – 4th year Bachelor Student of the Institute of Modern Languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 811.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-201-210

Языковые средства выражения иронии как эстетической категории комического в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина

Э. А. Султанова^{1,2}

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

²Большеатнинская СОШ Атинского муниципального района, Республика Татарстан, Россия

✉ ilka9@mail.ru

Аннотация. Ирония, выступая в качестве неоднородного явления в языке, привлекала к себе внимание многих исследователей и философов со времен Античности. В ходе исследования выделены ее основные признаки и установлено, что ирония является художественной формой оценочного изображения действительности, отличительной чертой которой выступает скрытая насмешка, противопоставленная буквальному смыслу сказанного. Указанная особенность иронии является важным инструментом раскрытия многих социальных и философских проблем в произведениях писателей и поэтов всех времен, что объясняет ее неотъемлемую роль в развитии художественной литературы. Одним из самых ярких представителей сатирико-иронического направления в русской литературе XIX века является М. Е. Салтыков-Щедрин. Данная статья посвящена анализу и систематизации лексических и синтаксических средств создания иронии в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина через изучение раннего и позднего творчества писателя и направлена на выявление его отношения к социальной ситуации России того времени. С использованием метода филологического анализа текста и метода сравнения осуществляется подробное описание каждого выявленного средства выражения иронической модальности в сатирических сказках писателя, а также в его романе «История одного города». Выявляются особенности проявления иронии у писателя в форме язвительной и резкой насмешки, что указывает на демократичность идей писателя и его ненависть к самодержавию. Настоящая работа носит важный лингвистический и общекультурный характер. Результаты и материалы исследования могут быть использованы в лингвографической практике, в процессе преподавания курсов по лингвострановедению, по русскому языку как иностранному (неродному) в российских и зарубежных вузах.

Ключевые слова: ирония, ситуативная ирония, художественная литература, М. Е. Салтыков-Щедрин, «История одного города», сатирические сказки, идиостиль писателя, лингвистические средства выражения иронии, уровни языка, тропы, синтаксические конструкции.

Для цитирования: Султанова Э. А. Языковые средства выражения иронии как эстетической категории комического в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, № 4. С. 201–210. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-201-210

Linguistic means of expressing irony as an aesthetic category of the comic in the idiostyle of M.E. Saltykov-Shchedrin

E. A. Sultanova^{1,2}

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

²Bolsheatninskaya general secondary school of the Atninsky municipal district, the Republic of Tatarstan, Russia

✉ ilka9@mail.ru

Abstract. Irony, acting as a heterogeneous phenomenon in language, has attracted the attention of many researchers and philosophers since Antiquity. In the course of this study we identified its main features and
© Султанова Э. А., 2024

established that irony is an artistic form of evaluative depiction of reality, the distinctive feature of which is a hidden ridicule opposed to the literal meaning of what is said. This feature of irony is an important tool for revealing many social and philosophical problems in the works of writers and poets of all times, which explains its integral role in the development of fiction literature. M. E. Saltykov-Shchedrin is one of the most prominent representatives of the satirical-ironic direction in Russian literature of the XIX century. This article is devoted to the analysis and systematisation of lexical and syntactic means of creating irony in the works of M. E. Saltykov-Shchedrin through the study of the writer's early and late works and the identification of his ideological position towards the social situation of Russia at that time. On the basis of the method of philological analysis of the text and the method of comparison there is a detailed description of each identified means of expression of ironic modality in the writer's satirical tales, as well as in his novel "The History of One City". The example of his works shows irony in the form of sarcastic and sharp mockery, which indicates the democratic nature of the writer's ideas and his hatred of autocracy. This work has an important linguistic and general cultural nature. The results and materials of the research can be used in linguographic practice, in the process of teaching courses on linguistic and cultural studies, Russian as a foreign (non-native) language in Russian and foreign universities.

Keywords: irony, situational irony, fiction literature, M. E. Saltykov-Shchedrin, "The Story of One City", satirical tales, writer's idiosyncrasy, linguistic means of irony expression, language levels, tropes, syntactic constructions.

For citation: Sultanova E. A. Linguistic means of expressing irony as an aesthetic category of the comic in the idiosyncrasy of M.E. Saltykov-Shchedrin. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 4. Pp. 201–210. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-4-201-210

Введение

Ирония, как и другие виды комического, является художественной формой оценочного и критического изображения действительности, характерной особенностью которого является скрытая насмешка либо порицание под маской серьезности. Ирония широко используется в художественной литературе, так как играет неотъемлемую роль в раскрытии разного рода проблем и тем, которые остаются вечными для писателей и поэтов разных эпох. Таким образом, ирония в художественной литературе – хороший инструмент критики и авторской оценки, благодаря которому автор может указать на изменение мировоззрения самих читателей, расширение их кругозора.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин является одним из главных представителей отечественной литературы XIX века. Произведения писателя широко известны не только в России, но и за рубежом, ведь описанные им пороки общества не теряют своей актуальности и по сей день. В интересах нашего исследования обратим внимание на тот факт, что индивидуальность и самобытность комической составляющей творчества Салтыкова-Щедрина связаны не столько с композицией его произведений, сколько с искусностью языкового исполнения. Данная особенность стиля является причиной такой известности писателя и среди исследователей, которые фокусируются больше на самом тексте и его структурных элементах.

Вследствие этого актуальность нашей исследовательской работы строится на противоречии, когда, с одной стороны, творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина является достаточно изученным явлением в литературоведении, однако, с другой стороны, в нем все еще не выделены основные языковые особенности идиостиля писателя, характерной чертой которой является наличие в ней иронической модальности.

Учитывая тот факт, что творчество писателя-сатирика рассматривается исследователями со стороны комплексного лингвистического анализа художественного стиля писателя, отметим, что новизна нашей работы заключается в отборе и систематизации отдельных лексических и синтаксических средств выражения иронии в его творчестве. Вследствие этого целью нашего исследования стало определение

роли лексических и синтаксических средств выражения иронии в идиостиле писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Для достижения поставленной цели нами будет прокомментирована языковая картина мира писателя и роль его политической идеологии в творчестве, проанализированы иронически-маркированные единицы языка и рассмотрена выявленная система с точки зрения эмоционально-оценочной сферы писателя.

Ирония в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин известен тем, что в его сатирических произведениях проявляются наиболее выразительные отличительные черты общества XIX века.

В своем труде, посвященном творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, советский литературовед А. С. Бушмин отмечал, что «М. Е. Салтыков-Щедрин является непревзойденным художником слова в области социально-политической сатиры». В своих произведениях писатель-сатирик выступает против угнетения человека людьми более высокого ранга и сословия, показывает себя защитником народа и противником буржуазии, в целом провозглашает себя просветителем идеологии демократии [1].

Поэтический язык М. Е. Салтыкова-Щедрина является прямой демонстрацией его чувства приверженности к русскому народу. Его манера повествования, в котором отражаются отличительные черты национальной культуры, его единение, становятся особенностью творчества писателя, а именно уникальным стилем искусства комического в русской литературе.

Т. В. Маркелова и М. В. Петрушина, опираясь на принципы аксиологического подхода, оценивают смех в произведениях Салтыкова-Щедрина как смех с наибольшей категоричностью [2]. Данный аспект в творчестве писателя позволяет нам утверждать, что в его произведениях особое распространение получают смех, выражающий неодобрение, негодование или издевку, а ироническая оценка в форме незлобивой насмешки встречается крайне редко.

Принимая во внимание все вышесказанное, отметим, что творчество писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина пронизано нотками традиционной и народной литературы и, выступая достоянием русской литературы, оно также является одним из источников дальнейшего развития русской сатиры. Воздвигая быт простого народа в ранг искусства, Салтыков-Щедрин выражает свою любовь к народу, связывает судьбы друг друга. На этом строится и политическая идеология самого писателя, заключающаяся в борьбе с самодержавием через отстаивание демократических ценностей всего общества.

Способы выражения иронии и их систематизация

Проанализировав труды многих исследователей, лингвистов и литературоведов, мы пришли к выводу о том, что функционирование иронии в речи может достигаться двумя путями – через использование контекстуальной или концептуальной иронии. Контекстуальная ирония представляет собой «явный, эмоционально окрашенный тип иронии», когда смысл сказанного незамедлительно идет в противоречие с ситуативным контекстом, что позволяет автору комментировать происходящее, выражая явную оценку ситуации. Вследствие этого можем утверждать, что контекстуальная ирония в тексте создает яркие и важные детали, которые подвергаются моментальному анализу со стороны воспринимающего текст.

Однако более важная роль в системе художественного текста принадлежит концептуальной иронии, благодаря которой раскрытие основных интенций автора происходит постепенно. Декодирование получаемой информации в данном случае допустимо лишь в более широких контекстах, когда ирония вплетается в сам ход повествования и участвует в создании цельного законченного образа всего произведения. Вследствие этого данный тип иронии участвует в описании персонажей со стороны мировоззрения самого автора, а не рассказчика [3]. Обращаясь к сатирическим сказкам Щедрина, отметим, что использование автором приемов эзоповой манеры повествования является ярким примером создания ассоциативной иронии в тексте.

Стоит заметить, что настоящая исследовательская работа ставит целью выявление языковых средств создания иронии в тексте, поэтому нас больше интересует ситуативный тип иронии, реализация которой в большей степени достигается посредством использования средств лексического и синтаксического уровней языка.

Лексические средства реализации иронии

Богатство языка писателя прежде всего определяется через его умение оперировать лексическими средствами языка, ведь именно данный уровень языка обладает всевозможными оттенками, которые наряду с необходимой информацией помогают передавать эмоции и внутренние переживания персонажей и самих авторов. В данном случае более подробно рассмотрим основные средства выразительности, играющие важную роль в передаче иронической модальности в тексте, что обусловлено природой данного явления в языке – возможностью обогащения новыми оттенками смысла.

Антифразис является самым важным средством создания иронии в нашем исследовании, так как сущность данного приема строится на прямом выражении иронической модальности, то есть слово само употребляется в значении, противоположном обычному [4]. Благодаря данному приему происходит распознавание иронической двусмысленности сказанного:

<...> были регулированы все подробности будущего устройства этой *злосчастной муниципии* <...> («История одного города»).

Но даже и эти *скромные походы* не всегда сопровождались для них удачей <...> («История одного города»).

Для языка художественных произведений свойственны различные семантические процессы изменений значения слов [5]. Следующим классическим способом выражения иронии в творчестве Щедрина является метафора. Многие исследователи утверждают, что по своему существу она, как и ирония, семантически двойственна, ведь буквальное значение метафоры во взаимодействии с главным словом на самом деле является ложным, лишь переносное значение будет иметь предполагаемый смысл [6]. Данное замечание позволяет нам утверждать о возможности интеграции иронического значения в смысл отдельной метафоры в зависимости от интенций автора высказывания. Описанная ситуация прослеживается в случаях употребления следующих метафор из «Истории одного города»: между тем *измена не дремала; измена свила себе гнездо* в Глупове. Для обозначения политической измены автор создает два разных метафорических отождествления, что является хорошей иронической насмешкой над новыми политическими разногласиями, разворачивающимися в городе Глупове. В другом же примере: *загорелось сердце его стыдом великим*, и стоял он перед глуповцами и точил слезы, – метафора с оттенками гиперболизации демонстрирует презрительное отношение к персонажу. Его неискренность и лукавство подтверждаются следующей ремаркой: «все те его слезы были крокодиловы».

Наряду с метафорами в произведениях Салтыкова-Щедрина встречаются и эпитеты. Интересны в данном случае примеры использования сложных эпитетов, композитных единиц, которые определяют предмет или явление с ее концептуальной, эмоционально-оценочной стороны. Как и другие средства выразительности, эпитет всегда в рамках контекста вступает во взаимодействие с другими экспрессивными средствами языка [7]. В настоящей работе нас интересует связь сложных эпитетов с иронией, когда рассказчик, давая положительную характеристику объекту эпитетации, в рамках контекста в действительности подразумевает оценку, обратную явному:

Глупов, *беспечный, добродушно-веселый* Глупов, приуныл. <...> умолкло шелканье подсолнухов, нет игры в бабки! («История одного города»).

<...> лицо у него словно не баранье делается, а серьезное, строгое, как у старого, *благomyсленного мужичка* из тех, что в старинные годы «министрами» называли («Баран-непомнящий»).

Также наиболее частым явлением в произведениях Салтыкова-Щедрина для достижения иронической модальности в тексте выступает использование *сравнений*, чаще в форме сравнительных оборотов.

Говорил пространно, рассыпчато и вразумительно, *словно бисер перед свиньями метал* <...> («Соседи»).

<...> бригадиру следовало бы на сей раз посовеститься; *но его словно бес обуял. Как ужасленный бежал он по городу и кричал криком* («История одного города»).

Реализация иронии в тексте также возможна через такой прием, как антитеза:

Словом сказать, *и смешно, и обидно*. Тычется майор то в одну, то в другую сторону, хочет насмешников переловить, и все мимо. *И что больше старается, то у него глупее выходит* («Медведь на воеводстве»).

Сострадание с симпатией к персонажу у рассказчика в данном отрывке является ложным. В действительности улавливаются откровенная насмешка и издевка со стороны автора, который выступал против жестоких и глупых людей на руководящих позициях. Такие же интенции автора прослеживаются и в «Истории одного города»: в Риме сияло нечестие, а у нас – благочестие, Рим заражало буйство, а нас – кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас – начальники.

Мотив приверженности народу Салтыков-Щедрин в своих произведениях прежде всего выражал через использование *поговорок и пословиц*. Сам автор не раз отмечал, что они везде сами «прилаживаются» [8]. Таким образом, вековая народная мудрость переплеталась с иронической модальностью самого автора, что можно наблюдать в следующих примерах, где подчеркиваются ложные ценности героев, их безрассудство и безжалостность:

<...> а я (Топтыгин 1-й) чижей глотать вздумал! Ну, да ничего! *Первый блин всегда комом!* («Медведь на воеводстве»).

<...> надо науки и искусства в дворянх заводить, потому что при них и орлам занятнее живется <...>. *Ученье – свет, а неученье – тьма*. Спать-то да жрать всякий умеет, а вот поди разреши задачу («Орел-меценат»).

Продолжая тему фольклорных мотивов, заметим, что произведения более высокого жанра Салтыкова-Щедрина также отмечаются в данном ключе своим своеобразием. Например, в «Истории одного города» интересным образом в ход повествования включаются традиционные обороты речи из сказок, приобретая при этом ироническую интонацию и выступая в качестве остроумного подшучивания над государственным устройством страны: слава о его (градоначальника) путешествиях росла *не по дням, а по часам*; канцелярии кипели уставами, как никогда *не кипели сказочные реки млеком и медом*.

Экспрессивность речи и комичность разворачиваемых событий и героев в художественных произведениях равным образом достигаются и посредством использования фразеологических оборотов:

Никто лучше его не умел *на бабах развести и чудеса в решете* показать («Соседи»).

<...> сев в кибитку, благополучно проследовал в тот край, куда *Макар телят не гонял* («История одного города»).

<...> а денег развелось такое множество, *что даже куры не клевали их...* Потому что это были ассигнации («История одного города»).

В последнем примере можно также проследить, как фразеологизмы иногда в результате своей буквализации посредством парцелляции могут придавать большую экспрессивность речи, выступая при этом в роли эффекта обманутого ожидания.

Профессиональная деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина в сфере публицистики привнесла особый вклад в манеру повествования писателя. В произведениях писателя-сатирика нами была выявлена лексика отвлеченно-книжная, которая больше характерна для текстов публицистического и официально-делового стилей. К примеру, в «Истории одного города» летописец в своей речи использует следующие слова: *гривуазность, агитатор, силлогизм, административный прецедент, фаланстер, доктринер*,

мартиролог. В данном случае использование общественно-политической и публицистической лексики неуместно и никак не мотивировано, что показывает ироническое и сатирическое отношение самого автора к объектам осмеяния.

Ироническая модальность в тексте также может быть подчеркнута посредством неоднократного и чрезмерного использования одного и того же слова или выражения внутри одного предложения или абзаца [10]. Посредством лексических повторов автор акцентирует внимание читателей на одной лексеме, как правило, имеющей положительную коннотацию, делая повествование более динамичным, но неестественным, что подталкивает читателя на выявление истинных интенций автора по отношению к описываемой ситуации:

В голове его мелькал какой-то рай, в котором живут *добродетельные* люди, делают *добродетельные* дела и достигают *добродетельных* результатов («История одного города»).

Отметим также случай дистантного расположения повторяющихся лексем. Так, например, в «Диком помещике» словоформа *глупый* встречается 16 раз. В начале произведения данная характеристика герою дается самим рассказчиком, что вначале может восприниматься как шутка или незлобивая насмешка: И был тот помещик *глупый*, читал газету «Весть» и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое. Но с ходом повествования глупость персонажа подтверждается и остальными героями сказки: Видят мужики: хоть и *глупый* у них помещик, а разум ему дан большой. Так иронично подшучивают над своим хозяином крестьяне. Трижды, как в устном народном творчестве, провозглашают его глупым и представители других сословий. Следовательно, с развитием сюжета все больше вырисовывается настоящий облик героя, дикого, безжалостного и недалекого помещика, где смех автора уже не выступает в качестве легкой насмешки, а становится все более язвительной и обличительной.

Таким образом, рассмотренные лексические средства обеспечивают движение всего сюжетного повествования в произведении, так как они являются неотъемлемой частью описания характера и образа жизни главных героев Салтыкова-Щедрина.

Синтаксические средства выражения иронии

Контекстуальная ирония, как было отмечено выше, также может выражаться синтаксическими конструкциями. Продолжая тему повторов, заметим, что ироническая модальность в тексте часто передается и через синтаксические повторы. По Е. В. Булатой, существуют два вида повторов: повторы локального и дистантного характера. Последний вид повторов играет существенную роль в формировании содержательной основы произведения в целом [11]. Локальные повторы синтаксических конструкций больше участвуют в гиперболизации описываемой ситуации, при этом представляя ее комичной и несерьезной:

Неслыханная деятельность вдруг закипела во всех концах города; частные пристава *поскакали*; квартальные *поскакали*; заседатели *поскакали* («История одного города»).

И прожил премудрый пискарь таким родом с лишком сто лет. *Все дрожал, все дрожал* («Премудрый пискарь»).

Однородные члены предложения в художественном тексте, помимо основной функции перечисления понятий и явлений, могут выступать ярким средством выразительности. Например, ряд однородных сказуемых встречается в произведении Щедрина «История одного города»: (горожане) *поздравляли друг друга с радостью, целовались, проливали слезы, заходили в кабаки, снова выходили из них, и опять заходили*. Благодаря данной синтаксической конструкции в данном примере можно заметить, что явная радость и счастье народа не поддерживаются самим автором. Он предупреждает читателей о том, что ожидания героев в действительности несбыточны, и поэтому, перечисляя их действия, он с иронией и укоризной смотрит на сам народ, осуждая их чрезмерное раболепие и доверчивость.

В том же произведении примечателен случай взаимодействия однородных членов предложения с лексическими повторами, когда последний основан на повторе с синонимической связью: Неслыханная деятельность вдруг закипела во всех концах города <...> *Хватают и ловят, секут и порют, описывают и продают...* Связь двух языковых средств выражения иронии помогает акцентировать внимание читателей на применении жестоких и насильственных действий по отношению к простому народу. Данный эпизод раскрывает авторское отношение к изображаемым образам двояко. С одной стороны, автор насмехается над тем, что руководящие чины ничего не умеют делать кроме описанных мер решения конфликтов, а с другой, имплицитной, стороны, он сочувствует горожанам, терпящим такие унижения.

В целях демонстрации под маской одобрения и восхваления свое ироническое отношение к героям Щедрина также использует перечислительный ряд с отрицательной частицей *не* и союзами *ни...*, *ни...*:

Ни друзей у него, ни родных; ни он к кому, ни к нему кто. В карты не играет, вина не пьет, табаку не курит, за красными девушками не гоняется («Премудрый пискарь»).

Проблема, волнующая писателя, также может быть изображена посредством применения градации в тексте, что усиливает в нем эмоциональную напряженность и подчеркивает жестокую реальность:

Сколько потребуется генеральных кровопролитиев учинить, чтоб экую пакость загладить! *Сколько народу ограбить, разорить, загубить!* («Медведь на воеводстве»).

Вводные слова и выражения, в большей степени являясь спонтанными конструкциями, помогают в передаче истинных эмоций и интенций автора. Данное обстоятельство подтверждает мысль о том, что в пределах текста они могут приобретать дополнительные оттенки значений, приводящие к переосмыслению всего высказывания, а иногда и к потере их первоначального значения [12]. Таким образом, через данные конструкции особенно ярко выражается ирония в произведениях:

К счастью, покушение было усмотрено вовремя, и заговор разрешился тем, что самих же заговорщиков лишили на время установленной дачи требухи («История одного города»).

Словом сказать, и смешно, и обидно. Тычется майор то в одну, то в другую сторону, хочет насмешников переловить, и все мимо («Медведь на воеводстве»).

Как и вводная конструкция, парентеза также является важным средством выражения иронии на синтаксическом уровне языка. Данная вставная конструкция, нарушая ход повествования, помогает акцентировать внимание читателей на прерванном ходе событий, а комментарий прямо отражает авторскую позицию [13]. Следовательно, парентеза создает вторичный план высказывания, которая может нести в себе авторскую модальность по отношению к объекту иронической насмешки. К примеру, иронические ремарки в произведениях Салтыкова-Щедрина встречаются в следующих примерах:

Тогда бригадир встал перед миром на колени и начал каяться (*«И было то покаяние его аспидово»*, – *опять предваряет события летописец*) («История одного города»).

Но, спустя малое время, собеседники опять где-нибудь в укромном месте сплывались (*в воде-то скучно*) и опять начинали диспутировать («Карась-идеалист»).

Другой единицей выражения экспрессии является *восклицательное предложение*. Подобные конструкции в тексте также имеют предрасположенность к ироническому переосмыслению, так как в них заложена особая выразительность и экспрессивность:

А теперь, смотрите-ка! – съел Чижика и тем себя воспрославил! ... Сколько потребуется генеральных кровопролитиев учинить, чтоб экую пакость загладить! *Сколько народу ограбить, разорить, загубить!* («Медведь на воеводстве»).

Глупов, беспечный, добродушно-веселый Глупов, приуныл. *Нет более оживленных сходок за воротами домов, умолкло щелканье подсолнухов, нет игры в бабки!* («История одного города»).

Следующим средством актуализации иронической тональности в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина является парцелляция. По Г. А. Копниной, особенность парцелляции заключается в том, что она является результатом деления единой синтаксической структуры предложения на два или более интонационно обособленных отрезка [14]. Вследствие этой особенности в тексте создается особая интригующая пауза, где скрыта авторская модальность, и при этом одновременно вызывается интерес читателя к выделенной информации [15]. Проанализировав произведения Щедрина, отметим, что выделение информации в пределах абзаца у писателя в большей степени объясняется его стремлением придать ироническую коннотацию всему предложению:

Так и остался Топтыгин 1-й майором навек. *А если б он прямо с типографий начал – быть бы ему теперь генералом* («Медведь на воеводстве»).

У самого главного выхода стоял Угрюм-Бурчеев и вперял в толпу цепенящий *взор... Но что это был за взор... О, господа! что это был за взор!..* («История одного города»).

Во многих приведенных примерах мы наблюдали, как перечисленные синтаксические конструкции в пределах текста не существуют по отдельности, а взаимодополняют друг друга, чем доказывают свою необходимость в выражении иронической модальности в тексте.

Заключение

В ходе исследовательской работы мы проанализировали произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина на предмет лингвистических, в частности лексических и синтаксических, средств выражения иронии как эстетической категории комического и выявили, что данные иронически-маркированные единицы в неразрывном взаимодействии друг с другом играли неотъемлемую роль в передаче мировоззрения и выстраивании идиостиля самого писателя-сатирика.

Предметом внимания в творчестве Салтыкова-Щедрина также является то, что иронический смех писателя в произведениях носит характер резкой и язвительной оценки происходящего. Нотки юмора в данном случае прослеживаются крайне редко. Данная особенность объясняется социально-политической идеологией самого автора – защитника демократических ценностей и противника самодержавия. Щедрин придерживался мысли, что самым главным «предназначением творца» является воспитание у масс идеалов демократического будущего, духа свободы и любви к родине.

Л и т е р а т у р а

1. Бушмин, А. С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры / А. С. Бушмин. – Москва : Современник, 1976. – Б-ка «Любителям российской словесности». – 253 с.
2. Маркелова, Т. В. Аксиологическая природа смеха в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина / Т. В. Маркелова, М. В. Петрушина // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. – 2015. – № 4. – 71–76 с.
3. Петрова, О. Г. Типы иронии в художественном тексте : концептуальная и контекстуальная ирония / О. Г. Петрова // Известия Саратовского университета. – 2011. – Т. XI. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 3. – 25–30 с.
4. Крылова, М. Н. Современный писатель Леонид Каганов : антифразис как важнейшая составляющая стиля // Концепт. – 2019. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyyi-pisatel-leonid-kaganov-antifrazis-kak-vazhnei-shaya-sostavlyayuschaya-stilya> (дата обращения: 21.07.2024). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
5. Ерофеева, И. В. Семантические преобразования слов в контекстах пушкинских произведений / И. В. Ерофеева // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – 84–89 с.
6. Алексеев, К. И. Метафора как объект исследования в философии и психологии / К. И. Алексеев // Вопросы психологии. – 1996. – № 2. – 73–85 с.
7. Фадеева, Т. М. Сложный эпитет-ядерная единица художественного пространства в русском языке : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Фадеева Татьяна Михайловна. – Москва, 2014. – 42 с.

8. Ефимов, А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина / А. И. Ефимов. – Москва : Изд-во Московского университета, 1953. – 496 с.
9. Бельчиков, Ю. А. Русский литературный язык второй половины XIX века / Ю. А. Бельчиков. – Москва, 1974. – 192 с.
10. Яготинцева, В. Ю. Лексический повтор как компонент идиостиля Биргит Вандербеке / В. Ю. Яготинцева // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. – 2019. – № 5(28). – 115–120 с.
11. Булатая, Е. В. Повтор как средство актуализации иронического смысла в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Гоголя и их перевода на немецкий язык) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtor-kak-sredstvo-aktualizatsii-ironicheskogo-smysla-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-proizvedeniy-n-v-gogolya-i-ih-perevoda-na> (дата обращения: 09.03.2024). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
12. Рамазанова, Р. З. Вводные слова как средство выражения эмотивности / Р. З. Рамазанова // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 4–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvodnye-slova-kak-sredstvo-vyrazheniya-emotivnosti> (дата обращения: 14.03.2023). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
13. Борисова, Д. А. Парентеза как экспрессивный способ формирования прецедентных смыслов / Д. А. Борисова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 20. – Нижний Новгород : Нижегородский лингвистический университет, 2012. – 11–21 с.
14. Копнина, Г. А. Парцелляция / Г. А. Копнина ; Сибирский федеральный университет; под редакцией А. П. Сковородникова. – [2-е изд-е, перераб. и дополн.] // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник. Электронное издание. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – 427–428 с.
15. Галкина, Н. П. Парцелляция как инструмент воздействия в публицистике / Н. П. Галкина // Известия ВГПУ. – 2022. – № 1 (164). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partsellyatsiya-kak-instrument-vozdeystviya-v-publitsistike> (дата обращения: 21.09.2024). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

References

1. Bushmin AS. Saltykov-Shchedrin. The Art of Satire. Moscow: "Sovremennik", 1976:253 (in Russian).
2. Markelova TV, Petrushina MV. Axiological nature of laugh in M. E. Saltykov-Shchedrin's idiosyle. Vestnik MGUP, 2015:4:71-76 (in Russian).
3. Petrova OG. Types of Irony in Fiction: Conceptual and Contextual Irony. Izvestiya of Saratov University. Series: Philology. Journalism. 2011;11(3):25-30 (in Russian).
4. Krylova MN. Modern writer Leonid Kaganov: antiphrasis as the most important component of style. Concept, 2019:9:1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyi-pisatel-leonid-kaganov-antifrazis-kak-vazhnei-shaya-sostavlyayuschaya-stilya> [Accessed, 21 June 2024] (in Russian).
5. Erofeeva IV. Semantic transformations of words in the contexts of Pushkin's works. Philology and culture, 2014:4(38):84-89 (in Russian).
6. Alekseev KI. Metaphor as an object of research in philosophy and psychology. Questions of psychology, 1996:2:73-85 (in Russian).
7. Fadeeva TM. Complex epithet – core unit of fictional space in the Russian language. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: Moscow State Regional University, 2014:42 (in Russian).
8. Efimov AI. The language of satire by Saltykov-Shchedrin. Moscow: Moscow University Press, 1953:496 (in Russian).
9. Belchikov YuA. Russian literary language in the second half of the 19th century. Moscow, 1974:192 (in Russian).
10. Yagotintseva VYu. Lexical repetition as a component of individual style of Birgit Vanderbeke. Student Electronic Journal StRIG, 2019;5(28):115-120 (in Russian).
11. Bulataya EV. Repetition as a means of actualisation of ironic meaning in the literary text (on the material of N. V. Gogol's works and their translation into German). IKBFU's Vestnik. Series: Philology,

Pedagogy, Psychology. 2017;1:13-18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtor-kak-sredstvo-aktualizatsii-ironicheskogo-smysla-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-proizvedeniy-n-v-gogolya-i-ih-perevoda-na> [Accessed 9 March 2024] (in Russian).

12. Ramzanova RZ. Parenthesis as a means of expressing emotiveness. *Prepodavatel XXI Century*, 2017;4-2:383-397. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvodnye-slova-kak-sredstvo-vyrazheniya-emotivnosti> [Accessed 14 March 2024] (in Russian).

13. Borisova DA. Parenthesis as an expressive way of forming precedent meanings. *LUNN Bulletin*, 2012;20:11-21 (in Russian).

14. Kopnina GA. Parcellation. In: Skovorodnikov AP. (ed.). 2nd ed. Reference dictionary book: effective speech communication (basic competences). Siberian Federal University, 2014:427-428 (in Russian).

15. Galkina NP. Parcellation as a tool of influence in publicistics. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2022;1(164). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/partsellyatsiya-kak-instrument-vozdeystviya-v-publitsistike> [Accessed 21 September 2024] (in Russian).

СУЛТАНОВА Эльвира Азатовна – магистрант, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»; учитель русского и английского языков МБОУ «Большеатнинская средняя общеобразовательная школа» Атинского муниципального района Республики Татарстан.

E-mail: ilka9@mail.ru

Elvira A. SULTANOVA – Master's student of the Kazan (Volga Region) Federal University, teacher of Russian and English languages of Municipal budgetary general education institution "Bolsheatninskaya secondary school" of the Atninsky municipal district, the Republic of Tatarstan.



К 90-летию Олега Дмитриевича Якимова

О. Г. Сидоров

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ ilin_s@mail.ru



19 ноября 2024 г. исполнилось бы 90 лет Олегу Дмитриевичу Якимову (19.11.1934–14.06.2019), доктору исторических наук, профессору, основателю высшего журналистского образования в Якутии, крупнейшему исследователю истории журналистики и системы массмедиа Якутии и Восточной Сибири, педагогу, журналисту, редактору, общественному деятелю, академику Международной академии информатизации, почетному работнику высшего образования Российской Федерации.

О. Д. Якимов родился 19 ноября 1934 г. в г. Якутске. Когда ему было 4 года, семья переехала в село Мухтуя. Первые школьные годы совпали с военным временем. К началу Великой Отечественной войны Олегу Дмитриевичу было всего 6 лет. Ему, как и всем его сверстникам, пришлось пройти через эти тревожные и тяжелые годы лишения и невзгод, включиться с детских лет во взрослую жизнь, помогать взрослым. В 1946 г. 12-летний

Олег был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В юношеские годы он стал сотрудничать с местным радио Ленского района, а после окончания 9 класса уже трудился корреспондентом в районной газете. Возможно, именно в эти годы, обучаясь в школе, он принял решение стать журналистом и не отступал от своего выбора. В 1952 г. окончил Мухтуйскую среднюю школу (ныне школа № 1 г. Ленска) и поступил на филологическое отделение историко-филологического факультета Иркутского государственного университета, тогда же начал сотрудничать с областной «Молодежкой».

После окончания университета в 1957 г. начинает работать корреспондентом, заведующим отделом, редактором районной газеты «Социалистический труд» («Ленский коммунист») Ленского района, позже его пригласили на работу заведующим отделом газеты «Социалистическая Якутия». С 1970 г. по 1991 г. (с перерывом в 1978–1980 гг. во время обучения в Академии общественных наук ЦК КПСС) работал главным редактором газеты «Социалистическая Якутия». В общей сложности в журналистике проработал 32 года, из них 19 лет — главным редактором «Социалистической Якутии». Основными темами его публикаций были общественно-политическая жизнь, экономика

и промышленность. О. Д. Якимов 16 лет возглавлял Союз журналистов Якутии (был председателем, зам. председателя), избирался членом правления Союза журналистов СССР, выезжал за рубеж в качестве главы официальных делегаций журналистов СССР.

В 1980 г. защитил в г. Москве диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Пути повышения эффективности интернационального воспитания трудящихся средствами печати в период развитого социализма : (на опыте газ. зоны стр-ва Байкало-Амурской магистрали 1974–1980 гг.)», а в 1990 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Формирование системы многонациональной печати автономных государственных образований и ее развитие в условиях обновления Советской Федерации: (на материалах печати Сибири и Дальнего Востока 1917–1990 гг.)».

В 1982 г. по его инициативе и благодаря его усилиям открылась специализация «Журналистика» на историко-филологическом факультете ЯГУ, что положило начало подготовке в Якутии профессиональных журналистских кадров, в том числе для СМИ на якутском языке и языках малочисленных народов Севера. Программа обучения являлась в те годы приоритетной в СССР, применявшиеся методики подготовки журналистов использовались в университетах автономных республик России. Первый выпуск состоялся в 1985 г., а в 1987 г. в дипломах выпускников появилось название специальности «Журналист». За десять лет было подготовлено более 80 журналистов для редакций газет, журналов, радио и телевидения. Специализация была преобразована в 1992 г. в специальность с открытием выпускающей кафедры. Олег Дмитриевич бессменно с 1992 по 2012 гг. работал заведующим кафедрой журналистики, открыл магистратуру «Периодическая печать». Кафедра журналистики за эти годы установила научные и образовательные связи с факультетами журналистики Московского, Санкт-Петербургского, Воронежского, Омского, Дальневосточного, Иркутского, Ростовского и других университетов страны, а также с университетами Казахстана, Кыргызстана и других зарубежных стран. Олег Дмитриевич с 2012 г. и до последних дней жизни работал профессором кафедры журналистики, руководителем магистратуры по профилю «Периодическая печать», руководителем аспирантуры по направлению 42.06.01 «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело», научно-образовательного центра «Медиасистема полиэтнического региона в условиях глобализации».

Олег Дмитриевич, прошедший все ступени роста в своей журналистской и редакторской карьере, как никто хорошо понимал необходимость обучения местных кадров журналистики в Якутском государственном университете. Он во многом был первым, например, в изучении истории печати Якутии, а также в комплексном исследовании массмедиа Восточной Сибири и современного состояния и мониторинга «самочувствия» республиканских и районных СМИ, журналистских коллективов.

Олег Дмитриевич вложил все свои силы и знания в создание и развитие высшего журналистского образования в нашей республике. Вся его жизнь и деятельность во имя журналистики – это огромный подвижнический труд, который стал смыслом жизни Олега Дмитриевича Якимова. Он скрупулезно изучал историю печатного слова на якутской земле и во всей Восточной Сибири, стараясь не упустить ни одной мало-мальски значимой детали и выстраивая свою концепцию. О. Д. Якимов в последних своих статьях проанализировал трансформацию медиасистемы Якутии в условиях глобализации, им были исследованы роль региональных средств массовой информации в осмыслении современных тенденций в культуре этносов, в расширении межнациональных связей и укреплении этнической толерантности, изменениях в соотношении новых и традиционных медиа. Он является автором концепции исследования места и роли этнических СМИ в общей картине медиасистемы полиэтнического региона.

Одним из самых важных моментов его научной деятельности является то, что он впервые в полном объеме исследовал и описал возникновение общественно-

политических газет и журналов на русском и якутском языках, сравнивая этот процесс с появлением печатного слова у народов Сибири и Северной Америки. Огромное место в исследовательской деятельности О. Д. Якимова занимало воссоздание роли местной интеллигенции в зарождении печати. Речь идет о таких выдающихся личностях, как В. В. Никифоров–Кюлюмнюр, Н. Е. Афанасьев, Е. М. Егасов, П. А. Афанасьев, Р. И. Оросин, А. И. Софронов–Алампа, А. П. Рязанский и др.

Высокую оценку специалистов получили фундаментальные исследования «Очерки истории печати Якутии. Вып. 1: От формирования предпосылок для возникновения печати до Февраля 1917 года», «Очерки истории печати Якутии. Вып. 2: От февраля 1917 года до краха КПСС», «Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока. От возникновения до наших дней», «Печать Якутии на весах времени» и др. Книги, учебные пособия, написанные профессором О. Д. Якимовым, используются в обучении студентов университетов России и зарубежья. Содержащиеся в них идеи развиты в его докладах на научных конференциях в России, а также в США, Англии, Германии, Корее, Кубе, Монголии, Польше, Чехословакии.

Первым из современных историков он исследовал жизнь и деятельность М. З. Винокурова, выдающегося библиофила и библиографа, ученого-исследователя Русской Америки, эмигрировавшего из России и работавшего в Библиотеке Конгресса США. В 1985 г. он издал книгу «Человек из небытия» о М. З. Винокурове. Таким образом, О. Д. Якимов внес свою лепту в возвращение имен незаслуженно забытых и репрессированных якутян. Существенный вклад он внес и в исследование истории и роли православной церкви в развитии письменности и печати в Якутии, изучение деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова), просветителя Сибири и Северной Америки. Им были изданы дневниковые записи «Журналы священника Иоанна Вениаминова».

Тематика исследований О. Д. Якимова была обширной. Помимо перечисленных работ, пионерными являются его работы, посвященные «Воспоминаниям» Н. Е. Афанасьева, а также роли губернатора И. И. Крафта в формировании общественного настроения в г. Якутске, национальной прессе и этнокультуре, публицистике П. А. Ойунского и М. К. Аммосова, становлению прессы на языках коренных народов Севера и др.

Он стремился воссоздать единую историю развития и трансформации системы печати Восточной Сибири и Дальнего Востока. Вторая часть монографии «Периодическая печать Восточной Сибири и ее трансформации», ставшая его последней научной работой, которую он закончил осенью 2018-го, увидела свет после его кончины, в конце 2020 г. Первая часть монографии увидела свет в 2014 г. Этот фундаментальный труд в двух частях охватывает период со второй половины XIX в. по первое десятилетие XXI в. Его можно назвать энциклопедическим исследованием, посвященным истории печати всех регионов Восточной Сибири. В работе анализируется формирование не только предпосылок возникновения и становления печати, но и всей духовной жизни огромного географического и цивилизационного пространства – Восточной Сибири. Ценность книги еще и в том, что в ней воссоздается целостная картина развития печати на национальных языках. Автор, основываясь на изучении всех аспектов функционирования печати, подчеркивает в завершающей части книги существенную мысль: *«...Сегодня важно, чтобы в Российской Федерации каждая нация и народность, какой бы малочисленной она ни была, имела периодические издания на родном языке».*

О. Д. Якимов – автор 14 книг по проблемам журналистики Якутии, Сибири и Дальнего Востока, 137 научных работ, более 20 из которых опубликованы за рубежом.

В последний свой год он работал над сборником документов по истории печати и журналистики СССР, Восточной Сибири и Якутии. То, что совершил профессор О. Д. Якимов в течение всей своей научной, творческой, организационной и учебно-методической деятельности, сложно описать в короткой статье. Память о нем жива.

С нами его труды, и ими будут пользоваться и учиться на них будущие поколения журналистов и исследователей системы массмедиа.

Ему присуждены звания «Почетный работник высшего образования Российской Федерации», «Заслуженный работник культуры Якутской АССР», отличник печати Республики Саха (Якутия). Он удостоен звания лауреата республиканской премии «За вклад в развитие журналистики Якутии», орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», государственными наградами Монгольской народной республики, знаками «За заслуги перед российской журналистикой» и «Гражданская доблесть», именной международной золотой медалью «За выдающийся вклад в мировой гуманизм», почетными знаками «Ветеран профессионального образования РС (Я)», «За заслуги в области науки», Почетной грамотой Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). Четыре раза избирался депутатом Верховного Совета Якутской АССР.

В день его 85-летия, 19 ноября 2019 г., была открыта мемориальная аудитория его имени в Главном учебном корпусе Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, в которой хранятся его личные вещи, часть архива, подаренные кафедре семьей Олега Дмитриевича. Эта аудитория имеет особое значение для высшего журналистского образования не только как память об Олеге Дмитриевиче Якимове, но и как символ продолжения его дела – изучения системы печати и массмедиа нашего региона и Восточной Сибири.

В год его 90-летия прошел вечер памяти в Доме печати, а также состоится научно-практическая конференция «Якимовские чтения».

Вся многогранная деятельность профессора О. Д. Якимова, отдавшего всю свою жизнь служению журналистике и прессе Якутии, университету и науке, сыгравшего исключительную роль в становлении и развитии кафедры журналистики и филологического факультета, никогда не изгладится из памяти многочисленных его учеников и последователей.

СИДОРОВ Олег Гаврильевич – к. филол. н., доц., зав. каф. журналистики филологического факультета ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: ilin_s@mail.ru

Oleg G. SIDOROV – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Journalism, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

To the 90th anniversary of Oleg Dmitrievich Yakimov

O. G. Sidorov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ ilin_s@mail.ru

Oleg Dmitrievich Yakimov (November 19, 1934 – June 14, 2019), Doctor of Historical Sciences and Professor, would have celebrated his 90th birthday on November 19, 2024. He was the founder of higher journalism education in Yakutia, a leading scholar of the history of journalism and mass media in Yakutia and Eastern Siberia, and a respected teacher, journalist, editor, public figure, academician of the International Informatization Academy, and Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.

O. D. Yakimov was born on 19 November 1934 in Yakutsk. When he was 4 years old, his family moved to the Mukhtuya village. The first school time with the wartime. His first school years coincided with wartime. Oleg Dmitrievich was only 6 years old by the beginning of the Great Patriotic War. Like all of his peers, he had to go through these difficult and stressful years of deprivation and hardship. He had to become a part of adult life and help adults since childhood. In 1946, Oleg was 12 years old and he was awarded by the medal “For Valorous Labour in the Great Patriotic War of 1941-1945”. His work with the local Lensk radio started in his teenage years. After graduating the 9th grade, he already worked as correspondent in the local newspaper. It was probably during these years, when he was studying at school, that he decided to become a journalist and did not deviate from his choice. In 1952 he graduated Mukhtuya secondary school (at present Lensk school No. 1) and entered to Philology Department of the Faculty of History and Philology at Irkutsk State University. At the same time, he started to cooperate with the regional “Molodezhka”.

In 1957 he graduated from the university and started working as a correspondent, head of department, editor of the newspaper “Socialist Labour” (“Lensky Communist”) published in the Lensky district. Later he was invited to work as head of department of the newspaper “Socialist Yakutia”. He was chief editor of the newspaper “Socialist Yakutia” from 1970 to 1991 (with a break in 1978-1980 while he was studying at the Academy of Social Sciences of the CPSU Central Committee). He worked in the journalism for a total of 32 years, including 19 years as chief editor of Socialist Yakutia. The main topics of his publications were social and political life, economy and industry. O. D. Yakimov was the head of the Union of Sakha Journalists for 16 years (he was Chairman and Deputy Chairman). In addition, he was a board member of the Soviet Union of Journalists and travelled abroad as the head of official journalist delegations of the USSR.

In 1980 he defended the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences in Moscow on the theme “Ways to increase the effectiveness of international education of workers by means of the press in the period of developed socialism: (on the experience of the Baikal-Amur Mainline construction in 1974-1980)”, and in 1990 – a dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences on the theme “Formation of the multinational press system of autonomous state organisations and development in the conditions of renewal of the Soviet Federation: (on the materials of the Siberian and Far East press of 1917-1990)”.

According to his initiatives and efforts the specialisation “Journalism” was opened at the Faculty of History and Philology of YSU in 1982. This marked the beginning of the training of professional journalistic specialists in Yakutia, including for the mass media in Yakut language and in other languages of the indigenous people of the North. The education programme was a priority in the USSR in at that period of time. The methods for training journalists were used in universities in the autonomous republics of Russia. The first graduation was in 1985. By 1987 the name of the speciality “Journalist” appeared in the graduates’ diplomas. Over 80

journalists were trained for the newspaper editorial offices, periodicals, radio and television in ten years. The specialisation was changed into a speciality in 1992 with the opening of the graduating department. Oleg Dmitrievich worked as Head of the Department of Journalism from 1992 to 2012 and opened the Master's programme "Periodical Press". Over the years the Department of Journalism has established scientific and educational ties with the faculties of journalism of Moscow, St. Petersburg, Voronezh, Omsk, Far East, Irkutsk, Rostov and other universities of the country, as well as with universities of Kazakhstan, Kyrgyzstan and other foreign countries. From 2012 until the last days of his life Oleg Dmitrievich worked as a professor of the Department of Journalism, head of the master's degree programme in the profile "Periodical Press", head of the postgraduate programme in the direction 42.06.01 "Mass Media and Information and Library Affairs" of the scientific and educational centre "Media System of the Polyethnic Region in the Conditions of Globalisation".

As a journalist and editor Oleg Dmitrievich understood better than anyone the necessity of training local journalism professionals at Yakutsk State University. He was the first in many respects, for instance, in studying the Yakut press history. Moreover, he initiated a comprehensive study of the mass media of Eastern Siberia. He studied the current state and monitoring of the 'well-being' of the republican and regional mass media and journalistic collectives.

Oleg Dmitrievich made all his efforts and knowledge in the creation and development of higher journalism education in our republic. All his life and activity in the name of journalism. This is a huge selfless labour, which has become the meaning of Oleg Dmitrievich Yakimov's life. He carefully studied the history of the printed word in Yakutia and in the whole of Eastern Siberia. He tried not to miss any significant detail and built own concept. In his recent articles, D. Yakimov presents an analysis of the transformation of the media system in Yakutia in the context of globalisation. He conducted research into the significance of regional mass media in understanding modern trends in ethnic culture, in expanding international relations and strengthening ethnic tolerance, as well as changes in the relationship between new and traditional media. He is the author of the research concept of the place and significance of ethnic media in the broad picture of the polyethnic region's media system.

One of the most important aspects of his scientific work is the fact that he was the first person who fully researched and described the origin of social and political newspapers and magazines in Russian and Yakut languages. He compared this process with the appearing of printed word among the peoples of Siberia and North America. The importance of the local intellectuals' in the development of the press was given by O.D. Yakimov. It is about prominent personalities including V. V. Nikiforov–Kyulyumnur, N. E. Afanasyev, E. M. Egasov, P. A. Afanasyev, R. I. Orosin, A. I. Sofronov–Alampa, A. P. Ryazansky and others.

The fundamental research "Sketches of the History of Yakutia Press. Vol.1: From the formation of preconditions for the emergence of the press to February 1917", "Sketches of the history of the press of Yakutia. Vol. 2: From February 1917 to the collapse of the Communist Party of the Soviet Union", "The Press of the National Regions of Siberia and the Far East. From the emergence to the present day", "Yakutia's press on the scales of time", etc. Books, textbooks and manuals written by Professor O. D. Yakimov are used in the education programme of university students in Russia and abroad. The ideas expressed in these works have been developed in his reports at the scientific conferences in Russia, as well as in the USA, England, Germany, Korea, Cuba, Mongolia, Poland, and Czechoslovakia.

He first researched the life and activities of M. Z. Vinokurov. M. Z. Vinokurov was a prominent bibliophile and bibliographer, a scholar of Russian America, who emigrated from Russia and worked at the Library of Congress. By 1985 he published a book "Man from nothingness" about M. Z. Vinokurov. Therefore, O. D. Yakimov contributed to the return of the undeservedly forgotten and repressed Sakha people's names. His research significantly advanced the understanding of the Orthodox Church's role in the development of writing and printing in Yakutia, notably through his study of St. Innocent (Veniaminov), an important educator

in Siberia and North America. The diary entries “Journals of Priest Ioann Veniaminov” were published.

The research topics of O. D. Yakimov were wide ranging. Besides the mentioned works, the pioneer papers are his works dedicated to the “Memories” of N. E. Afanasyev, as well as the significance of Governor I. I. Kraft in shaping the public mood in Yakutsk, the national press and ethno-culture, the journalism of P. A. Oyunsky and M. K. Ammosov, the formation of the press in the languages of the indigenous peoples of the North.

He tried to recreate a unified history of the development and transformation of the press system of Eastern Siberia and the Far East. The second part of the monograph “The Periodical Press of Eastern Siberia and its Transformations”, which was his last scientific work, which he completed in autumn 2018 was published after his death, at the end of 2020. The first part of the monograph was published in 2014. This fundamental work in two parts covers the period from the second half of the 19th century to the first decade of the 21st century. It can be called an encyclopaedic study dedicated to the history of the press of all regions of Eastern Siberia. The work analyses the formation of not only the preconditions for the origin and formation of the press, but also the entire spiritual life of a huge geographical and civilisational space – the Eastern Siberia. The value of the book is also in the fact that it presents a complete picture of the development of printing in national languages. Based on the study of all aspects of the functioning of the press, the author emphasises in the final part of the book an essential idea: “...Today it is important that in the Russian Federation every nation and nationality, however minor it may be, should have periodicals in its native language”.

O. D. Yakimov is the author of 14 books on the problems of journalism in Yakutia, Siberia and the Far East, 137 scientific articles, more than 20 of which have been published abroad.

In his last year, he worked on a collection of documents on press and journalism history of the USSR, Eastern Siberia and Yakutia. It is difficult to describe in a short article exactly what Professor O. D. Yakimov has accomplished throughout his scientific, creative, organisational, teaching and methodological activities. The memory of him is still with us. His works are kept with us, and the future generations of journalists and media academics will continue to use and learn lessons.

He was awarded the titles “Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation”, “Honoured Worker of Culture of the Yakut ASSR”, Excellent Pressman of the Republic of Sakha (Yakutia). He was awarded the title of laureate of the republican prize “For Contribution to the Development of Journalism in Yakutia”, the Orders of the Red Banner of Labour and the Badge of Honour, state awards of the Mongolian People’s Republic, the badges “For Merit to Russian Journalism” and “Civic Valour”, international gold medal “For Outstanding Contribution to World Humanism”, badges of honour “Veteran of Professional Education of the Republic of Sakha (Yakutia)”, “For Merit in Science”, Certificate of Honour of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia). He was voted in four times as a deputy of the Supreme Soviet of the Yakut ASSR.

On his 85th birthday, 19 November 2019, a memorial auditorium named after him was opened in the Main Building of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. It preserves his personal belongings and part of the archive gifted to the department by Oleg Dmitrievich’s family. This classroom has special significance for higher journalism education not only as a memory of Oleg Dmitrievich Yakimov, but also as a symbol of the continuing of his work. It is a study of the press and mass media system of our region and Eastern Siberia.

In the year of his 90th anniversary, a commemoration evening was held in the Press House, and the “Yakimov Readings” scientific and practical conference was organised.

The entire multifaceted activity of Professor O. D. Yakimov, dedicated his whole life to serving journalism and the press of Yakutia, the university and science. His unique part in the formation and development of the Department of Journalism and the Faculty of Philology will never be forgotten by his countless students and followers.

Протодяконов Василий Никитич (к 90-летию со дня рождения)

В. Б. Окорокова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ bokorsaisar@mail.ru



Василий Никитич Протодяконов (1934–2017) – заслуженный работник образования Республики Саха (Якутия), почетный работник профессионального образования Российской Федерации, лауреат Государственной премии Республики Саха (Якутия) имени П. А. Ойунского, обладатель знаков РС (Я) «Гражданская доблесть», «Учитель учителей», всю свою жизнь посвятил высшему образованию в республике, проработав преподавателем в Якутском государственном университете, затем в Северо-Восточном федеральном университете 55 лет. Он вырастил несколько поколений учителей якутского языка и литературы, писателей и ученых-специалистов в области якутской филологии и литературоведения.

Основными учебными дисциплинами Василия Никитича в университете были методика преподавания якутской литературы и история якутской литературной критики. Как методист

он читал лекции студентам и руководил их педагогической практикой в школах республики. Он выпустил методические пособия «Изучение произведений П. А. Ойунского в 8-м классе» (1982), «Якутские писатели (крылатые слова)» (В помощь учителям, студентам, 1994).

Дисциплину «История якутской литературной критики» в университете на протяжении 50 лет преподавал только Василий Никитич Протодяконов, он глубоко изучил сложные процессы и истоки нескончаемых споров, дискуссий, происходивших в истории якутской литературы и критики. Он начал интересоваться проблемами критики с 1950–1960-х гг., будучи студентом, затем молодым специалистом, вдохновленным историческими событиями своего времени – развенчанием «культа личности», наступлением «оттепели» в обществе и особенно Постановлением ЦК КПСС «О восстановлении исторической справедливости по отношению к незаконно репрессированным представителям якутского народа в 1920–1930-х гг.» (1962). Но 1970–1980-е гг. стали суровыми, тяжелыми для творческой и научной интеллигенции, когда партийный контроль и цензура были жесткими. И в этих условиях, когда искали проявления т. н. «национализма», В. Н. Протодяконову работать было сложно, он даже был на три года отстранен от преподавания истории критики, также не дали завершить его диссертационную работу по этой теме. Так он остался ученым без научной степени, работал в должности старшего преподавателя, затем доцента кафедры якутской литературы. Но он своими лекциями, интересными темами и своим неукротимым духом борьбы за правду пробуждал сознание якутской молодежи. Сегодня его благодарные ученики работают на разных руководящих должностях и с преклонением вспоминают своего Учителя. По истории якутской литературной критики он выпустил хрестоматию

«История якутской литературной критики (1917–1945 гг.)» (2017). Также систематизировал историю развития якутской литературной критики и установил ее периодизацию.

Василий Никитич называл в своих лекциях имена представителей творческой интеллигенции, незаслуженно преданных забвению, это критики – В. Леонтьев, С. Потапов, Г. Баишев–Алтан Сарын и др. Восстановление имен репрессированных писателей: К. О. Гаврилова–Тыа Уола, Г. В. Баишева–Алтан Сарына и др. – особая заслуга Василия Никитича. В 1998 г. составил и выпустил книгу «Баишев Г. В.–Алтан Сарын. Песнь девяти небес», снабдив ее вступительной статьей. Также написал статью к книге «Кузьма Осипович Гаврилов» (1993).

В. Н. Протодияконов своей основной задачей считал возвращение имен и произведений классиков якутской литературы и восстановление исторической справедливости по отношению к ним. Его девизом было: «Вперед – к Кулаковскому!», считая, что талант первых якутских писателей-основоположников не превзойден и современной якутской литературе стоит учиться у них и продолжать их традиции. Только тогда, считал он, литература не потеряет свой национальный дух. По творчеству А. Е. Кулаковского–Ексекюлэх Елексея, А. И. Софронова–Алампа, Н. Д. Неустроева, П. А. Ойунского им было написано несчетное количество статей. Выпустил в печати отдельной книгой поэму А. Е. Кулаковского «Сон шамана» (1994), написал статью об истории создания и издания поэмы, проанализировал критику по произведению и дал обширные комментарии к ней.

В. Н. Протодияконов был известным литературным критиком, в печати вышли его книги «Да возгорится пламенем огненным слово наш родное – творческое!!!», «Время – Литература – Национальные традиции» (2009) и посмертное издание «Есть такое дело – отстаивать правду (исследования, статьи, доклады)» (Составители Е. А. Архипова, Л. П. Григорьева, 2019). В своей критике В. Н. Протодияконов придерживался устойчивых принципов:

- восстановление исторической справедливости в оценке произведений классиков;
- возвращение имен и произведений репрессированных писателей;
- изучение и продолжение национальных традиций в литературе;
- объективная оценка литературных явлений и произведений современных якутских писателей;
- любовь к родному языку и народу в целом.

Как театральный критик В. Н. Протодияконов рецензировал постановки произведений таких писателей-классиков, как А. И. Софронов, Н. Д. Неустроев, П. А. Ойунский, Суорун Омоллон и др. на сцене Якутского академического театра им. П. А. Ойунского. Также выступил сценаристом постановки «Не исчезнет имя мое...» (1983), получившей признание далеко за пределами республики и начавшей новый период в истории якутского театра.

В. Н. Протодияконов был известен как всесторонне талантливый человек. Он был поэтом, мелодистом, художником и спортсменом. Выходили его сборники стихов: «Песни... Мысли...» (2004), «Гори любовь, не угасая!!!» (2009), написанные им мелодии на стихи Сизэн Чолбодука «Подснежники», Алампа «Песня саха» стали любимыми песнями якутского народа. Он в молодости становился чемпионом города по боксу. При этом Василий Никитич был удивительно скромным человеком.

С современных писателей также требовал бережного отношения к литературным традициям и языку, говоря: «Я радуюсь сочному, красивому языку наших молодых поэтов Умсууры и Сайа». Выражение В. Н. Протодияконова «Сила духа народа – в его мудрости, а мудрость – в его языке» стало крылатым словом, получившим широкое распространение среди творческой интеллигенции и студентов. Он преклонялся перед родным языком и созданной на нем якутской литературой, имеющей глубокие корни и великие традиции. Василий Никитич Протодияконов был нестигаемым Борцом за историческую Истину и великим Учителем родного народа. Его имя вписано в историю рядом с такими учителями-учеными, как великие Г. П. Башарин, М. С. Иванов–Багдаарын Сүлбэ, М. А. Алексеев и др.

Продолжается работа по увековечиванию имени и памяти В. Н. Протодяконова. Его ученики Е. А. Архипова, Л. П. Григорьева работали с архивом ученого, выпустили его книги. Была выпущена книга воспоминаний о нем – «Зажигающий сердца Учитель Василий Протодяконов» (2018). В 2024 г. ему был поставлен памятник на родине, в Таттинском улусе.

ОКОРОКОВА Варвара Борисовна – д. филол. н., профессор кафедры якутской литературы ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

E-mail: bokorsaisar@mail.ru

Varvara B. OKOROKOVA – Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Vasily Nikitich Protodyakonov (to 90th anniversary of the birth)

V. B. Okorokova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ bokorsaisar@mail.ru

Vasily Nikitich Protodyakonov (1934-2017) – was an Honored Worker of Education of the Republic of Sakha (Yakutia), Honorary Worker of Professional Education of the Russian Federation, laureate of the State Prize of the Republic of Sakha (Yakutia) named after P. A. Oyunsky. He was also awarded the Republic of Sakha (Yakutia) medals “Civil Valour” and “Teacher of Teachers”. Protodyakonov dedicated his life to higher education in the Republic of Sakha, serving for 55 years as a faculty member at Yakutsk State University and subsequently at the North-Eastern Federal University. During his tenure, he mentored numerous scholars, teachers, and writers specializing in Yakut language and literature.

The main academic disciplines of Vasily Nikitich at the university were the teaching methodology of Yakut literature and the history of Yakut literary criticism. As a methodist, he lectured to students and was supervising their pedagogical practice in the schools of the Republic. He has published methodical manuals “Study of P. A. Oyunsky’s works in the 8th grade” (1982), “Yakut writers (winged words)” (In the Help for teachers, students, 1994).

The discipline “History of Yakut literary criticism” was taught at the university for 50 years only by Vasily Nikitich Protodyakonov. He studied in details the complex processes and origins of endless disputes and discussions in the history of Yakut literature and criticism. As a student in the 1950s and 1960s, then as a young specialist, he became interested in the problems of criticism and was inspired by the historical events of his time: the debunking of the “personality cult”, the onset of the Thaw Period in society, and especially by the Resolution of the CPSU Central Committee “On the restoration of justice in relation to repressed Yakutians during 1920s-1930s” (1962). But 1970s and 1980s were tough years for the creative and scientific intellectuals, when party control and censorship appeared to be harsh. Under these circumstances, when ‘nationalism’ was suspected, it was difficult to work for V. N. Protodyakonov. He was even suspended from teaching the History of Criticism for three years, and his dissertation on this subject was not allowed to be completed. Therefore, he remained a scientist without a scientific degree, working as a senior lecturer, then as an associate professor of the Department of Yakut Literature. Nevertheless, he awakened the consciousness of Yakut youth with his lectures, interesting topics and his irrepressible spirit of struggle for truth. Today, his grateful students work in various leadership positions and remember their Teacher with adoration. He published a textbook on the history of Yakut literary criticism titled “History of Yakut literary criticism (1917-1945)” (2017). Moreover, he systematised the history of the development of Yakut literary criticism and established its periodisation.

Vasily Nikitich mentioned in his lectures the names of representatives of the creative community, undeservedly forgotten: critics V. Leontiev, S. Potapov, G. Baishev–Altan Saryn and others. The restoration of the repressed writers’ names: K. O. Gavrilov–Tyia Uol, G. V. Baishev–Altan Saryn and others. This is a special merit of Vasily Nikitich. In 1998 he compiled and published the book “Baishev G. V.–Altan Saryn. The Song of the Nine Heavens”, providing it with an introductory article. In addition, he wrote the article for the book “Kuzma Osipovich Gavrilov” (1993).

V. N. Protodyakonov considered that his main task was to return the names and works of the Yakut literature classics and to restore historical justice to them. His motto was “Forward – to Kulakovsky”. He believed that the talent of the first Yakut founding writers

will never be surpassed. Modern Yakut literature needs to learn from them and continue the traditions. He believed that only then literature would not lose its national spirit. Protodyakonov wrote countless number of articles concerning the works of A. E. Kulakovsky–Oksokuleeh Oloksoy, A. I. Sofronov–Alampa, N. D. Neustroev, P. A. Oyunsky. He published a fascicle of A. E. Kulakovsky's poem "The Dream of the Shaman" (1994). He wrote an article on the history of the creation and publication of the poem, analysed the criticism of the work and gave extensive comments on it.

V. N. Protodyakonov was a prominent literary critic whose published works include "Let Our Native Word – Creative!", "Time – Literature – National Traditions" (2009), and the posthumously published "There is Such a Thing – To Defend the Truth: Research, Articles, Reports" (compiled by E. A. Arkhipova and L. P. Grigorieva, 2019). In own criticism V. N. Protodyakonov followed sustainable principles:

- restoration of historical justice in the assessment of the works of the classics;
- return of the names and works of repressed writers;
- study and continuation of national traditions in literature;
- objective assessment of literary phenomena and works of contemporary Yakut writers;
- love to the native language and the nation as whole.

He reviewed performances of works by classic writers including A. I. Sofronov, N. D. Neustroev, P. A. Oyunsky, Suorun Omollon and others on the stage of the P. A. Oyunsky Yakutsk Academic Theatre. He also created the screenplay "My Name Will Not Disappear..." (1983), which received wide acclaim beyond the republic and began a new period in the history of Yakut theatre.

V. N. Protodyakonov was known as a comprehensively talented person. He was a poet, melodist, artist and athlete. Collections of his poems were published: "Songs... Thoughts..." (2004), "Burn love, not fading away!!!" (2009), melodies written by him on the poems of Sien Cholbодук "Snowdrops", Alampa "Song of the Sakha" became favourite songs of the Yakut people. In his younger years, he was the town's boxing champion. At the same time Vasily Nikitich was a surprisingly modest man.

He also asked contemporary writers to be mindful about literary traditions and language. He said, "I am delighted by the beautiful and vivid language of our young poets Umsuura and Saya". The expression of V. N. Protodyakonov "The strength of the people's spirit is in their wisdom, and wisdom is in their language" became a winged word, widely spread among creative intellectuals and students. He admired of his native language and Yakut literature created based on the Yakut language. It has deep roots and great traditions. Vasily Nikitich Protodyakonov was indomitable fighter for historical Truth and great Teacher to the native people. His name is inscribed in history together with such teachers and scientists in history with the greats as G. P. Basharin, M. S. Ivanov–Bagdaryyn Syulbe, M. A. Alekseev and others.

Work is continuing to immortalise the name and memory of V. N. Protodyakonov. His students E. A. Arkhipova, L. P. Grigorieva worked with the scientist's archive and published his books. The book of reminiscences about him "The Teacher Vasily Protodyakonov Lighting Hearts" (2018) was published. In 2024, he was honoured with a monument in his homeland, Tattinsky ulus (district).

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

Том 21 № 4 2024

Редакторы

Н. В. Дмитриева, А. И. Олесова

Компьютерная верстка *В. А. Максимова*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 20.12.2024

Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Печ. л. 19,7. Уч.-изд. л. 24,6

Тираж 150 экз. Заказ .

Дата выхода в свет 20.12.2024

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58